

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX.

Т Р У Д Ы

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

К Н И Г А V.

В Ы П У С К ъ П Е Р В Ы Й.

Подъ редакціей Я. А. Попова.

Редактора Отдѣла.

57566

М О С К В А.

Въ типографіи О. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82.

1877.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ,

СОБРАННЫЕ

П. С. ЕФИМЕНКОМЪ,

д. чл. Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

ЧАСТЬ I.

ОПИСАНІЕ ВНѢШНЯГО И ВНУТРЕННЯГО БЫТА.

МОСКВА.

Въ типографіи О. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82.

1877.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ 1874 года П. С. Ефименко, нынѣ д. чл. Общества Любителей Естествознанія, проживавшій тогда въ Воронежѣ и уже извѣстный своимъ сочиненіемъ „О народныхъ юридическихъ обычаяхъ Архангельской губерніи,“ а равно и другими изслѣдованіями по Этнографіи того же края, прислалъ въ нашъ Отдѣлъ Сборникъ произведеній народнаго слова, записанныхъ на крайнемъ Сѣверѣ Европейской Россіи. Этотъ сборникъ составленъ былъ отчасти самимъ П. С. Ефименкомъ, отчасти мѣстными жителями, приступившими къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ по программамъ, разосланнымъ отъ Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Онъ заключалъ въ себѣ: нѣсколько старинъ, или былинъ, стихи нищей братіи, значительное число пѣсень,—вечериночныхъ, наулочныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, обрядовыхъ, игорныхъ, шуточныхъ и дѣтскихъ, около 600 заклинаній, наговоровъ и обереговъ, нѣсколько сказокъ, загадокъ и небольшіе сборники пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ, шутокъ и народныхъ изреченій. Тогда-же, по докладѣ Предсѣдателя о содержаніи означеннаго Сборника, рѣшено было благодарить П. С. Ефименка за присланные имъ матеріалы, просить о дальнѣйшемъ сообщеніи таковыхъ и пригласить членовъ Отдѣла, специально занимающихся изученіемъ народныхъ пѣсень, былинъ, сказокъ, пословицъ, заговоровъ и т. д., къ систематической обработкѣ вышеназванныхъ матеріаловъ *). Отдѣлку ихъ принялъ на себя д. чл. Общества Н. Д. Квашининъ-Самаринъ **).

Между тѣмъ П. С. Ефименко успѣлъ выслать новыя матеріалы для этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, могущіе служить пособіемъ преимущественно при описаніи внѣшняго и внутренняго быта означеннаго населенія. Матеріалы эти были слѣдующіе:

1. Планы крестьянскихъ жилищъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, съ краткимъ описаніемъ ихъ (составилъ становой приставъ *Шадринъ*).
2. Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда (волостнаго писаря П. А. Иванова).
3. Одежда Пинежскихъ крестьянъ (его же).
4. Пища Пинежскихъ крестьянъ (его же).
5. О религіозномъ состояніи Пинежскихъ крестьянъ (его же).
6. Расколъ въ Пинежскомъ уѣздѣ (его же).
7. Вѣрованіе Пинежскихъ крестьянъ (его же).

*) См. Труды Этногр. Отд. кн. III. Вып. 1, стр. 98—100.

**) Тамъ-же; кн. IV, стр. 1, б. Срв. 2 выпускъ сего изданія, гдѣ помѣщена статья г. Квашинина-Самарина о значеніи былинъ, вошедшихъ въ составъ сборника.

8. Вѣрованія крестьянъ Шенкурскаго уѣзда (миссіонера—священника *І. Павловскаго*).
9. Примѣты Холмогорскихъ крестьянъ (смотрителя Холмогорскаго Уѣзднаго Училища *Базилевскаго*).
10. Примѣты, гаданія и суевѣрія жителей Архангельской губерніи (учителя Холмогорскаго приходскаго училища *Елизарова*).
11. Обряды, обычаи и игры Пинежскихъ крестьянъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).
12. Хороводныя пѣсни мѣщанъ г. Онеги (бывшаго студента *Фризе*).
13. О народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи (врача *Липницкаго*).
14. Простонародная медицина Шенкурскаго уѣзда (фельдшера *Костылева*).
15. Крестьянскій цвѣтникъ или травникъ (доставилъ бывший студентъ *Тышинскій*).
16. Нарѣчіе Пинежанъ (волостнаго писаря *Иванова*).
17. Нарѣчіе крестьянъ Шенкурскаго уѣзда (чиновника удѣльнаго вѣдомства *Густановскаго*).
18. Словарь Шенкурскихъ провинціализмовъ (фельдшера *Костылева*).
19. Дополнительные замѣтки къ этнографическимъ свѣдѣніямъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).
20. Этнографическія свѣдѣнія о населеніи Зимняго Берега Архангельскаго уѣзда (священ. *Розанова*).
21. Этнографическія свѣдѣнія, собранныя въ удѣльныхъ имѣніяхъ Шенкурскаго уѣзда чрезъ удѣльные приказы.
22. Этнографическія свѣдѣнія о Тулгасскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда (свящ. *Макарова*).
23. Этнографическія свѣдѣнія изъ села Усть-Пуй Шенкурскаго уѣзда (свящ. *Меводіева*).
24. Этнографическое описаніе Сумскаго посада Кемскаго уѣзда (чиновника *Шешенина*).
25. Курейско-Сергіевскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи (священника *Гаратина*).
26. Пингишенскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи (свящ. *Колчина*).
27. Описаніе Куростровскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *Васильева*).
28. Описаніе Хаврогорскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *П. Павловскаго*).
29. Описаніе Челмохотскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *Глыбовскаго*).
30. Описаніе Лисестровскаго прихода Архангельскаго уѣзда (свящ. *Федорова*).
31. Описаніе Кѣхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда (свящ. *Вазрамлеву*).
32. Описаніе Нижозерскаго прихода Онежскаго уѣзда (свящ. *Дьячкова*).
33. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).
34. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ (на карточкахъ, Александры *Ефименки*).
35. Программа для этнографическаго описанія Русскаго населенія Архангельской губерніи и другіе матеріалы (*П. Ефименка*).

Всѣ эти матеріалы въ обработанномъ видѣ должны были войти въ предполагавшееся „описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ“; но оно не состоялось, частью по недостатку средствъ, частью по другимъ причинамъ, и этнографическіе матеріалы, для него предназначавшіеся, остались необработанными и неизданными *). Такъ какъ г. Ефименко желалъ видѣть *всѣ* матеріалы, присланные имъ въ Отдѣлъ, изданными въ цѣлой ихъ совокупности, то и рѣшено было напечатать сводъ свѣдѣній, какія можно было извлечь изъ этихъ матеріаловъ, по слѣдующимъ отдѣльнымъ статьямъ: а) общія

*) Тамъ же; кн. IV стр. 4—6.

свѣдѣнія о населеніи; б) внѣшняя обстановка, т. е. поселенія, жилища, хозяйственные постройки, утварь и посуда; в) одежда и обувь; г) пища и питье; д) свадебные обряды; е) обряды и игры въ теченіе года; ж) нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты; з) народное лѣченіе; и) свѣдѣнія о расколѣ, и всѣ эти статьи помѣстить въ первомъ выпускѣ Сборника; ко второму же выпуску отнести прежде полученные матеріалы, т. е. произведенія народной словесности и замѣтки о мѣстномъ нарѣччіи.

Впослѣдствіи г. Ефименко доставилъ еще 12 описаній свадебныхъ обрядовъ, которые и размѣщены были по соотвѣтственнымъ Отдѣламъ (см. главу 5).

Составить общее этнографическое описаніе русскаго населенія Архангельской губерніи по вышепомянутымъ матеріаламъ, собраніе которыхъ относилось къ 1864—1869 годамъ, не представлялось возможнымъ: ибо эти матеріалы касались не всей губерніи, а лишь нѣкоторыхъ уѣздовъ ея, иные же только нѣкоторыхъ селеній; не малая часть ихъ представляла свѣдѣнія отрывочныя и неполныя, а нѣкоторыми уже воспользовался П. С. Ефименко для своего изслѣдованія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Нельзя однакожь не замѣтить здѣсь, что всѣ свѣдѣнія, какія собраны были бывшимъ тогда волостнымъ писаремъ Пинежскаго уѣзда Прокофіемъ А. Ивановымъ, нынѣ бібліотекаремъ городской бібліотеки въ Архангельскѣ, отличались и замѣчательно въ сравненіи съ другими полнотою содержанія и яснымъ изложеніемъ. Другая система изданія печатаемыхъ здѣсь свѣдѣній не могла быть принята еще и потому, что весь редакціонный трудъ палъ на Предсѣдателя Отдѣла, и безъ того уже обремененнаго другими занятіями. Главная задача редакціи состояла въ томъ, чтобы не опустить ни единого, сколько нибудь важнаго въ этнографическомъ отношеніи свѣдѣнія, какое только можно было отыскать въ матеріалахъ, доставленныхъ П. С. Ефименкомъ. Вслѣдствіе этого въ каждой главѣ, описывающей какой либо отдѣльный предметъ, легко можно встрѣтить неизбѣжныя повторенія; ибо въ ней свѣдѣнія по одному и тому же вопросу напечатаны не въ общемъ изложеніи, а по порядку мѣстностей, изъ коихъ они доставлены. Такимъ образомъ настоящій выпускъ не представляетъ собою какого либо изслѣдованія по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, но только матеріалъ для онаго.

ГЛАВА I.

ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ О НАСЕЛЕНІИ.

Изъ какихъ мѣстъ получены свѣдѣнія? — Тулгасскій приходъ. — Село Уеть-Пуй. — Курейско-Сергіевскій приходъ. — Хаврогорскій приходъ. — Челмохотскій приходъ. — Къхотскій приходъ. — Лисестровскія селенія. — Поселки на Зимнеяъ Берегу. — Сумевій посадь. — Свѣдѣнія топографическія и историческія объ этихъ мѣстностяхъ. — Пинежскій уездъ. — Физическія свойства русскаго населенія поименованныхъ частей Архангельской губерніи.

Почти каждое описаніе какого либо села и приписанныхъ къ нему деревень, составленное мѣстнымъ священникомъ и вошедшее въ сборникъ свѣдѣній, доставленныхъ въ Общество Любителей Естествознанія П. С. Ефименкомъ, имѣетъ видъ исторической записки о приходѣ того или другаго села. Немногія однако-жь изъ этихъ описаній излагаютъ подробно свѣдѣнія, какихъ обыкновенно требуетъ программа такихъ записокъ. Особенно подробно описаны топографія и постепенное заселеніе Хаврогорскаго и Лисестровскаго приходоу. Другія описанія короче, и нѣкоторыя ограничиваются самыми краткими свѣдѣніями о количествѣ поселковъ въ приходѣ и о числѣ жителей въ нихъ. Подробнѣе всего обыкновенно говорится о приходскихъ церквахъ и ихъ исторіи, причеу нерѣдко приводятся въ копіи жалованныя грамоты, сохранившіяся въ этихъ церквахъ. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній мы выбираемъ здѣсь лишь тѣ, которыя прямо касаются какой-либо мѣстности и ея населенія, ограничиваясь въ историческомъ отношеніи наиболѣе важными извѣстіями *).

Эти топографическія свѣдѣнія касаются лишь тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ имѣется и самый этнографическій матеріалъ, сообщаемый въ слѣдующихъ главахъ.

Тулгасскій приходъ составляетъ частичку Архангельской губерніи, частицу Шенкурскаго уѣзда и часть Бургоминской волости. Онъ лежитъ по лѣвому берегу рѣки С. Двины и получилъ свое названіе отъ рѣчки,

*) Копіи съ жалованныхъ грамотъ, вмѣстѣ съ другими историческими матеріалами, касающимися Архангельской епархіи и присланными П. С. Ефименкомъ въ Общество Любителей Естествознанія, переданы, согласно его желанію, въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ.

среди его протекающей, берущей начало изъ болотъ и озеръ Тулгаса, прежде Тугала. О началѣ и населеніи этого прихода письменныхъ документовъ не имѣется, что видно изъ памятной книги, находившейся въ Тулгасской церкви, а нѣкоторые изъ старожиловъ повѣствуютъ: «яко бы они слышали отъ своихъ предковъ, что прежде сего въ селѣ приходѣ на горѣ, отъ нынѣ построенныхъ церквей въ полуверстѣ, былъ монастырь, жили въ немъ старцы и была церковь во имя Св. Живоначальной Троицы». По почему и какъ монастырь тотъ рушился, также и церковь Троицкая, о томъ ничего неизвѣстно. Надобно думать, что сей приходъ началъ не такъ давно и населенъ жителями, которые пришли сюда изъ разныхъ мѣстъ. По господствующимъ фамиліямъ Тулгасскихъ жителей надобно предполагать, что они произошли не отъ Чуди, а отъ Новгородцевъ. Господствующія фамиліи слѣдующія: Гагарины, Кутейниковы, Степановскіе, Кляккины, Равитины, Скорняковы и Воетряковы.

Весь Тулгасскій приходъ раздѣляется на двѣ части: верхній и нижній концы, отдѣленные одинъ отъ другаго рѣчкою Тулгасомъ. Верхнимъ концемъ называются у жителей два села: Большое Копеваловское (по уличному Гагаришица) и Малое Копеваловское или Козминское (Борь), и деревня Дмитріевская (Глѣденово); нижнимъ же остальные четыре села: Степановское (городъ Ланско), Карповское (Транчиха), Нероновское и Булаповское, и три деревни: Масловская, Труфановская и Сыеовская (Степаныха). Первое село и послѣдняя деревня получили свои уличные названія отъ фамиліи ихъ жителей—въ первомъ живутъ исключительно Гагарины, а въ послѣдней Степановскіе. О причинахъ уличныхъ названій осталь-

ныхъ сѣль и деревень преданіе ничего не говоритъ. Отчего протекающая чрезъ Туласскій приходъ рѣчка Тулгась, прежде Тунгалъ, имѣла и получила свое названіе, также неизвѣстно. Въ окрестностяхъ этого прихода кургановъ, городищъ и другихъ урочищъ нѣтъ и вѣроятно не было потому, что народъ не имѣетъ никакого преданія о нихъ.

Церквей въ Туласскомъ приходѣ двѣ одноэтажныхъ: теплая во имя Св. Священномученика Климента папы Римскаго (25 Ноября), а холодная во имя священномученика Власія епископа Севастійскаго (11 Февраля); одна колокольная и двѣ часовни. Всѣ означенныя зданія деревянныя. Церковь во имя Священномученика Климента, какъ записано въ памятной книгѣ: «построена въ 1780 году иждивеніемъ и радніемъ мѣстныхъ крестьянъ, на мѣсто сгорѣвшей въ 1778 году, и освящена, по благословенію Преосвященнаго Веніамина епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, благочиннымъ Кургоминскаго прихода священникомъ Феодоромъ Кутейниковымъ 1780 года Ноября въ 26 день».

Церковь во имя Свящ. Власія, какъ написано въ той же памятной книгѣ: «построена въ 1795 году, на мѣсто сгорѣвшей въ 1778 году, по указу и благословенію преосвященнаго Веніамина, и освящена того же 1795 года Іюля 6 дня. Антимисіе на полотнѣ подписанъ преосвященнымъ Іоасафомъ 1762 года Индикта 1-го, мѣсяца Декабря въ 18 день».

Часовни отстоятъ отъ церквей: одна въ 4 верстахъ, другая въ 2-хъ. Первая—Происхожденіе честныхъ древъ «построена въ 1702 г., во время путешествія блаженныя памяти Государа Императора Петра 1-го по Двинѣ рѣкѣ и въ Архангельскѣ, за песною погодую остановившагося подъ тою горою съ своими судами, гдѣ стоитъ часовня. Самимъ Императоромъ сдѣланъ крестъ и срублена вмѣстѣ съ боярами, при немъ бывшими, сія часовня, почему и теперь называется она царевою». Вторая, отстоящая въ 2-хъ верстахъ, во имя Фрола и Лавра, построена недавно иждивеніемъ прихожанъ.

Село Усть-Пуя находится въ Шенкурскомъ уѣздѣ и отстоитъ на юго-западъ въ 50 верстахъ, отъ уѣзднаго города Шенкурска. Названіе свое оно получило отъ того, что большинство деревень этого населенія сосредоточено болѣе или менѣе около устья такъ называемой рѣчки Пуи, составляющей притокъ рѣки Ваги.

Когда и кѣмъ основана Усть-Пуя, положительно неизвѣстно. По письменнымъ документамъ, хранящимся въ церковной библиотекѣ упоминаемаго селенія, можно полагать однако-жъ, что существованіе его очень давнее. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Варлаама Важскаго, жившаго въ среднѣи XV столѣтія, сему преподобному приписывается построеніе, по народному преданію, первой церкви сего селенія во имя Рожде-

ства Пресвятыя Богородицы. Принимая при этомъ во вниманіе, что означенный храмъ не могъ быть построенъ, если бы въ то время не было здѣсь жителей и притомъ христіанъ; за очень вѣроятное можно полагать, что начало существованія Усть-пуйскаго селенія восходитъ къ концу XIV или началу XV столѣтій. Нерусскія названія рѣкъ и деревень и темное народное преданіе свидѣтельствуютъ, что около здѣшней мѣстности первоначально обиталъ народъ не русскаго происхожденія. Вѣроятно это былъ какой-либо народъ Финскаго племени, которое мало по малу оттѣснено было Славянами за Волгу, Онежское озеро и другія мѣста нынѣшней Европейской Сѣверо-восточной Россіи. А какъ Заволочье, въ составъ котораго входила значительная часть Архангельской губерніи, въ томъ числѣ и пространство Шенкурскаго уѣзда, въ XV вѣкѣ принадлежало Новгородскимъ посадникамъ, то очень могло быть, что Новгородскіе выходцы, переселялись сюда для промысловъ, смѣшались съ коренными здѣшними жителями, при чемъ преобладающее вліяніе Новгородцевъ, и особенно христіанства, много послужило къ сближенію двухъ разноплеменныхъ народовъ.

Село Усть-Пуя раздѣляется на 11 деревень, названія коихъ слѣдующія: Болкачевская, Палычинская, Рудинская, Пушевская, Митинская, Власовская, Садилковская-Порожская, Перегородская, Бѣлавинская, Аксеновская и Барановская. Почему онѣ такъ называются—совершенно неизвѣстно. Только о Садилковской деревнѣ достовѣрно извѣстно, что прибавочное названіе Порожская произошло отъ того, что протекающая близъ той деревни рѣчка Вага у одного берега течетъ порогомъ. Нѣкоторыя изъ показанныхъ деревень, кромѣ помянутыхъ названій, на языкѣ здѣшняго народа имѣютъ еще свои особенныя названія: напримѣръ, деревня Митинская, неизвѣстно почему, почти всегда называется Дубининой, Перегородская—Пустою, вѣроятно по малочисленности дворовъ и жителей, Бѣлавинская—Мухиной, Аксеновская—Бокинской и Барановская—Сѣдухиной.

Въ Усть-Пуѣ находятся двѣ приходскихъ церкви: одна во имя Рождества Пресвятой Богородицы, другая Рождества Христова, съ придѣлами во имя святыхъ: Священномученика Власія и Преподобнаго Варлаама Важскаго. Въ рукописномъ житіи послѣдняго говорится, что онъ въ числѣ прочихъ храмовъ, «созда храмъ во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго ея Рождества, яже есть Усть-Пуи рѣчки именуемой». Немного далѣе этого говорится, что Преподобный всѣ построенныя его иждивеніемъ храмы, слѣдовательно и храмъ Пресвятыя Богородицы, «святыми иконами и книгами и свѣщами и кандилами устрои и украси».

Долго ли существовалъ созданный Преподобнымъ Варлаамомъ храмъ, достовѣрно неизвѣстно. На деревянномъ крестѣ, хранящемся въ церкви и по настоящее время,

есть надпись, въ которой говорится уже о вновь построенномъ храмѣ Рождества Богородицы, что онъ освященъ въ лѣто 7112 (1604) по благословенію святѣйшаго патріарха Іова Московскаго и всея Руси, при преосвященномъ митрополитѣ Исидорѣ великаго Новаграда и Великихъ Лукъ. Хотя достоверно ли откуда неизвѣстно, который былъ по числу вновь освященный храмъ, однако-жь съ довольною вѣроятностію можно утверждать, что онъ явился на мѣсто построеннаго Преподобнымъ Варлаамомъ. По свидѣтельству неизвѣстнаго писателя житія преподобнаго Варлаама, этотъ преподобный построилъ означенный храмъ еще до поступленія своего въ монашество, въ которомъ подвизался шесть лѣтъ, и скончался въ лѣто 6977 (1469). Слѣдовательно со времени кончины преподобнаго отца и до 1604 года, въ которомъ освященъ новопостроенный храмъ, протекло времени 135 лѣтъ. Тотъ же писатель въ предисловіи къ упомянутому житію говоритъ о себѣ; что онъ не самовидецъ, но пишетъ лишь то, что слышалъ отъ иноковъ обители преподобнаго, которые также не самовидцы, но сказали ему только слышанное отъ предшественниковъ *). Изъ этого можно видѣть, что писатель житія преподобнаго Варлаама жилъ много спустя послѣ его смерти, по крайней мѣрѣ если не болѣе, то никакъ не менѣе полустолѣтія. А этотъ же писатель въ своемъ житіи опять свидѣтельствуемъ, что построенные Варлаамомъ храмы «стоятъ и донинѣ утвержены», то-есть находятся въ хорошемъ состояніи.

Теперь, если и построенный Варлаамомъ первый храмъ Рождества Богородицы, просуществовавъ слишкомъ 50 лѣтъ, находился еще въ хорошемъ состояніи,—очень естественно, что въ подобномъ же положеніи онъ могъ просуществовать такое же количество лѣтъ, если даже не болѣе, слѣдовательно могъ достоять до первыхъ лѣтъ XVII вѣка.

Въ 1719 году церковь Рождества Богородицы, по ветхости и потому, что до того времени стояла на осыпистомъ берегу рѣки Ваги, перенесена была нѣсколько далѣе отъ той рѣки на болѣе возвышенное и твердое мѣсто, и вновь построена, и въ слѣдующемъ году, по благословенію архіепископа Холмогорскаго и Важскаго Варнавы, освящена.

Въ 1794 и 1795 годахъ, съ разрѣшенія преосвященнаго Веніамина, епископа Архангельскаго и Олонецкаго, вмѣсто освященной въ 1720 году, но пришедшей въ ветхость Рождественско-Богородицкой церкви, иждивеніемъ

*) Въ подлинникѣ это же самое передается такъ: „пишу же не самовидецъ бывъ азъ таковымъ (житія и подвиговъ Варлаама), но еже слышахъ отъ инокъ святаго обителя отъ оставшихъ достоверныхъ свидѣтелей блаженнаго кои, они не самовидцы же, но отъ прежнихъ отецъ слышавше мнѣ повѣдаше. (Въ концѣ 1 гл. Жит.).

мірскаго общества, съ помощію добротныхъ поданій и части церковной суммы, построена новая церковь во имя того же праздника. Въ разные годы послѣ этого до 1856 года церковь подвергается была различнымъ внутреннимъ и внешнимъ переменамъ.

Когда и кѣмъ первоначально построена въ Усть-Пуѣ другая церковь Рождества Христова, о томъ ничего неизвѣстно ни изъ устныхъ народныхъ преданій, ни изъ письменныхъ свидѣтельствъ. Въ первый разъ объ ней упоминается въ такъ называемыхъ выпискахъ изъ дзорныхъ книгъ и изъ сотныхъ грамотъ древнихъ вѣковъ. Особенно же изъ одной выписки *) изъ таковыхъ грамотъ видно, что храмъ Рождества Христова существовалъ еще до 1619 года. Основываясь на томъ, что въ предыдущей выпискѣ, раньше того времени писанной, такого же почти содержанія, кромѣ того, что въ ней не упоминается о бобыляхъ и пошъ и дьячегъ наименованы иначе; основываясь на томъ, что въ этой же выпискѣ говорится только о храмѣ Рождества Богородицы, а о храмѣ Рождества Христова не упоминается, можно предполагать, что послѣдній началъ существовать или съ послѣднихъ годовъ XVI или въ началѣ XVII столѣтія. По словамъ одной изъ послѣдующихъ сотныхъ грамотъ **) можно также предполагать, что церковь Рождества Христова первоначально построена была преимущественно иждивеніемъ мѣстныхъ жителей тогдашняго времени. Долго ли стояла эта первоначально построенная церковь, по немѣнѣю никакихъ на то историческихъ данныхъ, опредѣлить трудно. По крайней мѣрѣ, судя по прочности лѣсовъ тогдашняго времени, можно думать, что она была въ состояніи просуществовать около столѣтія.

Въ 1712 году теплая Христорождественская церковь отъ зарону сгорѣла со всѣми своими принадлежностями. Въ 1731 году, по грамотѣ преосвященнаго Варнавы, вмѣсто сгорѣвшей, выстроена новая церковь и освящена съ разрѣшенія архіепископа Германа. 1769 года, съ разрѣшенія преосвященнаго Іоасафа, вмѣсто ветхой церкви, построенной въ 1731 году, по словамъ памятной церковной книги на мірское иждивеніе и сборъ христорождественскаго поданія, построена новая церковь Рождества Христова, въ коей въ рядъ съ престоломъ храмоваго

*) Вотъ что говорится въ этой выпискѣ изъ сотной древнихъ вѣковъ: „На усть рѣки Пуи погостъ, а на погостѣ два храма: храмъ Рождества Христова, другой храмъ Рождества Богородицы деревянные (в) пошъ Иванъ Ильинъ (в) церковный дьячекъ Иванъ Михайловъ (в) просвирица... на погостѣ же безпамятные бобыля. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе бобылей и пустыхъ дворовъ, а затѣмъ говорится: и тѣ дворы пожгли и людей побили литовскіе люди во 7127, по Р. Хр. 1619 году“.

**) Тамъ говорится: „на усть рѣки Пуи погостъ, и на погостѣ храмъ деревянъ вверхъ Рождество Христова, да другой храмъ деревянъ же кътцки Рождество Пресвятыя Богородицы, а вдержвахъ образа и книги и сосуды церковныя и колокола мірское строеніе“.

праздника по лѣвую сторону того устроенъ былъ придѣлъ во имя Преподобнаго Варлаама Важскаго.

Въ 1767 году вмѣсто ветхой часовни во имя священномученика Власія, неизвѣстно гдѣ стоявшей, согласно прошенію крестьянъ, первосвященнымъ Веніаминѣмъ дозволено было въ верху церкви Рождества Христова устроить предѣльный Храмъ священномученика Власія. А въ 1841 году, съ дозволенія епископа Георгія туда же перенесенъ былъ и придѣлъ во имя Преподобнаго Варлаама и поставленъ въ рядъ съ придѣломъ священномученика Власія, что производилось опять на счетъ мірскаго общества съ пособіемъ изъ церковной суммы.

Древнихъ рукописей и документовъ, изъ коихъ бы можно было съ достовѣрностію узнать о началѣ Курейско-Сергіевскаго прихода, Холмогорскаго уѣзда въ архивѣ церковномъ нѣтъ. — Изъ устныхъ преданій извѣстно, что мѣсто сіе издревле принадлежало Московской Сергіевской Лаврѣ, съ находящеюся на немъ деревянною во имя Преподобнаго Сергія церковію. Здѣсь жили иноки Лавры и собирали доходы отъ мірскихъ вотчинъ въ пользу ея. По отъѣздѣ же иноковъ въ Лавру (что послѣдовало надо полагать, въ 1765 году, по уничтоженіи монастырскихъ вотчинъ), подворье сіе обращено въ приходскую церковь, съ причисленіемъ отъ сосѣдняго Срѣтенскаго прихода ближайшихъ къ церкви 4-хъ деревень съ 40 дворами, въ коихъ жильцовъ было; крестьянъ 142 муж. 149 женскаго пола и посадскихъ 4 муж. 3 женскихъ души. Но какъ церковь сія приходила въ ветхость и назначалась къ упраздненію (разобрана въ 1818 году), то въ 1802 году указомъ консисторіи повелѣно соорудить новую церковь-каменную, и чтобы дать болѣе при сооруженіи сей церкви, отъ Курейско-Срѣтенскаго къ сему Сергіевскому приходу половинное число прихожанъ, такъ, чтобы при обѣихъ сихъ церквахъ было прихожанъ по равному числу».

Вслѣдствіе сего указа приписано еще семь деревень съ 85 дворами, въ коихъ было жителей 233 мужскаго 252 женскаго пола, и тогда всѣхъ прихожанъ при сей Сергіевской церкви стало числиться 379 мужскаго, 404 женскаго пола. Усердіемъ этихъ новыхъ прихожанъ, въ 1804 году, по благословенію Преосвященнаго Евлампія, начата строеніемъ настоящая каменная церковь съ деревянною надъ папертью колокольнею. И пожертвованіемъ 2,000 рублей ассигнаціями Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, на личную просьбу прихожанъ во время шествія Его изъ Холмогоръ въ Архангельскъ чрезъ село Курью въ 1819 году, она совсѣмъ достроена, украшена и освящена въ въ 1820 году. Въ память Царскихъ щедротъ сооружена прихожанами икона Божіей Матери съ Св. Вел. княземъ Александромъ Нев-

скимъ, въ кіотѣ и съ подписью (на иконѣ): «Положена сія икона въ церковь Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца въ блаженную память Государя Императора Александра А за пожертвованіе Имъ въ сію церковь на достройку и украшеніе... рубл.» Престоловъ въ церкви два въ холодной во имя Сергія Радонежскаго Чудотворца и въ придѣлѣ тепломъ — во имя Святаго Пророка Божія Іліи. Церковь угодій никакихъ не имѣетъ и содержится добродѣтельнымъ поданіемъ своихъ прихожанъ. Коренные жители волости—Финны и есть семейства, которыя считаютъ себя выходцами Новгородца и Москвы около 1658 года во время чумы, Жаравовы, Томаковы, Корельскіе, Попомаревы и многія другія. Въ настоящее время въ приходѣ числится домовъ 125, жителей мужскаго пола 320, женскаго 382 души. Они живутъ въ 11-ти деревняхъ. Смольниковской, Шапинской, Побойской *), Rogozинской, Подграйской, Подлесской, Пограйской, Аванасьевской, Вотовской, Подкрестной, Бобровой горѣ. Всѣ эти деревни находятся въ разсѣянности—въ разстояніи одна отъ другой не далѣе $\frac{1}{4}$ версты и, начинаясь отъ прежней трактовой дороги внизъ по теченію рѣкъ Курьи и Курюпки — по горамъ, простираются до границы Архангельскаго уѣзда на протяженіи 6-ти верстъ.

Хаврогорскій приходъ Холмогорскаго уѣзда расположенъ на протяженіи 12 верстъ, при рѣкѣ Двинѣ, на правомъ берегу по ея теченію, отъ города Архангельска въ 170 верстахъ.

Мѣсто положеніе прихода по своей красотѣ, можно сказать, почти единственное въ Бѣлицкой окрестности. Приходская церковь съ колокольнею деревянная древней архитектуры, построенная въ 1614 году, стоитъ по срединѣ всего прихода въ деревнѣ Нескагорской, почему населеніе прихода и получило раздѣленіе на два конца верхній и нижній, имѣющіе равное разстояніе отъ церкви т. е. въ 6-ть верстъ. Всѣ почти деревни, которыхъ въ приходѣ 32, расположены *подъ гору* при рѣкѣ Двинѣ, кромѣ не многихъ отдѣлившись не далѣе какъ на полуверстное разстояніе отъ рѣки.

Деревень въ приходѣ 32 и жителей въ нихъ мужскаго пола 770 женскаго 884, всѣ они вѣроисповѣданія православнаго.

Хаврогорскій приходъ хотя стоитъ и на высококомъ берегу, но мѣстоположеніе его болотистое, пресѣченъ частыми ручьями и высокими горами, почему и служитъ предметомъ удивленія для проплывающихъ по Двинѣ, и высотой и крутизною горъ съ раскинутыми полями и

*) Есть преданіе: будто бы на мѣстѣ, гдѣ стоитъ дер. Побойская, была битва у Новгородцевъ съ Чудью, отъ чего и деревня эта удержала названіе Побойца. Мѣстность благопріятствуетъ битвѣ.

деревнями на нихъ, доставляетъ взору пріятный видъ, особенно для путника, слѣдующаго по Московской дорогѣ, по противоположной сторонѣ рѣки Двины.

Первоначально Хаврогорскій приходъ по мірскому управленію принадлежалъ Кеврольской десятинѣ, куда всякія мірскія подати, а равно и церковныя сборы были относимы, и оттуда получались всякаго рода предписанія; начало свое приходъ получилъ 1492-го года, что видно изъ древнихъ церковныхъ описей, и болѣе всего ясно и утвердительно доказывается сіе благословенною грамотою Преосвященнаго Варлаама митрополита Московскаго и всея Россіи (1512-й) годъ 7020, 30 Марта, даннаго на Москвѣ, въ сходственностъ таковаго же соизволенія на построеніе церкви въ Хаврогорахъ, даннаго предметникомъ его Симономъ митрополитомъ; и за симъ тоже самое доказываютъ подтвердительныя грамоты 1-я Даниіла митрополита всея Россіи 7038 [1530] года 27 Марта и 2-я Макарія митрополита всея Россіи 7050 (1542) года 24-го Марта, данная на Москвѣ. Всѣ эти грамоты сохранились донынѣ.

Такимъ образомъ въ концѣ XV-го вѣка построена прилежащей первая церковь во имя Святаго Іоанна Предтечи въ честь и память Его Рождества, на томъ самомъ мѣстѣ, на коемъ стоитъ нынѣ существующая во имя того же святаго *).

Названіе Хаврогоръ надобно полагать произошло отъ высокихъ горъ, но первоначальные слоги *Хавро* не сохранили о себѣ никакого преданія. Первые обитатели Хаврогоръ были бѣглецы и бродяги Новгородскіе; они поселились въ XIV и въ XV вѣкахъ, и избрали себѣ мѣстомъ жительства Хаврогоры, какъ мѣсто зарѣчное, гористое, лѣсное и прилежащее къ большимъ ручьямъ и дремучимъ лѣсамъ и потому къ укывательству бѣглыхъ и бродягъ удобное и надежное. Первое занятіе ихъ было звѣриная и рыбная ловля, они какъ бродяги разныхъ мѣстъ, будучи безъ надзора и безъ всякихъ правилъ общежителства, чинили разбои въ двухъ лѣсистыхъ урочищахъ Тордовѣ и Немчиновѣ. Они грабили проплывающія по Двинѣ суда къ Холмогорамъ, убивали и не боялись никакого преслѣдованія отъ начальства. Кромѣ бѣглыхъ Новгородцевъ были еще и собственно такъ называемые Двинскіе жители «Чудь»; они были идолопоклонники, жили особо отъ Новгородцевъ, удаляясь всегда отъ нихъ. Преданіе указываетъ и самое мѣсто жительства чудскаго племени: они жили близъ святаго колодца, находящагося въ полуверстѣ отъ церкви, на долині ровной; у нихъ не было неслыхъ печей глиняныхъ, а простыя каменные, каковыя нынѣ на-

*) Окрестные жители лѣваго берега рѣки Двины называли сію первую церковь Ивана Предтечи Задвинскаго; такъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ писали.

ходятся въ черныхъ баняхъ у крестьянъ; кромѣ сего указывается и на кладбищѣ дикаго народа, жившаго въ древности на Двинѣ въ Хаврогорскомъ приходѣ ниже церкви въ 3-хъ верстахъ близъ деревни, называемой нынѣ Карзовыхъ (не русское), находящейся близъ Двины за ручьемъ, гдѣ высыпаются изъ горы человѣчскія кости необыкновенной противъ нынѣшняго народа величины. Но кто изъ жителей Хаврогоръ въ настоящее время принадлежитъ къ Чудскому племени или Новгородскому, сего по причинѣ смѣшенія сихъ племенъ между собою отличить нельзя, а можно только предполагать на томъ основаніи, что Новгородское племя, какъ коренныя Славяне, въ разговорномъ языкѣ удерживаютъ славянское окончаніе словъ, что особенно замѣтно въ употребленіи двойственнаго числа, напримѣръ работали двоима, троима и под. Они же въ отличіе отъ Чудскаго племени предприимчивы, ремесленны и рѣшительны на все полезное, а послѣдніе напротивъ и съ нѣкоторою причудливостію, почему ихъ и называютъ иногда по выведенной пословицѣ «Чудими».

Жителей Хаврогоръ вообще всѣхъ именуютъ «*безсчетомными*», каковое наименованіе получено ими издавна по слѣдующему случаю. Въ торговый день четвертокъ переправляясь предки нынѣшнихъ Хаврогорцевъ чрезъ рѣку Двину на карбасѣ въ село ^иЕяцкое, были застигнуты на рѣкѣ бурей, волнами карбасъ былъ опрокинутъ и находившіеся въ ономъ потонули, кромѣ немногихъ спасшихся, которые съ помощію другихъ, отыскавъ погибшихъ, не могли досчитать до того числа людей, которые находились въ карбасѣ. Всѣхъ ихъ было 40 человекъ, а изъ погибшихъ отыскали 50. Хаврогорцы не довольствуясь тѣмъ, что 40 было, а 50 нашли, говорятъ: «еще все не все»; почему за незнаніе ими счета и дано имъ наименованіе *безсчетомныхъ*, каковое слово для Хаврогорцевъ и служитъ упрекомъ и порицаніемъ отъ сосѣднихъ окрестныхъ жителей и извѣстно населенію большей части Холмогорскаго уѣзда.

Въ началѣ XVI вѣка населеніе Хаврогоръ значительно размножилось, что доказывается собственно христіанскою дѣятельностію: въ 1597 году была прихожанами построена другая деревянная церковь во имя Архистратига Михаила, теплая, на угорѣ близъ рѣки Двины у большаго ручья пониже Предтеченской. На имя сихъ обѣихъ церквей въ половинѣ XVI вѣка (не далѣе 1570 года) отказаны крестьянами значительныя въ разныхъ мѣстахъ пахотныя и сѣнокосныя земли въ вѣчное владѣніе, коими Хаврогорская церковь и понынѣ пользуется безпрекословно по имѣющимся на сіе право неоспоримымъ документамъ. Всей сей земли пахатной и сѣнокосной 40 десятинъ 1842 сажени. Земля сія находится въ разныхъ участкахъ; всѣхъ ихъ пять и отъ церкви отстоятъ самыя дальныя въ 5 верстахъ а прочіе при-

лежать ближе. Аренды за земли получается церковію 315 рублей, а въ прежніе годы до сего 1866 года, аренды вносимы были зерновымъ хлѣбомъ неравномѣрно и по условіямъ заключаемымъ при торгахъ.

Первопостроенная Хаврогорская Предтеченская церковь стояла до 1614 года всего 122 года и за ветхостію была разобрана, и на томъ мѣстѣ построена новая, нынѣ существующая, еще довольно прочная, снаружи и внутри обшита половымъ тесомъ, на каменномъ фундаментѣ, который подведенъ въ 1840 году; церковь сія одноглавая, высокая, корпусомъ круглая, первоначально была шатровая, но въ 1849 году 23 Іюня бывшею въ Хаврогорахъ бурей съ сильнымъ вѣтромъ церковь сію значительно поведило, куполъ снесло и не только крышу сорвало, но и самыя бревна, къ которымъ она была прикрѣплена, по направленію вѣтра унесло на четверть версты. Иконы въ сей церкви по своей древности и самый иконостасъ достойны вниманія; онѣ писаны въ 1650 году, и хотя въ 1861 году и были поновляемы по очеркѣности ихъ, но древній типъ вполнѣ сохраненъ.

Челмохотскій сельскій приходъ Холмогорскаго уѣзда находится на правой сторонѣ рѣки Сѣверной Двины, 170 верстъ выше гор. Архангельска, и 85 отъ уѣзднаго города Холмогоръ.

Онъ раздѣляется на двѣ половины, лѣсными рѣчками: сверху Пукшеньгою, берущею начало изъ болотъ Кеврольской дачи, со многими побочными рѣчками, а снизу Челмохтою, отъ которой и называется. Приходскія церкви стоятъ почти на серединѣ прихода на равномъ мѣстѣ, имѣющемъ песчаный грунтъ.

Приходъ весь занимаетъ пространство въ длину 10 верстъ, 6 вверхъ и 4 внизъ, въ ширину оно незначительно. Съ южной и юго-западной его стороны до рѣки Двины находится около полуверсты сѣнокосный лугъ, тянувшійся подлѣ Двины 6 верстъ и поросшій кустарникомъ ивы. Съ юго-восточной и сѣверо-восточной хвойный лѣсъ и рѣчка Челмохта, почему церкви со стороны кажутся зрителю окаймленными лѣсомъ, или же въ лѣсу, особенно съ рѣки Двины.

Рѣчка Челмохта, отъ церквей пересѣкая нижнюю часть деревень прихода, тянется между ими и лугомъ, вдоль на 3 версты къ сѣверо-западу до предпоследней деревни, гдѣ впадаетъ въ рѣку Двину. Деревни стоятъ къ сѣверо-западу по теченію рѣчки на правой сторонѣ на возвышенномъ мѣстѣ. На лѣвой, за рѣчкой сѣнокосный лугъ, подлѣ него течетъ Сѣверная Двина. Сзади прихода и деревень, въ близкомъ разстояніи находится лѣсъ и сырыя торфяныя болота. Верхняя часть прихода, находящаяся къ юго-востоку отъ церквей, чрезъ три версты лѣса, на возвышенномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ рѣки Сѣверной Двины, раздѣляется лѣсною рѣчкою Пукшеньгою, тутъ же впадающею въ Двину.

Деревни верхнія съ трехъ сторонъ, кромѣ южной, окружены лѣсомъ и болотами. Деревни, какъ въ верхней, такъ и въ нижней части прихода, одна отъ другой находятся въ близкомъ разстояніи и почти въ продолговатомъ положеніи. Деревень небольшихъ въ приходѣ находится въ верхней части всѣхъ 6 до рѣчки Пукшеньги и 2 за нею. Въ нижней, кромѣ одной у церквей, — за Челмохтою 13, а всѣхъ вообще въ приходѣ 20; объ названіяхъ ихъ будетъ далѣе. Названія ихъ разные, есть и русскія, но значенія ихъ объяснить основаній не находится. Первые жители, съ достовѣрностію можно полагать, были Новгородцы, поселившіеся чрезъ Олонецкую губернію, или изъ оной, а въ какомъ столѣтіи и году — положительно неизвѣстно. Прозванія крестьянъ нынѣшнихъ большая часть Олонцевыхъ, Феодоровцевыхъ, Богдановыхъ, Клишевыхъ и прочихъ, издавна ведущихся отъ выходцевъ, доказываютъ подобныя предположенія, и тѣмъ болѣе, что по преданію извѣстно, что первые жители обитали въ лѣсахъ, по рѣкѣ Пукшеньгѣ, гдѣ и понынѣ есть еще, хотя весьма устарѣлые признаки ихъ жительствова. Ремесло ихъ по разсказамъ было грабежъ по рѣкѣ Двинѣ на судахъ. Есть молва о кладѣ, будто бы находящемся около тѣхъ мѣстъ, и были попытки дѣланы къ его отысканію, но тщетно.

Волости: Челмохотская, и Пукшенская. — Съ котораго времени начала существовать Челмохотская волость достовѣрно неизвѣстно, покрайней мѣрѣ, должно полагать, что съ XVI или въ XVII столѣтіи, потому, что самостоятельность Челмохотской волости и прихода послѣдовала въ началѣ XVII столѣтія, а именно 1638 года. До сего 1638 года Челмохотская и Пукшенская волости находились въ зависимости и вѣроятно довольно времени по духовному управленію подъ Сійскимъ приходомъ, по мірскому — подъ Сійскою, Хоробрицкою, и Брилиноволицкою волостями и составляли одну сотню.

Челмохчане, завися болѣе отъ Сіянъ, платя имъ бывшія тогда повинности, отправляя мірскія службы съ стѣсненіемъ, и не имѣя при своей церкви священника, за которымъ для требосправленій обращались въ Сійскій приходъ чрезъ рѣку Двину за 10, а съ Пукшеньги за 16 верстъ, рѣшились наконецъ отойти отъ Сіянъ волостію, и подали челобитную Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу, по которой 1638 году и отдѣлились. Первая церковь была построена прихожанами 1639 — 1641 года по благословенію Афанасія митрополита великаго Новаграда и Великихъ Лукъ; тогда же переведенъ былъ къ ней священникъ изъ Сійскаго прихода.

Нынѣ въ семь приходѣ двѣ деревянныхъ пятиглавыхъ, на каменномъ фундаментѣ въ деревянной оградѣ, церкви, съ отдѣльною деревянною на столбахъ колокольнею, обшита всѣ тесомъ. Первая теплая, во имя Рождества

Пресвятой Богородицы, построена въ 1709—1711 г. по грамотѣ Рафаила Архіепископа Холмогорскаго и Важскаго прихожанами, вмѣсто обветшалой, построенной 1639—1641 годахъ.

Вторая церковь холодная во имя Св. Великомученика Димитрія Солунскаго съ придѣломъ Праведнаго Прокопія Устюжскаго Чудотворца, одноэтажная. Построена прихожанами 1681 года по грамотѣ Преосвященнаго Корнилія Митрополита Новаграда, и Великихъ Лукъ, освящена по по указу Аванасія архіепископа Холмогорскаго и Важскаго 1685 года.

Въ постройкѣ обѣихъ церквей, какъ виѣшней такъ и внутренней, особеннаго нѣтъ. Кто былъ архитекторъ, составлявшій планъ церквамъ—неизвѣстно, равно и иконописецъ, писавшій въ церквахъ иконы. Настѣннаго письма, чудотворныхъ иконъ, мощей и древностей нѣтъ. Плана и фасада не имѣется, кромѣ копій съ актовъ. Подлинныхъ въ церковномъ архивѣ не имѣется, кромѣ копій съ нихъ, которыя съ подлинными свѣрены, въ должности секретаря архангельской консисторіи, коллежскимъ регистраторомъ Петромъ Иконниковымъ. Церкви утварью, ризницею и книгами достаточны.

Ближайшіе къ церквамъ приходы:

Холмогорскій въ 4-хъ, Сійскій въ 10-ти за рѣкою Двиною и Пингишенскій въ 12-ти верстахъ, по одной правой сторонѣ, за рѣчками Пукшеньгою и Пингишею. Собщеніе съ первымъ и третьимъ труднѣе втораго, особенно въ распутицу и лѣтомъ за ненахожденіемъ удобной дороги, кромѣ береговой подлѣ рѣки Двины и за перевозами.

Приписной церкви въ приходѣ нѣтъ, а находится двѣ деревянныхъ часовни. Первая разстояніемъ отъ церквей въ 3-хъ верстахъ во имя Святителя Модеста, построенная въ 1722 году, по грамотѣ Варнавы архіепископа Холмогорскаго и Важскаго, находится въ деревнѣ Часовенской, по случаю бывшаго скотскаго падежа. Почему съ давнихъ лѣтъ бываетъ въ ней крестный ходъ изъ церкви 18 Августа и 18 Декабря. Вторая въ верхней части прихода, въ 4-хъ верстахъ отъ церкви, во имя Святаго Великомученика Георгія, построена по желанію прихожанъ 1717 года.

Кѣхотскій приходъ расположенъ на лѣвомъ берегу Двины, на половинѣ пути между Архангельскомъ и Холмогорами. Онъ занимаетъ пространство на 6 верстѣ отъ Востока на Западъ и состоитъ изъ слѣдующихъ деревень Кѣхты, Сосниной горы, Чевакинской горы, Боровской и Острововъ.

Кѣхта, — слово финское, — сочная рѣка или лѣнвая, то есть текущая тихо, безъ шума (Арх. Г. Вѣд. за 1853 годъ, № 5). Кѣхтою называется нѣсколько деревень,

расположенныхъ на устьѣ рѣки Кѣхты *), а именно: Григоровская, по просту называемая между крестьянами Подоль, Реутовская, — иначе Погостъ, Марковская или Гурьевъ Конецъ, Васильевская или Подлѣсье.

Всѣ эти деревни находятся близъ церкви и нынѣ слились почти въ одну нераздѣльную, такъ что не зная названія ихъ по концамъ, можно считать одною. Далѣе на югъ слѣдуютъ отъ церкви деревни: Быковская и Матвѣевская; — жители этихъ деревень перемѣшались домами, то есть числятся въ Матвѣевской деревнѣ, а живутъ въ Быковской и на оборотъ и занимаютъ три отдѣльные околотка: — Залѣсь, Сорочій околотокъ и Заручевье, одинъ отъ другаго отстоящіе не болѣе какъ на 100 сажень. И наконецъ за глубокимъ ручьемъ, на высокомъ мысѣ, Красногорская деревня, иначе называемая Мельницею, потому что подъ горою находится вододействующій мукомольный заводъ; — здѣсь же во 2-й половинѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія былъ лѣсопильный заводъ, на которомъ построено было два фрегата и корабль.

Сосногорская деревня или Соснина гора находится ниже Кѣхты отъ церкви въ 3-хъ верстахъ на небольшомъ холмѣ, а Чевакинская деревня или гора еще ниже Сосниной на одну съ четвертью версту; ихъ раздѣляетъ рѣчка Смердіе, вытекающая изъ озера Смердіе, отстоящаго отъ деревни на 4 версты и принадлежащаго Архангельскому монастырю; рѣчка Смердіе вмѣстѣ съ Кѣхтою тутъ же впадаютъ въ отливъ Двины. По самому крутому берегу этого отлива разстилается Чевакинская деревня, которая дѣлится по концамъ: верхній конецъ называется Микольщиною у Микольскихъ, середина — у креста, гдѣ дѣйствительно стоитъ крестъ, а другая половина срединная — на болотѣ, гдѣ мѣсто нѣж и мокрое; и нижній конецъ у Епанъ, гдѣ жили прежде одни Епанины.

Боровская деревня, небольшая—всего 3 дома, иначе называемая Вралѣва гора; она находится вблизи Васогорской деревни Кіажестровскаго прихода, которая также называется Вралевой горою. Около нея находится нѣсколько боровъ или холмовъ, и вблизи, позади деревни, есть небольшое озеро, содержащее въ себѣ соленую воду; когда-то въ нее спущены были и трубы; но вода мало содержитъ соли; въ весеннее время, во время водополья, въ него вливается прѣсная вода изъ рѣчки Смердіе.

Деревни Новинки и Горки, — попросту называемыя

*) Рѣчка Кѣхта въ топографическомъ описаніи называется Бульчихою, — а не Кѣхтою. Что отъ чего получило названіе: деревни ли отъ рѣчки или рѣчка отъ деревни, сказать трудно. А по приведенному выше объясненію слова Кѣхта, — Кѣхтою названа рѣка, а не деревня; — названіе же Бульчиха вѣроятно усвоено въ недавнее время.

острова, — стоять на острову, отъ церкви подъ горою, первая въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ, а вторая въ 3 верстахъ. Чрезъ эти деревни по зимѣ проходитъ зимній извозный трактъ.

Всѣ деревни имѣютъ сообщеніе между собою и церковью постоянно удобное; только съ послѣдними — Васогорскою, Чевакинскою и Островами нѣсколько затруднительное во время водополюя и рѣкостава, но это продолжается не болѣе сутокъ.

Въ выше упомянутыхъ деревняхъ Кѣхотскаго прихода, по духовной росписи, числятся прихожанъ: — государственныхъ крестьянъ мужскаго пола 478 женскаго 562 души и отставныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семействами мужскаго 12 женскаго 13, а всего 490 мужскаго и женскаго 575 человекъ. Къ Кѣхотскому приходу относится Слободской раскольничій скитъ. Онъ основанъ во 2-ой половинѣ прошедшаго столѣтія, при озерѣ Слободскомъ, отстоящемъ отъ селенія около 25 верстъ.

Озеро это въ длину до 7 верстъ, а въ ширину 1 верста и болѣе, изъ него вытекаетъ рѣчка Кѣхта, очень изобильная рыбою. Первоначально при немъ была одна рыболовная избушка, въ которой по лѣтамъ проживалъ рыболовъ; къ нему поселился сбѣглый солдатъ; къ нимъ двоимъ начали селиться и другіе, какъ изъ Кѣхотскаго прихода, такъ и изъ сосѣднихъ. Около 20-хъ годовъ въ ней поселился одинъ зажиточный крестьянинъ Иванъ Рѣшняковъ, изъ петербургскихъ артельщиковъ; онъ много содѣйствовалъ къ устройству скита и распространенію раскола; былъ знакомъ съ знаменитымъ петербургскимъ раскольникомъ Зеленовымъ, который для этой цѣли послалъ ему заразъ будто бы 40 тысячъ рублей. Теперь, послѣ строгаго воспрещенія селиться вновь и уничтоженія вымершихъ келій, въ немъ остается 16 жилыхъ келій, въ которыхъ живетъ старыхъ, издавна поселившихся 14 старухъ, старики всѣ вымерли; впрочемъ и въ лучшее время скита, когда въ немъ было постоянныхъ жителей до 40 человекъ, мужчинъ было немного, не болѣе 5 человекъ. И вновь, въ теченіе послѣднихъ двухъ годовъ, поселилось въ него двое мужчинъ и четыре женщины.

Среди скита находится отдѣльная деревянная молезна, построенная 1788 года; она внутри раздѣлена заборкою на двѣ половины, мужскую и женскую; — иконостасъ составленъ болѣею частію изъ мелкихъ иконъ и безъ всякаго разбора. — иконы занимаютъ мѣста не по избрженію на нихъ и не по достоинству письма. Въ молезнь собираются всѣ каждадневно по три раза, къ утрени, часамъ и вечерни, которыя состоятъ изъ чтенія положенныхъ псалмовъ, молитвъ и поученій изъ сборниковъ и пролога, поютъ панихиды, и кажется молебны, читаютъ псалтырь по умершихъ и о здравіи живыхъ; читаютъ всѣ помянно; неграмотные исполняютъ свои часы повлонами.

Вѣрованіе въ скитѣ то же, что и въ приходѣ, то есть Федосѣевское согласіе, и потому одни другихъ поддерживаютъ и матеріально, и нравственно. Нѣкоторыя старухи раскольницы уѣзжаютъ въ скитъ на нѣсколько недѣль, — особенно въ великій постъ; на праздники Рождества Христова, Благовѣщенія и Святую Пасху приѣзжаетъ много раскольниковъ, а вмѣстѣ съ ними и православные, которые, во время молитвословій, а равно и раскольники сомнительной нравственности, стоятъ въ притворѣ, какъ древле оглашенные.

Живущіе въ скитѣ содержатся преимущественно подаваемъ, которое доставляется изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ городовъ Петербурга и Архангельска. По зимѣ старухи прядутъ, а помоложе ткуть полотно; старымъ пособляютъ ткать родственницы изъ прихода; по лѣту садятъ по немногу картофля, рѣдьки, лука, моркови, брюквы и сѣютъ рѣпу; ловятъ на озерѣ рыбу удами и мордами, и собираютъ довольно моршки, которую и продаютъ. Сообщеніе съ селеніями имѣютъ постоянное, но пѣшеходное только по лѣту и по осени, пока не промерзнутъ болота и ручьи.

Лисестровское селеніе находится въ 10 верстахъ отъ города Архангельска. Названіе Лисестрова (или Лисестрово) произошло по народному преданію отъ кореннаго жителя Листъ, чудскаго племени, жившаго на семь островѣ въ родѣ намѣстника или тиуна, собиравшаго доходы окладные, то есть хлѣбные, и не окладные то есть денежные. О необразованности Чудскаго народа и по доселѣ осталась поговорка или пословица: «што это за Чудъ такая». Скажемъ нѣсколько словъ объ этой Чудѣ. Изъ всѣхъ народовъ издревле по берегамъ Двинскимъ и по берегамъ Бѣлаго моря обиталъ господствующій Чудскій народъ, смѣшавшійся съ Русскими поселенцами; народъ сильный и торговавшій звѣриными промыслами съ Датчанами и Нормандцами, народъ, который подъ именемъ Заволоцкой Чуди извѣстенъ былъ Россійскому дѣеспечателю Преподобному Нестору. Несторъ полагаетъ сіе Чудское племя между данниками, подвластными Новгородскимъ Славянамъ, во времена, предварившія Рюриково княженіе, начавшееся въ лѣто 862. Сія Заволоцкая Чудъ въ христіанскіе вѣка подъ владѣніемъ Новгородцевъ называлась Заволоцкою землею. Сія Заволоцкая земля въ концѣ XV столѣтія подъ самодержавнымъ владѣніемъ Великихъ Государей Россійскихъ переименована Двинскою землею или народомъ, нынѣ Лопарями, Самоѣдами и Зырянами, составляющими Архангельскую губернію. Вѣра у Заволоцкой Чуди была языческая. Заволоцкая земля до просвѣщенія святымъ крещеніемъ почитала идола Юмала или Юмала, о коемъ у Стурлесона упоминается, что прибывшіе въ Біармію отъ короля Шведскаго Олова, прозваніемъ Святаго, для торговли Торетъ и Карлъ съ деревяннаго,

сего идола ожерелье сорвали, золото, серебро и чашу серебряную унесли съ деньгами.

Чудскій народъ покоренъ и святымъ крещеніемъ просвѣщенъ въ одинадцатомъ столѣтіи Новгородцами, воспріявшими христіанскую вѣру въ самомъ концѣ десятаго столѣтія. Но въ которые годы сей небесный свѣтъ возсіялъ во тмѣ и сѣни смертной сѣдящимъ Заволочанамъ, какіе въ ихъ обращеніи по Евангелію употребляли способы христіанскіе проповѣдники, сколь долго продолжались ихъ святые подвиги въ крещеніи Заволоцкой Чуди, за крайнею скудостію историческихъ тогдашняго времени свидѣтельствъ, неизвѣстно. А какъ сія страна обще съ Новгородомъ подвластна стала Московскимъ Государямъ, то съ тѣхъ поръ были въ Холмогоряхъ намѣстники и тиуны, а послѣ воеводы. Въ 1584 году Ѳеодоръ Іоанновичъ велѣлъ заложить при устьѣ Двины новый городъ. Воеводы Пашокинъ и Воейковъ основали городъ, въ 30 верстахъ отъ устья, гдѣ находится Архангельскій монастырь; вълѣдствіе чего и самый городъ получилъ названіе Архангельскаго или Архангельска. Въ Архангельскіе воеводы назначали не только знаемыхъ, но даже и ближайшихъ царямъ людей. Въ это время на Двинѣ находились царскіе данщики.

Въ 1598 году дана Лисестровскому приходу царская жалованная грамота. Эта грамота исключаетъ уполовинческое право брать повинность или подать данщикамъ ясакомъ, то-есть лисьими и бѣличьими шкурами.

Изъ этой грамоты можно заключить о существованіи прихода Лисестровскаго. Грамота дана отъ Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича, за приписью дьячка Дмитріева по челобитію Лисестровской волости, Воскресенскаго церковнаго старосты Гришки Морозова на Борисовскую пустошь (гдѣ нынѣ деревня Семенова), и писана на Москвѣ 7105* (1597) Марта 23-го дня; въ ней написано: «отъ Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича всея Русси на Двину данщикомъ Томаку Тарасову съ товарищи. Въ прошломъ 7104 (1596) году Марта въ 31 день писана къ вамъ наша грамота по челобитію Лисестровской волости Минки Шудова. А велѣно вамъ тому Минкѣ дати на льготу пустошь Борисова погоста на шесть лѣтъ Марта съ 25-го числа 7104 (1596) году, по тожъ число 7110 (1602) года, а нынѣ били намъ челомъ Лисестровской волости церковный староста Гришка Морозовъ, что той пустоши Борисова погоста половина польбжи церковная Воскресенія Христова искони вѣчно. А другая половина польбжи, той пустоши Борисова погоста за волостными людьми. И намъ ихъ пожаловати тое у нихъ пустоши отнимати не велѣти. А въ писцовыхъ книгахъ Князя Василія Андреева Звенигородскаго съ товарищи 7105 (1597) году написано: въ Лисестровской волости деревни тяглыя церковныя Воскресенія Христова, что на погостѣ пустошь Борисова погоста, а

въ ней дворъ пусть, пашни перелогомъ куды земли впусти обжа, а другая половина за волостными людьми. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выѣтъ у церковнаго старосты у Гришки Морозова тое церковныя Воскресенія Христова, что на погостѣ, пустоши Борисова погоста полуобжи мимописцовыхъ книгъ не отымали и Минкѣ Шудову на льготу не отдавали; а велѣлибы естя на церковномъ старостѣ имати оброку въ нашу казну по двѣ гривны на срокъ на Госпожинъ день 7105 (1599) году. А съ которыхъ Воскресенія Христова церковныхъ черныхъ деревень емлютъ волостные крестьяне наши подати по своему волостному размѣту лѣхуя себѣ по веревкамъ, а не по писцевымъ книгамъ и не по сошной грамотѣ, а вы бѣ волостнымъ крестьянамъ съ тѣхъ церковныхъ деревень нашихъ податей по волостному размѣту по веревкамъ имати не велѣли, а велѣли бы естя съ тѣхъ церковныхъ черныхъ деревень наши подати по сошкамъ и по обжамъ чемъ ихъ описали писцы наши. А прочете еста сію нашу грамоту и списавъ съ нее противень отдали Гришкѣ Морозову назадъ для прежнихъ данщиковъ. Писана на Москвѣ лѣта 7105 (1597) Марта въ 23 день». Подъ симъ черная печать, а на оборотѣ: Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоанновичъ всея Русси. Приписъ: Дьякъ Дмитріевъ.

Первые поселенцы или выходцы Новгородскіе пришли сюда изъ Новгорода и первоначально поселились въ Холмовской деревнѣ и двухъ выселкахъ при той же деревнѣ и частію на Исаковой горѣ (въ древности Копоновой горѣ), какъ объ этомъ свидѣтельствуесть лѣтопись приписной къ Лисестровской церкви во имя Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Сія лѣтопись заключаетъ слѣдующее: «Божіимъ изволеніемъ и за предстательствомъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приено Дѣвы Маріи и молитвами Святыхъ славныхъ и Всехвальныхъ Апостоловъ и Первоверхов-Петра и Павла скинія каолинская, рекше Святая церковь Господа и Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа во имя преждереченныхъ Святыхъ Апостоловъ устроена къ молитвенному храму новымъ зданіемъ алтарь святыи и царскія врата и иконостасъ съ прочимъ благолѣпствомъ украсися и освятися чрезъ благодать Святаго Духа по благословенію Германа Архіепископа Архангельскаго и Холмогорскаго, на которомъ мѣстѣ издревле по писцовымъ книгамъ еще отъ лѣтъ седмъ тысящъ шестьдесятъ перваго года, и далѣе видимо тыже церковь имѣлась древняя, стоящая чрезъ 130 лѣтъ, дождеже за ветхостію совсѣмъ распадаея и развалилася и оттогда на мѣсто той церкви построены молитвенный оный храмъ стоявшій лѣтъ 50, даже и донынѣ построенныя святыя церкви; а бытія древнія церкви и молитвеннаго храма (по писцовымъ книгамъ) развѣ безъ мала 200 лѣтъ; самое же начало оныя весьма выше 200 лѣтъ, аже въ

лѣто [седьмъ тысящъ шестьдесятъ первое, 1553 въ царствованіе Іоанна IV Васильевича, итогда уже была безъ пѣнія, а начало пѣнія нами чрезъ записки необрѣтено, токмо отъ старожиловъ глаголемо, ако изъ начала при той церкви священникъ нарочно проживалъ для Божественной службы, пришедшій изъ области Новограда и принесшій нынѣ видимо сіяющіе святыя мѣстные образа и Деисусъ на полуденной сторонѣ, который и построилъ реченную древнюю церковь, которой красота одѣяна и нынѣ по писанному новозданная церковь и украсена явже и древняя туюжъ пресвѣтлую красоту Божества Певѣта Христова воспріяла. Сего не лишнѣ Премилостивый Господь Богъ и Пресвятая Богородица за молитвы свв. апостоловъ Петра и Павла и нынѣшнимъ родомъ Божественную и Пречистую славу свою и всей святой церкви благословляти и славити нынѣ и въ безконечныя вѣки. Аминь».

Лисестровекій приходъ, кромѣ села, обнимаетъ собою слѣдующія населенныя мѣста: деревню Часовскую, Нестеровскую, Лукинскую, Псакогорскую съ шестью выселками— Псагова гора, Шурковская гора, Бурминская гора, Малое Заручаево, Большое Заручаево, Нарья, — деревню Холмовскую съ двумя выселками— Малая и Большая Лахты, — Окуловскую, Семеновскую, Амосовскую, Кривлявскую, Любовскую, Лѣтнинскую, Валдушинскую, Кутозерскую— въ просторѣчій Кривохутскую, Хамьяновскую, Малокорыконскую, Большекорыконскую (по рѣчкѣ Корыконкѣ), Волохновскую съ тремя выселками— Ворошье, Певѣрово, Бутырки, деревню Глухопскую, Запольскую, Бакаревскую, Варавинскую, Юраскую съ двумя выселками— Драхлицышскимъ и Куропшевскимъ, Журавинскую съ тремя выселками— Новинки, Большой и Малый Кривые Боры. Домовъ во всѣхъ этихъ селеніяхъ считается 465; жителей— 1376 м. п. и 1587 ж. пола. Изъ названій деревень видно, что они произошли: или отъ имени перваго поселенца, или отъ свойства мѣстоположенія, или отъ прозванія урочища, при которомъ деревня выстроилась.

Число жителей на Зимнемъ Берегу не велико— 418 мужскаго пола. Всѣ они принадлежатъ къ одному приходу Зимне-Золотицкому и находятся въ слѣдующихъ поселкахъ: Верхней Золотицѣ, Нижней, Шецкомъ выселкѣ, Ручьяхъ, Ручейкѣ, Майденскомъ хуторѣ, Чубальскомъ выселкѣ, Больше-Вазницкомъ выселкѣ, Мегрѣ и Майдѣ, послѣдніе семь хотя и принадлежатъ къ Золотицкому приходу, но находятся на другой части Зимняго Берега— сѣверной.

Деревня Верхняя Золотица, Архангельскаго уѣзда, отъ Архангельска отстоитъ на 180 верстѣ. Называется Зимнею потому, что находится на Зимнемъ Берегу и въ отлчіе отъ Лѣтней, стоящей на Лѣтнемъ Берегу Бѣлаго Моря въ Онежскомъ уѣздѣ.

Названіе Золотицы деревня получила вѣроятно отъ

рѣки Золотицы, протекающей посреди дѣревни. Часть селенія, расположенная на правомъ берегу рѣки, зовется Зарѣчье, или за рѣкой, а на лѣвомъ Холмомъ, или на Холму потому, что мѣсто, гдѣ стоятъ дома, гораздо выше зарѣчья.

Верхнею деревню зовется отъ того, что стоитъ по теченію рѣки выше Нижней Золотицы (устья), находящейся при самомъ впаденіи рѣки Золотицы въ Бѣлое Море.

Золотица основана первоначально Чудью, и это достоинство. Ибо и до сихъ поръ еще на правомъ берегу рѣки, повыше деревни, есть мѣстность, сохранившая названіе Чудской ямы. На этомъ мѣстѣ, по рассказамъ жителей, первоначально поселилась и жила Чудь. Показываютъ также и мѣсто Чудскаго кладбища, на лѣвомъ берегу рѣки, повыше Савина ручья. Нынѣшніе жители Золотицы потомки Новгородцевъ, по рассказамъ крестьянъ, бѣжавшихъ сюда въ то время, когда перемѣняли вѣру. Но это преданіе неправдоподобно. Новгородцы переселились сюда или 1) сами для промысла дорогихъ пушныхъ и морскихъ звѣрей, или 2) переселены сюда для той же цѣли Новгородскими боярами, какъ крѣпостные, или 3) всего вѣроятнѣе, предки Золотичанъ убѣжали изъ Новгорода на Зимній Берегъ потому, что не хотѣли покориться власти князей Московскихъ.

Можно полагать, что нѣкоторые изъ бѣглецовъ приговорены были къ казни даже и тогда, какъ переселились уже въ Золотицу. Ибо и до сихъ поръ осталось, на памяти народа, названіе мѣста Вѣшалная яма, или на Вѣшалной, находящейся пониже деревни, на правомъ берегу рѣки Золотицы.

Названія или прозванія, характеризующаго достоинство или недостатка, золотичане не имѣютъ. Только мудьюжане замѣчаютъ, что зимній проѣздъ золотичанъ въ Архангельскъ всегда бываетъ съ сильною непогодою. Если поднялась сильная непогода, мудьюжане говорятъ: Золотичане въ городъ поѣхали. Объ этомъ странномъ, но всегда къ несчастью золотичанъ, вѣрномъ замѣчанію мудьюжанъ, въ Золотицѣ носится народное преданіе, вотъ какое. Преподобный Антоній Сійскій, однажды проходя по Зимнему Берегу, попросился въ Золотицѣ ночевать, но, никѣмъ неупущенный, переночевалъ въ овинѣ, и, когда обратно проходилъ чрезъ Золотицу, сказалъ золотичанамъ: за то, что вы не пустили меня ночевать, всегда будете ѣздить съ погодою по зимнему пути.

Урочищъ, носящихъ какое-либо особенное замѣчательное названіе въ Золотицѣ нѣтъ, ручьи, пожни и мѣстности носятъ названія русскія: или отъ именъ жителей, или ихъ фамилій, или наконецъ отъ самаго свойства и вида мѣстности.

Сумскій посадъ находится въ Кемскомъ уѣздѣ въ 28 верстахъ отъ уѣзднаго города Кемь. Онъ расположенъ

по обѣимъ сторонамъ не широкой, съ довольно крутыми каменистыми берегами, рѣки Сумы, въ трехъ верстахъ отъ впаденія ея въ Бѣлое Море.

Названіе посада «Сума» по объясненію г. Рейнеке произошло отъ первыхъ здѣсь обитателей финскаго племени *suoma-laiset*, которое совершенно исчезло и не оставило по себѣ никакихъ преданій *).

Народное преданіе говоритъ, что Новгородцы, селившіеся по побережьямъ Бѣлаго Моря, заняли мѣсто нѣсколько выше по рѣкѣ отъ нынѣшняго селенія, въ такъ называемомъ загорѣ (за слободою).

Между Сумлянами извѣстна поговорка, которою они характеризуютъ себя: «Сума не купить ума, сама продаетъ». Поговорку эту, какъ говорятъ, сказалъ когда-то одинъ изъ Сумлянъ въ отвѣтъ таможенному чиновнику, грозившему поймать его съ контрабандою.

Въ память жителей, до сихъ еще поръ, посадъ сохранилъ свои старинныя названія, которыми дѣлятся на слѣдующія части: «Низовье», населеніе, начинающееся отъ возморья; отъ Низовья слѣдуетъ «Жемчужный рядъ» **), самая средняя селенія; за посадомъ слѣдуетъ «Верховье», часть сего послѣдняго, состоящая изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ домиговъ и называющая «Труновымъ рядомъ» ***).

Другая половина посада по другую сторону рѣки, близъ острога, называется «Нагорье или погостъ», далѣе Кислая губа ****) и наконецъ на выѣздѣ «слобода». Холмъ же, на которомъ находятся церкви, называется Городовуха.

Церквей въ Сумѣ двѣ: каменная во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1635 году, и деревянная во имя Николая чудотворца, сооруженная въ 1768 году.

Вотъ тѣ мѣстности, къ которымъ главнымъ образомъ относится этнографическій матеріалъ, собранный сотрудниками П. С. Ефименка. О физическихъ свойствахъ самаго населенія, бытъ коего описывается въ этихъ матеріалахъ, авторы или ничего не говорятъ, или кратко упоминаютъ, что народъ Архангельской губерніи есть самый русскій, крѣпкій и здоровый. Только П. А. Ивановъ съ свойственною ему подробностію остановился и

на вопросѣ о физическихъ свойствахъ населенія Пинежскаго уѣзда, для этнографіи коего онъ представилъ вообще такіе обильные матеріалы. Очень можетъ быть, что природныя свойства остальнаго населенія Архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ средней части ея, подходятъ хоть отчасти подъ изображеніе Пинежанъ, предлагаемое г. Ивановымъ. Тѣмъ любопытнѣе должно быть это единственное въ нашемъ «Сборникѣ» описаніе физическихъ свойствъ мѣстнаго населенія. Вотъ что сказано въ немъ:

«Люди, начавшіе первѣе всѣхъ жительство въ настоящемъ Пинежскомъ уѣздѣ, были народъ изъ древняго финскаго племени, кочующій, грубый. (Арх. сбор., ч. I-я стр. 304—315). Вслѣдствіи народъ этотъ былъ названъ Сѣвѣрною Чудью, а Новгородцы называли его Заволоцкою Чудью.

«Какъ повсемѣстно слилаея Чудь съ русскимъ населеніемъ славянскаго племени, такъ это произошло и здѣсь. (Списокъ насел. мѣс. Арх. губ., л. XIV). Теперь все народонаселеніе уѣзда составляетъ чисто русскій людъ, или великоросѣвъ; но примѣсь отдѣльныхъ племенъ съ чистокровными русскими становится въ Архангельской губерніи замѣтно болѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Итакъ настоящіе жители уѣзда — изъ поколѣнія Чуди, среднившіеся сперва съ удалыми Новгородцами, а потомъ съ другими племенами русскаго населенія.

«Въ жителяхъ уѣзда число женскаго пола душъ превышаетъ мужской. Ихъ и родится и умираетъ болѣе, чѣмъ мужчинъ.

«Крестьяне рѣдкіе переживаютъ 80 лѣтъ. Замѣчено, что женщины здѣсь живутъ до глубокой старости, до какой не доживаютъ мужчины.

«Жители Пинежскаго уѣзда способны къ перенесенію суровости своего полярнаго края. Они спокойно сносятъ всѣ невзгоды, случающіяся въ годины несчастій.

«Освоившись съ климатическимъ вліяніемъ, они имѣютъ то здоровье, которымъ отличается Архангельскій народъ. Некрасиво со стороны, что при здоровьи челоѣкъ здѣшній походитъ на заспанную фигуру; но что дѣлать, такимъ уже отпечаткомъ надѣляетъ его полярная природа!

«Люди здѣсь плотнаго, дороднаго тѣлосложенія и одарены силою. Но приемы ихъ непринужденно лѣнны, вящества въ тѣлодвиженіяхъ нѣтъ, какъ равно хорошей осанки и особенной ловкости. Съ паружи люди кажутся скорѣе хилыми, а не мало есть и такихъ, которыхъ наружность по худосочию отражается видомъ изнуренности, какъ бы отъ голода или отъ болѣзней, и довольно сухощавыхъ.

«Напротивъ у женщинъ замѣчается тучность, толстота и овислость.

«Уже извѣстно, что сильный холодъ замедляетъ біеніе сердца и сжимаетъ органическіе сосуды. По этому, живя

*) Гидрографическое описаніе Сѣвернаго берега Россіи. Изданіе 1850 года. Часть I, стр. 416.

**) Сумляне рассказываютъ, что въ «Жемчужномъ ряду» жили самые изъ богатѣйшихъ обывателей посада, жены которыхъ украшали себя жемчугомъ.

***) Названіе «Труновый рядъ» произошло вѣроятно отъ слова «трунъ», что въ Сумѣ значитъ оборвышъ, бѣднякъ.

****) Сади «Кислой губы» лежитъ холмъ съ котораго послѣ дождей и при таяніи снѣга текутъ ручьи, усиливая сырость и зловоніе. Отсюда можетъ быть и происходить слово «кислая». Губою же по всей вѣроятности назвали потому, что въ этой части посада рѣка врѣзывается въ берегъ и образуетъ губу, которая въ лѣтнее время высыхаетъ.

въ полярномъ краѣ, человѣкъ здѣшній вообще малъ ростомъ, какъ и вообще народъ Архангельской губерніи, терпѣливъ, упрямъ и въ духовномъ отношеніи неподвиженъ. Малый ростъ есть печать скудныхъ даровъ отечества.

«Но, разсмотрѣвъ ростъ здѣшняго мужчины ближе и по соображенію съ ролостію въ другихъ уѣздахъ, увидимъ, что мужчины здѣсь роста средняго.

«По физическимъ условіямъ, для приѣма въ рекруты жителей Пинежскаго уѣзда, по закону, донынѣ сохраняется прежній ростъ 2 арш. 2½ вершка (въ другихъ мѣстахъ Россіи 2 арш. 3 вершка).

«Складъ челоѵка болѣе правильный, ровный; но замѣтна сутуловатость и нѣкоторая несоразмѣрность членовъ».

Образъ Пинежскаго жителя г. Ивановъ рисуетъ такіе образомъ:

1). Очертаніе головы шарообразно. Черепы пропорціональны и довольно объемисты; но замѣчается и чрезвычайная величина головы.

2). Шея болѣе короткія; съ широкимъ загривкомъ (затылкомъ).

3). Волосы черепа жестки, грубы, не совсѣмъ густые, нѣсколько курчавые и болѣе совершенно гладкіе. Цвѣтъ ихъ: русые и черные, переходящіе въ рыжеватые, такъ что болѣе съ свѣтлыми волосами на головѣ. Волосы у женщинъ хватаютъ иногда до задницы и ниже. Длинная коса въ почетѣ.

4). Лобъ широкій, но не такъ высокій и развитый.

5). Уши не выходящія изъ соразмѣрной величины.

6). Физиономія серьезна, въ угрюмой обстановкѣ, исключая молодыхъ женщинъ съ игривой улыбкой.

7). Господствующій цвѣтъ лица бѣлый и немного смугловатый. Въ лѣтнее время лица запекаются солнечнымъ жаромъ. За исключеніемъ 16—25 лѣтнихъ, у прочихъ лица блѣдныя, безъ румянца. У молодыхъ мужчинъ лица бывають полныя, а у пожилыхъ—тощія, съ рѣдкими исключеніями. У женщинъ же—полныя, гладкія и румяныя. Красныя здѣшнія бабы, что называется, кровь съ молокомъ.

8). Черты лица округлены и не рѣзки. Люди, вообще невзрачны собой.

9). Женщины вообще красивѣе мужчинъ; но онѣ рано старѣють въ замужествѣ.

10). Не мало увидѣть можно людей обоого пола изуродованныхъ оспою, веснушками и бородавками. Рыбыя лица показываютъ, что достаточно есть пренебрегающихъ предохранительною оспою.

11). Щеки у мужчинъ хотя бывають и широкія, но мало овальныя, болѣе впалыя; у женщинъ же широкія, овальныя и надутыя или *опухлыя*. Вообще скуловыя

кости широки и выдаются угловато; но лица все-таки имѣють овальную форму при отличительной ширинѣ. Характеристическая поговорка: *Пинега, Мезень—толста селезень*.

12). Глаза осѣняются высокими, отстоящими другъ отъ друга не густыми бровями: черными, и болѣе—свѣтло-русыми. У пожилыхъ онѣ нахмурены, а у молодыхъ не мало въ излучинахъ.

13). Глаза: сѣрые, каріе и черные болѣе, съ длинными рѣсницами. Они не малы и выдаются: либо на выкатъ, либо узко, когда впалые въ орбиты.

14). Носы болѣе умѣренные, но замѣтно широковадно-плосковатые. Есть толсто-круглые, прямо-тупые, приплюснутые къ верху и попадаются съ горбомъ по срединѣ.

15). Ротъ—органъ ѣденія, вообще, не малъ, а въ частности: большой и малый, т. е. неодинаковъ. Замѣтно выдается немного впередъ.

16). Гортанный звукъ у мужчинъ неблагозвученъ и даже непріятенъ; у женщинъ же чистый голосъ и болѣе или менѣ мужиковатый.

17). Губы толстоваты, полныя.

18). Подбородки толстыя, широкіе, круглые и мало выдающіеся, иногда двойные.

19). Зубы небольшіе, бѣлые, здоровые, не очень рѣдкіе, но у нѣкоторыхъ выходящія изъ рта на видъ и изъ пропорціи обыкновенной длины.

20). Усовъ и бороды не сбривають. Усы очень малы и рѣдки.

21). Бороды рѣдковолосыя, *клиномъ* т. е. прямыя, строгія, къ вискамъ скудныя. Но есть курчавыя бородки, бороды густыя и крутыя, какъ бараньи шапки, и такія есть *бородачи*, что у нихъ лице бываетъ усѣяно густыми и длинными отъ губъ до шеи и отъ подбородка до висковъ (окладистыми) бакенбардами, усами и бородою, но рѣдко.

22). Цвѣтъ кожи бѣлый. Не мало есть такихъ, у которыхъ обильно растутъ волосы по всему тѣлу.

23). Плечи—обыкновенны; но при сутуловатости широкія. Груды развитыя, широкія и возвышенныя. Полныя груды женщины, на виду, прибавляютъ ей красоту.

24). Руки грубы, съ мозолями на ладоняхъ. Ногти на пальцахъ отращивають большіе.

25). Станъ нестройный, не гибкій, исключая нѣкоторыхъ немногихъ. Талии толстыя.

26). Ноги толстыя, не длинныя и косыя. *Ступни* ногъ (стопы) сильно развитыя. Пяты ногъ толсты. На подошвахъ затвердѣлыя мозоли. На нижнихъ пальцахъ ногти нарастають безобразно.

27). Походка или поступь не твердая, спокойная, тихо-лѣнливая (тяжела на подъемъ русская натура, по по-

словицѣ), отчасти съ перевальцемъ, какъ бы качающаяся, съ опущенною къ низу головою, нисколько не важная, ни торжественная, ни гордая. Старые ходятъ подпираясь длинными палками, что придаетъ имъ заслуженный почтенный видъ.

28). Косы у здѣшнихъ дѣвушекъ удивительной величины. Распустя ихъ, они совершенно могутъ закрыть себя со всѣхъ сторонъ.

29). Въ формахъ преобладаетъ округлость, и видно накопленіе жира. Въ особенности у женщинъ сквозь кожу просвѣчиваетъ румянецъ.

30). Лиственную сѣру безпрестанно жуютъ особенно дѣвицы. Дѣлаютъ это для того, чтобы сдѣлать пріятнымъ

дыханіе. Но отъ того же укрѣпляются у нихъ десны, а зубы получаютъ бѣлизну.

31). Отличія особенностей въ образѣ челоуѣка здѣшняго уѣзда предъ другими жителями губерніи, мы дать не беремся, потому что въ народѣ почти нѣтъ общей фیزیономіи и черты нельзя не признать неправильными. Однако извѣстно же, что народъ, населяющій губернію, мало-схожъ между собою, если даже принять въ сравненіе одинъ уѣздъ съ другимъ *).

---

*) Въ описаніи Тулгаскаго прихода о жителяхъ его сказано: „почти всѣ роста средняго и здоровы тѣломъ, члены котораго соразмѣрны между собой. Господствующій цвѣтъ лица — бѣлый, глазъ — голубой, волосъ — русый, бороды — темнокаріи“.

ГЛАВА II.

ВНѢШНЯЯ ОБСТАНОВКА.

Программа для собиранія свѣдѣній о постройкахъ въ Архангельской губерніи.—Свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ, о жилищныхъ и постройкахъ крестьянъ Пинежскаго уѣзда: расположеніе селеній, улицы и ряды, оклады избъ, части ихъ, внѣшняя и внутренняя отдѣлка, печь, солныша, палаты, окна, украшенія, убранство горницъ; черныя избы, дворовыя постройки, хозяйственныя службы, промысловыя постройки, заводы; освѣщеніе, топливо, мѣста для сна, для стирки бѣлья; домашнія утвари и посуда.—Церковныя постройки.—Дополнительныя свѣдѣнія, представленныя г. Ивановымъ.—Чертежи крестьянскихъ домовъ и усадебъ, представленныя А. Шадринымъ.—Свѣдѣнія о постройкахъ въ селѣ Усть-Пуль, доставленныя священникомъ Ст. Мееодіевымъ.—Его же свѣдѣнія о разнаго рода руководѣльныхъ и хозяйственныхъ орудіяхъ.—Свѣдѣнія священника П. Павлова о постройкахъ въ Харюгорскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія священника А. Колчина о постройкахъ и домашней утвари въ селѣ Пингишахъ.—Свѣдѣнія священника В. Таратина о постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія о томъ же священника Г. Глѣбовскаго о Челмохотскомъ приходѣ.—Такия же свѣдѣнія о Сумскомъ посадѣ, доставленныя г. Шешенинымъ.—Свѣдѣнія священника Федорова о постройкахъ въ Лисестровскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія священника Владиміръца-Розонова о постройкахъ и утвари въ селѣ Зимней Золотницѣ.

Еще для Московской Политехнической выставки 1872 года, на которой между прочимъ предполагалось дать значительное мѣсто изображенію современнаго состоянія строительнаго дѣла въ Россіи, по Архангельской губерніи собираны свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ:

а). Какой архитектурный характеръ имѣетъ постройка крестьянскихъ избъ въ губерніи? Строятся ли избы одноэтажныя, двухъ-этажныя или болѣе?

б). Какого рода наводятся крыши на избахъ—крутыя или плоскія? Чѣмъ кровятся зданія (какъ крестьянскія, такъ и владѣльческія): жѣлезомъ, цинкомъ, тесомъ, черепицею, сланцемъ, дранью, гонтомъ, толстымъ картономъ или соломою, и въ послѣднемъ случаѣ какой употребляется способъ покрывки (съ глиняною смазкою, съ тарновкою или обыкновеннымъ способомъ). Необходимо приложить примѣрныя указанія о преобладаваніи того или другаго рода крышъ. Есть ли на крышѣ украшенія?

в). Строятся ли избы на каменномъ фундаментѣ или пѣть? Есть ли надъ избами подвалы, подъзбицы и т. п.?

г). Сколько въ избѣ комнатъ и какъ онѣ расположены?

д). Есть ли при избѣ лѣстницы, внутреннія или наружныя?

е). Есть ли въ избѣ дымовыя трубы или пѣть?

ж). Бываютъ ли при избахъ крыльца или свѣтлицы? Бываютъ дворы крытые или некрытые?

з). Куда обращены окна, какъ великъ ихъ размѣръ, и есть ли на нихъ украшенія?

и). Стоитъ ли жилое зданіе въ связи съ нежилыми или отдѣльно?

і). Какъ размѣщены избы въ селеніяхъ: выходятъ ли онѣ окнами на улицу или стоятъ во дворахъ? Расположены ли строенія рядами безъ промежутковъ или съ промежутками, прямыми улицами или ломаными, съ перекрѣнками или безъ нихъ, или всё строенія разбросаны отдѣльными хуторами или дворами?

к). Есть ли въ селеніяхъ площади, и чѣмъ онѣ обставлены? Какое положеніе относительно селенія занимаютъ церкви и дома духовныхъ лицъ: стоятъ ли они въ центрѣ селенія или площади, или образуютъ отдѣльныя приселки? Стоятъ ли помѣщичьи усадьбы среди селенія, или образуютъ отдѣльныя поселки?

л). Расположены ли селенія вдоль рѣкъ, или въ между-рѣчныхъ пространствахъ, и какими вообще обстоятельствами обусловливается размѣщеніе селеній—присутствіемъ ли воды, линіями дорогъ и т. п.? Если есть селенія между рѣками и линіями дорогъ, то вслѣдствіе чего они возникли?

м). Существуютъ ли въ селеніяхъ губерніи кирпичныя избы? Замѣтно ли въ новѣйшее время увеличеніе кирпичныхъ построекъ въ городахъ и селеніяхъ?

н). Существуютъ ли въ губерніи мазанки и строенія изъ каменныхъ валуновъ? Суть ли эти постройки—зданія жилыя или не жилыя, и не преобладаютъ ли онѣ въ томъ или другомъ родѣ построекъ, въ той или другой мѣстности губерніи?

о). Откуда вообще, при постройкѣ каменныхъ сооружений въ губерніи, берутся строительные матеріалы? Какія есть въ губерніи каменоломни? (перечислить ихъ, отдѣляя каменоломни строительнаго матеріала отъ ломокъ камня жерноваго, точильнаго, гипса и камней, служащихъ для украшеній и памятниковъ, каковы: мраморъ, гранитъ, лабрадоръ, и для обжиганія извѣсти). Какіе способы добычи камня употребляются въ губерніи? Какія есть въ губерніи разрабатываемыя мѣсторожденія глины строительной, горшечной, фаянсовой и фарфоровой?

п). Какой матеріалъ служитъ въ губерніи для шоссе-сѣйныхъ дорогъ и откуда онъ берется? и

р).- Какимъ вообще путемъ привозятся въ губерніи строительные матеріалы, сбываются ли произведенія каменоломенъ—внѣ предѣловъ ея и куда именно?

Хотя матеріалы, доставленные въ отвѣтъ на эти вопросы, не могутъ быть названы ни особенно полными, ни обстоятельными; но нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными, если не въ цѣломъ своемъ видѣ, то хоть въ извлеченіяхъ.

Начнемъ съ извлеченій изъ статьи волостнаго писаря П. А. Иванова: «Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда».

Населенныя мѣста въ Пинежскомъ уѣздѣ расположены при рѣкахъ Немногѣ (Кеврольской), Покшеньгѣ, Яворѣ, Немногѣ (Кулойской), Кудоѣ, и рѣчкахъ: Чугѣ, Гбачѣ, Петрогоркѣ, Чушедьгѣ, Сурѣ, Нюхтѣ, Выемѣ и Юлѣ и при озерахъ (чѣмъ далѣе отъ уѣзднаго города, тѣмъ менѣе): Курьѣ, Соляѣ, Окатовомъ, Юрьскомъ, Холмовскомъ и Заозерьѣ, а гораздо болѣе половины всего населенія утвердилась по главной здѣсь рѣкѣ Ппнегѣ.

Деревни расположились на высокихъ мѣстахъ, такъ чтобы *весна вода не пообидѣла*. Но есть дома и на низкихъ мѣстахъ и частію на островахъ, гдѣ въ большія воды наводняется и наводненіе дѣлаетъ уносы и поврежденія; такія мѣста называются *поемными*. Впрочемъ неудобства эти можно встрѣтить только въ волостяхъ: Никитинской, Ярушевской, Бирючевской и Свояпольской.

Нельзя сказать, чтобы мѣста, на которыхъ расположены селенія, не были выбраны съ умомъ и вкусомъ, ибо вблизи ихъ всегда почти есть проточная вода, а кругомъ растутъ тѣнистыя деревья, или же на открытыхъ мѣстахъ, гдѣ свободенъ проходъ воздуха и туманы разносятся легкимъ вѣтромъ. Ко всему этому слѣдуетъ присовокупить разборчивость на дары сѣверной природы: деревни либо очерчиваются замѣчательными рвами, косогорами, дорогою, или обрамляются рѣками, рѣчками, ручьями, нивами и лугами. Вообще мѣста хороши, по взгляду сѣвернаго жителя. Но эта красота является на короткое время. Въ длинную же зиму въ деревняхъ тихо, какъ бы безжизненно, въ полномъ смыслѣ уныло,

а вокругъ—мертвая тишина на улицѣ, одно трепетное завываніе сильныхъ порывовъ вѣтра; далѣе—на огромномъ пространствѣ ровный снѣжный покровъ и дремучіе лѣса. Видъ жилищъ дѣлается однообразенъ, печаленъ, спротивъ; дома запосѣты снѣжными сугробами, а внутри ихъ: дымно, грязно, некрасиво, скучно.

На многія деревни нынѣ нѣтъ плановъ. Отъ того и отъ неразборчивости мѣсть деревни имѣютъ по большой части неправильное расположеніе. Особенно дома, построенныя въ давнишнее время, стоятъ, мало того, что хило, какъ старушка стара, но и не по порядку раскинуты тамъ и самъ, въ разныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ, гдѣ *отъзоились* или *прижались вплотъ* (очень смежно) другъ къ другу, а гдѣ напротивъ одинъ отъ другаго далеко, или гдѣ идутъ почему-то ровно, а гдѣ то высунулись впередъ, то ушли назадъ; между ними же образуются *заулки, проулки, переулки* (промежутки между дворами) всегда съ сырою грязью, или же показываются слишкомъ просторныя пустыя мѣста. Все это произошло отъ того, что прежде выбирать мѣста подъ постройки предоставлялось крестьянамъ по собственному ихъ произволу и, разумѣется, каждый занималъ то мѣсто, которое ему нравилось. Только кое-гдѣ, къ удивленію, показываются среди деревень круглыя площадки. Впрочемъ еще съ недавнихъ поръ вошелъ здѣсь въ дѣйствіе строительный уставъ, а время переимѣнить и видъ построекъ, и понятія ихъ хозяевъ.

Строиться улицами было издавна въ обычаѣ у русскихъ. Такъ и здѣсь въ деревняхъ есть улицы, но онѣ не имѣютъ особыхъ названій, а дѣлятся на околотки или просто называются: тамъ... на задней улицѣ... позади... назади... впереди... попереди... на томъ концѣ (нижнемъ или верхнемъ), въ томъ или другомъ ряду. Есть улицы широкія, но довольно и узкихъ, кривыхъ и безобразныхъ, которыя по зимѣ отъ снѣжныхъ мятелей дѣлаются непроходимыми и непроѣзжими, а лѣтомъ грязны, вязки, мокры. Мощенныхъ улицъ нигдѣ нѣтъ, а грязныя изрѣдка заваливаются щепемъ или щебнемъ и пескомъ, и то по какому-либо распоряженію начальства.

Мостовыхъ (мостковъ) около домовъ тоже нѣтъ; а гдѣ ужъ очень грязно, тамъ чрезъ улицу кое-гдѣ просто набрасываютъ доски, жерди и колья. Пути бываетъ вездѣ по одной дорогѣ и для конныхъ, и для пѣшихъ.

Дома стоятъ хотя и не на поемныхъ, но болѣею частію на сырыхъ, необращаемыхъ въ сухія, мѣстахъ; вокругъ ихъ грязь; спереди, съ боковъ и сзади всякая нечистота, и къ ней же прибавляются разные домашніе помои, а отхожія мѣста почти вовсе не вычищаются.

Всякая падалъ: скотъ, овцы, собаки, кошки, протухшая рыба, птица и т. п. бросаются куда ни попало, или въ ближайшія озера, а не зарываются въ землю. Стоячія воды въ озерахъ производятъ броженіе и при

тихой атмосферѣ, особенно съ росой, зловоніе рѣзко поражаетъ непривыкшаго къ такимъ деревенскимъ благоуханіямъ, и лишь проносные вѣтры спасаютъ народъ отъ болѣзней, поражающихся отъ гнилыхъ испареній. О проведеніи же канавъ на улицахъ въ грязныхъ мѣстахъ, или для пропуска воды изъ вредоносныхъ озеръ, не бываетъ и помина.

Избы строятся болѣе на одинъ крестьянскій вкусъ и стройка ихъ довольно хороша собой по сельскимъ понятіямъ. Дома дѣйствительно помѣстительны, удобны, довольно красивы, чисты строеніемъ и, будучи крѣпко построены, вполне защищены отъ стихій. Не даромъ же о сельскихъ постройкахъ въ Архангельской губерніи многіе отзывались хорошо.

Дома всегда строятся продолговатыми глазами (лицевою стороною зданія) къ рѣкѣ или къ озеру, а боковымъ фасадомъ во дворъ. Любимое же мѣсто обращенное лицомъ къ востоку.

Они становятся болѣе въ два ряда; когда же постройка ведется въ нѣсколько уличныхъ линий, или *порядковъ*, то строенія обращаются передомъ тоже на улицу, но, по ранѣе сдѣланному очерку, и неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дома выходятъ на улицу задомъ. Линіи называются *рядами*, *порядками* и *сторонами*.

Во всемъ уездѣ сельскія строенія деревянныя, т. е. изъ плотныхъ бревенъ, и только въ рѣдкихъ деревняхъ на каменныхъ фундаментахъ. Чтобы, вмѣсто каменнаго фундамента, дома были на *ступняхъ* или сваяхъ, мнѣ не случалось видѣть. У нѣкоторыхъ домовъ для прочности, нижніе вѣнцы окалчивались берестею. Дома строятся на ровномъ совершенно мѣстѣ, или на невысокой заваленкѣ (земляной насыпи).

Какъ всякая постройка зданія дѣлается изъ растущаго лѣса, такъ и всякая при этомъ подѣлка бываетъ изъ деревъ же. Строительные матеріалы вездѣ мѣстные, ибо строеваго лѣса въ здѣшнемъ краѣ очень достаточно. Они заготавливаются не всѣми одновременно, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и доставляются къ мѣсту работъ постепенно. Гвоздей при постройкѣ дома идетъ самая малость, такъ какъ бревна, полы и потолки, въ случаѣ надобности, скрѣпляются посредствомъ вырубаемыхъ зубцовъ: въ нижней части—*зарубки*, а въ верхней—*выемки*.

Постройка начинается съ того, что дѣлается *окладъ* (закладывается основаніе) и не рѣдко случается, что закладка дома дѣлается въ первый годъ, а самая постройка продолжается съ слѣдующаго года.

Форма домовъ четырехугольная.

Бревна, употребляемая для постройки *жадлыхъ* избъ, выбираются преимущественно толстыя, длинныя и, при всемъ томъ, преимущественно здоровыя.

До начала постройки деревья очищаются отъ верхней

коры и просушиваются. Но есть дома, построенные изъ неочищенныхъ отъ коры бревенъ и не просушенныхъ хорошо; такія строенія конечно не бываютъ долговѣчны. Деревья не пилятся въ брусья, какъ это дѣлается сельскими жителями въ другихъ губерніяхъ. Стѣны образуются изъ накладываемыхъ въ квадратъ бревенъ *круж-ликомъ*, *вершинами* однихъ къ комлямъ другихъ. Только для нѣкотораго уравниенія толщины, верхнія и нижнія оконечности дерева отрубаются топоромъ, а по окончаніи постройки всѣ неровные концы отпиливаются вѣдломъ по угламъ.

Капитальныя стѣны, *чтобы не везло избное тепло*, проконопачиваются чернымъ мхомъ, особенно полы, пазы (скважины) въ мѣстахъ сращенія деревъ. Мохъ накладывается вездѣ тогда, когда нужно бревно класть выше и выше. Но, сказываютъ, что съ такою укупоркою дома бываютъ не такъ прочны, какъ прочіе; отъ того и отъ мягкаго грунта мѣста, на которомъ построенъ домъ, онъ постепенно съ годами *осыдаетъ* и *кривится*, а потому нерѣдко дома подводятъ (поднимаютъ) и *жаравятъ* (вставляютъ новыя бревна въ основаніи); разумѣется это дѣлается не вскорѣ, а лѣтъ черезъ 10—25. Бываютъ и такіе дома, въ стѣнахъ которыхъ нѣтъ мха, потому что прежде положенія наверхъ бревна нижняя сторона его выдолблена и вырублена *желобомъ*, коимъ оно уже плотно садится на нижнее бревно, не оставляя сквознаго прохода или щели, которыя проконопачиваются *наклею*. Поэтому такимъ домамъ отдають предпочтеніе въ плотности, да и строить ихъ собственно люди богатые.

Постройка производится зодчими изъ туземныхъ *плотниковъ* и нерѣдко самими хозяевами. Инструменты при этомъ употребляются: желѣзные топоры, пилы, скобки, струги, долота и буравы.

Жилыя избы у крестьянъ строятся или небольшими флигелями, въ одинъ этажъ, съ одною избой и нѣкоторыми *пристройками* и иногда комнатками, либо обширнымъ зданіемъ—домомъ въ два этажа съ вышкой, которая отчасти придаетъ дому снаружи видъ трехъяруснаго, въ которомъ однако-жъ заключаются не всѣ домовыя службы. Высота стѣнъ у флигелей бываетъ до 6 и 8 аршинъ, а высота двухъ-этажныхъ домовъ до 3 и 4 сажень.

Всякій домъ дѣлится на *передъ* и *задъ*. Въ двухъярусномъ домѣ верхнія комнаты называются *верхомъ*, а жилыя комнаты въ нижнемъ этажѣ *подъизбицей* или *подполуцей*. Самые этажи именуются *жилами*. Мезонинъ или свѣтелка—называется *вышкой*, а чердакъ *подволокою*. Чердаки бываютъ сухіе и на нихъ помѣщаются негодныя вещи, развѣшиваются вѣники, а осенью дома украшаются кистями вывѣшенной рябины. Лѣстницы къ нимъ бываютъ изъ сѣней, или неподвижныя съ перилами, или приставныя, обыкновенныя плотничныя.

Отъ стихій, вѣтра, дождя и снѣга, дома закрываются хоромами (крышами). Верхніе ряды бревень, на которыхъ утверждается крыша, и самая крыша, вмѣстѣ взятыя, называются иногда *сараемъ*. Кровліе кровель на домахъ повсемѣстно дѣлается на два ската. Крыши бываютъ довольно высокія; вершины ихъ на среднѣ остроконечны; а дѣлаются онѣ изъ *теса* (досокъ), топорной работы, или иногда изъ *тесницъ* — пильнаго дѣла, полагаемыхъ рядомъ съ покрышкою во второй рядъ по одной доскѣ на двѣ нижнихъ, и перѣдко съ фронтонами. Концы тесницъ на верху острія крыши укрѣпляются на стропилахъ *князькомъ*, т. е. большимъ выдолбленнымъ бревномъ (или отесаннымъ треугольникомъ), которое скрѣпляетъ крышу на самомъ верху, будучи пропущено во всю ея длину. Это самое верхнее бревно, идущее вдоль крыши, называютъ также *охлупнемъ* (Холмогорскій и Шенкурскій уѣзды). Въ Пингилахъ избы сводятся косякомъ, тесаными на два ската. Въ Курьѣ избы закрыты сосновыми досками въ жолобъ подъ охлупень. Князекъ заканчивается съ обоихъ концовъ на подобіе продолговато-остраго, либо тупаго птичьяго носа, а по всему ему сверху наколачивается десять или болѣе макушекъ. Внизу крыша укрѣпляется двумя жолобами (желубами), по той и по другой длиннымъ сторонамъ фасада во дворъ; они служатъ и для стока съ отлогихъ и широкихъ концовъ крыши дождевой и снѣговой воды. Для прочности жолобы осмаливаются и поддерживаются *коцережками* (числомъ отъ 4-хъ до 12-ти съ каждой стороны), которыя вдѣлываются въ верхніе вѣнцы стѣнъ и пропускаются къ *поперечнымъ* стропиламъ, на которыя накрывается плотно тесъ. Эти вбитые въ верхніе ряды стѣны деревянные крюки, поддерживающіе потолокъ съ крышею, носятъ названіе *курицъ*. Концы этихъ курицъ, называемыхъ еще *окручьями*, снаружи похожи то на конья головы (морды лошадей), то на голову змѣи съ разинутою пастью, то на голову какого-либо животнаго съ стоячими ушами, или рогами. Вся же совокупность бревень, входящихъ въ составъ жилой части описываемыхъ зданій, называется *стопюю*. Но есть не мало домовъ, а въ особенности *полу-домовъ* (не достроенныхъ), на которыхъ крыши плоскія, просто накрытыя тесомъ.

У нѣкоторыхъ домовъ, на концахъ кровель, *выводятся* деревянные *карнизы* (разныя украшенія), а у оконъ втораго этажа и мезониновъ съ лицевой стороны дѣлаются *навѣсы* (галереи или балконы) съ перилами, называемые болѣе *выходами*; окрашиваются они у рѣдкихъ домовъ; крышъ и куполовъ у нихъ не бываетъ.

Красятъ крыши *) и углы вымазываютъ дегтемъ для прочности только зажиточные хозяева; также очень рѣдко углы околачиваются досками.

*) Господствующій въ окраскѣ цвѣтъ — желтый и отчасти зеленый.

Домовъ образцовыхъ, т. е. выстроенныхъ съ чистою отдѣлкою, либо на каменныхъ фундаментахъ, либо обшитыхъ и окрашенныхъ, или съ раскрашенными крышами и углами, не болѣе двухъ десятковъ.

Лѣстницы дѣлаются болшею частію неуклюже. Онѣ бываютъ болѣе съ *наулиця*, съ боковъ домовъ, чаще съ южной стороны. Въ другихъ же домахъ входъ бываетъ одинъ съ деревяннымъ *предмостьемъ* (вмѣсто крыльца) изъ толстыхъ брусевъ, а оттуда входъ идетъ и въ нижній и въ верхній этажи. У нѣкоторыхъ же домовъ входовъ бываетъ два: грязный и чистый. По первому крыльцо низкое, т. е. предмостье, иногда только съ просто сдѣланными перилами, — ведетъ въ низъ; — верхній же входъ состоитъ изъ лѣстницы, о нѣсколько ступеней, которая обыкновенно выводитъ на террасу, называемую *рундюкомъ*. Это крыльцо, крытое, либо не крытое, бываетъ обыкновенно забрано съ двухъ сторонъ досками, или украшено перилами изъ витыхъ и точеныхъ баясь. Оно дѣлается на *стойкахъ*, и на немъ иногда устраиваются лавки и бываютъ желѣзные скобки, для оскобленія ногъ въ грязной обуви. *Надвѣсы* (крышка крыльца) у нѣкоторыхъ домовъ украшаются простою рѣзбою.

Отъ лѣстницъ обыкновенно идутъ и *ворота* въ дома. Они бываютъ всегда однопольныя, отворяются на желѣзныхъ крюкахъ, и запираются толстыми желѣзными полосами. Надъ воротами ставятъ мѣдные или деревянные кресты и иконы.

Сѣни вездѣ раздѣляютъ домъ по срединѣ на двѣ равныя половины; но часто и сами онѣ раздѣляются на дѣлянки съ *перегородками* изъ досокъ: однѣ сѣни *избныя*, другія горничныя; послѣднія часто замыкаются замкомъ и обращаются подъ складываніе разнаго имущества. Вообще сѣни, по болшей части бываютъ необширныя, смотря впрочемъ по дому, но иногда онѣ кажутся длинными и темными корридорами. Для освѣщенія сѣней дѣлается просвѣтъ, или просто изъ прорубленныхъ дыръ, или же изъ одного и двухъ небольшихъ оконъ. Сѣни всего болѣе бываютъ холодныя и весьма рѣдко теплыя. Полъ сѣней и самыя сѣни называются *мостомъ*.

Комнаты болше устраиваются *сподрядъ съ избой* и рѣдко съ боку, или сзади дома. Потому задъ его (т. е. другая половина) почти всегда остается болѣе *мужой* (не жилой, холодной). Но, не смотря на то, входы бываютъ особые въ каждую комнату и рѣдко изъ комнаты въ комнату.

По этому и двери дѣлаются почти въ каждую комнату особыя. Однѣ бываютъ постоянно однопольныя и, подобно домовымъ воротамъ, деревянные, въ три продольныя доски, столярной работы, четырехугольныя довольно низкія, вышиною до двухъ аршинъ, а шириною отъ 1½ аршинъ; отворяются снаружи къ себѣ, а изъ

комнаты от себя, и при томъ такъ, чтобы, выходя, ступать чрезъ порогъ приходилось не лѣвой, а правой ногой. Самая пола (створы) называется *дверью*, а косяки около нея въ стѣнѣ—*ободвериною*. Къ дверямъ прибываются *крюки, тяги, петли, пробоч, лебедки, защелки и крючки*. Для тепла въ зимнее время двери заботливыми семьянами обиваются со стороны стѣнной рогожами и циновками, а по бокамъ *ободверины*, со стороны избы, приколачиваютъ связанные пучки ржаной соломы, прикрѣпляя ихъ гвоздями и кусками кожи. Всѣ заботы крестьянъ обращены на то, *чтобы на улицу тепло изъ избы не вышло, а стужа—не могла заходить въ избу*, тогда какъ и безъ того избы отапливаются жарко, такъ что стѣны и двери чернѣютъ.

Изда *)—это людская или черная половина крестьянскаго обиталища, гдѣ живутъ всѣ, какъ бы семейство ни было велико; въ ней стряпаютъ, моютъ бѣлье, работаютъ, помѣщаются куры и собаки и (какъ въ верховскихъ деревняхъ) кормится домашній скотъ. Она дѣлается всегда обширною и въ равномъ разстояннн въ какую угодно сторону. Такое разстоянне, взятое въ длину, бываетъ отъ трехъ до четырехъ и болѣе сажень; въ вышину же изба отъ пола до потолка сажени полторы и менѣе.

Стѣны избы бывають внутри голыя, бревенчатыя или *отдѣланныя* (обтесанныя).

Потолки и полы въ избахъ *набираются* обыкновенно брусчатые: изъ дерева, у которыхъ горбы (горбыли) отпиливаются, и середина дѣлается толстою, а съ боковъ уже; потому самому *половица* и *потолочница* выходятъ въ ширину болѣе въ три и четыре объема, чѣмъ въ толщину. Но бывають въ избахъ потолки бревенчатые изъ накатника круглаго или распиленаго пополамъ (это, когда домъ одноэтажный). Въ двухъ-этажномъ домѣ полъ второго этажа дѣлается особо, а потолокъ для нижняго жилья также особо. Межъ этими поломъ и потолкомъ накладывается песокъ или земля, *чтобы не уходило тепло въ верхъ* подполки. И при одноэтажномъ домѣ, для удержанія тепла, сухая земля или песокъ насыпаются равно сверхъ потолка. *Потолочницы кладутся на машинцы*, которыхъ приходится на комнату по одной и по двѣ, а въ нижнемъ этажѣ по три, и которыя бывають толстыя, или изъ круглыхъ, или изъ обращенныхъ въ брусъя деревъ; половицы же въ нижнемъ этажѣ *кладутся, настилаются на подполки*, а въ верхнемъ, на балки—(арки) сверхъ потолка нижняго этажа. Потолочницы и половицы спланиваются деревянными шипами. Такъ какъ полы и потолки на другой же годъ *разсыхаются и расходятся*, то они разбираются и снова спланиваются.

*) Это относится до бѣлыхъ избъ; о черныхъ же избахъ см. ниже.

Печи въ избахъ дѣлаются изъ обыкновеннаго краснаго или алаго кирпича, туземной выдѣлки, сцементированныхъ *мшлою* (глиною); но много ихъ бываетъ *глиномятными*, т. е. сдѣланныхъ изъ битой глины. Предварительно устраиваютъ *печное мѣсто*, ставятъ въ колоду четыре столба; столбы распирають въ стѣны избыныя, попереchnыми во всѣ стороны; попереchnыя эти служатъ гридками или полками. Въ горницахъ печи голландскія. Но главная печь въ избѣ такая же, какъ и вездѣ у сельскихъ жителей въ Россіи,—чисто русская, широкая, какъ слѣдуетъ быть печарнямъ, всегда четырехугольная и на деревянномъ высокомъ фундаментѣ.

Печь называется *печкою* и раздѣляется народомъ на слѣдующія части:

1). *Напечь* *)—очагъ и лежанку сверху. Тутъ складываются дрова, лучина и все просушиваемое; тутъ же жители отогрѣваются отъ холода.

2). *Боровокъ* (сводъ) и *цело* (фронтонъ отъ устья). На боровокъ кладутся для просушки разныя вещи.

3). *Устье* (отверстіе печи спереди), служащее для накладыванія въ печь дровъ и для поставки и сажанія кушаній въ печь. Оно закрывается *заслонкомъ* изъ листоватаго желѣза, а мѣсто предъ печью отъ чела до шестка завѣшивается иногда одной или двумя койками, *занавѣсками*. Къ устью, когда печь топится, дабы *пыло не шло* сильно, приставляются горшки.

4). *Полъ* (капильный полъ въ ней) выкладывается изъ кирпича.

5). *Занеты* (два бока пола, къ заслону ближайшіе), куда загребаются кочергой уголья и помеломъ сметается зола.

6). *Шестокъ*, (полъ снаружи отъ заслона), *окладенный изъ кирпича*, или же сдѣланный изъ плитоваго камня. Въ послѣднемъ случаѣ шестокъ и называется *плитой*.

7). *Жиратокъ*—сторонъ шестка, отъ которыхъ продолжается дымовое отверстіе въ верхнюю часть свода.

8). *Кутъ*—дальняя сторонъ въ печи.

9). *Горнишка*—(безъ поясненій понятно устройство) на шесткѣ.

10). *Опечекъ* или *подопече*—конурка съ ставнемъ или дверцами. Туда кладутся печныя вещи: дрова, растопка, ухваты, кочерги и прочее.

11). Снаружи печи, съ наружнаго бока и спереди, выдѣлываются *печурки*, въ видѣ небольшихъ окошечекъ, гдѣ хранятся огне-дающіе матеріалы, мыло, мочалки и гдѣ сушатся или согрѣваются рукавицы, чулки, ошучи, катанки и т. п.

*) Она еще называется кошачьямъ городкомъ, ибо тамъ любятъ располагаться кошки.

Трубы дымовыя отъ печей обыкновенны: четырехугольной формы, не высоки, ниже одного аршина сверхъ крышъ и выводятся въ вертикальномъ положеніи; а въ двухъ-этажныхъ домахъ располагаются въ главноканитальныхъ стѣнахъ, *выходятъ колынами*, потому что, при соединеніи трубъ въ одинъ выходъ, своды ихъ ведутся *боровьями*, устроенными въ наклонномъ положеніи; проходы называются *дымоволоками*. Трубы выкладываются изъ кирпича, который цементуется глиною. Когда печь бываетъ истоплена, трубы закрываются, или закрутываются чугуннымъ блинчикомъ (кружкомъ, закрывающимъ трубу—ранѣе вьюшки) и чугунною или глиняною *вьюшкою* (сверху бличника), для чего въ трубѣ и дѣлается гнѣздо. Тутъ, гдѣ труба закрывается, дѣлаютъ входъ для выпиманія и закладыванія руками вьюшекъ (во множественномъ смыслѣ подразумѣваются и вьюшка, и бличникъ); онъ заслоняется желѣзнымъ *ставенькомъ*, или кирпичемъ и иногда по бокамъ затыкается тряпками. Вьюшки бываютъ въ трубахъ отъ каждой печи, или въ началѣ ихъ, или на чердакѣ; въ другихъ же домахъ сверхъ вьюшекъ на подволокахъ, бываютъ пропускаемы въ трубы, въ началѣ ихъ, *листы желѣзные*, которые *выдвигаются и задвигаются* по мѣрѣ того, много или мало нужно держать жару. Трубы отъ накопляющейся сажи очищаются шваброю, но очень рѣдко; ибо у крестьянъ есть свой способъ очищенія сажи:—проталкивать печи основными и ольховыми дровами *).

У многихъ домовъ четвертая часть избы противъ печи отдѣляется заборкою, перегородкою, называемою *шолнушею*, *солнышею*, или *солнышемъ*. Это—досчатая перегородка по грядкѣ, протянутой отъ сруба печи, начиная отъ угла оной до противоположной стѣны комнаты. Она занимаетъ пространства въ избѣ въ длину немного болѣе печатной сажени, въ ширину равняется съ шириною печи спереди, а въ вышину до потолка не доходитъ. Въ иныхъ домахъ, вмѣсто деревянной *заборки*, бываютъ пестрядные, холщевые и крашенные занавѣсы. Въ этомъ отдѣленіи придѣлываются *грядки*, *полатки*, *полки* и *полицы*, вокругъ всей перегородки, и тамъ же хранятся всѣ бабы домашнія орудія и хозяйственная утварь. У иныхъ хозяевъ въ углу шолнуши за печью устраиваются жернова для молотья крупы и хлѣба. Въ нѣкоторыхъ домахъ близъ печей дѣлаются небольшія *прилавки* или *голубчики*. Голбецъ передъ печью—составляетъ ходъ подъ полъ, куда кладутся разные припасы, могущіе вѣ избѣ замерзнуть. Вообще подъ поломъ, въ солнышѣ или избѣ дѣлается *подполье*—не глубокая яма, въ родѣ погреба, иногда съ укрѣпленнымъ бревенчатымъ срубомъ, съ небольшою лѣсенкою и входомъ посредствомъ опуска-

*) Этотъ способъ, принятый крестьянами Архангельской губ., былъ опубликованъ въ журналѣ М—тва Вн. Дѣль.

ныхъ дверецъ. Если въ избѣ не бываетъ заборки, то бываетъ пространное запечье, которое тоже именуется *шолныша*.

Вообще же уголь, противоположный запечному, составляетъ собственную принадлежность хозяйки, ребятишекъ и кухонной обстановки, блюды, горшковы, чашекъ и пр. Запечный уголь—темный: въ немъ помещаются жернова для молотья и укрываются хозяйки и хозяйка, когда не хотятъ кому показаться. Вдоль стѣны передней и боковой ставятся лавки; надъ окнами приколачиваются или *полки*, или вмѣсто ихъ оттягивается изъ цѣлаго бревна карнизъ—*зынза*. Въ избѣ тоже тянутся, наравнѣ съ другими грядками и воронцемъ, вокругъ стѣны надъ окнами, до полатей, печи и солныша, грядки и полки. Иногда выше грядокъ подъ потолкомъ на перекрестъ изъ стѣны въ стѣлу укрѣпляются рядомъ по двѣ жерди, называемыя *марами*, на которыхъ сушатъ лѣсъ для подѣлокъ, рыболовныя сѣти и т. п.; или черныя грядки для сушенія жита.

Въ избѣ, при входѣ, надъ дверью устраиваются какъ бы висяція *полати* или *нары* (антресоли) изъ полатницъ (досокъ гладкихъ), расположенныхъ по грядкѣ отъ стѣны, гдѣ двери, и по воронцу (брусу, протянутому изъ боковой стѣны къ стѣновому столбу сруба, который поддерживаетъ печь). По этому полати бываютъ въ длину равны длинѣ печи, но нерѣдко дѣлаются по выше очага ея, почти наравнѣ съ потолочною матицей. На полати складывается разная пошебная одежда и иногда все, что ни попало, безъ разбора; также онѣ назначены для спанья и помѣщенія дѣтей, такъ какъ на нихъ воздухъ обыкновенно теплѣе избяга.

Для взохода на печь и на полати къ деревянному основанію печи придѣлываются приступки, лѣстница изъ двухъ или трехъ брусчатыхъ не широкихъ ступеней, къ верху узкихъ, а иногда еще къ двумъ столбамъ, пронуценнымъ по угламъ печи, прибываются по ниже лежанки перилы, просто изъ одной жерди для облегченія подъема на верхъ. Сверхъ того перилами же служитъ деревянная распорка означенныхъ двухъ столбовъ, обыкновенно приходящаяся наравнѣ съ краемъ очага.

Въ избѣ, отъ *воронца*, къ потолочному матцю протягивается березовый *стязъ* (крѣпкая жердь), называемый *очапомъ*; въ потолокъ онъ укрѣпляется желѣзнымъ кольцомъ. Къ свободно качающемуся концу очапа привѣшивается дѣтская зыбка (люлька), вродѣ деревяннаго продолговатаго ящика, безъ крышки, или же *корзинки*. Это бываетъ, когда въ семьѣ есть малютка.

Оконъ въ комнатахъ прорубается не всегда четное число и не всегда одинаковой мѣры, что портитъ наружный видъ домовъ. *Окошки* бываютъ четырехугольныя, продольныя или въ высоту, или въ ширину. Рамы вставляются деревянныя, переплетенныя въ крестъ, со стеклами.

Большую часть оконницы небольшие, опускаются, или вовсе не открывающиеся и состоящая из одних рам летом и зимою. Стекла в рамах зеленые, само собою разумеется, не чистые, тусклые; их в рам бывает три в ширину и два в высоту, или на оборотъ, а каждое стекло величиной в четверть и меньше. Окно дѣлается немного, и они выходят на улицу только спереди, а съ боковъ мало. Прибавимъ къ этому, что стекла содержатся въ грязи, бываютъ часто разбиты, вставляются больше изъ кусочковъ, смазанныхъ толстымъ неровнымъ слоемъ замазки, или замѣняются сахарной и газетной бумагой, и потому летомъ въ избахъ бываетъ темно *середи бѣлаго дня*; а по зимѣ рамы и стекла обмерзаютъ дикими рисунками и сосульками на толстой ледяной корѣ, отпотѣваютъ спутри (отсырѣваютъ), гниютъ и производятъ сырость въ самыхъ комнатахъ. У зажиточныхъ же крестьянъ окна бываютъ *красныя, косячатыя и створчатые* на шолцерахъ отъ *отводовъ* и *косяковъ*, при томъ обширныя, свѣтлыя изъ бѣлаго или полу-бѣлаго стекла съ рамами, выкрашенными бѣлилами на маслѣ, въ шесть кисточекъ, т. е. двѣ в ширину и три в высоту съ *порожками* (внизу) и *подкоконя* (нижняго косяка). На зиму у зажиточныхъ въ окна вставляются *двойныя рамы*, межъ которыхъ на обоконье высыпается песокъ, а на него иногда кладутся: бѣлый мохъ, вѣтви рябины съ ягодами, куски кирпича, соль въ *тюричькахъ* и т. п.

Окна бываютъ еще волоковыя, небольшія в два стекла, *въ ставняхъ* (втулкахъ), которыя съ улицы обиваются кожей, или чѣмъ либо другимъ. Ставни эти вставляются на мѣсто лѣтнихъ рамъ на зиму. *Окошечки*, поддерживаемыя спутри на *вертлюжкахъ*, бываютъ вынимаемы изъ ставней, когда надобно что-либо подать изъ избы на улицу: милостыню нищему, рукавицы или ремешку ушедшему безъ нихъ мужику, или отвѣтить проѣзжающему на его вопросъ и проч. А въ старо-древнихъ домахъ, которыхъ находится много, есть еще окна изъ *слуды*, вставленной въ желѣзныхъ разнообразныхъ рамкахъ.

У оконъ приколачиваются *наличники* и *карнизы*, а во многихъ домахъ сверхъ того придѣлываются къ *стойкамъ ставней* (дверцы на желѣзныхъ петляхъ) для закрытія оконъ, когда нужно бываетъ. Онѣ *приставляются на день* къ стѣнамъ деревянными или желѣзными *вертлюжками*, или *припорами* (жердями отъ земли), а на ночь зимою для тепла закрываютъ самыя окна. Стороны ставней, открывающіяся наружу днемъ, для прочности вымазываются смолою и дегтемъ, или замазываются мѣломъ, либо охрою; у хорошихъ же домовъ ставни бываютъ расписныя, т. е. на нихъ для красоты рисуются различныя цвѣты, рѣзные линейки и другіе знаки. Однако же ставни бываютъ не у всякаго дома, и крестьяне,

вмѣсто нихъ, къ окнамъ на ночь приставляютъ соломенные *коверки*. Кроме того у зажиточныхъ хозяевъ окна въ домахъ завѣшиваются ситцевыми и кисейными занавѣсками.

Изъ сказаннаго выше можно было видѣть, что постоянную мебель крестьянской избы составляютъ: *грядки* полки, наполненныя разными приборами и посудой, *полаты*, загроможденныя разными разностями, *очагъ* съ *зыбкою* и *прилавокъ* у печки. Кроме того за мебель слѣдуетъ считать: 1) *Лавки* въ избахъ или *скамейки* въ горницахъ. Онѣ бываютъ неподвижныя, подлѣ стѣнъ, кругомъ избы. Это низкія сидѣнья (четверти на двѣ съ половиною отъ пола), замѣняющія диваны и стулья, бѣлыя, устроенныя изъ довольно толстыхъ досокъ. Но въ родѣ такихъ лавокъ бываютъ подвижныя бѣлыя *скамейки*. Онѣ приставляются къ стѣнамъ вдоль ихъ и берутся для сидѣнья, когда встрѣчается надобность (наприм. обставляются праздничные столы). 2) *Стульчики* или низкія *скамеечки*, простаго издѣлія, связанныя изъ ивовыхъ стволовъ, съ дощечкою посрединѣ наверху; стулья изъ простаго бѣлаго дерева съ закругленными спинками. 3) *Столъ*. Онъ составляется изъ *столовика* (гнѣзда ножекъ) и *столѣшницы*, длинной и чрезвычайно огромной доски, выдѣланной изъ одного дерева, или изъ нѣсколькихъ сколоченныхъ досокъ. Столъ стоитъ всегда въ *переднемъ углу* *), длиною отъ него къ углу, гдѣ порожекъ. На немъ совершается трапеза и стряпаются хлѣбы и другія печенья изъ тѣста. 4) *Наблюдники*. Они еще зовутся *блюдниками* и *блюдешками*. Это рядъ полокъ съ перильцами, прибитыхъ другъ надъ другомъ къ стѣнѣ въ солнышѣ пониже грядокъ; за нихъ кладутся въ прямомъ или покатомъ положеніи: блюда, тарелки, чашки, вилки, ножи, ложки и т. п. 5) *Шкафчикъ* съ дверцами надвое или безъ оныхъ, или поставецъ съ посудой въ углу солныша. 6) *Глиняная рукомойка*, или мѣдный *рукомойникъ*, повѣшенный отъ воронца или грядки близь печи, или близь порога въ углу. Подъ рукомойкой *лохань* (ведро-лоханка) на деревянной тумбѣ и тутъ-же *впникъ*. Надъ рукомойкой *вымза* (небольшая грядка), на которую кладется мыло. Но главнѣе всего избу украшаетъ *божница* (иланки или треугольникъ) въ переднемъ углу, обставленная образами на иконахъ и картинахъ. Кроме того въ избахъ иногда бываютъ *косыя зеркала* съ утиральникомъ, и у нихъ лежатъ или висятъ на *снуркахъ* гребни. Утиральники еще висятъ на особыхъ гвоздяхъ у печей.

Въ домахъ поселянъ рѣдко бываетъ болѣе четырехъ комнатъ: самая обычная постройка въ два и три *покоя*;

*) Переднимъ угломъ называется тотъ уголокъ, гдѣ божница; а такой уголокъ въ избѣ тотъ, который не занятъ солнышемъ.

жилой избы, иногда особой *скотной избы* *) и горенки; но въ некоторыхъ домахъ между избой и горенкой бываетъ четвертая средняя комнатка объ одномъ окнѣ, въ сажень ширины; она называется *чуланчикомъ*.

Горенки у зажиточныхъ крестьянъ бываютъ въ длину и ширину по 3 саж., у незажиточныхъ же онѣ чисто *копурки*, съ двумя или тремя и много четырьмя окнами, съ одними рамами, не болѣе 1½ саж. въ ширину, 3 саж. въ длину и 1 саж. въ вышину. Капитальныя стѣны бываютъ: или бѣлыя обдѣланныя, или отдѣланныя чистенькими по сельскому вкусу, т. е. обиваются недорогими обоями (шпалерами), или оклеиваются простой *оклейкою* (бумагой), которая *выблывается* мѣломъ на клею, иногда смѣшаннымъ съ желтымъ цвѣтомъ выпаренныхъ въ кипяткѣ листьевъ отъ сухихъ березовыхъ вѣтчиковъ. Потолки въ *горницахъ* болѣею частью изъ обтесанныхъ брусевъ, выбѣленныхъ мѣломъ, а полы изъ накатника, чище и бѣлѣе избныхъ. Двери простыя и однопольныя; но въ некоторыхъ домахъ онѣ раздѣляются надвое и бываютъ столярной работы. Печи въ горенкахъ дѣлаются болѣе русскія, какъ въ избахъ, и частью *голландскія* (голландскія) изъ кирпича; у послѣднихъ привѣшиваются къ устью чугунныя дверцы. — Трубы уже извѣстны.

Горницы, какъ отхожія комнаты, служатъ для пріема гостей во время праздниковъ и въ торжественныхъ случаяхъ. По этому въ нихъ почти и не живутъ, и онѣ не отапливаются во все это время, исключая развѣ случаевъ, когда *морозятъ таракановъ* и избы *отворяются* (рамы изъ оконъ вынимаются и двери отворяются *настежь*). Оттого комнаты эти обращаются въ хранилища имущества и не поддерживаются въ порядкѣ и чистотѣ.

Мебель въ горницахъ бываетъ небольшая; но все же есть маленькая роскошь, именно: бѣлыя деревенскія *скамьи* такъ-же, какъ въ избахъ подвижныя и неподвижныя, которыми обставляется почти на округъ горница, иногда простые стулья, деревянные, окрашенные въ красную краску, безъ подушекъ и съ подушками; одинъ или два большихъ раскрашенныхъ *стола* съ точеными ножками, либо обыкновенные складные, либо раздвижные, покрытые лакомъ, накрываемые бѣлыми *скатертями*; одинъ, два и даже три посудныхъ *шкафа*, въ которыхъ на полкахъ подъ стекломъ хранятся: чайники, чашки, стаканы, рюмки, ложки и проч.; *наблюдникъ*, на которомъ, (а также по зымзамъ печи) раскладывается разная посуда; *рукомойникъ* мѣдный, а подъ нимъ такой же тазъ на стулѣ, табуретѣ или скамейкѣ у порога близъ дверей, а иногда въ *запечель*; въ простѣнкахъ висятъ или бываютъ поставлены на гвоздяхъ, одно или два безобразныхъ зеркала четырехъ-угольной формы, въ рам-

кахъ **), иногда еще подъ наклеюкою красного дерева; а сверхъ ихъ растягиваются чистые *сточники* (полотенца) съ суздальскимъ узоромъ. Случаются въ горенкахъ еще чашы старинныя: огромныя стѣнные, съ боемъ, безъ футляровъ, и карманные луковичеобразныя; а иногда не дурной комодъ, накрытый салфеткою съ тремя или четырьмя выдвижными ящиками. Но главное украшеніе комнатъ у крестьянъ—иконостасъ и собраніе картинъ. Извинятъ намъ, если мы поговоримъ объ этомъ предметѣ съ подробностями.

Жители любятъ устанавливать *божницы* (выкрашенныя планки въ видѣ трехъ-угольника) въ переднихъ углахъ. Божница—это завитное тябло. Особенно почитаются иконы *стариннаго письма*, хотя бы онѣ были и *опержавшія* (съ стертой живописью) ***). Въ имѣющіеся образа болѣею частью простыя, иконописныя, произведенія русскихъ художниковъ, и болѣею частью Суздальскаго письма на доскахъ. Въ образа и воздвигательныя кресты нерѣдко находятся въ дорогихъ кивотахъ, съ позолоченною рѣзбою, въ мѣдныхъ, аплике или серебряныхъ окладахъ, — съ мѣдными и серебряными *ризами*, уложенными жемчужными и бисерными роснами, съ мѣдными серебряными и золочеными вѣнцами, на коихъ навѣшиваются: ручки, ножки, сердца, головы и проч. серебряныя слитки, а также медали, кресты, ленты и проч. Если кивота нѣтъ, то иконы задерживаются *пеленой*, тафтничкой-трипичкой. Кромѣ такихъ образовъ и распятій ставятся мѣдныя литые створцы съ изображеніями годовыхъ великихъ, Господскихъ и Богородичныхъ, праздниковъ. У иконъ бываютъ повѣшены лампады съ шкаликами, въ которые наливается деревянное масло, и небольшія паникадила съ восковыми свѣчами. Тутъ же въ щели втыкаются ручныя каддила, а на божницѣ находятся: бутылки съ деревяннымъ масломъ, ладоницы и просфора, а за иконы кладутся пуки вербъ. Картины съ священными предметами и изображеніями духовнаго содержанія, покрывая стѣны горницъ и избъ, составляютъ не столько святыню, сколько настѣнныя украшенія.

Сверхъ того, рѣдкая горенка у крестьянъ не оклеена по стѣнамъ, отъ потолка и до лавокъ, лубочными картинками въ родѣ Погребенія кота, увеселительно-штривыми, или картинками апраксинскаго искусства, болѣе торжественными и патріотическими, какъ-то взятіе Карса, бомбардированіе Севастополя, съ изображеніями разныхъ военныхъ дѣйствій въ Россіи. Есть также картины съ изображеніями лицъ царской фамиліи, русскихъ героев:

*) Рамки обклеиваютъ чѣмъ попало: верхушками съ помадныхъ банокъ, конфектныхъ билетиковъ и картинокъ и проч.

**) Когда лики на иконахъ совсемъ исчезнутъ, то ихъ спускаютъ на воду.

*) Тоже, что черной. См. далѣе.

Кутузова, Суворова, Паскевича, Меншикова и других; а въ хорошихъ домахъ нерѣдко встрѣчаются рамки за стеклами съ портретами, довольно правильно изображающими взятая для того личности, а также съ съемками монастырей, богоугодныхъ зданій и чтимыхъ народомъ мѣстъ *).

Черныя или *курныя избы* **) суть одножилые флигеля. Онѣ принадлежатъ преимущественно бѣднымъ обывателямъ; но есть и у зажиточныхъ, которые имѣютъ большое скотоводство, большое землешество или какой либо заводъ, а потому — нѣсколькихъ рабочихъ. Такія избы не всѣ старыя, а и вновь строятся. Избы эти бываютъ мшанныя. Строятся изъ обыкновеннаго матеріала, стѣнамъ и потолоку бываютъ голые, бревенчатые; полы стелются изъ накатника; двери простыя, однопольныя. Устройство черныхъ избъ таковое-же, какъ и бѣлыхъ: тѣ же скамьи, грибки, полки, полати, очаны, рукомыйки, столы и проч.

Черными или курными (а у хозяевъ при хорошихъ домахъ онѣ называются скотными) избами называются потому, что у нихъ не бываетъ прохода дыма изъ печей обыкновенными трубами, а вмѣсто ихъ въ сѣнныхъ стѣнахъ избъ, близъ потолоковъ и печей, прорубаются окна, въ родѣ большихъ духовыхъ форточекъ, называемыя *домликами* и *дымоволоками*. Близъ печей такихъ же, какъ и въ бѣлыхъ избахъ (только безъ трубъ), на деревянныхъ кочережкахъ вѣшаются котлы съ водою, чтобы не пролетали искры огня, а изъ огромныхъ *черныхъ* печей (надъ шесткомъ не бываетъ свода, ведущаго въ трубу) дымъ идетъ устьемъ ихъ прямо въ отверстіе или въ избу, чрезъ круглыя верхи печей, и ходитъ по верху избъ, обнимая чуть не половину квадратныхъ хатъ; потомъ онъ уходитъ по подволокамъ подъ кровли и выходитъ деревянными трубами, послѣ чего окна закрываются деревянными ставнями на крюкахъ. Иногда ставней не бываетъ, а дымоволоки съ отверстіями прикрываются съ боковъ стѣнъ, возлѣ которыхъ стоятъ печи въ избахъ; такія трубы дѣлаются рѣшетчатыя.

Отъ *чаду* потолокъ и стѣны по полатямъ и гридкамъ такъ копятся, что грязь лоснится и блеститъ; а оттого онѣ бываютъ грязны пуше бѣлыхъ избъ и воняютъ хуже ихъ, ибо воздухъ отъ дыма дѣлается похожимъ на банный. По верху, начиная съ Вереколы, въ черныхъ избахъ ставятся огромныя чаны съ приготовленнымъ кормомъ и поиломъ для скота, куда загоняютъ коровъ ут-

ромъ и вечеромъ, кормятъ и доятъ. Во время топки черныхъ печей дѣлается очень холодно; но когда печь истопится и отверстіе въ стѣнѣ закроется, тогда изба скоро и сильно нагрѣвается, словно въ банѣ. Зачастую въ смежности съ черной избой бываетъ горенка.

Отхожія мѣста, называемыя *пужниками*, рѣдко устраиваются. Ихъ замѣняютъ оставленные въ полахъ надъ хлѣвами дыры, или около стѣнъ на сѣнникахъ, гдѣ нибудь въ углахъ; въ нижнихъ этажахъ, или въ одножилыхъ жилахъ нерѣдко и ихъ не бываетъ, а для исполненія естественной потребности выходятъ на улицу или на навозъ въ хлѣвы. Иной видъ отхожихъ мѣстъ суть простыя казитки съ узкими дверцами, а больше безъ нихъ, съ маленькимъ четвертнымъ въ квадратѣ окошечкомъ, закрытымъ стекломъ, и чаще вовсе не закрытымъ, съ *ридукомъ*-лавкою, съ двумя или одною круглыми дырами. Проводятся они болѣе надъ хлѣвами, либо возлѣ нихъ.

Въ нежилой (глухой) половинѣ дома чрезъ сѣни, бываетъ *повѣть* или *спиникъ*, *спивоваль*. Это огромная нежилая пристройка къ задку дома, наравнѣ съ передомъ его, какъ въ ширину, такъ и по вышинѣ и нерѣдко подъ одною, сподрядъ съ нимъ, сплошною крышею. Она не отдѣляется набѣло. Повѣть всегда надъ *хлѣгомъ*, потому, если домъ низокъ, то повѣть поднимается и крыша надъ нею дѣлается выше домовою кровли.

Входовъ на повѣть бываетъ два и три. Повѣть отъ сѣней отдѣляется: или капитальною стѣною, или же *заборкой*, *перегородкой*. Въ той или другой дѣлаются обыкновенно двери, а для входа къ нимъ съ сѣней — лѣстница о двухъ или нѣсколькихъ ступенькахъ (ибо полъ повѣти не всегда бываетъ наравнѣ съ поломъ сѣней, какъ уже мы видѣли). Съ улицы на повѣть поднимаются въ распашныя ворота, растворяющіяся въ разныя стороны на желѣзныхъ крюкахъ; къ хатѣ они привѣшиваются на толстыхъ желѣзныхъ полосахъ, и запираются *запорами* (деревянными толстыми закладинами) по *взвозу* (иногда выговаривается просто *возъ*), т. е. широкой и отлогой бревенчатой плоскости съ перилами о двухъ или трехъ жердяхъ, построенной сзади или съ боку повѣти на *стойкахъ* (копрахъ). На повѣтяхъ, около стѣнъ дѣлаются лѣсенные спуски въ хлѣва; это третій входъ, ибо въ хлѣвы еще двери бываютъ снизу.

Для освѣщенія въ сѣновалѣ оконъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ въ стѣнахъ прорубаются скважины, въ видѣ окошекъ. Въ повѣтяхъ хранятся сѣно и солома, на полу, или на высокихъ *марахъ* (правильнѣе *парахъ*, т. е. примосткахъ), также мохъ, вѣники, земледѣльческія орудія, косы, сани, телеги и проч. *).

* Картинки разнаго содержанія распространяются въ городѣ и по деревнямъ въ праздники, на рынкахъ, торжкахъ и ярмаркахъ смѣло спекулирующими торговцами.

** Въ *уездѣ* они все еще существуютъ. При учрежденіи въ 1838. (хрон. переч. мѣсяц. 1866 г.). Мин. Госуд. Имуществъ, считалось дымовыхъ избъ 1373, а въ 1860 г. оставалось 425. (изъ отчет. бывш. Окр. Упр. Г. И.—въ).

*) Для этихъ предметовъ нѣкоторыми устриваются особые сараи и навѣсы. См. далѣе.

На повѣти же устраиваются: *кльти*, *засыки* и *мяклицы*, т. е. перегородки или коморки, куда для сохраненія скидываются: всякаго рода хлѣбъ, другіе предметы продовольствія, солома и мякина. Всѣ кладовые чуланы бывають устроены или изъ капитальныхъ стѣнъ съ надлежащимъ потолкомъ, или же изъ набора досокъ пильной работы, и ходъ въ нихъ бываетъ: или особо сдѣланными дверьми съ замкомъ, или же разборкою *потолочникъ*. Выходъ на потолокъ совершается: или по приставной легкой лѣстницѣ, или же по неподвижной, пригнанной и для хода на чердакъ. Всѣ вообще чуланы бывають небольшіе и невысокіе, всегда почти прижатые къ надворной стѣнѣ сѣнника, въ которой продѣлывается на свѣтъ небольшое и узкое окно, загражденное или вбитое планками, или стекломъ—двумя въ рамкахъ. Нерѣдко кладовыя бывають подъ избами, когда домъ порядочно высокъ, а въ нѣкоторыхъ домахъ такихъ бываетъ по нѣсколькѣ. У нихъ двери крѣпкія, на замкахъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что за недостаткомъ помѣщеній, въ кладовыя обращаются горничныя сѣни и самыя нежилыя комнаты.

Мы уже сказали, что хлѣвы бывають подъ повѣтями, когда дома высоки: переды такого дома на подызбицахъ, а задъ съ повѣтими подняты надъ хлѣвами. Но устраиваются и особые отъ дома хлѣва, или въ соединеніи съ домою, но съ особою *хороминою*, или же пристроиваются наравнѣ съ домами и подъ одною крышею, позади *дворицъ*, а то и *въ исподи*, подъ жилыми комнатами. Въ первомъ и последнемъ случаяхъ ходы къ скоту бывають особыми отъ дома дверьми; а во второмъ—черезъ сѣни, или же дворомъ. Кромѣ того бывають лѣсенныя спуски съ повѣтей.

Отъ вліянія суровой и холодной погоды, хлѣвы для помѣщенія скота, круглымъ счетомъ, въ теченіе восьми холодныхъ, безтравныхъ мѣсяцевъ, устраиваются прочныя, теплыя и при всемъ томъ помѣстительныя. Строительные матеріалы обыкновенныя. Крыши, когда хлѣвы въ особыхъ зданіяхъ, закрываются дранью; овечьи же стаи особо устраиваемыя, кроются шатромъ изъ досокъ. Стѣны квадратныя, бревенчатыя, печистыя. Потолки изъ накатника на матицахъ. Отчасти хлѣвы проконопачиваются чернымъ мхомъ. Хлѣвы больше бывають безъ половъ и вязки; а хотя есть и мощные, но грязь съ нихъ счищается рѣдко. Оттого воздухъ въ хлѣвахъ постоянно пропитанъ испареніями, и очищается только весной и лѣтомъ, когда ворота двора и двери открываются совершенно для просушки. Сырые хлѣвы никогда не окуриваются. Однакожъ навозъ не остается долго подъ скотомъ, а убирается изъ хлѣвовъ по мѣрѣ накопленія. *Наземъ* (навозъ) вываливается изъ хлѣвовъ на улицу; уборка его бываетъ по утрамъ. Для сего, не высоко отъ пола, въ стѣнахъ прорубаются окошечки съ

штулкою. Противъ этихъ отверстій дѣлаются на улицѣ *подмости* изъ досокъ или *накатника*. На нихъ навозъ хранится въ кучахъ, до тѣхъ поръ, пока его надо увезти *на поле*. Должно полагать, что выкладка навоза на подмости признана полезною.

Хлѣвы, служа помѣщеніемъ для коровъ, быковъ, лошадей и отчасти овецъ, за неизмѣнимъ овчаренъ и копошенъ, отдѣляются *стоями* и *стойлами*. Раздѣленіе ихъ производится досчатыми невысокими перегородками по обѣимъ сторонамъ *двора* *). Въ стаяхъ и стойлахъ забираются изъ досокъ, отъ стѣнъ хлѣва, не широкія и не такъ высокія, но довольно глубокія *ясли*. Въ нихъ съ новѣтей опускается скоту въ извѣстное время сухой кормъ: сѣно, солома и др. Это дѣлается посредствомъ проходовъ, сдѣланныхъ около стѣнъ въ потолкѣ хлѣвовъ предъ каждымъ яслими. Черезъ эти же отверстія возобновляется воздухъ въ хлѣвахъ. Разумѣется, когда хлѣвы бывають въ особыхъ зданіяхъ, кормъ въ ясли сносится просто. Въ ясляхъ остаются *обглодки*; они убираются довольно рѣдко, тогда какъ черезъ то очень чувствительно рождается сырость и гниль, уже не говоря о томъ, что кормъ здѣсь нерѣдко дается гнилой и мерзлымъ.

Свѣта въ хлѣвахъ бываетъ очень мало, ибо онъ входитъ только черезъ небольшія, узкія, продолговатыя *окошечки* въ четыре, три, два и одно небольшія стекла; а у другихъ хозяевъ бывають вмѣсто ихъ простыя *продушины*, т. е. вырубленныя въ стѣнахъ дыры, которыя во время стужи затыкаются сѣномъ или соломой; а съ наступленіемъ оттепелей *затычки* оттыкаются.

За симъ всѣ домовыя постройки описаны. Остается сказать про уличныя украшенія домовъ и службъ.

Какъ ни хороша обстройка въ Архангельской губерціи, дома снаружи нерѣдко кажутся болѣе безобразными, чѣмъ благодивными. Кромѣ того снаружи почти всѣхъ домовъ кладутся въ *костры* и въ *стойки* дрова, *сляки*, *кряжевиакъ*, жерди, колья, тутъ же сани, тѣлги, бороны, щепы и неприбрачныя деревья. Все это окружаетъ строенія, будто бы, для тепла отъ зимнихъ холодовъ, а въ теплое время отъ дождей (**).

Деревьевъ, посаженныхъ возлѣ домовъ, вовсе почти нѣтъ. Но въ старое время народъ любилъ обсаживать ими. Это видно изъ того, что въ древней Кевроль въ огородахъ много стоитъ деревъ-сажанцевъ, куртинами, т. е. единично. За то флюгера, огороды, заборы и тыны есть.

*) Дворомъ называется мѣсто надъ домою между хлѣвомъ и стойлами. Въ иныхъ домахъ двери простираются во всю длину домовъ и имѣють спереди и сзади большія ворота. Дворы стоятъ рѣдко очищенными отъ навоза. Ворота у нихъ такія же, какія у ввоза на повѣть.

**) По зимѣ еще нѣкоторые хозяева зарываютъ основанія домовъ снѣгомъ, чтобы не вело, не подвѣивало.

Указателями направлення вѣтровъ служатъ крестьянамъ домашнія *флюгарки* (флюгера). Они устраиваются на длинныхъ, гладко обтесанныхъ, жердяхъ, въ видѣ высокихъ корабельныхъ мачтъ, которыя и скрипятъ на вѣтру, словно на суднѣ. Шесты эти укрѣпляются въ землѣ, или на открытыхъ мѣстахъ, или возлѣ домовъ, либо другихъ строеній, болѣе въ углахъ *). Флюгера дѣлаются изъ сукна, кумача, ситцевъ, просто изъ дерева, виляющаго около тонкаго шпенька, или подѣлочнаго, т. е. въ разныхъ фигурахъ, статуэткахъ, изображающихъ пѣтуха, курицу, лошадь и др., или же расширенныхъ крыльевъ и хвостовъ сорокъ, вздѣтыхъ на нитки и заземленныхъ въ планочныхъ жемахъ, которые вертятся на шпенькѣ въ любую сторону.

Живыхъ изгородей нѣтъ, не смотря на то, что множество ивины пропадаетъ на корнѣ. Частоколы встрѣчаются рѣдко, и то лишь у поселившихся солдатъ. Нивы, луга и гряды обносятся изгородями, называемыми всегда *огорожею* и *огородами*. Онѣ устроиваются изъ еловыхъ и сосновыхъ кольевъ и жердей, и продолжаютъ *пряслами*. Каждое прясло строится изъ шести кольевъ, длиною до $1\frac{1}{2}$ саж., въ концѣ заостренныхъ и вколачиваемыхъ горизонтально крѣпко въ землю пластью или обухомъ топора. Колья въ такомъ пряслѣ переплетаются ивовыми и *еловыми вязами*, отъ 6 до 8, 10 и 12-ти вязовъ на каждой парѣ кольевъ. Еловые вязы бываютъ крѣпче, и ихъ размячаютъ надъ огнемъ. На каждый вязъ вкладется по одной жерди, длиною въ 2—3 сажени и обтесанной въ толстомъ концѣ; одна жердь приходится на шесть коловъ. Затѣмъ колы подпираются съ одной или съ обѣихъ сторонъ небольшими кольями, косвенно-вбитыми **). Большое или меньшее число вязовъ и жердей въ огородѣ зависитъ отъ мѣстности: такъ, около выгоновъ, гдѣ пасется много рогатаго скота и бродятъ табунами лошади, всегда готовы сломать изгородь, *огороды плотные*, или гдѣ много ходитъ овецъ, чтобы не могли заползти за изгородь; а за лѣсомъ, озеромъ, рѣкою и другими естественными преградами, огороды проще, плоше, а въ иныхъ мѣстахъ ихъ и вовсе не бываетъ. Длина огородовъ весьма различна: обыкновенно она бываетъ сообразна съ величиною площади огораживаемаго мѣста. У большихъ *ободовъ* (общихъ сѣнокосовъ), въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролегаютъ проѣзжія дороги, почтовые, проселочныя и полевая, тамъ по срединамъ полотна дорогъ устроиваются или раскладочныя заборы, или створчатыя ворота, обыкновенная простота которыхъ извѣстна всякому.

*) Флюгера бываютъ еще на вѣтряныхъ мельницахъ и парусныхъ судахъ.

**) Верхушки колеи не опиливаются и не обрубаются, какъ это дѣлается крестьянами Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ.

Вверху же уѣзда, какъ напримѣръ въ Кеврольскомъ краѣ, а отчасти и *понизу*, вмѣсто означенныхъ огородовъ, изгороди состоятъ изъ столбовъ, въ которыхъ выдалбливаются дыры, такъ чтобы въ нихъ могли проходить жерди, коихъ въ столбѣ бываетъ три, четыре и до восьми. Такія ограды крѣпче, стоятъ дольше, да и матеріалу забираютъ меньше. Кромѣ того, нерѣдко можно встрѣтить плетни, устроенные изъ хвойныхъ жердей съ вѣтвями. Это бываетъ тамъ, гдѣ есть *росчисти*, или гдѣ почва песчаная въ вѣтеръ можетъ переносить песокъ.

Тынами, или *заборами*, обносятся дома рѣдко; ихъ замѣняютъ такіе же огороды, какими обносятся поля и пожни. Имѣющіеся же построены изъ поставленныхъ въ землѣ столбовъ съ набитыми досками пильнаго дѣла. Ворота въ тынахъ бываютъ двойныя, распашныя. Они затворяются *запорами* и *вертлюгами*. Близъ нихъ бываютъ калитки съ небольшими воротами. Тѣ и другія вымазываются смолою.

Что касается остальныхъ службъ, то въ Пинежскомъ уѣздѣ чаще всего крестьянскій домъ и холодныя службы составляютъ одну связь. Но необходимость, или невозможность содержанія помѣщений всѣхъ вмѣстѣ, заставляютъ возводить особыя зданія въ сторонѣ отъ домовъ, и потому строенія бываютъ *надворныя* и *стороннія* (отдаленныя). Къ первому отдѣлу можно причислить: сарай, навѣсы, амбары, погреба, колодези и бани, а ко второму: прясла, овины, гумна, мельницы, избушки—скотныя, перевозныя, сѣнныя и заводы—кузнечныя, кирпичныя, гончарныя, кожевенныя, скорняжныя, красильныя, известковые, зольныя, угольныя, смолокурныя и дегтярныя.

Сарай есть складочное мѣсто для сѣна. Онъ обыкновенно представляетъ пустое зданіе, построенное изъ растущихъ или сухоподстойныхъ деревьевъ, не одинаковой длины и высоты, въ четыре стѣны и съ тесовою крышею. Внутри нѣтъ ничего, кромѣ пропущенныхъ отъ одной боковой стѣны къ другой *матенныхъ бревенъ*, на которыя постилаются тесницы, куда и складывается сѣно. Крестьянами сарай выстраиваются очень рѣдко. У нихъ на то есть повѣти.

Навѣсы. Они строятся только изрѣдка, напримѣръ на станціяхъ, для храненія телегъ, саней, повозокъ, а также землѣдѣльческихъ орудій; тутъ же отъ снѣга и дождя привязываются впотѣвшія лошади. Строятся они не одинаково: у однихъ просто крыша изъ пильнаго теса на стронилахъ, которыя ипогда забираются тесомъ же; а у другихъ стѣны изъ длиннаго накатника въ столбахъ, съ крышами и двойными воротами на замкѣ. На верхъ навѣсовъ нѣкоторыми свозится сѣно.

Амбары—складочныя магазины или житницы, устроиваются болѣе *напротивъ* домовъ хозяевъ, за дорогой или улицей и очень часто по нѣскольку сподрядъ, прямолинейно другъ о дружку, хотя и многихъ хозяевъ; но

столь же часто амбары устраиваются и позади дворовъ, и на концахъ селеній. Устройство амбаровъ не затѣливо. Они всегда основываются на сваяхъ (стульяхъ). Полъ дѣлается еще выше. Амбаръ всегда одноэтажный; четырехугольныя стѣны выводятся въ квадратъ, изъ растущихъ не толстыхъ деревъ, голыя и промышленныя. Зданія въ длину и ширину отъ 4 арш. до 2 и 2½ саж. Полъ и потолокъ накладываются на матицы и балки пѣв накатника. За потолкомъ чердакъ, гдѣ всегда дѣлается одно или два небольшихъ *слуховыхъ* окна, которыя, чтобы не залетали въ амбаръ птицы, затягиваются проволочными или веревочными сѣтками. Крыша шатромъ изъ желобчатого теса, или круглоровныхъ и не толстыхъ деревъ, съ желобами и князькомъ. Въ амбарахъ дѣлаются *закромы* и *полки*, а для просвѣта—окна небольшого размѣра. Для входа навѣшиваются на крюкахъ и петляхъ однѣ простыя, однопольныя двери, открывающіяся внутрь и замыкающіяся чрезъ пробой и лебедки висячими и внутренними замками. Когда двери бываютъ сдѣланы такъ же высоко, какъ и полъ въ амбарѣ, то устраивается срубное крыльцо съ *льсенкою*, ступени въ двѣ, три и четыре и иногда еще съ перилами.

Жители здѣшніе вполнѣ—жители водъ. И потому къ *колодцамъ* или колодезямъ, т. е. искусственнымъ водохранилищамъ, прибѣгаютъ только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ поселенія на *суходолахъ*, т. е. нѣтъ ни рѣки, ни чистаго озера, а естественные резервуары далеко отъ жилищъ. Колодези копаются безъ разбора удобствъ и благовидности, на улицѣ ли среди дороги, обокъ ли съ домомъ, на задахъ ли, для крестьянъ все равно: имъ не до вкусовъ и удобствъ. Колодези бываютъ различной глубины, смотря по изобилію въ землѣ водяныхъ жилъ. Съ боковъ врубаются накрѣпко деревянныя стѣны. Но часто такіе колодези или изсыкаютъ, или засоряются. Надъ колодезями устраиваются болѣе или менѣе высокіе срубы, а возлѣ нихъ устанавливаются высокіе и толстые столбы, называемые *жаравцами* (единст. *жаравецъ*) съ перекладинами на немъ, какъ бы лѣстницею; на верху столба—*журавъ* (оцѣпъ, или бревенчатое коромысло), къ которому на веревкѣ или на цѣпи привѣшивается ведро, опускаемое въ колодезь и вытаскиваемое наверхъ съ водою руками. У нѣкоторыхъ, вмѣсто жаравца, ведро съ водою вытягивается наверхъ по колесу, ходящему на оси въ столбахъ. Чтобы колодезь не засорился, срубъ его закрывается досчатою *крышкою*, которая у нѣкоторыхъ колодезевъ бываетъ на петляхъ. Но крыши бываютъ не вездѣ, и потому колодези не вездѣ безопасны для дѣтей и мелкаго скота.

Удобными для ледниковъ, а по народному *погребовъ* и *погребницъ*, считаются угористыя мѣста съ плотною, крѣпкою глинистою почвою. Ихъ имѣютъ преимущественно богатые люди. Погребъ—очень обыкновенная постройка:

небольшое, квадратное изъ не толстыхъ и не длинныхъ бревенъ строеніе, по хорошо построенное и крѣпко закрытое; фундаментъ его плотно забить умятою землею. Оно служитъ и кладовымъ амбаромъ, подъ поломъ котораго въ землѣ бываетъ настоящій погребъ съ опускаемою дверью, какъ у люковъ и лѣстницею для спуска. Надъ погребомъ у нѣкоторыхъ придѣлываются полки. Погреба ежегодно *набиваются* привозимымъ снѣгомъ, потомъ разбиваемымъ и утрапываемымъ. Въ погребахъ сохраняютъ отъ порчи: рыбу, мясо, молоко, масло, квашенье, грибы, разную пищу и т. п. *).

Бани (бань) общественныхъ или торговыхъ пѣтъ въ уѣздѣ и даже въ городѣ. Русская баня довольно известна по своему значенію въ качествѣ врачебной помощи. Поэтому бань въ деревняхъ почти столько же, сколько въ нихъ домовъ. Онѣ обыкновенно относятся отъ домовъ на пустопорожія мѣста, какъ то: на задворки (позади дворовъ), подъ угоры, на угоры, или около рѣчекъ и озеръ; но не мало есть и неподалеку отъ домовъ. Здѣшнія бани сохраняютъ первоначальный видъ сельскихъ бань **), потому что построены и строятся всегда подъ названіемъ *черныхъ*, т. е. дымовыхъ или курныхъ; бѣлыя бани встрѣчаются очень рѣдко. Постройка бань не чиста. Строятся онѣ преимущественно изъ деревьевъ, негодныхъ на большія постройки. Все зданіе рѣдко превышаетъ 4 саж. въ длину и 2½ саж. въ ширину. Фасадъ его вышиною отъ основанія до крыши 5 аршинъ. Крыши бываютъ изъ теса на два ската или крытыя дранью, а у иныхъ бань ихъ не бываетъ: на потолкѣ просто насыпанъ песокъ или земля, перѣдко пустившая поросли. Полы бываютъ деревянныя изъ распиленнаго накатника, но чаще всего ихъ не бываетъ, а вмѣсто нихъ, по незакрытой землѣ, настилается сухая солома. Потолки бревенчатые; стѣны не отдѣляются. Банная комната есть полутемная изба. Окно въ ней бываетъ по одному и иногда по два небольшихъ; у нѣкоторыхъ бань въ окнахъ не бываетъ рамъ со стеклами, а онѣ закрываются толстыми деревянными ставнями. Впереди банной комнаты, отдѣляющейся капитальною стѣной, бываетъ холодная маленькая (въ шагъ и меньше шириною) передняя, или раздѣвальня, или же предбанникъ, называемая туземцами *припередкомъ* и *сницями*, въ которой раздѣваются и одѣваются. Въ ней бываетъ одно или два маленькихъ окна, ничѣмъ не закрытыхъ, либо закрытыхъ негодными вѣшниками; лавочка или двѣ для сидѣнія, а поверхъ ихъ одна или двѣ грязныя полки для бѣлья. Въ снѣцы ведутъ ворота

*) Тамъ, гдѣ въ горахъ есть щели или пещеры (какъ напри- мѣръ въ Кулогорскихъ деревняхъ, тамъ молоко бабы носятъ и оставляютъ въ горахъ. Для наблюденія учреждается очередной караульщикъ.

**) Арх. Суд. и Общ. Гигіен., № 4, 1864 года, о русск. бан. 26.

съ улицы, а изъ нихъ противъ воротъ двери въ самую баню. Печи въ баняхъ *складываются* изъ одного полукруглаго свода, въ родѣ печи, выбитаго изъ глины, безъ участія извести; на этотъ сводъ накладываются по плотнѣе камни, булыжники сѣрый, дровяной и кирпичные обложки, но такъ, чтобы межъ нихъ проходилъ снизу дымъ. Отъ того онѣ и называются *каменками* (камелки). Дымъ, при тонкѣ каменки, выходитъ изъ бани въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ (болѣе южной), въ родѣ слуховаго огня или душника (большой форточки), которое закрывается, по окончаніи топки, втулкою или деревяннымъ ставенькомъ, а не трубою наверхъ, какъ въ бѣлыхъ баняхъ. *Баня готова бываетъ въ три каменки или въ три истопля.* Нагрѣваніе ея происходитъ чрезъ накалываніе огнемъ камней, по подложеніи въ сводъ зажженныхъ дровъ. Чтобы произвести въ банѣ большее тепло (жаръ), т. е. необходимый для русскаго крестьянина *паръ*, на раскалившіяся камни наливаетъ по мѣрѣ надобности холодную воду. Въ глиняныхъ или кирпичныхъ основаніяхъ банныхъ печей ставятся *котлы* для нагрѣванія воды. Горячую воду разводятъ холодной въ шайкахъ (деревянныхъ глубокихъ тазакъ). Холодная же вода наливается въ кадки и бочки, или бываетъ въ *ушатахъ*. Кроме того въ особомъ ведрѣ готовится *щелокъ*. Крестьяне мало моютъ тѣло, а только *парятся* и окупаются водою; хотя и не всеми, употребляются однако, сверхъ обмыванія водою, черное мыло и *мочалки*, замѣняющія губки, а для паренія листовые вѣники изъ березовыхъ вѣтвей, которые, если они засохли, размачиваютъ въ холодной водѣ и бросаютъ на камечки; а когда они размячатся, то тотчасъ же ими *хвоцуются*. Для *смазки* моющихся въ стѣнахъ отъ полковъ, по переднимъ близъ оконъ и боковымъ стѣнамъ, до простѣнковъ дѣлаются деревянные скамьи, а для паренія—широкія и высокія, чуть не до самаго потолка, *полки* (полати или скамьи), на столбахъ, возлѣ глухой стѣны, рядомъ съ каменкой. На полки и скамейки иногда настилаются сѣно и солома. Грязь въ баняхъ доходитъ до ужасной нечистоты, потому что ее рѣдко очищаютъ. Бани посѣщаются почти ежедневно и всего болѣе готовятся въ субботніе дни; моются же подъ вечеръ, по окончаніи дневныхъ работъ. Но также готовятся бани накануне большихъ праздниковъ и въ другихъ случаяхъ: въ случаѣ родинъ, предъ вѣнцомъ (свадьбами), предъ *клянщинами*, или съ дороги и т. п. *).

Овины строятся всегда на *заполькахъ*, ближе къ полямъ, или возлѣ дорогъ, на неудобныхъ для хлѣбопашества мѣстахъ. Они выстраиваются, или особо, или

*) Здѣсь нѣтъ того обыкновенія, чтобы мужчины и женщины, всѣ безъ изыятія, мылись въ баняхъ вмѣстѣ (сказываютъ, что оно въ некоторыхъ мѣстахъ Арханг. губер. существуетъ).

въ связи съ *гумнами*. Устройство овиновъ очень обыкновенно, какъ и въ другихъ мѣстахъ Великороссіи. Это небольшая (аршина въ три вышины, иногда поболѣе) почти кубическая горница, рубленая изъ тонкихъ строевыхъ или сухоподстойныхъ *бревешекъ*, неочищенныхъ отъ древесной коры, надъ ямою (сушиломъ), накрытая кое-какъ: плоско, ровно, тесомъ или накатникомъ и законопаченная въ стѣнахъ и углахъ мхомъ. Пола не бываетъ, а на потолокъ иногда насыпается земля. Въ стѣнѣ болѣе на югъ прорубается окно, которое, во время сушки хлѣба, закрывается, либо деревяннымъ *ставнемъ* (втулкою), или пукомъ соломы. Тогда дымъ расхаживаетъ по всему овину и едва-едва выходитъ въ щели крышъ и стѣнъ; въ окно же дымъ выпускается *горькій, смрадный*, когда только теплится овино (правильнѣе: топится печь въ овино). Яма въ овино бываетъ четырехугольная, глубиною аршина въ три. Въ ней складывается печь (курильное горно), какъ камечка въ банѣ, куда кладутся дрова. Отъ стѣны до стѣны внутри овина близъ потолка вколачиваются *колосники* (или какъ угодно назовите: перекладыши, планки, жердочки), на которые садится (развѣшивается) густо колосовый хлѣбъ въ снопахъ. Въ овинахъ рѣдко дѣлаются двери, а вмѣсто ихъ прорубается окно внизу строенія, въ противоположной ставѣ стѣнѣ, въ которое можетъ войти ползкомъ человекъ. Забравшись въ овино, одинъ принимаетъ отъ другаго хлѣбъ съ улицы, развѣшиваетъ его тамъ и затопляетъ печь; а другой привозитъ хлѣбъ съ поля или съ пріесялъ и подаетъ его находящемуся въ овино. Просушваніе въ немъ хлѣба происходитъ отъ жаркаго натопленія печи и чрезъ скорое *закутываніе* (закрытіе) проходовъ дыма и печнаго жара. Овины отопляются болѣе въ тихую погоду на ночь, такъ что хлѣбъ высушивается самъ собою, иногда съ присмотромъ, къ утру.

Гумна (гумны) замѣняютъ здѣсь риги и молотильни. Строятся они, или вмѣстѣ съ овинами, или особо, но не вдалекѣ отъ нихъ. Устройство гумна еще проще, чѣмъ постройка овина. Это—просто холодный, длинный сарай о четырехъ стѣнахъ, или какъ будто, переносный срубъ изъ чистыхъ или неочищенныхъ бревешъ, безъ *конопати*, закрытый въ одинъ рядъ досками, а иногда и безъ крыши. Длина гумна въ 4—5 сажень, которая превышаетъ въ два раза ширину, а высота не болѣе $1\frac{1}{2}$ сажени. Ворота у гумна бываютъ широкія, распашныя надвое, либо однопольныя, двой—съ сѣверной и южной стороны, чтобы вѣтеръ безпрепятственно ходилъ по всему гумну. Вмѣсто пола площадь земли въ гумнѣ *убивается* и гладко *уравнивается*.

При гумнахъ у иныхъ хозяевъ на нетораватую руку устраиваются *мякинницы*—плохенькія конурки изъ досокъ, куда складывается солома и обой хлѣба (мякина).

Къ числу построекъ, полезныхъ при уборкѣ зерноваго хлѣба, можно отнести и *прясла*. Они устраиваются на поляхъ, ближнихъ пожняхъ и въ особыхъ огородахъ, вблизи овинъ и гумешъ, а иногда и возлѣ домовъ. Прясло—особеннаго рода огорода или стойка изъ 3 и до 12, довольно высокихъ, съ двухъ сторонъ обтесанныхъ столбовъ, которые кладутся горизонтально къ землѣ, на 2 и 3 сажени одно отъ другаго; въ одинаковомъ разстояніи на обѣихъ столбахъ вырубаются круглыя дыры, по 3, по 4 и по 5 въ каждомъ, начиная не низко отъ земли, въ копъ параллельно *продвигаются* длинныя и обтесанныя въ толстыхъ концахъ жерди, по три и болѣе на каждый рядъ (3 столба), смотря по тому, сколько въ столбахъ его присововъ; на такомъ *жердѣ пряслятся*, развѣшиваются снопы колосоваго хлѣба, раздѣленные пополамъ, внизу *колосьями*, а къ верху *комлемъ*, такъ что верхніе снопы закрываютъ комли нижнихъ, смотря потому, широко ли отстоитъ жердь отъ жерди. Ширина прясловыхъ жердей прибавляется для сноповъ ржанаго хлѣба, такъ какъ ржаная солома длиннѣе ячмой. Рядовъ прясель въ одномъ мѣстѣ бываетъ по четыре и болѣе; но нерѣдко они устанавливаются не рядами, а вдоль, прямо возлѣ прясла, такъ что бываетъ только одинъ или два ряда, до 20 деревъ въ каждомъ. Кромѣ того прясла бываютъ не изъ столбовъ, а просто изъ жердей высокой огорода: шесть жердей воткнуто въ землю, въ три стойки и связаны вязами, а на вязы кладутся жерди же,—по три и болѣе.

Въ отношеніи *мукомольныхъ мельницъ* уѣздъ можно раздѣлить на двѣ половины: первый станъ съ *ветряными*, а второй съ *водяными* мельницами. Число первыхъ довольно значительно и соответствуетъ мѣстной потребности. Впрочемъ и въ мѣстахъ находженія онѣ есть не въ каждой деревнѣ; да не мало зерноваго хлѣба вымалывается въ крупу и муку въ домахъ крестьянами на ручныхъ жерновахъ. *Ветромъ дѣйствующія мельницы* строятся во всемъ по плану и фасаду, принятымъ за образецъ вообще въ губерніи. *Становища* ихъ—угристыя и вообще открытыя для вѣтровъ мѣста. Устройство этихъ мельницъ слѣдующее: круглая о 8 или 4 углахъ пирамидальная баба, въ извѣстномъ размѣрѣ и достаточной высотѣ, устроенная изъ положенныхъ рядами (4-хъ и 8-ми въ рядѣ) круглыхъ бревенъ, одного съ верху другаго, внизу длинныхъ, а въ верху короткихъ, въ видѣ тупаго конуса; на бабѣ этой небольшой квадратный амбарчикъ, выстроенный изъ плотно стиснутыхъ деревьевъ въ брусьяхъ, или бревнахъ съ крышею въ видѣ шатра, съ флюгеромъ на верху и дверями на замкѣ, къ которымъ ведетъ выходъ съ перилами и черезъ который затаскиваютъ на верхъ и спускаютъ оттуда хлѣбъ въ мѣшкахъ, и съ опущенною на вѣсъ легкою лѣстницею, служащею, при посредствѣ висящей же жерди, ходомъ

на выходъ. Въ амбарѣ томъ вмѣщается весь механизмъ мукомольни, а сквозь него проходитъ толстое бревно, къ коему и вколачиваются досчатые, довольно длинныя и широкія съ откосами, четыре крыла, поворачивающіяся довольно скоро. Для дѣйствія вѣтра на крылья, посредствомъ длиннаго и толстаго бревна, конецъ котораго укрѣпляется въ землѣ, амбаръ всею корпусомъ поворачивается въ любую сторону, съ которой только дуетъ вѣтеръ. Молотье на вѣтряныхъ мельницахъ производится болѣе съ утра и оканчивается немного поздне полудня; но мелютъ и по вечерамъ и даже ночами. Въ сильные же вѣтры *мелево* на мельницахъ останавливается.

Вододѣйствующихъ мукомольныхъ заводовъ не такъ много. Они устраиваются на *плотинахъ*, устанавливаемыхъ на текущихъ быстро рѣчкахъ или ручьяхъ (конечно теченіе завянетъ отъ склона паденія), имѣющихъ въ запасѣ воду позади себя въ потокахъ и озерахъ, которыя запружаются и выпускаются по надобности, болѣе въ лѣсахъ, почему запруженная вода не вредитъ ничему. Зданія заводовъ похожи на простые сараи; только осмотръ внутренности его убѣдитъ васъ въ существованіи мельницы. Къ ней пристраиваются на сваяхъ мосты изъ бревенъ. На водяныхъ мельницахъ вымалываютъ муку, дерутъ крупу и выдѣлываютъ толкло. Онѣ бываютъ болѣе о двухъ поставахъ и однихъ жерновахъ. Для смазки механизма употребляется смола и ворваньное сало.

Стойки скотскія, или скотныя загоны (коровники)—просто срубы, только съ немногочисленною лежащею крышею, съ поломъ, а чаще безъ него, и съ свободнымъ ходомъ, дверьми на петляхъ или приставнымъ; на мѣстѣ же чердака иногда бываетъ сѣнникъ. Строятся онѣ изъ печистыхъ деревъ, какъ строгіе временное, на лугахъ *за рѣками* отъ домовъ.

Сверхъ описанныхъ строеній въ селеніяхъ, особо, въ отдаленности отъ домовъ, устроиваются крестьянами временныя жилища: *перевозныя, сѣнныя и промысловыя, льсныя или разволочныя избушки*. Всѣ онѣ походятъ по устройству какъ одна на другую, такъ и на черныя бани, потому что въ нихъ бываютъ такія же печи, такія же окна, такія же скамейки и полки, служащія койкамъ; иногда только печи бываютъ такія, какъ въ черныхъ избахъ, за исключеніемъ банныхъ камней; и еще одна особенность: не бываетъ сѣнцевъ, какія въ баняхъ. Предназначеніе жилищъ этихъ видно уже по самымъ названіямъ. *Перевозныя* избы становятся на угорахъ рѣкъ, чрезъ кои существуютъ перевозки; сѣнныя—на безопасныхъ лугахъ, когда сѣнокосы отъ дома находятся за 10—30 верстъ, чтобы можно было гдѣ укрыться отъ холода и мокроты и отдохнуть отъ трудовъ спокойно; льсныя же въ разныхъ урочищахъ, при скопищахъ водъ

и мѣстахъ *боровыхъ*, около которыхъ производится зимою льняные, а по лѣту—рыбные промыслы, вереть за 10—40.

Кузницы—холодные помѣщенія устраиваемыя поодаль отъ жилыхъ строеній, на сырыхъ мѣстахъ. Состоятъ онѣ изъ слѣдующаго: на голой землѣ становится изъ бревенчатыхъ стѣнъ срубъ съ одними дверями, а возлѣ него *станки* для ковки лошадей, и кузница готова. Въ ней бываетъ *заборка* изъ досокъ—кладовая для угольевъ и инструментовъ. Тутъ же иногда бываетъ и *колодезь*, образующійся изъ бездонной бочки, забитой въ сырое мѣсто, или же дѣлающійся на улицѣ о-бокъ съ кузницей. Посреди сруба, за наимѣнѣемъ пола, на голой же землѣ ставится небольшой деревянный срубчикъ для горнила. *Горно* бываетъ обѣ одною огнѣ простое, состоящее изъ одного кирпичнаго свода или порядочной горнушки. *Мѣхи* у горна бываютъ одни, ручные и притомъ малые; кожаные съ желѣзною *раздувальнею*. Дымъ отъ огня въ горнѣ идетъ свободно вверхъ на воздухъ, такъ-какъ крыши на кузницѣ не дѣлаются; а если бываетъ потолокъ, то для прохода дыма въ немъ предъ горномъ дѣлается окно съ желѣзною рѣшеткою. Инструменты въ кузницахъ: желѣзные наковальни, вдѣланныя въ деревянные тумбы, гвоздильни, винтовальныя доски, зубила, разные молоты, тиски, клещи, насадки, бородка, угольные щипцы и проч. Кузнечать здѣсь простыя желѣзные и стальныя издѣлія: шпильки, разные гвозди, винты, подковы, шила, ножи, топоры, серпы, косы, вилы, лопатки, сошники, шины, крючки, петли, пробой, тяги, лебедки, кольца, обручи, терки, воронки, подсвѣчники, сковородки и сковороды, поваренки, ковши, щипцы, заслонки, кочерги, хватки, шелепуры, пещи, остроги, напилки. Но кузнечное мастерство не развито значительно, и нѣтъ людей, занимающихся исключительно имъ. По этому самому и устройство заводовъ не завидно. Мѣхи и инструменты убогаются изъ кузницъ, какъ только кончается работа. Желѣзо и сталь приобрѣтаются на ярмаркахъ, а уголь у мѣстныхъ угольщиковъ, или самими выгнывается. Выдѣлка новыхъ и поправка старыхъ мѣдныхъ издѣлій производится особыми мастерами—*мѣдниками*; также имѣются особые мастера для поправки и изготовленій новыхъ замковъ и ключей. Такихъ особыхъ мастеровъ въ уѣздѣ не много, и работа у нихъ идетъ въ домахъ или баняхъ, въ печахъ или на горнушкахъ.

Кирпичные заводы легкой постройки. Это досчатые шатры, возведенные изъ однихъ не высокихъ крышъ, на деревянныхъ стропилахъ, въ мѣстахъ, изобилующихъ кирпичною глиною. Заводы всѣ ручные; инструменты: *заступы* (желѣзные лопатки), желѣзные *ломы* и *песты*. Особыхъ рабочихъ не бываетъ, да и заводовъ въ уѣздѣ мало. Употребляемые для выдѣлки кирпича матеріалы суть: красная и алая глина, крупно и мелко-зернистый песчаникъ, желтый и красный, и вода изъ рѣкъ, озеръ

и болотъ. Кирпичи дѣлаются въ шалашахъ просто: сперва глину топчуть и бьютъ толстымъ пестомъ, а потомъ формуютъ голыми руками и кладутъ въ доски, гдѣ они и просушиваются; обжигаютъ же длинными дровами въ печахъ, складенныхъ для того нарочито изъ кирпичей. Печей бываетъ по одной въ заводѣ. Онѣ бываютъ о 2—7 устьяхъ и состоятъ изъ калильнаго пода и очага для дровъ. Мелкій красный кирпичъ продается не дороже 30 коп. за сотню, а крупный алый не дороже 6 руб. за тысячу штукъ.

Гончарныя заводскія строенія составляютъ небольшія деревянныя избушки устроенныя гдѣ-либо въ угорьяхъ. Въ нихъ для сушки и обжиганія издѣлій есть небольшія печи изъ бурой глины. Издѣлія выдѣлываются изъ красной (гончарной), синеватой и пепельнаго цвѣта (горшечной) глины просто голыми руками и кладутся въ формы, сдѣланныя въ землѣ. Выдѣлываютъ здѣсь; рукобойники, тазы, кубы, горшки, лотки, формы, блюда, чашки, крынки, крышки, кружки, масляницы, солоницы, сальники (для освѣщенія), вьюшки трубныя, цвѣточники, кибасы (къ сѣтямъ) и проч. Вещи, называемыя *муравленными*, вообще выдѣлываются изъ красной глины; внутренность ихъ полируется (говорятъ: *наводится глянцемъ*) свинцовымъ блескомъ.

Устройство *кожевенъ* плохое. Онѣ или пристроиваются къ жилымъ домамъ, или выстроиваются особо отъ нихъ. Образцомъ построекъ служатъ бани, онѣ отапливаются только тогда, когда нужно работать въ холодное время. На кожевенныхъ здѣшнихъ заводахъ выдѣлывается кожевенный товаръ, преимущественно изъ кожъ рогатаго скота, но обрабатываются и лошадиныя. Вкратцѣ обдѣлка такова: для очищенія отъ волосъ, кожи кладутся въ зольники или деревянные кадки, гдѣ дубильныя вещества, бѣлая известь и осноровый шадрикъ (пепель-зола); очищаются на *колодакѣ* (тумбахъ) простыми *скоблями*; промываются колодезною водою; *квасятся* хлѣбомъ; перекладываются въ дубильныя чаны (кади, которыхъ бываетъ иногда по одной, а иногда по двѣ въ заводѣ; *дубятся* нѣсколько дней и недѣль толченымъ *дубомъ* (березовою и швовою корой); промываются мочкою въ озерахъ на веревкахъ; выжигаются, нанитываются ворванымъ саломъ и дегтемъ, окрашиваются синимъ сапдаломъ и чернымъ купоросомъ; развѣшиваются на шестахъ; сушатся на воздухѣ и *мнутся* простыми *малками*. Машинъ на заводахъ нѣтъ. Работаютъ болѣе одни хозяева. Изъ приготовленныхъ такимъ способомъ кожъ выдѣлываются: замша, нефть черная, бѣлые и черные опойки, выростки и подошвы. Можно купить: нефть за 1 р. 50—3 р. 50 к.; бѣлый опоекъ 50 к.—1 р. 50 к.; выростокъ 30 к.—1 р. 30 к.; черный опоекъ 40 к.—1 р. 50 к., подошвы 4—6 р. За выдѣлку кожъ кушперы получаютъ отъ 10 к. до 1 р. 50 к. со шкуры, или бе-

рутся выдѣлать изъ-за половинной цѣны; такъ напримѣръ, если шкура стоитъ будетъ 4 р., то за работу берутъ 2 р. и т. п.

Скорняжени не составляютъ здѣсь особаго рода заводовъ, а иногда только помѣщаются въ отдѣльныхъ избахъ, подобныхъ кожевнямъ; болѣе же скорняжество производится въ тѣхъ же избахъ, гдѣ и семейства живутъ, потому что работы бывають незначительны. Въ скорняжняхъ почти единственно обдѣлываются шкуры простыхъ русскихъ овецъ. Обдѣлка бываетъ *бѣлая* и *нечистая*, а вкратцѣ она такая: сначала *мездру* (не мѣховую сторону) шкуры вымачивають въ водѣ съ разведенною солью и очищаютъ отъ жиру и приставшаго мяса на *стругахъ* (железныхъ, стальныхъ косахъ), потомъ квасятъ въ кадкахъ съ *хлбными квасами* (въ мучномъ киселѣ), и затѣмъ очищаютъ набѣло; растягивають, сушатъ и мнутъ мялками, въ видѣ остраго серпа. Улучшеній не замѣчается. Рабочихъ не бываетъ, а работы производить сами мастера-хозяева. Шкуры выдѣлываются болѣе для мѣстныхъ жителей. За выдѣлку берутъ съ *овчины* отъ 3-хъ до 6-ти копеекъ.

Красилени въ здѣшнемъ уѣздѣ очень мало, да и производство на нихъ незначительно. Рабочихъ особыхъ не бываетъ, а управляется работами одинъ хозяинъ. Въ заведеніи бываетъ по одному *кубу*. Для окрашиванія употребляется: *кубовая краска*, *индикъ* *), известь, зола, сандалъ, купоросное масло, коломенская глина, черный и синий (не зеленый ли?) купоросъ, аравійская камедь, *шубный* или *мездренный* и рыбій *клей*. Красятъ наиболѣе только холсты **). За красочную набивку берутъ отъ 3 до 4 копеекъ за аршинъ. Но окрашиваютъ и питки, шерстяную пряжу и издѣлія изъ нихъ: чулки, рукавицы и проч.; а сверхъ того шерсть, льняныя и шерстяныя пряжи и издѣлія окрашивають травою-зеленицею—въ зеленый цвѣтъ, корнями матуры—въ малиновый и вересками—въ желтый цвѣтъ. Этимъ окрашиваніемъ занимаются женщины, но не всѣ, а рѣдкія.

Выжиганіе извести ***) производится изъ камня, извѣстнаго подъ именемъ горнаго бѣлаго известняка. Особыхъ построекъ для выжиганія *извести* почти вовсе нѣтъ, кромѣ закрышки изъ досокъ. Сженая и несженая известь доставляется болѣе всего для кожевенныхъ заводовъ и къ каменнымъ постройкамъ. Продается мѣрою корзины отъ 30 до 50 р. за четверть.

Зольница. Зола выжигается въ обыкновенныхъ ямахъ, вырываемыхъ въ землѣ. Въ нихъ складываются въ кучи или костры валежныя деревья, корни, вершины и сучья, гдѣ и зажигаются. Потомъ хворостъ подбавляется въ яму

постепенно. Уголья отъ вліянія воздуха сгорають и превращаются въ пепель, пока не будетъ видно, что золы достаточно. Она высыпается въ бочки и доставляется на кожевенные заводы. По малочисленности этихъ заводовъ и небольшой значительности операций ихъ, зольное производство здѣсь ничтожно.

Уголья. Переугливаніе лѣса здѣсь очень мало. Уголь получается изъ валежныхъ и сухоподстойныхъ деревьевъ, зажигаемыхъ въ кучахъ, складываемыхъ обыкновенно въ ямахъ болѣе или менѣе обширныхъ. Чтобы огонь не соприкасался съ воздухомъ, ямы закрываются дерномъ, мхомъ и негодною соломою. По окончаніи переугливанія, угольщикъ разгребаетъ покрывку лопатою и убираетъ головни, а кучу сравниваетъ. Когда же она остынетъ, уголь вынимается крюкомъ и затушивается землею. Древесный уголь доставляется на кузницы; прежде его не мало доставлялось на питейную контору *)

Лѣсо-техническое производство вообще въ Пинежскомъ уѣздѣ начато съ очень недавняго, времени и потому развито еще незначительно. Но познакомиться съ нимъ не мѣшаетъ.

Смолокурня. Въ сухомъ грунтѣ выкапывается круглая яма до 3 сажень глубины. Надъ нею устраивается кирпичная печь, въ длину около 2 саж., а шириною до 2½ саж. Смолу гонять непосредственно изъ смолистыхъ длинныхъ полѣньевъ, парубаемыхъ изъ хвойнаго лѣса, преимущественно сосновой породы, посредствомъ пережиганія ихъ въ печахъ. Дрова въ печи складываются плотно до самаго верха и зажигаются; *очелокъ* же (устье печи), служащій для накладыванія дровъ и выниманія уголья, закрывается и замазывается. Управленіе огнемъ производится чрезъ отдушники, которые то открываются, то закрываются. Дрова отъ худо-ходящаго въ печи огня постепенно тлѣють, пуще смолятся и выпускають на дно наклоннаго пода печи смолу. Отсюда она спускается по наклонному желобу, проведенному изъ углубленія пода подъ печью съвозъ землю, и вытекаетъ трубою въ печи въ бочки. Печь закрывается деревяннымъ шатромъ, или трубою изъ бревень-кругляковъ съ крышею. Здѣсь гонится простая черная смола.— Съ такимъ же расположеніемъ устраиваются дегтярныя печи, для гонки изъ смолистыхъ деревьевъ и бересты жидкаго и густаго дегтя.

Смолу курятъ и деготь сидятъ еще въ ямахъ. Ямы дѣлають круглыя. Для нихъ выбираютъ мѣста обыкновенно на возвышенностяхъ или холмахъ, гдѣ почва сухая. Бока уколачивають. Въ особыхъ углубленіяхъ, дѣлаемыхъ на срединахъ ямъ, ставятся, наравнѣ съ подомъ ямъ железныя котлы, въ которые принимаютъ

*) Индиго.

**) Отъ этого онъ и получаетъ названіе набивки и набойки.

***) Это древній промыселъ.

*) Въ Холмогорскомъ же и Шенкурскомъ уѣздахъ на пароходы.

истекающую смолу и деготь. Дрова бывают наколоты длинные и въ ямѣ складываются въ кучу накоса, но плотно, закладывая пустоты мелкими дровами. Въ такомъ положеніи они зажигаются снизу, а поверхность кучи покрывается мхомъ, кусками дерева, землю, соломою, сѣномъ, въ уровень съ краями ямы, и утаптывается. Между тѣмъ хозяинъ наблюдаетъ за огнемъ: если огонь сталъ проходить чрезъ покрывку, то ненадежныя мѣста закрываетъ землею, а усиливаетъ огонь чрезъ поднятіе покрывки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ известное время, когда горѣніе прекращается, яма раскрывается, горящія уголья тшатся насыпкою земли, а натекъ изъ котловъ, по остуженіи, пореливается въ бочки. Сидка въ ямахъ производится весной и осенью. Въ продажѣ за пудъ бываютъ: смола отъ 30 до 80 коп., а деготь отъ 80 к. до 1 руб., бочкою же смола продается 5 и 6 рублей.

Огонь все еще добывается изъ *плитокъ*, *плашекъ*, или стальныхъ *отливъ* при ударномъ соприкосновеніи кремня на тлѣнѣ, трутѣ *бумажномъ*, *тряпичномъ* или *березовомъ* (изъ березовой губки), при чемъ огонь снимается съ осоры *стричками* (старинными спицами) и на *берестичко* (сухую бересту), а также отъ сажн у *чела* печи и *выбываетъ на лучинки* съ *живыхъ уюльевъ*. По многіе стали замѣнять *свѣчку* огня фосфоровыми спичками *).

Къ освѣщенію употребляютъ высушиваемую и зажигаемую березовую и осиную *лучину*. Она втыкается въ свѣтильню (свѣтець—желѣзные шипы), придѣланную на поставленной прямо къ верху палкѣ у конца *треника* или *треножника*—не глубокаго корыта, поднятаго на трехъ или на четырехъ ножкахъ, въ которое нерѣдко наливаютъ воду, чтобы догорѣвшіе уголья замирали при паденіи. Кромѣ того, свѣтъ получается отъ *сальниковъ* (глиняныхъ плошекъ), въ которыхъ плаваешь бумажный сурокъ въ палитомъ салѣ. Сальныя свѣчи зажигаются только у зажиточныхъ людей и болѣе въ празднества, или когда бываютъ пріѣзжіе гости, или посѣтители (напр. люди чиновные); вообще же—въ особенныхъ случаяхъ. Онѣ вставляются въ подсвѣчники, къ которымъ прилагаются шипы. Свѣчки пріобрѣтаются покупкою изъ лавокъ по 10 — 15 коп. за фунтъ, и не мало льются самими крестьянами въ формахъ на бумажной *свѣтильнѣ* (фитилѣ) изъ своего говяжьяго и овечьяго сала. Для освѣщенія на улицахъ, въ хлѣвахъ, сѣнникахъ, амбарахъ и т. п. мѣстахъ въ темное время, употребляется преимущественно лучина и отчасти фонари. Съ Благовѣщенія (25 Марта) крестьяне не имѣютъ освѣщенія отъ огня, а съ Ильина дня оно восстанавливается.

*) „Черканешъ и загорить; зкая диковинка!“ говоритъ крестьянинъ.

Топливо жилыхъ комнатъ состоитъ всегда изъ дровъ, заготавливаемыхъ самими семьями своевременно, такъ какъ лѣса находятся вблизи деревень. Потребности въ топливѣ значительны. Дрова употребляются горныя (не сплавныя). Хорошими считаются: не гнилыя, не мозглыя не трухлявыя, безъ сучьевъ, рубленныя, изъ здороваго лѣса. Цѣны на готовые дрова въ деревняхъ бываютъ отъ 20 до 50 коп. за *маховую сажень*, а въ городѣ за *печатную сажень*, доставляемую съ подряда, отъ 60 до 90 коп. сер. Дрова получаютъ почти всегда лѣтомъ и въ лѣсу разсѣкаются на *польнья*; зимою же рубятъ *кряжевники*. Вывозятся по зимѣ на *дровняхъ*. Кряжевникъ ставится около домовъ въ стоячку, а потомъ сбѣчется въ *польницу* прямо, или же пилится продольной пилой въ чурки, которыя уже изрубаются въ плахи (пополамъ), и потомъ въ *польнья* *).

Дрова расколотыя складываются въ *костры*, по бокамъ которыхъ дѣлаются изъ тѣхъ же дровъ *клетки*. Для отопленія жилищъ дрова употребляются болѣе еловые и сосновыя **), или смѣсь разныхъ породъ; кромѣ того собирается щепа. Осиновыя и ольховыя дрова кладутся въ печь всего болѣе для очищенія сажн въ трубѣ. Березовыя дрова идутъ почти единственно на *лучину* (освѣщеніе) и на *растонку* (лучину, подкладываемую подъ дрова); на подтопку же идетъ и самая береста. *Березнякъ* высушивается на печахъ и въ печахъ, а потомъ колется въ лучину *лучевниками* (особенными жамп-тулками). Печи всегда топятся только одинъ разъ въ день, исключая рѣдкихъ чрезвычайныхъ случаевъ. Онѣ затопляются по утру весьма рано въ 3 — 6 часовъ, а иногда (наприм. въ страдное время) еще раньше. Печи патапливаются очень жарко и потому еще, что трубы закрываютъ, какъ только дрова прогорятъ и обуглятся. Уголь въ печи подбираются *кюками* (кочергами) въ загнеты и частію *замазывается* въ кубахъ (заливается водою для самоваровъ); *пепель* же *запаривается* помеломъ тоже въ загнеты ***).

Поль въ занимаемыхъ комнатахъ подметается вѣпками почти каждый день. Обыкновенное мытье половъ въ избахъ бываетъ не часто, болѣе къ воскреснымъ днямъ. Въ горенкахъ полы вымываются только къ праздничнымъ и торжественнымъ днямъ; тогда же потолки и печи въ иныхъ домахъ *подблываются* мѣломъ. Вообще домашній обиходъ въ деревняхъ выказывается при наступленіи великихъ праздниковъ. Тогда все очищается

*) Въ польнья плахи колется рѣдко, а въ печи кладутъ ихъ цѣлыя.

**) Эти дрова предпочитаютъ всеѣмъ прочимъ древеснымъ породамъ, потому что они даютъ большое пламя, и слѣдовательно скорѣе нагрѣваютъ печи.

***) О послѣдующемъ употребленіи золы см. ниже.

до бѣла, т. е. до щекотливой опрятности: полы, стѣны, скамьи, потолоки, полати, полки, шкафы и т. п. деревянныя вещи *очищаются* отъ грязи *шорканьемъ вѣтками* (вѣтками), *дверстою* (дресвою) и пескомъ, *смачиваньемъ* водою, *засушиваньемъ*; на полы въ комнатахъ и сѣняхъ, для сбереженія чистоты, разстилаются *половики* (низкаго сорта холеть), *рогожки*, *циновки* и *солома*; окна и ставни выполаскиваются водою; деревянная и мѣдная посуда стирается пескомъ и вымывается водою до блеска; улицы отъ воротъ обметають отъ сора *метлами*; разное *хламье*, производящее немало безобразіе, убирается.

Спальными крестьянамъ служатъ избы, а по лѣту отъ комаровъ, мошекъ, оводовъ и мухъ уходятъ въ темныя *чуланы*, въ холодныя *горницы* и на темныя *повѣти*. Но старые люди согрѣвають свои кости на печахъ и по лѣту. Койки бывають широкія, *двухспальныя кровати*, изъ простаго дерева, токарной работы, именуемыя *коньками*; *примостки* низкія, одномѣстныя, неподвижныя кровати, устраиваемыя въ боковыхъ стѣнахъ близъ пороговъ; *полати*, печи, подпечки, полы. Кровати съ двумя постелями, множествомъ подушекъ, простынею и одѣяломъ, нерѣдко бывають за *пологомъ* (завѣсомъ) ситцевымъ, пестрядинымъ или холщевымъ; но такія кровати болѣе стоять въ горницахъ почти безъ употребленія, только напоказъ, что хозяева знаютъ же роскошь. *Мѣста* (постели) состоятъ изъ холщевыхъ, пестрядиныхъ и матрацныхъ тиковыхъ *поволокъ*, набиваемыхъ соломой, оленью шерстью, птичьимъ перомъ и полупушьемъ; у бѣдныхъ же постелями служатъ олени шкуры (онѣ и называются просто постелями), но чаще всего никакихъ постелей не бываетъ, а спать на разложенной соломѣ, или собирая подъ себя и въ *изголовье* грязную одежду и укрываясь ею, или же спать прямо на голыхъ доскахъ почти такъ, въ чѣмъ мать родила. — Подушки и покрывала бѣдныхъ теперь извѣстны; *подушки* же у зажиточныхъ бывають: холщевыя, пестрядиныя, тиковыя и цвѣтныя, разныхъ ситцевъ, наполняемыя тѣмъ же, чѣмъ набиваются постели, а *покрывалами*, или *окуткою*, служатъ ситцевыя одѣяла, суконныя на овчиномъ мѣху *одѣяльницы*, *пясги*, шерстяныя одѣяла, а болѣе всего верхняя самихъ спящихъ одежда. Постлатъ на постелю *простыню* холщевую или полотняную съ кружевами—составляетъ уже нѣгу роскошнаго жителя, и ею довольствуются только молодые въ медовый мѣсяць.

Крестьяне работаютъ и отдыхаютъ чрезъ правильныя промежутки, дѣлая при этомъ различіе между днемъ и ночью. Они акуратно сохраняють этотъ обычай (исключая женщинъ, которыя просиживаютъ зимніе вечера за пряжей и вязаньемъ, почти до полуночи, съ огнемъ), такъ что ложатся спать между 7 — 11 часами вечера,

т. е. съ *закатомъ солнца*, чтобы встать пораньше, а на утро въ домахъ и на улицахъ все оживаетъ лѣтомъ съ 3-хъ, а зимою съ 6-ти часовъ по полуночи, т. е. встають съ *восходомъ солнца* *).

Бѣлье крестьянами смѣняется чистымъ отнюдь не болѣе одного раза въ недѣлю; въ дорогѣ же бѣлье служить безсмыбно до мѣсяца. Бѣлье *стицается* (моется) женщинами мыломъ въ выдолбленныхъ глубокихъ *корытахъ*, при чѣмъ грязь изъ нихъ сливается въ *лохани*; послѣ мытья *на ивскълько водъ*, бѣлье складывается въ глиняныя кубы, которые, закрывъ дранками (лучинками), ставятъ *парить* въ *печки* до вечера или до утра; послѣ паренья бѣлье вынимается изъ кубовъ, снова вымывается *щелокомъ* и ополаскивается въ корытахъ, а затѣмъ складывается въ корзины, или напалки, чрезъ плечо и сносится или свозится на водовозныхъ салазкахъ къ рѣкѣ, озеру или ручью и тамъ *выполаскивается* водою: лѣтомъ съ береговъ или плотовъ, а зимою въ *полоскательныхъ прорубяхъ* (мойнахъ). Но у многихъ прачекъ этого не соблюдается: мытье у нихъ состоитъ въ томъ, что бѣлье кладется въ лохань, гдѣ налита горячая вода, бьется тутъ толстою, здоровою палкою и потомъ *полощется* въ рѣкахъ, озерахъ и ручьяхъ, или же *вымывается омойками* въ шайкахъ въ баняхъ. Прощедъ воды, бѣлье развѣшивается на жердяхъ, либо веревкахъ, на улицѣ, въ сѣняхъ, повѣтияхъ, чердакахъ и избахъ; далѣ заносится въ избы и въ нихъ, или на печахъ, просушивается окончательно. Но просушкѣ бѣлье катается ручными катками, называемыми катальными палками, которыя женщинами иногда берутъ къ полесканію и вальками колотятъ бѣлье на льду или бревнахъ и доскахъ.

Кто живетъ домкомъ, у того, разумѣется, водится и утварь. Она водится не у всѣхъ однообразная и не у всѣхъ одинаковая,—у однихъ ее болѣе, у другихъ менѣе, смотря по зажиточности хозяина, по степени домоводства по величинѣ семьи и т. д. Каждая вещь, каждая *посудина* въ народѣ носитъ множество различныхъ названій, по разнообразнымъ устройствамъ, видовзмѣненіямъ и употребленіямъ, такъ что все узнать и описать стоило бы большаго труда.

Непремѣнная принадлежность дома: св. образа, кресты или распятія (о нихъ сказано подъ рубрикою горенки); лампадки (лампады) мѣдныя и стеклянныя, на жемчужныхъ и мѣдныхъ цѣпочкахъ; паннакадила мѣдныя, на талихъ же цѣняхъ; кадила мѣдныя ручныя; деревянныя точеныя ладоницы; божницы занавѣски у оконъ и печей; завѣсы солнечныя; грядки, полки, пылицы, прилавки полати, лапы, скамьи, скамейки, стулья и стульчики,

*) Есть прибаутка: рано встать — злыдни застать; подольше поспать — живота наежать.

столы деревянные. наблюдники деревянные, шкафы деревянные съ полками и съ стеклами комоды, кровати, рукомойники глиняные съ однимъ носкомъ; рукомойники зеленой и красной мѣди съ двумя носками; тазы изъ зеленой и красной мѣди, бѣлаго желѣза, красной глины *) и изъ дерева; зеркала съ разными арабесками; утиральники у зеркалъ и печей: холщевые съ узорами и полотняные съ кружевами, салфетки и скатерти на столахъ, бѣлыя, чистыя или съ цвѣтками и камчатныя; картины, портреты, часы (см. горницу).

Къ убору идутъ: подсвѣчники, жестяные, мѣдные и желѣзные; съемцы (щипчики свѣчные), желѣзные и мѣдные; сальники глиняные.

Складочные приборы (кромѣ полокъ, шкафовъ и на блюдинокъ) суть лари и ларцы; сундуки, простые и дубовые, въ которыхъ запирается лучшее имущество; ящики и ящички, обитые желѣзомъ и съ замками (въ мѣшкѣ видѣ сундуки), въ которые складывается женщинами одежда, холстъ, пряжа и т. п.; деревянные коробейки на тотъ же предметъ употребляемыя; коробки, корзинки, плетухи, зобенки, двоеуши или двоеручные короба; кузовы и пехтери, бочки: сороковки, тресковки, (водовозныя) и сельдянки; чаны (кади); кадцы (кадци) подлоны (обрѣзы отъ сороковокъ); баклажки (простые боченки); боченки дубовые; дуплянки; флаги мѣдныя (для вина), ушаты деревянные, туесы (бураки) берестяные: доильницы и подойники деревянные; лагуны деревянные съ цѣдилками; лагуны и ведра, шайки, лохани и лоханки деревянные, корыта (см. мыльни); холщевые мѣшки; кувшины глиняные; бутылки разноцвѣтныя, стеклянныя; графины хрустальныя и стеклянныя; мѣрные стекольные восушки, полуштофы и штофы.

Пекарная посуда: луношки и хлѣбни лубочныя для муки; рѣшета и сита (см. пищу); квашни и квашенки деревянные; мутовки деревянные; крупники, лопатки, которыми выскребаются квашни, т. е. отдѣляютъ тѣсто изъ квашни для печенія хлѣбовъ; коробки берестяныя; скалки (вальки).

Поваренныя: чугушники, мѣденники (желѣзные и мѣдные котлы большіе и малые); горшки глиняные, черные и муравленые; сковороды и сковородки; костреюли красной мѣди; масляники красной глины; поваренки или почерпушки, мѣдныя, желѣзныя, жестяныя и деревянные; сѣчки желѣзныя съ деревянною рукоятью; сѣчки для капусты и т. п. ложки столовыя, деревянные; **) пожи, желѣзные и стальные, столовыя и кухонныя, съ де-

ревянными и костяными черенками *); вилки, солоницы (солонки): мѣдныя, глиняныя, стеклянныя, деревянные съ покрывками **) и берестяныя (коробки); воронки (лейки) желѣзныя, жестяныя и мѣдныя; ковшики (ковши) мѣдныя и бѣлаго желѣза; порочки (деревянные ковши), даже подносы и кофейники.

Печныя: заслонокъ (заслонтъ) желѣзный; ухваты желѣзные; крюкъ (кочерга) желѣзный; щипцы угольные, желѣзные; сковородникъ (схватъ) желѣзный; хлѣбная лопатка, деревянная; боровикъ (помело) изъ вереса; судомойка деревянная; лучевникъ (тупой ножъ безъ черпа); коромысло деревянное; вѣшникъ ***) , лиственный изъ березовыхъ вѣтвей) вѣхти, поганый (половой) и чистый (псеудный) изъ надранной мочалы; метлы березовыя; уоловиги, рогожи и циновки; тертуха желѣзная; фонари: деревянные со стеклами и желѣзные со слюдою. Пожишко-лучевникъ, обломокъ косы для щепанья лучины.

Столовая посуда: блюде (блюды) бѣлой и красной глины и оловянныя малыя и большія ****); латки изъ красной глины ****); миски (мисы) оловянныя; чаши (чашки) и ставцы деревянные, бѣлой фарфоровой и красной глины; тарелки деревянные и бѣлой глины; квасныя кружки деревянные, оловянныя и изъ красной и бѣлой глины; хлѣбный ножъ.

Закусочный приборъ: (кромѣ графиновъ, бутылокъ и питьевой посуды) братыни жестяныя и мѣдныя; стаканы хрустальныя, оловянныя и мѣдныя; шкальчики и рюмки стеклянныя.

Чайный приборъ: самовары красной и зеленой мѣди съ трубами, комфорками и крышками; подносы желѣзные, малые и большіе; стаканы стеклянныя и хрустальныя, съ блюдами бѣлой глины; чайныя чашки съ блюдечками *****), кумки (стаканы съ ручками) изъ бѣлой глины; чайники мѣдныя, бѣлой глины и красныя съ чернымъ фономъ; чайницы мѣдныя, желѣзныя, стеклянныя и деревянные; сахарницы бѣлой глины, хрустальныя и деревянные *****); молочникъ бѣлый; чайныя ложки: серебряныя, оловянныя и мѣдныя.

*) Крестьяне сами отлично дѣлаютъ черенки изъ корельской березы, или витые изъ проволоки, и притомъ навсегда прочныя.

**) Солонки и сахарницы выдѣлываются изъ дерева, въ видѣ птицъ съ крыльями, хвостами и головами.

***) Вѣшники каждымъ домою заготавливаются на всю зиму въ достаточноиъ количествѣ, отчасти въ Юнѣ, а болѣе въ Юлѣ.

****) Блюде и стакановъ болѣе всего бываетъ изъ посуды оловянной. Блюда старинныя.

*****) Дѣлаются въ видѣ рыбы съ носками, какъ бы головой и хвостомъ.

*****) На чашкахъ и блюдахъ рисунки цвѣтовъ, лѣсовъ, судовъ лошадей, коровъ, пастуховъ, замковъ, домовъ и разныхъ видовъ живописи.

*****) Кромѣ того украшаются надписями: „въ знакъ любви“ и „въ день ангела“.

*) Поля и зонъ стѣвъ гончарной посуды, сверхъ свинцовой пеллировки, украшаются разными фигурами: лошадей, рыбъ, звѣрей, лѣсовъ, цвѣтовъ и концентрическихъ круговъ.

**) Ложки дѣлаются желтыя, разнокалиберныя, нерѣдко съ рисунками цвѣтовъ, рыбъ и съ разными стихами, прибаутками и молитвами.

Кстати уже сказать о постройкахъ церквей, колоко-
лепъ, часовень и крестовъ.

Какъ въ древней Россіи *церкви* были главнымъ укра-
шеніемъ посадовъ, такъ и нынѣ онѣ придаютъ велико-
лѣпіе деревенскимъ поселеніямъ. Онѣ становятся почти
всегда въ самой средѣ села, на широкой площади и
на болѣе видныхъ мѣстахъ, у проѣзжихъ дорогъ на воз-
вышенномъ (лобномъ) мѣстѣ, или необрушающемся уго-
рѣ, при чемъ подлѣ многихъ храмовъ выросли деревья,
преимущественно же заповѣдныя ели. Постройка церк-
вей болѣе старинная и все на одинъ или два плана;
фасадъ, разумѣется на востокъ. Церкви здѣсь неболь-
шія, деревянныя. Ходъ въ церковь бываетъ всегда одинъ
съ крытымъ крыльцомъ, на которое ведутъ одна или
двѣ лѣстницы съ перилами. На крыльцѣ бываетъ скатъ,
и рѣдкія церкви обшиты досками, и потому почернѣвшія
стѣны ихъ несутъ на себѣ отпечатокъ древности. Крыши
тесовыя, гладкія, у нѣкоторыхъ же чешуисто-рѣзные.
Все церкви одноглавыя, исключая нѣкоторыхъ соборныхъ.
Куполы круглыя у нѣкоторыхъ покрыты бѣлымъ желѣ-
зомъ, отражающимъ лучи солнца, но чаще деревянные.
Оконъ въ церквахъ бываетъ довольно много; но все они
небольшія, въ родѣ употреблявшихся въ старину; у нихъ
съ внутренней, либо съ наружной, стороны вбиваются
фигурныя и простыя желѣзныя рѣшетки. Архитектура
церковныхъ зданій вообще проста, и ничто въ нихъ не
представляетъ какой либо художественной особености *).
Ограды у церквей вездѣ деревянныя, рѣшетчатыя, об-
ветшалыя, а у нѣкоторыхъ и никакихъ нѣтъ.

Церковныя колокольни построены или въ совокуп-
ности съ зданіемъ храмовъ, или отнесены особо не по-
далеку отъ церквей. Колокольни вездѣ деревянныя, сруб-
чатыя, о 4-хъ и 8-ми углахъ. Архитектура ихъ тоже
устарѣлая. Колокола очень не большіе, и вѣсомъ и
числомъ.

Часовни становятся на лобныхъ же мѣстахъ въ се-
леніяхъ, или на почитаемыхъ по преданіямъ. Вездѣ онѣ
деревянныя, самого простаго вида съ одною главою,
или съ однимъ воздвизальнымъ крестомъ, съ голыми, и
кое-гдѣ обшитыми досками, бревенчатыми, стѣнами и од-
нимъ ходомъ. Часовнями же считаются и простыя амбары
съ иконами, выстроенныя на пустопорожнихъ мѣстахъ.
Нѣкоторыя часовни обнесены оградами: либо изъ точ-
ныхъ баялъ, либо гладкими, но окрашенными. У часовень
бываетъ по одному и по два колокольца, привѣшанныхъ
къ столбу, подъ прикрытіемъ доски на два ската.

Кромѣ сооруженія церквей и часовень, у народа есть
весьма распространенный обычай — ставить деревянные
кресты и столбы, называемые часовенками. Ихъ ставятъ
по краямъ улицъ, при вѣздахъ въ деревни, на доро-

гахъ, при перекресткахъ, на почитаемыхъ почему-либо
мѣстахъ, на сѣнокосахъ, въ лѣсныхъ рощахъ и другихъ
пустынныхъ мѣстахъ. Они нерѣдко обояются невели-
кими оградками. Въ крестахъ просто вырѣзывается изо-
браженіе распятія, а въ столбахъ вкладываются литые,
мѣдныя воздвизальныя кресты, иконы простыя, или съ
окладами, въ ризахъ и кивотахъ. Иконы задерживаются
пеленами и сверхъ ихъ иногда привѣшиваются куски
разной матеріи, узорчатаго полотна или холста, на ко-
торыхъ вышиваются кресты.

Кромѣ этихъ извѣстій въ дополнительныхъ этнографи-
ческихъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ г. Ивановымъ, имѣ-
ются отрывочныя, но иногда не безполезныя замѣтки
о постройкахъ и доменной обстановкѣ въ селахъ Пинеж-
скаго уѣзда. Приводимъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ
какомъ онѣ представлены авторомъ:

— Въ каждомъ крестьянскомъ домѣ бываетъ только по одному
столу. Исключенія, очень рѣдкія, встрѣчаются лишь въ домахъ,
устросныхъ и убираемыхъ на городской манеръ.

— Полы въ избахъ мостятъ пластинами — досками, которыхъ изъ
одного дерева выходитъ только двѣ.

— Избы въ зимнее время такъ сильно натапливаются, что для
непривычнаго къ тому невозможно быть въ нихъ.

— Для освѣщенія лучина употребляется березовая и сосновая,
последняя по преимуществу. Отъ нея распространяется сильный
дымъ, заѣдающій глаза.

— Постели и подушки въ деревняхъ больше всего набиты
шерстью. Здѣсь, гдѣ такъ значителенъ птичій промыселъ, надо
было бы полагать больше этихъ вещей изъ пера и полупушья,
но оказывается напротивъ, потому что дичь жители употребляютъ
въ пищу себѣ рѣдко, а почти всю проводятъ въ отвозъ.

— Постели для очистки отъ такихъ насекомыхъ, какъ вши,
выносятся зимою на сѣни, гдѣ онѣ и уничтожаются силою
мороза.

— Станокъ, на которомъ ткуютъ холстъ или сукно, занимаетъ
чуть не поджилица.

— Иконы въ жилищахъ размѣщаются по красотѣ: въ кіотахъ
и въ окладахъ образа ставятся въ горницы, а досчаныя образа —
въ жилыхъ избахъ.

— Посуда хорошая бываетъ разукрашена цвѣтами, отводками,
краями, каемками, узорами.

— Ножи употребляются вообще простыя; но оправы изъ ка-
кихъ-либо металлическихъ композицій, кромѣ развѣ свицовой
наливки на концахъ у лезвія и закрѣпы, да желѣза или мѣди
для укрѣпленія, не бываетъ.

— Ставни бываютъ больше одиночныя и рѣдко створчатые.

— Какъ ни хороши въ губерніи жилищныя постройки вообще,
но среди ихъ встрѣчаются хижины, точно шалаши, на столько
бѣдныя, что удивляешься, какъ человекъ можетъ въ нихъ жить.

— Стекло въ окнахъ больше изломанныхъ чѣмъ цѣльныхъ
отъ того, что, какъ извѣстно, стекло легко ломается во время
сильныхъ зимнихъ морозовъ.

— Въ деревняхъ рѣдко найдете оштукатуренныя внутри дома;
но все же есть и такія.

— Во многихъ крестьянскихъ домахъ, проконопачиваемыхъ
дурно, несутъ изъ стѣнъ, изъ подоконниковъ и косяковъ, съ пола
и изъ входныхъ дверей.

— Глыбы льда для погребовъ называются кабанъ.

— Въ деревняхъ встрѣчаются дома безъ крышъ, квадратныя,
въ одно бревно длиною, съ однимъ или двумя окнами по сре-
динѣ, а кругомъ ни кола, ни двора.

*) Монастырскіе храмы не идутъ тутъ въ счетъ.

— Въ кузницахъ работаютъ также подковы для лошадей, подковные гвозди и проч.

— Витрины мельницы бывають выстроены и на девяти тогахъ (стоячихъ деревьяхъ), о двухъ и объ одномъ поставѣ.

— На верху крышъ ставятся деревянные коньки, изображающіе голову лошади или телку,—одну ея голову; но коньки служатъ также украшеніемъ и внутри избъ, около печи и у божицы.

— Бѣлила для печей дѣлають иногда съ водою, съ примѣсью молока.

— Къ праздникамъ мало того, что очищаютъ грязь дресвой и пескомъ,—столы, стулья, скамейки, стѣны и проч. оскабливають ножами.

— Сѣни, сѣнишки и все прочее, соединяющееся подъ одними хоромами, называется подворьемъ.

— Есть въ избахъ окна, вдѣланные въ пазы и по пазамъ задвигаемыя и отворяемыя.

— Скамьи въ крестьянскихъ избахъ одними концами сходятся въ углахъ ихъ, а другими расходятся врозь вдоль стѣнъ.

— Въ зимнее время при крыльцѣ или у воротъ всегда лежатъ два-три вѣника или метлы, которыми опахивають снѣгъ съ сапоговъ или катанокъ.

— Волоковые окна—съ задвижными ставнями внутри. Нынѣ ихъ нѣтъ здѣсь, или есть, но рѣдко.

— Пивоварни, или строения, въ которыхъ цѣлыя деревни варятъ пиво на праздники, называются поварнями.

— Терпу гъ—крупный рѣдкій напитокъ (напильникъ.)

— Въ верху узда употребляютъ, вмѣсто половинокъ и роговъ, плетеные изъ драпицы ковры (плетеные такъ же, какъ корзины).

— На повѣтяхъ отъ дыръ, прорубленныхъ въ полу повѣтей (потолокъ хлѣбовъ), идутъ такія же дыры, прорубленныя въ стѣнахъ. Когда же хлѣвъ устроенъ отдѣльнымъ строеніемъ, тогда изъ дыръ въ потолокъ пропускаются деревянные трубы. Это дѣлается для того, чтобы не задерживать въ хлѣвахъ зловредныя газы.

— Для молоченія и вѣянія хлѣба близъ овинновъ устраиваются обыкновенныя глиняные токи: выравнивають и утрамбовываютъ землю и потомъ кладутъ жидко размятую глину, съ малой примѣсью песку, потомъ гладко заравнивають; въ какомъ видѣ замерзнувъ, токъ дѣлается твердымъ и гладкимъ.

— Очень рѣдко связанныя пучки соломы приколачиваются у входныхъ дверей съ внутренней стороны, т. е. со стороны, ведущей изъ избы, для того, чтобы тепло не могло скважинами въ затворѣ выходить изъ избы въ сѣни.

— Красное окно — окно со стеклами, въ отличіе отъ воловога,—свѣтлое, какъ красная изба съ большими окнами свѣтлица.

— Засѣнки, или сусѣки, и заврѣжки устраиваются по бокамъ или внутреннимъ стѣнамъ амбаровъ.

— Прясла рѣдко устраиваются у самыхъ деревень, смѣшно съ постройками; но большею частію нѣсколько вдали.

— Кузнечные мѣхи состоятъ изъ двухъ досокъ съ дырой на верху и двухъ (по бокамъ) сжимаемыхъ кожъ, съ желѣзнымъ дуломъ, наклоненнымъ къ горну. Чтобы получить непрерывный токъ воздуха на огонь дѣйствуютъ рукою по очередно: то той, то другой.

— Кринки и горшки, для непроницаемости, муравятся дегтемъ и свиномъ.

— Въ недавнее время вошли въ употребленіе дешевенькіе стѣнные часы (1 р.—1 р. 20 к.) мастерскихъ Гаврилова и Главинскаго.

— Входы въ домахъ дѣлаются наиболѣе съ праваго боку. Такъ если домъ стоитъ глазами къ востоку, то ворота ищите на югъ.

— Употребительные стулья дѣлаются нѣсколько въ видѣ стальной лошади: спинка съ длинными ножками такъ и кажется передомъ лошади, а закорточки отъ ножекъ на верху — ея уши, спинка — шея, сидѣнье—спина и задница, нѣсколько расширяющаяся.

— Бани сооружаются болѣе изъ старья, т. е. изъ лѣса, бывшаго въ постройкѣ потомъ разрушенной.—Иногда до такой степени парятся вѣниками, что не скидываютъ рубашки, а для сѣченія нанимаются посторонній человѣкъ, который надѣваетъ себя на руки рукавицы.

— Амбары рѣдко сооружаются на столбахъ съ шейками (въ видѣ урны), называемыхъ гребнями.

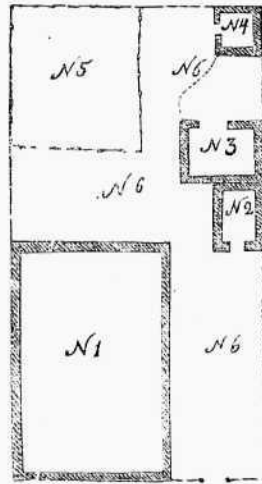
— Внутри домовъ стѣны обтесываютъ нагладко; но при этомъ необтесанными оставляють два или три бревна отъ потолка и два или три бревна отъ полу.

— Свящ. Андрей Костылевъ въ „Губ. Вѣд.“ пишетъ: „годовъ десятка полтора назадъ, почти по всему Пинежскому уѣзду, молодой скотъ держали въ тѣхъ же избахъ, въ которыхъ и сами жили. Теперь этотъ обычай, по низу рѣки Пинеги и около города Пинеги, вывелся уже. Для скота тамъ настроили особенныя избы, которыя называются скотными. Но что касается до отдаленной Тименинской волости, лежащей въ самомъ углу уѣзда и въ захолустѣ, обычай жить со скотомъ вмѣстѣ вполне сохранился. Вѣннимъ видомъ здѣшніе дома не отличаются отъ крестьянскихъ домовъ всего уѣзда. Домъ по большей части состоитъ изъ двухъ избъ, подъ одною кровлею. Прямо противъ дома — колодезь съ трубой (желобомъ) приткнутой въ избу. Внутренность дома представляеть для невидавшаго удивительную картину. Близъ входа въ избу стоитъ большой чанъ съ соломой, залитой горячею водою, а кругомъ его—скотъ. Коровъ загоняють въ избу только на день, на ночь же выгоняють ихъ во дворъ. Что же касается до молодого рогатаго скота, то этотъ живетъ постоянно въ избѣ. Отъ житья скота грязь въ избахъ ужасная, а отъ грязи одежда крестьянъ и сами они очень—очень грязны. Еслибы такъ жили бѣдные,—имъ бы еще, такъ и сикъ, простительно; но такъ живутъ и зажиточные, богатые крестьяне“ (Губ. Вѣд. 1870 г., № 36). Наше слово: О. Андрей сказалъ вѣрно!....

Послѣ приведеннаго нами описанія домовыхъ построекъ и домашней обстановки сельскаго населенія въ Пинежскомъ уѣздѣ, мы можемъ привести здѣсь выдержки изъ двухъ статей, касающихся Шенкурскаго уѣзда: а) А. Шадрина—чертежи крестьянскихъ домовъ и усадебъ; б) Свящ. Стефана Мефодіева — описаніе села Усть-Пуи. Чертежи Шадрина представляютъ избы, весьма распространенныя въ деревняхъ удѣльнаго вѣдомства. Вотъ они.

I. Планъ усадебной земли, на которой стоятъ жилыя и нежилыя строения, принадлежащія крестьянину деревни Верхолецкой слободки, Великоиколаевского волостнаго правленія, Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи.

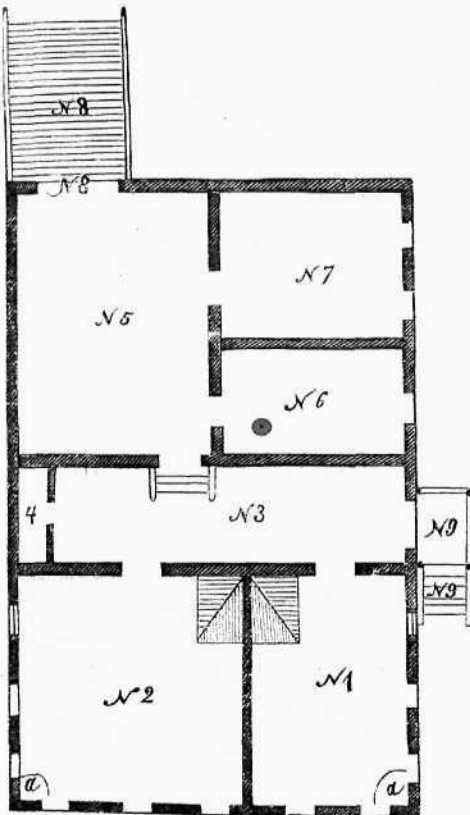
Планъ усадьбы.

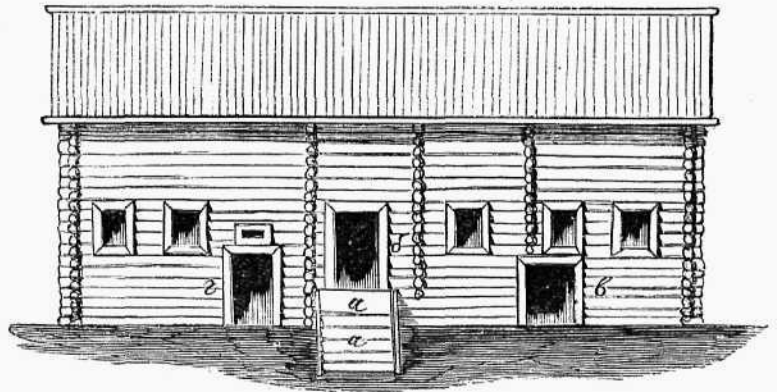
Масштабъ къ плану усадьбы.

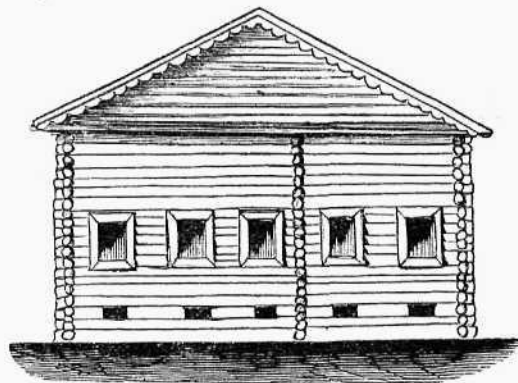
Планъ дому.

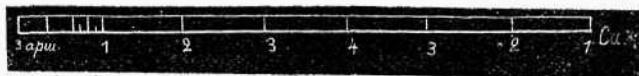
Фасадъ съ боковой стороны.

Фасадъ съ лицевой стороны.

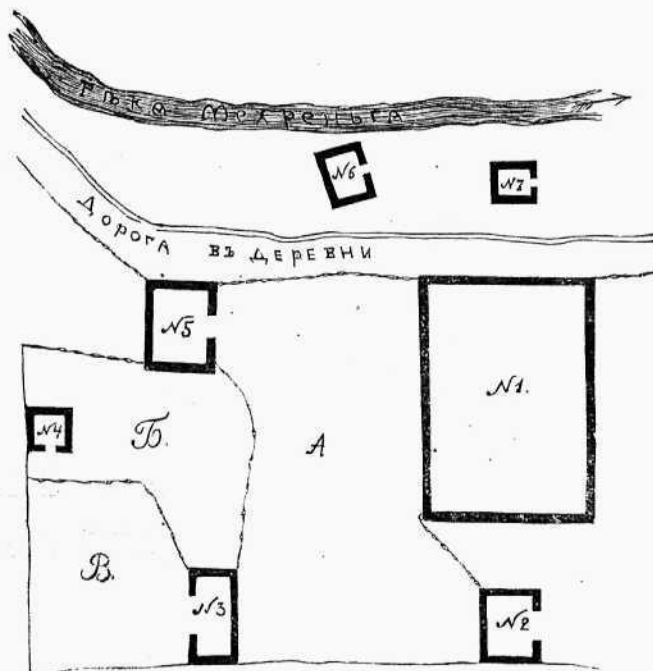
Масштабъ къ плану и фасадамъ дому.

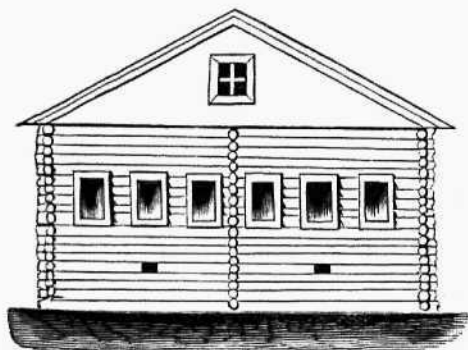

II. Планъ усадебной земли, на которой стоятъ жилия и нежилая строения, принадлежащія крестьянину Шенкурскаго уѣзда (Архангельской губерніи), Тарасовской волости, Церковническаго прихода деревни Майнемы.

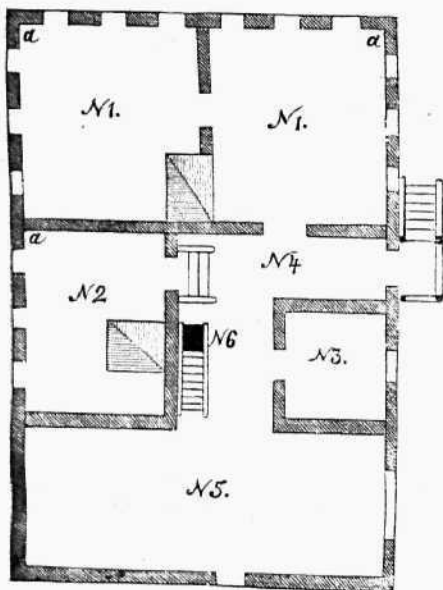
Планъ усадьбы.

Фасадъ.

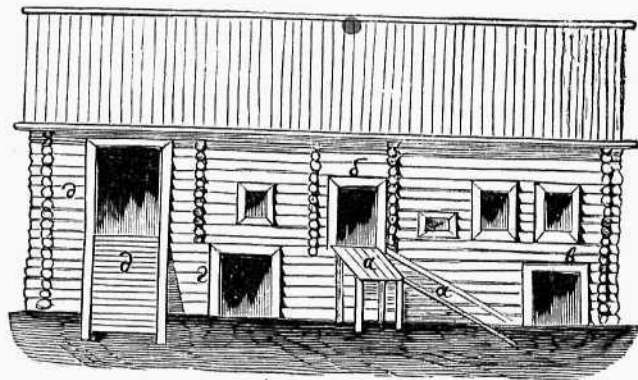
Планъ дому.

Масштабъ къ плану усадьбы.

Фасадъ съ боковой стороны.

Масштабъ фасадамъ и плану дома.

О П И С А Н И Е I.

ПО ПЛАНУ УСАДЬБЫ.

Домъ построенъ въ серединѣ деревни по проселочной дорогѣ, лежащей въ Тарасовскую волость, Церковническаго прихода, при рѣкѣ Леди, въ разстояніи отъ оной въ 20 саженьяхъ. Внутреннія и наружныя принадлежности дома плотничной работы, а рамы или оконные переплеты постройки столярной работы.

№ 1 домъ, № 2 погребъ или ледникъ, № 3 гумно, № 4 овинъ, № 5 огородъ и № 6 дворъ. Бани построена на берегу рѣки Леди противъ дома.

ПО ПЛАНУ ДОМА.

№ 1 изба съ русскою печкою, кругомъ избы обыкновенныя крестьянскія лавки; въ большомъ углу *a* простой столъ. По вѣсѣмъ стѣнамъ надъ окнами полки, служащія для поклажи разныхъ предметовъ. При входѣ въ избу надъ дверьми до вѣронца палаты. У стѣны, отдѣляющей вторую избу, предъ окномъ, ближе къ углу, тоже поставленъ столъ, а возлѣ него простой шкафъ, въ которомъ хранится разная глиняная посуда, какъ-то: тарелки, блюда, кринки и т. под. Изба № 2, она совершенно того же вида и убранства, какъ и первая, имѣетъ тоже русскую печку, лавки, полки и палаты, простой столъ, который поставленъ въ большой уголъ *a*,

передъ нимъ скамья, а у стѣны въ недалекомъ разстояніи отъ печки сдѣланъ прилавокъ въ видѣ шкафа—довольно широкой. № 3 сѣни, № 4 ретирода, № 5 повѣтъ, № 6 клѣтъ и № 7 холодная изба безъ печки. Три послѣдніе помѣщенія построены выше трехъ первыхъ на три четверти аршина. Повѣтъ служитъ, какъ для свалки сѣна, такъ и для хранения приготовленныхъ подъ наливъ смолы бочекъ. № 8 ворота со вѣздомъ на повѣтъ и № 9 крыльцо съ помостомъ на столбахъ съ наружной стороны дома.

ПО ФАСАДУ СЪ БОКОВОЙ СТОРОНЫ ДОМА.

Подъ лит. *a* крыльцо съ улицы, *b* дверь во внутренность дома, *c* дверь въ подъизбицу или кладовыя, *d* ворота въ скотный дворъ, гдѣ помѣщаются: хлѣвъ, телатникъ, овчарня и конюшня.

ПО ФАСАДУ СЪ ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЫ ДОМА.

Лицевая сторона дома заключаетъ пять красныхъ оконъ съ лѣтними переплетами; они съ наружной стороны затворяются одностворчатыми ставнями. Въ подъизбицѣ имѣется тоже пять малыхъ оконъ въ видѣ слуховыхъ, которыя въ зимнее время закрываются деревянными плашками съ войлокомъ. Особенной отдѣлки или украшеній, какъ внутри, такъ и съ наружи дома нѣтъ.

О П И С А Н И Е II.

ПО ПЛАНУ УСАДЬБЫ.

Домъ построенъ въ концѣ деревни Майнемы, при дорогѣ, лежащей въ прочія деревни этого прихода. Внутренніе и наружные предметы дома плотничной работы, а оконные переплеты столярной.

№№ 1 домъ, 2 сарай, гдѣ хранятся земледѣльческія крестьянскія орудія, а также тѣлеги и сани, 3 гумно, 4 овинъ, 5 амбаръ для хлѣба, 6 баня обыкновенная крестьянская и 7 погребъ или ледникъ; подъ лит. *A* огородъ, *B* конопляникъ и *B* пашня.

ПО ПЛАНУ ДОМА.

№ 1 первая и вторая избы съ русскою печкою. Кругомъ стѣны сдѣланы обыкновенныя крестьянскія лавки, шириною до 10 вершковъ. Въ большомъ углу *a* простой столъ, передъ нимъ скамья, тоже и во второй избѣ, которая служитъ кухней. Выше оконъ въ обѣихъ избахъ, кругомъ стѣны сдѣланы полки, служащія для поклажи разныхъ предметовъ. Надъ дверьми при входѣ въ первую избу сдѣланы палаты. Во второй избѣ имѣется простой шкафъ для хранения посуды, онъ стоитъ у стѣны, отдѣляющей одну избу отъ другой. № 2 тоже изба съ русскою печкою, эта изба построена выше прочихъ на

$\frac{1}{2}$ аршина. Въ ней тоже имѣется вдоль стѣны лавки, въ большомъ углу *a* столъ, передъ нимъ стулья, а около печки простой диванъ; къ стѣнѣ, отдѣляющей повѣтъ, сдѣланы полки въ три ряда, на оныхъ хранится чайная посуда. № 3 клѣтъ, № 4 сѣни, № 5 повѣтъ, № 6 люкъ съ лѣстницею внизъ, служащая входомъ въ скотный дворъ.

ПО ЛИЦЕВОМУ ФАСАДУ.

Лицевая сторона дома, состоитъ изъ шести оконъ, которыя съ наружной стороны затворяются одностворчатыми ставнями. Окна имѣютъ одни лѣтніе переплеты, каждый переплетъ заключаетъ шесть стеколъ. Въ чердакѣ одно окно съ переплетомъ въ четыре стекла. Внизу подъ красными окнами имѣется два слуховыхъ окна, чрезъ которые проходитъ свѣтъ въ кладовыя или въ подъизбицы.

ПО БОКОВОМУ ФАСАДУ.

Подъ лит. *a* крыльцо съ улицы, при немъ помостъ на столбахъ, *b* дверь служащая входомъ во внутренность дома, *c* наружная дверь въ кладовыя или въ подъизбицу, *d* дверь (ворота въ скотный дворъ, конюшню и въ хлѣва и *d* ворота на повѣтъ со вѣздомъ.

Переходимъ въ статьѣ свящ. Ст. Меводіева, подтверждающей и дополняющей свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ. Въ ней относительно предмета, насъ занимающаго, сказано слѣдующее:

Всѣ дворы деревень Усть-Пуйскаго селенія, за небольшими исключениями, расположены параллельно, имѣя разстояніе одинъ отъ другаго отъ 5 до 10 сажень. Постройки фасадами не одинаковы, смотря потому, на какой сторонѣ рѣки Ваги онѣ находятся. Постройки, лежащія на правой сторонѣ рѣки, обращены лицевою стороною на западъ, а лежащія на лѣвой на востокъ. Впрочемъ есть и незначительныя исключенія, напримѣръ въ такъ называемыхъ деревняхъ: Перегородинской и Бѣлавинской, какъ видно, каждый житель, устроивъ себѣ жилище, располагалъ фасадомъ своей постройки по личному усмотрѣнію. Амбары, овины, бани, а индѣи и пивоварни устроены большею частію въ сторонѣ. Всѣ улицы села, при разнообразномъ направленіи, имѣютъ болѣе или менѣе прямое расположеніе.

Избы и прочія вышеименованныя хозяйственныя постройки устроены всѣ изъ дерева. Наружность домовъ довольно несоразмѣрна. Несоразмѣрность эта замѣчается въ томъ отношеніи, что дома, при ихъ громадной длинѣ и порядочной ширинѣ, очень низки, и потому помянутыя зданія по наружности представляютъ очень сплюснутый видъ. Длина описанныхъ зданій простирается среднимъ числомъ до 15 печатныхъ сажень, ширина отъ 7 до 9, вышина отъ 4 до 6 сажень. Верхніе ряды бревенъ, на которыхъ утверждается крыша, и самая крыша, вмѣстѣ взятая, на языкъ здѣшняго навода называется *сараемъ*. Крайнія корытообразныя бревна, прикрѣпляемые къ противоположнымъ концамъ крыши, опускающимся надъ окнами дома, и приспособленные къ тому, чтобы по нимъ удобнѣе могла стекать дождевая вода, обыкновенно называются *потокомъ*, (въ имен. пад. *потоко*); а битые въ ряды стѣнъ деревянные кражи, поддерживающіе потокъ съ крышею, носятъ названіе *курицъ*. Верхнее бревно, отесанное треугольникомъ и полагаемое обыкновенно на вершинѣ зданія, называется двойко: или *охлупнемъ*, или *князькомъ*. Вся же совокупность бревенъ, входящихъ въ составъ жилой части описываемыхъ зданій, называется *столою*.

При входѣ чрезъ ворота на мостъ, замѣняющій мѣсто сѣней, тутъ же на виду помѣщается открытое отхожее мѣсто. Большую часть остальнаго пространства двора занимаетъ такъ называемая *повѣть*, которая, не извѣстно почему, въ параллель отъ моста, почти у всѣхъ строится выше онаго. Кромѣ небольшой лѣтницы, ведущей съ моста на повѣть, остальное во всю ширину зданія, между мостомъ и повѣтью пустое пространство, какъ видно, имѣетъ назначеніе отхожаго мѣста. Повѣть, смотря по состоянію хозяевъ, занята различными пред-

метами сельскаго хозяйства. Для храненія съѣстныхъ припасовъ на повѣти же устроивается чулащъ, называемый *кльтью*.

Самыя комнаты, по назначенію своему, бываютъ двоякія: *зимнія* и *лѣтнія*, или по народному: *черныя* и *бѣлыя*. Зимнія избы устраиваются большей частью на задней, а иногда и на боковой части зданія. Въ стѣнахъ такого рода жилищъ; для клажи разныхъ мелочей изъ домашней утвари, сверху приколочены толстыя и оструганныя тесины, называемыя *воронцами*, снизу же *лавки*, назначаемыя обыкновенно для сидѣнія. Печи кладутся безъ трубъ. Для выхода же дыма, которымъ наполняется изба во время топлена печи, въ задней стѣнѣ надъ печью устроивается довольно широкое отверстіе, которое, по истопленіи печи и уходѣ дыма, немедленно закрывается столь же широкою доскою. Полъ и стѣны въ этихъ избахъ почти навсегда остаются грязными. Въ нѣкоторыхъ избахъ грязь тѣмъ болѣе умножается, что туда въ извѣстное время для выпускается рогатый скотъ для кормленія и доенія. Разумѣется въ такихъ избахъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ украшеній. У многихъ хозяевъ четвертая часть избы противъ печи отдѣляется перегородкою, называемою *шомушею*, въ углу которой, за печью, для молотья муки и крупы, у иныхъ хозяевъ устроиваются и жернова.

Устройство лѣтнихъ комнатъ нѣсколько благообразнѣе. Онѣ почти всегда строятся или въ верхнемъ этажѣ, или на лицевой сторонѣ зданія. При входѣ въ дверь, въ переднемъ углу съ правой стороны, если домъ лицевою стороною обращенъ на востокъ, или въ лѣвой—если на западъ, на приколоченномъ къ стѣнѣ карнизѣ, называемомъ божницей, стоятъ иконы посредственнаго письма*). Подъ ними приколочено къ стѣнѣ нѣсколько картинъ духовнаго содержанія, а у болѣе состоятельныхъ хозяевъ, въ числѣ комнатныхъ украшеній, на стѣнахъ, въ сторонѣ отъ иконъ, помѣщаются изображенія знаменитыхъ русскихъ полководцевъ. Воронцы и лавки въ этихъ комнатахъ составляютъ также необходимую принадлежность. Хотя и въ лѣтнихъ комнатахъ полъ моется не очень часто, однако-жь эти комнаты гораздо чище зимнихъ, такъ какъ печи въ нихъ, для болѣе удобнаго выхода дыма во время топки имѣютъ трубы, и притомъ туда скотъ не выпускается. Потолокъ, стѣны, а тѣмъ болѣе полъ какъ въ лѣтнихъ, такъ и въ зимнихъ комнатахъ, ни у кого и ничѣмъ не красятся. Болѣе зажиточные хозяева на лицевой сторонѣ зданія строятъ двѣ лѣтнія комнаты (избу и горницу), которыя извѣстны здѣсь подъ общимъ названіемъ *двойней*.

Устройство овиновъ неудобное. Одна половина стѣнъ

*) Въ зимнихъ избахъ иконы стоятъ также смотря потому, куда обращена лицевая сторона избы.

этого рода построекъ находится въ землѣ, другая поверхъ земли. Вровень съ землею устроится бревенчатый потолокъ, верхняя сторона котораго, обитая довольно толстымъ слоемъ глины, называется *подомъ*. На *подъ* черезъ небольшое отверстіе въ стѣнѣ накладываются назначаемые для молотбы снопы хлѣба. А какъ въ овинахъ печи вовсе не кладутся, то хозяева для сушенія сноповъ, черезъ проведенное снаружи углубленіе, спускаются подъ самое основаніе овина и тамъ раскладываютъ огонь. Во все время топленія овина дымъ и жаръ отъ огня, черезъ довольно длинное и широкое на потолокъ отверстіе, называемое *пазухою*, проходитъ прямо въ снопы. Такое устройство овиновъ имѣетъ свою выгоду развѣ въ томъ отношеніи, что жаръ огня, непосредственно проходя къ снопамъ, скорѣе сушитъ ихъ. Но это же устройство и неудобно, особенно потому, что, какъ признаются сами хозяева, при значительно сильномъ вѣтрѣ топленіе овиновъ соединено съ опасностью.

Амбары имѣютъ двойное назначеніе. Собственно такъ называемые *амбары* устроиваются при гумнахъ *) для клажи туда соломы, остающейся послѣ молотбы хлѣбныхъ растений, и амбары, почти всегда называемые *житницами*, назначаемые для клажи зерноваго хлѣба. Въ амбарахъ, собственно такъ называемыхъ, существуетъ только одна перегородка, въ которую кладется мякина, остающаяся послѣ молотбы. Въ житницахъ же находится нѣсколько перегородокъ, называемыхъ засѣками, куда, послѣ молотбы, высыпаются сѣмена хлѣбныхъ растений.

Устройство бань не отличается большимъ умѣньемъ. Предъ входомъ въ самую баню устроются небольшія стѣны, гдѣ идущіе мыться раздѣваются. Въ томъ или другомъ углу отъ дверей кладется печь изъ сѣраго камня. Способъ топленія печей въ баняхъ такой же, какой въ зимнихъ избахъ. Отъ печи и далѣе на сторонѣ отъ печи вдоль передняго угла все пространство занимаетъ такъ называемый полокъ, ширина котораго равна ширинѣ печи и на которомъ пребываютъ любящіе париться. Къ другой, противоположной полку и печи, стѣнѣ и къ незапнятой полкомъ остальной части передней стѣны продѣланы небольшія прилавки, на которыхъ сидятъ моющіеся и стоятъ сосуды съ горячею и холодною водою.

Пивоварни, какъ показывается самое названіе, предназначаются для варенія пива. Онѣ бывають только у немногихъ хозяевъ. Внутри такого рода построекъ нѣтъ

*) Гумна не принадлежать къ числу построекъ, а находятся при амбарахъ подъ открытымъ небомъ, и суть ничто иное, какъ довольно обширное и продолговатое пространство земли, выстланное глиною, куда раскладываются для молотбы снопы хлѣбныхъ растений. Въ предохраненіе отъ топтанія скота и выростанія сорныхъ травъ, на время весны и лѣта гумна накрываются соломой.

ни пола, ни потолка, одиѣ пустыя стѣны. Надъ тѣмъ же мѣстомъ, гдѣ варится пиво, крыша на время варенія открывается.

Всѣ означенныя мелкія хозяйственныя постройки длиною отъ 2 до 3 сажень, шириною отъ 1½ до 2 саж., вышиною отъ 1 до 1½ саж. Крыши на нихъ или плоскія безъ охлупня, или съ охлупнемъ, отъ котораго отдѣляются двумя наклонными поверхностями.

Предметы, относящіеся къ домашней утвари жителей Усть-Пуи, почти общезвѣстны, какъ по своему устройству, такъ и по назначенію. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны только своими мѣстными названіями.

Такъ какъ всѣ перечисленные о. Меоодіевымъ предметы, принадлежащіе къ уходу за столомъ, печью и скотомъ, упомянуты были и въ описаніи Иванова, то мы и опускаемъ этотъ перечень. Но приведемъ принадлежности рукодѣлій:

а). Пряжи: прялицы (прялки), веретена, мотовила отъ 6 до 7 четвертей длиною, служація для мотанія нитокъ.

б). Шитья: иглы, наперстки, ножницы.

в). Тканья: *станины*, длиною около 2-хъ арш., шириною 1½ арш., имѣютъ видъ двухъ двухъ-угольныхъ скобъ, съ того и другаго конца сколоченныхъ поперечными досками; *сволокъ*, длиною около аршина слишкомъ, на концахъ котораго находятся два толстыхъ, туго наложенныхъ круга, опредѣляющіе границы, до коихъ должны простираться нитки, свиваемыя для тканья; влагаемая въ задній конецъ станины *пришвица*, длиною равняется сволоку, одинъ конецъ ея довольно шарообразенъ, съ сквозными и крестообразными отверстіями; остальная же часть имѣетъ видъ круглой и довольно толстой палки, на бокахъ которой почти во всю длину ея находится сквозное отверстіе, куда влагается ткань, завиваемая вокругъ палкообразной части пришвицы, влагаемой въ передній конецъ станины; *притужальникъ*—довольно тонкая дощечка, шириною около ладони челоуѣческой руки, длиною около полуаршина, будучи привязана къ станинамъ крѣпко веревочкою, влагается въ одно изъ отверстій шарообразнаго конца пришвицы, чтобы туго завитую около пришвицы ткань удержать въ данномъ ей положеніи; *набилки*—двѣ толстоватыя, гладко струганыя, доски, каждая шириною около двухъ вершковъ, длиною около аршина, налагаемая одна на другую косвенно; въ концы опыхъ черезъ сквозныя дыры влагается по одной четверугольной палкѣ, причѣмъ верхняя доска довольно легко можетъ приподниматься; *бердо*, устройство котораго состоитъ въ томъ, что, между двумя параллельно отстоящими одна отъ другой палочками, втыкается нѣчто въ родѣ частыхъ зубьевъ гребня, длиною отъ 2 до 2½ четвертей, шириною въ 1½ вершка; такое бердо влагается между набилками; *нитницы*, по-

добно берду, состоятъ изъ двухъ одна отъ другой параллельно отстоящихъ палочекъ, перевитыхъ нитками, длиною и шириною почти равняющихся берду; въ нитницы и берда влагаются назначенныя для тканья продольныя нитки; *челнокъ* — небольшая палочка, съ довольно острыми концами, въ срединѣ которой на деревянномъ пруткѣ находится, навитая нитками, такъ называемая *чечва*, свитая изъ коры березы; *подножки* — двѣ дощечки, привязанныя къ нитницамъ и опущенныя на полъ; причеиъ такъ называемыя *ткети* (женщины, которыя ткуть) ногами переступая поперебънно на ту или другую подножку, приподнимають и опускають тотъ или другой рядъ вложенныхъ въ нитницу продольныхъ нитокъ, набилками же и бердомъ въ продольныя нитки втыкають поперечныя, вложенныя въ челнокъ.

Къ принадлежностямъ тканья относятся также: *турикъ* — толстый обрубокъ дерева, сердцевина котораго вынута, между краями же того и другаго конца вставляется по одной дощечкѣ, шириною въ вершокъ, съ дырою въ срединѣ; *вышка* — много похожа на двухугольную скобку; на нее, посредствомъ дыръ въ дощечкахъ, влагается турикъ, на который свивають нитки; *воробы* — двѣ длинныя, но узкія дощечки, налагаемыя одна на другую крестообразно; на концахъ этихъ дощечекъ находится по нѣсколько дыръ, куда влагаются веретена, по которымъ раскладывается мотокъ нитокъ, назначаемый для свиванія на турикъ; *подворобица* — толстая, вертикально поставленная палка, вверху которой вбитъ въ такомъ же положеніи гвоздь, на который налагаются крестообразно воробы, въ нижній же конецъ подворобицы, для твердости ея стоянія, по бокамъ вбивается нѣсколько палокъ; *скально* состоитъ изъ трехъ небольшихъ дощечекъ, изъ коихъ двѣ стоятъ вертикально на концахъ третьей; чрезъ верхъ стоящихъ дощечекъ проведена палочка, съ крючкомъ при одномъ концѣ, называемомъ *веретномъ*, на острый конецъ котораго, довольно выдавшійся наружу, налагается чечва и на нее, посредствомъ верченія веретена, съ турика свивають нитки.

Принадлежности ухода за разными отраслями сельскаго хозяйства:

- а). Обработки пахотной земли: сохи, бороны.
- б). Уборки хлѣба и сѣнокоса: серпы, косы, у всѣхъ стойки, вилы, грабли.
- в). Уборки корнеплодныхъ растений: сѣчки, индѣ называемыя копачами или мотыками; большею частію служатъ для копанія картофеля.
- г). Уборки лѣсныхъ плодовъ: зобенки, небольшіе короба, сплетенные изъ коры березы, служащія большею частію для собиранія и пошенія ягодъ.
- д). Ухода за льномъ и коноплею: мялки, состоятъ изъ двухъ, вырубленныхъ съ корнями, древесныхъ обруб-

ковъ, каковыя, будучи поставлены на корни одинъ отъ другаго не въ дальнемъ разстояніи, снизу соединяются, вколоченною въ бока ихъ палкою, сверху же — двумя досками, приколочеными концами къ той и другой сторонѣ обрубовъ; въ остающееся между двумя досками разстояніе влагается третья доска, съ одного конца вколоченная туда деревяннымъ гвоздемъ; подъ приподнятую среднюю доску подкладываютъ ленъ или коноплю и, давя тою доской, очищаютъ эти растенія отъ такъ называемой костицы *); *трепалки* — небольшія, довольно заостренныя съ боковъ дощечки, коими треплютъ помянутыя волокнистыя растенія; *щети* — деревянные палки, одинъ конецъ которыхъ утыканъ свинными щетинами, залитыми еловою сѣрою, другой же, служащій рукоятію, обмазанъ *пекомъ*; щеть служатъ для совершеннаго очищенія льна и конопли.

е). Ухода за бѣльемъ: корыта, буки — въ которыхъ вымытое въ корытѣ бѣлье, посредствомъ насыпанія пепла и наливанія кипящей воды, парится, вѣроятно для большей бѣлизны; *корчаги* — такъ называются большіе глиняные горшки, индѣ называемыя *кубами*, у нѣкоторыхъ жителей замѣняющіе мѣсто буювъ; *камушки* — палки, которыми катають или гладятъ вымытое и высушеное бѣлье.

ж). Пивоварня: котлы, щаны (чаны) — большія кадки, въ дно которыхъ вложенъ такъ называемый *стырь*, который есть не иное что, какъ палка, вышиною почти равная кадкѣ; отъ легкаго поднятія стыря, обложеннаго *сурпою* **) образуется небольшое отверстіе, чрезъ которое процѣживаютъ сусло; *бочки*, индѣ называемыя *лагунами*, назначаются для переливанія въ нихъ пива.

Принадлежности мастерства:

- а). Сапожнаго: шило, иглы, дерево, колодка, служащая для выпрамденія сапога, молотки, гвозди.
- б). Строительнаго: топоры, стружки, скобели, тежики, которыми тешуть углы стѣнъ внутри зданія, пазники, служащія для выдѣльванія пазовъ, пилы, долото, брусы, точила, ватерпасы, черта, — желѣзная палочка, имѣющая на одномъ концѣ раздвоенный крюкъ, коимъ начертываютъ пазы.

Изъ четырехъ описаній, касающихся разныхъ мѣстностей Холмогорскаго уѣзда: Хаврогорскаго прихода, села Пингишей, Челмохотскаго и Курейско-Сергіевскаго прихода, первыя два даютъ нѣсколько подробностей относительно сельскихъ построекъ въ описываемыхъ ими деревняхъ.

Такъ свящ. Прокопій Павловскій говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее:

*) Крайнія доски въ мялкахъ называются щечками, а средняя языкомъ.

**) Сурпа состоитъ изъ нѣсколькихъ палочекъ, разставленныхъ кругообразно и обложенныхъ соломою; она налагается на стырь, какъ видно, для болѣе удобнаго отдѣленія сусла отъ солода.

«Деревни въ Хаврогорскомъ приходѣ расположены большею частію неправильно, и дома въ оныхъ также имѣютъ не одинаковое разстояніе одинъ отъ другаго: въ однихъ деревняхъ домъ отъ дома имѣетъ разстояніе двухсаженное и не болѣе трехъ сажень, а въ другихъ домъ отъ дома представляется довольно отдалившимся; сему причиною со стороны крестьянъ близость нахождения имѣемой ими пахотной земли, которая у нихъ всегда подъ руками и удобна для обработки.

Жилыя постройки передними окнами расположены на западную сторону, къ рѣкѣ Двинѣ, а амбары большею частію обращены дверями къ окнамъ домовъ, изъ предосторожности отъ похитителей, и находятся отъ домовъ въ близкомъ разстояніи; бани также близъ домовъ, а гумна и овины строятся въ сторонѣ и вдалекѣ, и большею частію близъ полей.

Дома крестьянъ деревянные изъ сосноваго и еловаго лѣса, большею частію, особенно вновь устроенные, красивые, удобны и помѣстительны. Домъ раздѣляется на три части: собственно такъ называемый *передъ*, состоящій изъ избы и горницы; *передворье*, т. е. средняя часть дома, на которомъ находятся чуланы или такъ называемыя клѣти въ верхней части онаго или повѣти, а подъ оными помѣщеніе для лошадей и хлѣвъ для рогатаго скота. Всѣ эти три части имѣютъ величину и ширину равныя; а весь домъ въ совокупности занимаетъ пространства въ длину 9 сажень, въ ширину до 5 *); на передней стѣнѣ устроится во всякомъ домѣ 5 оконъ, на боковыхъ по два и по три; крыльцо съ боковой стороны, двой ворота въ передворьѣ, для удобства къ вывозкѣ навоза, и въ хлѣвъ тоже двой двери: однѣ изъ передворья, а другія изъ задней стѣны. Наружное украшеніе дома составляетъ раскрашиваніе оконъ, на которые накладываются наличники **) , свода, въ которомъ устроиваются два окна, и подбоя подъ крышею.

Внутри такое же раскрашиваніе, смотря по состояцію жителя, бѣлилами или чернядью, оконъ, карнизовъ, печнаго мѣста и проч. Въ большомъ углу, на такъ называемой божницѣ, по обѣ стороны разставлены иконы, безыскусственной, извѣстной всѣмъ, суздальской работы. Въ каждомъ почти домѣ имѣется уходящая горница, прибранная по сельски. Въ ней, какъ бы на показъ, особенно въ праздники, когда бываютъ гости, вывѣшивается на стѣну лучшее платье домашнихъ, и выставляется на видъ мѣдная и другая цѣнная посуда. Это болѣе дѣлается тогда только, когда въ домѣ заводится свадьба, чтобы показать пріѣзжающимъ смотрѣть житье неизвѣстнаго имъ жениха или невѣсты, что послѣдніе имѣютъ всего

*) У зажиточныхъ крестьянъ дома строятся отъ 9 до 12 саж. въ длину, а въ ширину отъ 5 до 6-ти.

**) Наличникъ—фигура, въ видѣ рамки у картины, очень подходящая къ окну и довольно красивая.

довольно. Дома крестьянъ въ Хаврогорихъ у многихъ отштукатурены, что по близости нахождения цемента и многихъ мастеровыхъ этого дѣла, не составляетъ большихъ издержекъ, а между прочимъ приноситъ не малую пользу, сохраняя верхнія комнаты отъ преждевременнаго гніенія, обезпечивая содержаніе теплоты въ большей мѣрѣ въ зимнее время и позволяя употреблять меньшее количество дровъ для топки. Дома строятся, по довольноному количеству мѣстнаго матеріала, двухэтажные, въ высоту 5, 6 сажень и менѣе. У многихъ домовъ къ боковой стѣнѣ пристраиваются небольшія избы, называемыя подлизбицами, для того, чтобы въ зимнее время удобнѣе было водиться со скотомъ, каковыя избы—совершенный излишекъ и трата лѣса. Въ зимнее время двухэтажный, просторный и удобный домъ пусть, а огромное семейство хозяина помѣщается въ небольшой подлизбицѣ, терпя и снося спертый воздухъ, копоть отъ лучинъ, сырость и проч., отчего нерѣдко заводятся сихъ изобъ и нечистота, по сельскимъ обстоятельствамъ, всегда присущая.

Авторъ этнографическихъ свѣдѣній о селѣ Пингишахъ, сваящ. Андрей Колчинъ о сельскихъ постройкахъ этой мѣстности говоритъ слѣдующее:

«Въ Пингишенскомъ селѣ 170 дворовъ, у каждого почти двора имѣется амбаръ, баня и овинъ. Зданія эти построены безо всякаго порядка кучами до крайней тѣсноты. Въ одной кучѣ съ дворами стоятъ бани, амбары; даже овины съ гумнами построены рядомъ съ избою. Всѣ постройки сдѣланы изъ сосноваго лѣса, крыты тесомъ желобастымъ. Дворъ состоитъ изъ трехъ частей: *переда* или избы, *передворья* и *дольника*. Всѣ эти три части строятся въ одной связи. *Передъ* по фасаду имѣетъ три или четыре окна, одно изъ нихъ въ срединѣ большое, по названію *колодное* съ осмистекольною рамою, остальные маленькія, продолговатыя. На боку избы, съ той стороны, съ которой бываетъ входъ, дѣлается маленькое оконце. Въ зимнее время рамы стекольныя на ночь отнимаются, а вмѣсто нихъ вставляются деревянные ставни. Избы сводятся косякомъ на два ската. Косякъ дѣлаютъ тесаный. Крыша надъ косякомъ выдается впередъ довольно большимъ надвѣсомъ, концы у косяковъ обшиваются фигурами, такъ называемыми, *тригалинами*. *Передъ* старинной постройки всегда почти состоитъ изъ одной избы съ подпольемъ, въ 4 сажени и болѣе ширины и длины. Отъ переда тянутся *передворье* и *дольникъ*. Каждое изъ этихъ частей бываетъ длиною до 5 сажень; чѣмъ болѣе дворъ, тѣмъ исправнѣе хозяинъ.

Входъ въ избу устроивается по съѣзду чрезъ передворье, которое служитъ и сѣноваломъ и сѣнами. У дверной стѣны въ избѣ выводится печь, которую бьютъ изъ глины артелями, по сосѣдству, за угощеніе. Пред-

варительно для печи готовят печное мѣсто: ставят въ колоду четыре столба. Столбы расширяютъ въ стѣны избны поперечинами во все стороны; поперечины эти служатъ полками или грядками. Кругомъ избы, около стѣнъ, стоятъ лавки; конецъ этихъ лавокъ у дверной стѣны называется *конникомъ*. Лавки вдалбливаютъ концами въ стѣны. Выше лавокъ, тоже кругомъ избы, изъ стѣны въ стѣну дѣлаются грядки. Въ большомъ углу ставится *божница*. Надъ окнами дѣлаются карнизы, или продольные, большіе, подъ всеми окнами, или особо надъ каждымъ окномъ. Карнизы эти называются *зызмами*. Изба отдѣляется заборкою отъ печи къ передней стѣнѣ. Мѣсто за заборкою называется *солмышею*. Если не бываетъ заборки въ избѣ, то бываетъ пространное занечье, которое тоже именуется *шолмыша*. Потолокъ въ избѣ бываетъ бревенчатый, иногда на два ската. Подъ потолкомъ на перекрестъ изъ стѣны въ стѣну укрѣпляютъ рядомъ по двѣ жерди, называемыя *марими*; на нихъ сушатъ лѣсъ для подѣлокъ, рыболовныя сѣти и проч. У печи въ стѣнѣ дѣлается *дымникъ*, — просто окно, защищаемое ставнемъ; отъ этого окна, съ наружной стороны избы, идетъ деревянный дымникъ или труба. Въ избѣ, кромѣ печи, лавокъ и грядокъ, увидите еще столъ въ большомъ углу, колодку или обрубокъ и табуретъ гнутый изъ ивы. Кромѣ иконостъ, на стѣнахъ никакихъ украшеній не бываетъ. Въ передворьѣ устроится клѣть. Клѣть служитъ въ простую пору для храненія пожитковъ, а во время браковъ — для отвода молодыхъ къ опочиванью.

Передворье и дѣльничекъ строятъ въ огромныхъ размѣрахъ для большаго помѣщенія скота и тундры, которую завозятъ въ дворы. Въ передворьѣ помѣщаютъ лошадей и большихъ быковъ; въ дѣльничкахъ — коровъ, телятъ и овецъ. Амбары ставятъ двухъэтажные, приспособительно низменности мѣстоположенія. Внизу хранятъ муку, или оставляютъ впускъ; вверху дѣлаютъ засѣки или глубокіе ящики заборомъ, для храненія зерноваго хлѣба. Амбары сводятъ на два ската на сплошныхъ рамахъ, первоначально кроютъ еловой корой, потомъ въ два ряда тесомъ. Овныи всегда на половину высоты углубляютъ въ землю; на поверхности земли остается только верхній этажъ, куда помѣщается для сушки хлѣбъ. Въ углубленіи устриваютъ печь изъ дикаго крушнаго камня; входъ къ овинной печи идетъ чрезъ окно въ яму. Яма эта именуется *загарюю*. Потолокъ овинный надъ печью дѣлается плотно изъ толстаго теса; на бокахъ потолка оставляютъ щели, шириною въ два вершка и болѣе. Чрезъ эти боковыя щели тепло сообщается въ верхній этажъ овина и осушиваетъ хлѣбъ. Въ верхнемъ этажѣ овина, по обоимъ концамъ кладутся двѣ балки; на балки въ зазубру накидываютъ рядками колышки, называемыя *колосниками*, разстоянемъ на одну четверть одинъ отъ другаго. На эти колосники

ставятъ снопы для сушки. При овинахъ большею частію устриваютъ гумна, крытыя тесомъ съ гладкимъ мостомъ. Бани — маленькія конурки съ каменками. Воду въ баняхъ грѣютъ камнемъ. Необходимая принадлежность бани — пологъ».

Что касается домашней утвари, то о ней свящ. Колчинъ сообщаетъ лишь краткія свѣдѣнія въ такомъ видѣ:

«Первое мѣсто занимаетъ хлѣбня; она помѣщается на столѣ или въ углу, на лавкѣ подъ иконами и всегда прикрыта скатерткой. Хлѣбная дѣлается или изъ основной болони, гнутая и точеная изъ дерева, или плетеная изъ корешковъ и прутьевъ. Далѣе слѣдуютъ: деревянныя или глиняныя кружки, для питья; деревянныя кружки дѣлаются изъ вересовыхъ дощечекъ; оловянныя тарелки и стаканы; большія деревянныя чашки, для семейной похлебки, мѣдные котелки для варки пиши; *солонникъ* берестяной, для храненія соли. Сѣяльница бываетъ или плетеная, изъ бересты, или выдѣланная изъ дерева; это родъ круглой большой, но мелкой коробки, употребляемой для сѣянія муки. Полотуха, деревянная продолговатая чашка, овальной формы, съ рукоятками на обоихъ концахъ, употребляется для окатыванія житниковъ. Печатка-деревянная дощечка, вырѣзанная фигурчато, употребляется для печатанія сочной при свадьбахъ и большихъ праздникахъ. Валець употребляется для катанія сочной. — Сковородка, мѣдная чашка съ рукояткой, употребляемая для подачи каши въ торжественные праздники. Братыня всегда мѣдная, употребляется въ праздники для подачи пива; а во время браковъ братыней подаютъ водку и пьютъ чрезъ край. Ендова родъ братыни, но въ огромномъ видѣ; подъ дномъ у ендовы дѣлаются ножки; употребляется при свадьбахъ, какъ и братыня. Лагунъ родъ ушата или небольшой кадки, съ обоихъ концовъ закупоренный; на верху дѣлается небольшое отверстие — втулка, а въ низу гвоздь. Лагуны употребляются для храненія пива. Кадка, большой чапъ для варки пива. Ковшъ пивоварный дѣлается изъ огромныхъ древесныхъ наростовъ, съ длинною рукояткою. Ковшъ сѣмянной выдѣлывается тоже изъ древесныхъ наростовъ и корней и употребляется для пасынки зерноваго хлѣба въ амбарахъ. Щипцы, или клещи желѣзныя, употребляются для поднятія горячихъ камней при варкѣ пива. Плетень берестяной, величиною въ квадратный аршинъ и болѣе, съ маленькимъ бутылочнымъ отверстиемъ, употребляется для храненія сѣмени конопляннаго и льнянаго отъ мышей. Доильница, ведро съ носкомъ, употребляется, какъ подойникъ, для доенія молока. Ставецъ небольшая деревянная чашка. *Цыпельникъ* или *сковородникъ* употребляется для подъема сковородки при печеніи блиновъ. Букъ для бученія бѣлья».

Свѣдѣнія о сельскихъ постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ, доставленныя свящ. Васи-

ліемъ Таратинимъ, не обильны и описаніе домашней утвари не прибавляетъ ничего новаго къ прежнимъ; а потому мы ограничиваемся только описаніемъ построекъ въ этомъ приходѣ.

«Дома и всѣ при нихъ службы построены изъ сосноваго дѣса и закрыты тесанными сосновыми досками въ жолобъ—подъ охлупень. Дома построены въ одной связи съ скотными дворами, и отдѣльныхъ отъ домовъ сараевъ нѣтъ.

Дома вообще постройки красивой и отдѣлки чистой. Изъ 125 домовъ около 70 домовъ двухъ-этажные, съ жилыми пооями въ обоихъ этажахъ, и около 30 домовъ одноэтажные съ пооями въ верхнемъ этажѣ. Ширина этихъ домовъ $4\frac{1}{2}$ сажени, высота 3 саж. и длина дома съ сараемъ 9 сажень.

Въ домахъ прежней постройки: внизу изба и рядомъ съ ней—съ лицевой же стороны сѣзжіи дворъ, ходъ въ избу и лѣстница въ верхній этажъ. А гдѣ нѣтъ внизу жилого покоя, тамъ кладовая для хлѣба и рыбы.

Въ домахъ нынѣшней постройки: изба и рядомъ съ ней горница, входъ въ которую изъ избы. Съ боку устроено крыльцо для входа въ избу и въ верхній этажъ; въ сѣняхъ забрапы чуланы для клажи сѣстного и домашней утвари. Въ верхнемъ этажѣ построены два и болѣе покоя, которые называются горницами, и чуланы для платья.

Во всѣхъ почти домахъ, при входѣ въ избу, въ заднемъ углу лѣвой руки устроена руская большая печь съ подпечкомъ, въ который складываютъ домашнюю утварь: ухваты, крюки и проч. а иногда въ немъ спятъ дѣти. Отъ печи по задней стѣнѣ полати, которая обнесены баласами; по бокамъ избы грядка; по полу—лавки; въ переднемъ углу—божница и столъ. Рамы въ шесть стеколъ. На зиму, вмѣсто рамъ, вставляютъ деревянные толстые ставни, обитые войлокомъ или холстомъ, съ меленькою внутри рамкою, а на ночь съ наружной стороны всѣ окна закрываютъ ставнемъ. Потолки штукатуруютъ для сбереженія верхнихъ покоевъ отъ гніенія.

Въ горницахъ печи голландскія обыкновенной кладки. Рамы въ 6 и 3 стекла; по стѣнамъ на полу устроены скамейки. Въ домахъ богачей стѣны обиты бумагой, полы и двери выкрашены, потолки отштукатурены, мебель столярной работы. Кіотъ съ св. иконами, часы, зеркало, шкафъ и кровать составляютъ принадлежность горницы каждаго не совсѣмъ бѣднаго домовладѣльца. Въ покояхъ и сѣняхъ соблюдается чистота и опрятность во всякое время.

Скотный дворъ (сарай) двухъ-этажный; онъ отдѣленъ мостомъ или поломъ, который настиляется на двѣнадцатомъ ряду бревенчатого сруба и называется повѣтью; внизу двора устроены стаи для скота, а на повѣти хра-

нится сѣно. Въ повѣти устроены, такъ называемыя, мары, и здѣсь, на настилкѣ досокъ и жердья, хранится солома. Для дачи корма скоту съ повѣти противъ яслей сдѣланы отверстія. Для въѣзда на повѣть сзади, а иногда и съ боку сарая, устроены изъ бревенъ на столбахъ подъемъ (звозъ), ровная съ повѣтью возвышенность котораго называется *гузномъ*.

Въ этомъ сараѣ вверху и внизу, во всю ширину его, или только въ углу отдѣлено небольшое пространство бревенчатымъ заборомъ, гдѣ устроены отхожія мѣста.

Бани построены небольшія съ предбанникомъ (сѣнцами). Въ заднемъ углу бани сбита печка (каменка) такимъ образомъ: сзади и боковъ выкладены кирпичемъ стѣнки, въ высоту до $1\frac{1}{2}$ арш., а на переди для дровъ оставлено отверстие; съ боковъ стѣнокъ сдѣланы кирпичные своды, и на эти своды наложенъ сѣрый камень. Во время топки въ печку бросаютъ камень, и накаленнымъ нагрѣваютъ воду въ ушатахъ и сельдянкахъ.

Для молотьбы хлѣба устроены овинны; это не широкіе и не длинныя, но довольно высокіе амбары: внизу устроена каменка (вырыта небольшая яма, съ боковъ сдѣланы изъ кирпича отъ 5 до 7 сводовъ и завалены камнемъ); на половинѣ въ высоту овина настланъ полъ, а по бокамъ оставлены отверстія (продухи) для хода жара изъ каменки; съ полъаршина отъ полу устроены колосники для клажи сноповъ».

Еще короче свѣдѣнія о постройкахъ, находящіяся въ описаніи Челмохотскаго прихода, которое составлено сваяцъ Ильею Глѣбовскимъ. Они имѣютъ видъ замѣтки такого содержанія: «Дома жителей всѣ деревянные, почти всѣ одоэтажные, построены безъ всякаго плана; состоятъ изъ бѣлой жилой избы (есть еще черныя), съ заборкою, а за стѣною оной есть горницы, или чуланы; рядомъ съ избою чрезъ сѣни подъ одною крышею, назади находится повѣть (сѣноваль), а подъ низомъ оной помѣщается домашній скотъ. Внизу подъ избою погребъ съ ямою для сѣнга, гдѣ кладется всякое сѣстное. У состоятельныхъ дома двухъ-этажные, изъ четырехъ покоевъ и даже пяти, съ кладовыми на повѣти. Амбары для ссыпки и храненія хлѣба находятся отдѣльно, большею частію предъ окнами домовъ. Мебель у людей средняго состоянія—лавки изъ досокъ, скамьи, у богатыхъ стулья въ горницахъ, комоды и шкафы подъ краснымъ деревомъ. Иконы въ больномъ углу, но рѣдко въ кіотахъ и съ серебряными ризами».

Переходимъ къ Кемскому уѣзду, изъ населенныхъ мѣстъ коего мы имѣемъ описанными только Сумскій посадъ. Описаніе это принадлежитъ чиновнику Шешенину, и о постройкахъ Сумскаго посада говорится въ немъ слѣдующее:

«Сумскій посадъ не можетъ похвалиться своимъ наружнымъ видомъ. На восточной сторонѣ двумя цѣпра-

вильными рядами тянутся обывательскіе дома, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, обращенные лицевой стороной къ рѣкѣ; на западной сторонѣ, менѣе населенной (за первымъ рядомъ строеній, т. е. прибрежнымъ), жилища Сумлянъ представляются въ разбросанномъ видѣ.

Позади домовъ, какъ на восточной, такъ и на западной сторонѣ, отдѣльно, не въ дальнемъ разстояніи стоятъ бани, какъ необходимая потребность для трудолюбиваго работника, особенно при непостоянной зимней погодѣ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки, соответственно обывательскимъ домамъ, группируются амбары, опираясь основаніемъ своимъ на своп, стоятъ надъ водою, въ видахъ удобства для разгрузки судовъ; за амбарами противъ нѣкоторыхъ домовъ, по восточному только берегу, виднѣются маленькіе, въ нѣсколько небольшихъ грядъ; огороды.

Обѣ части посада соединяются чрезъ рѣку двумя деревянными мостами, построенными на сваяхъ и срубахъ. Одинъ изъ мостовъ находится въ срединѣ посада, а другой въ верхней части его. При обоихъ мостахъ, какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, поставлены большіе деревянные кресты. Такіе кресты встрѣчаются во всѣхъ концахъ посада; въ центрѣ же посада на возвышенномъ западномъ берегу виднѣются древнія стѣны острога, изъ за которыхъ показываются главы мѣстныхъ церквей.

Наружный видъ домовъ нынѣшней постройки ничѣмъ не отличается отъ городскихъ обыкновенныхъ домовъ. Они строятся преимущественно двухъ-этажные въ три окна на лицевую сторону *). Рамы въ окнахъ снаружи бѣлыя и болѣею частію въ 6 стеколъ. Сзади дома, смѣжно съ нимъ, всегда бываетъ пристройка, раздѣленная на два этажа: въ верхнемъ помѣщается сѣнникъ; сѣнники устраиваются съ выходомъ на заднюю сторону дома, для чего дѣлается изъ бревенъ покотый сѣвздъ, а иногда тутъ же пристраиваются и кладовыя; въ нижнемъ помѣщается домашній скоть. Внутреннее расположеніе въ большей части домовъ посада слѣдующее: нижній этажъ состоитъ изъ избы, или иначе подъизбицы **) и сѣней, изъ которыхъ есть выходъ въ скотный или задній дворъ, изъ одной, или двухъ верхнихъ комнатъ, не соединяющихся между собою, и сѣней, изъ которыхъ идетъ выходъ въ сѣнникъ.

Обстановка же комнатъ болѣею частію такова въ подъизбицахъ: направо, или налево отъ входа изъ сѣней — большая русская печь, занимающая собою почти $\frac{1}{4}$ часть избы, а иногда и болѣе; нижняя половина пе-

чи, начиная отъ полу до шестка, деревянная, окрашенная краскою. Возлѣ печи на стѣнѣ виситъ блюдникъ, въ переднемъ углу божница; у дверей, рядомъ съ печкой — полати; отъ печки къ боковой стѣнѣ придѣлана полка, пазываемая по народному *воронецъ*, на которой и укрѣпляются полати. Противъ средняго окна ставится столъ; надъ дверью съ наружной стороны у людей религіозныхъ написана бываетъ молитва слѣдующаго содержанія; «Христосъ съ нами уставися вчера и днесъ, той же и во вѣки;» и надъ окнами начерчены мѣломъ кресты. Въ верхнихъ горницахъ соблюдается чистота и опрятность; для украшенія на стѣнахъ развѣшиваются картины, а въ болѣе зажиточныхъ домахъ стѣны въ горницахъ покрываются обоями; на стѣнахъ — зеркала съ позолоченными рамами (заграничной работы), лакированная мебель».

Относительно мѣстностей Архангельскаго уѣзда въ распоряженіи П. С. Ефименка имѣлись описанія двухъ болѣе замѣчательнѣйшихъ, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ приходоѡ: Лисестровскаго и Зимней Золотицы. Первое составлено свящ. Ѳеодоровымъ, второе свящ. Владиміромъ Розановымъ.

Вотъ что говоритъ первый о постройкахъ въ его приходѣ: Въ Лисестровскомъ приходѣ на протяженіи всего острова, деревни находятся одна отъ другой на разстояніи $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{2}$, 2, 3, 4 и 5 верстъ, по правую и лѣвую стороны рѣки Двины; а дворы и дома одинъ отъ другаго по большей части въ разстояніи не болѣе 1 и 2 саж.; постройки фасадами расположены въ разныя стороны а также и улицы, смотря по тому, какое имѣютъ направленіе и въ которую сторону текутъ рѣчка или озеро, при которыхъ онѣ построены. Всѣ бани, овны, амбары и вѣтряныя мельницы стоятъ въ сторонѣ. На семь островѣ замѣчательны правильной постройкою двѣ деревни: Верхнее и Нижнее Ладино Заостровскаго прихода. При сихъ деревняхъ находится до 6 шатровыхъ мельницъ. Лисестровскій приходъ находится отъ Ширшемскаго въ 5 верстахъ и отъ Заостровскаго въ 5 верстахъ.

Постройка домовъ или избъ въ Лисестровѣ отличается какою то патріархальною древнею простотою. Домашнія избы устраиваются болѣею частію изъ сосноваго лѣса съ прибавкою еловаго. Одинокіе и безземельные люди часто ставятъ домики безъ кровель или безъ крышъ, и вообще немногіе изъ крестьянъ строятъ вновь опрятные и красивые дома правильнаго вида. Дома крестьянскіе состоятъ по болѣею части изъ верхняго и нижняго этажа. Нижній этажъ обыкновенно строятъ съ двумя покоями: въ первомъ покоѣ изба, въ ней при входѣ изъ дверей на правой сторонѣ находится русская печь, въ противоположномъ углу отъ печи находится два-три, а индѣ и до пяти образовъ или иконъ и мѣдный крестъ,

*) Въ Сумѣ есть до 15 двухъ-этажныхъ домовъ, имѣющихъ по фасаду 5 и 6 оконъ.

**) Изба въ нижнемъ этажѣ только тогда называется подъизбицей, когда надъ нею въ верхнемъ этажѣ есть горница.

складни и кадилница; подъ образами столъ, а вокругъ по стѣнамъ лавки, а въ верхнемъ жильѣ, вмѣсто стульевъ, скамьи. Въ русской печи обыкновенно готовятъ пищу и обряжаютъ сельскій еженный обиходъ, относящійся къ скотоводству. Въ стѣнѣ прорублено съ затворкою оконце, для подачи нищимъ милостыни. А во второмъ покоѣ всегда находится чистая комната, для своего употребленія и для принятія гостей — родственниковъ преимущественно въ большіе праздники. Въ верхнемъ этажѣ находятся два или три чистыхъ покоя съ русскаго печью, а индѣ и съ голландскою, съ 3-мя и 5-ю иконами, иногда въ серебряныхъ ризахъ, въ золоченой кіотѣ подъ стекломъ. Сюда принимаютъ гостей рѣдко, наприм. при свадьбѣ и при посѣщеніи священника съ крестомъ о великомъ праздникѣ. За дверями находятся сѣни, замкнутый чуланъ и открытый входъ на повѣтъ, для складки конской сбруи, для санокъ употребляемыхъ къ выѣзду въ праздники, для складки сѣна и частию соломы, въ зимнее время, а въ весеннее при разлитіи воды—для загона скота. Повѣтъ всегда пристраивается сзади дома, и всегда бываетъ со взвозомъ, по которому ввозятъ также сѣно и солому для стлани во дворъ скоту; а дворъ находится внизу подъ повѣтью. Въ этомъ дворѣ устраивается, по числу коровъ, до трехъ яслей и хлѣвовъ для житья сихъ коровъ въ зимнее холодное время. Надъ яслями съ повѣти прорубаютъ окно или дыру, сквозь которая мечутъ коровамъ сѣно хозяйки дома или прислуга, или же дѣвочки. Лѣтомъ коровы по большей части стоятъ во дворѣ; а для коней бываютъ установлены такъ называемыя стойки (или стойла), также съ яслями, гдѣ коши стоятъ въ зимнее и нерабочее для нихъ время. Надъ сими яслями также прорубаютъ окно для смѣтки корма сѣна. Окно это закрываютъ ставнемъ или просто доскою.

Бани въ Лисестровѣ двоякаго устройства. Бани бѣлыя, чистыя, обыкновенно состоятъ изъ трехъ отдѣловъ: сѣнцовъ, передбанника теплаго и самой бани. Бани строятъ изъ сосноваго лѣса; кроютъ крышей изъ досокъ, сверху выводятъ трубу изъ кирпича. Въ стѣнѣ прорубаютъ для свѣта два окна въ 4 стекла. Внутренность бани составляютъ: печь, которая топится изъ передбанника, камень для нагрѣванія воды, котель для горячей воды, ушатъ съ холодною водою для мытья и полокъ для паренья въ банѣ, а по сторонамъ устраиваютъ лавки. Такія бани имѣютъ 3 саж. въ длину и 2 $\frac{1}{2}$ въ ширину и въ высоту. Другимъ устройствомъ отличаются черныя бани: онѣ строятся съ однимъ передбанникомъ безъ сѣней; внутри одно окно, внутри же каменка открытая и печка внизу для нагрѣванія камней. Эта печь, во время топки, распространяетъ по всей банѣ дымъ, который выходитъ дворомъ, или деревянной трубою; воду нагрѣваютъ камнями.

Овины строятъ также изъ сосновыхъ деревьевъ въ длину 2 саж., въ ширину 2 сажени—квадратные; сверху закрываются они крышею изъ досокъ, сложенныхъ между собою двухъ-стороннимъ скатомъ; въ срединѣ ската находится балка, для поддержанія и укрѣпленія досокъ; внутри овина настиляется полъ изъ досокъ, по сторонамъ двѣ досчатые полки и два поперечныя бревна съ вырубкою, куда вкладывается до десяти нѣсколько выгнутыхъ круглыхъ жердей или палокъ, на которыя съ прясель или изъ скирдъ кучей настилаются рожъ или ячень для сушки; а подъ овиномъ дѣлается сводъ изъ кирпичей, сверхъ коихъ накладываются камни, булыжники; подъ сводомъ устраивается печь; въ печь кладутъ дрова, явнякъ и частию еловыя, и, когда нужно, затопляютъ печь; отъ нагрѣванія сей печи дымъ и жаръ, проникая сквозь рожъ или ячень, теплитъ ихъ такимъ образомъ и просушивается. Для просушки ржи или ячменя требуется истопить три каменки, что и называется *теплить овинъ* и просушивать рожъ или ячень.

По просушкѣ овина, три женки или дѣвки и одинъ крестьянинъ на гумнѣ (гумно у нѣкоторыхъ бываетъ деревянное) разстилаютъ ячень или рожъ, и молотятъ *кичками* или *приузами* до тѣхъ поръ, пока не отмолотится отъ колоса зерно. По обмолокѣ, крестьянинъ собираетъ зерно въ ворохъ и, если есть умѣренный вѣтеръ, вѣялкою. Вѣялка эта или лопата прекрасное и полезное произведеніе рукъ человѣческихъ; она отличается красивою отдѣлкою, чистотою и гладкостію, она состоитъ изъ двухъ частей—рукоятки и самой вѣялки—лопатки, съ небольшимъ и какъ бы незамѣтнымъ по срединѣ углубленіемъ и заостреннымъ концомъ; а также замѣтельна при своемъ объемѣ легкостію, съ какою можетъ поднять ее крестьянинъ въ воздухъ. Взбрасывая ее вверхъ, при извѣстномъ и мѣрномъ направленіи вѣтра, крестьянинъ легко соблюдаетъ, чтобы не несло по сторонамъ содержащагося на ней, готоваго для вѣянія, зерна ржи или ячменя, и чтобы съ правильною точностію поднималась въ воздухъ, одна пыль, долженствующая отдѣлиться, а зерна опускались изъ воздуха на гумно, устроенное на землѣ или въ видѣ утоптаннаго круга, или деревянное въ видѣ продолговатаго квадрата. Польза таковой вѣялки очевидна. Она отдѣляетъ лучше, нежели простая лопатка безъ углубленія, можно сказать, пшеницу отъ плевель, или очищаетъ зерна ржи или ячменя отъ колоса и соломы,—посредствомъ вѣянія, такъ что гораздо меньше нужно употребить времени, при посредствѣ такой вѣялки и гораздо меньше нужно опахивать метелкой провѣянную рожъ, ячень или пшеницу. И еще для провѣянія всего вороха, при посредствѣ такой искусственной вѣялки, потребно бываетъ, вмѣсто трехъ разъ, только два раза провѣивать, чѣмъ ускоряется ходъ сельскаго хозяйства. По провѣянїи ржи и ячменя, крестьянинъ-

домохозяинъ на гумнѣ собираетъ зерно въ мѣшки и увозитъ въ амбаръ, который ставится вблизи дома. Амбаръ бываетъ не много болѣе овина, кромѣ того выше и длиннѣе, о двухъ ярусахъ: въ высоту $3\frac{1}{2}$ сажени, въ длину и ширину по 3 сажени. Въ верхній ярусъ кладутъ сѣмянную рожь и ячмень для посѣва, къ будущему году; въ нижній ярусъ—рожь и ячмень для домашняго употребленія въ продолженіе года.

Погреба для клажи вещей устраиваются въ землѣ, сажени въ $2\frac{1}{2}$ и 3 въ длину и ширину, и отдѣляются застѣками, или квадратными ящиками, которые дѣлаются изъ тонкихъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ кольямъ и связанныхъ прутьями (впчѣмъ). По мѣрѣ надобности домохозяйка выноситъ отсюда овощи, для своего употребленія и для продажи на городскомъ рынкѣ.

При каждой деревнѣ находятся двѣ или три вѣтряныя мельницы, объ одномъ жерновѣ и не болѣе какъ о двухъ, съ крыльями и амбарчикомъ сверху для засыпки зерна *). Мельникъ мелетъ въ сутки не болѣе двухъ мѣшковъ ржи или ячменя.

Сельскіе домохозяева обставляютъ полки или вронцы внутри избы мѣдною и частію оловянною посудой. Войдете въ крестьянскую избу и увидите котлы красной мѣди большаго и малаго размѣра; въ большихъ иногда священники крестятъ младенцевъ, вмѣсто купели, за дальностію отъ церкви; вы увидите зеленой мѣди тазики, чайники, братины и подвѣшники, солонницы, оловянные стаканы и на деревянномъ крашеномъ наблюдникѣ оловянные тарелки и желѣзные лучинники для зажигания лучины по вечерамъ въ бѣдныхъ домахъ. Въ рѣдкомъ домѣ, и то у богатыхъ крестьянъ, найдете комнаты въ верхнемъ этажѣ, порядочно убранныя. Не у многихъ изъ богатыхъ крестьянъ вы найдете и самоваръ съ чайнымъ приборомъ.

Къ домашней утвари можно отнести ткацкой станокъ, *става*, составляющій принадлежность почти каждой крестьянской избы, для тканія холста или полотна. Для собранія и постановленія красель потребно имѣть два валька, воробы, чивчи, челнокъ и подножникъ и *прядено* для крестьянокъ, которое обыкновенно привозятъ здѣшніе крестьяне съ Евдокіевской и Никольской ярмарки».

Наконецъ относительно сельскихъ построекъ у жителей Зимняго Берега свящ. села Зимней Золотицы Владимірецъ Розановъ сообщаетъ нижеслѣдующее:

«Жилища въ Золотицѣ строятъ по большей части изъ сосноваго лѣса, рѣдко изъ еловаго. Наружный видъ стро-

*) Въ Лисестровѣ нельзя допустить устройства шатровыхъ мельницъ, судя по песчаному грунту земли. Таковыя мельницы устроены въ Заостровскомъ приходѣ о 4-хъ жерновахъ въ видѣ шатра; въ Верхнемъ и Нижнемъ Лединѣ грунтъ земли песчано-глинистый.

еній самый незатѣйливый. Обыкновенно врываютъ въ землю *по два* большихъ пня, или стойку, подъ четыре угла и по столбку же подъ середку стѣнъ; на стойки кладутъ вѣнцы два или три изъ бревенъ, аршинъ 9 длины и вершковъ 6 въ отрубѣ, и въ нихъ врубаютъ подпольныя балки; потомъ еще кладутъ вѣнца два и въ нихъ уже назначаютъ мѣста для оконъ. Окна бываютъ не болѣе аршина въ вышину и $3\frac{1}{2}$ четверти въ ширину; потомъ парубаютъ еще рядовъ пять и въ пятый врубаютъ потолочную балку—*матицу*; на матицу кладутъ потолокъ—*на два* доски третью, называемый *кисскій*; сверху еще парубаютъ рядъ *паровой* или *начерпный*, и изба вчернѣ готова. Въ середкѣ между избами, сажени на $1\frac{1}{2}$ оставляется мѣсто для сѣней. На нижнія избы или подъизбицы кладутся въ такомъ же количествѣ *стѣнцы* и для двухъ горницъ: передней и задней, тоже съ сѣнями по-средицѣ. Ряду на 20-мъ если лѣсъ тонокъ, ставятся *залобки*; къ залобкамъ прикрѣпляются *стропила*; въ стропила врубаютъ *курицы*, на концы которыхъ кладутся *потоки*, поддерживающіе крышу снизу; вверху же крыша прикрѣпляется къ стропилу *князькомъ*—*охлупнемъ*, т. е. широкимъ и долгимъ, выдолбленнымъ въ срединѣ, деревомъ. Съ боку во всю длину дома прирубается дворъ и закрывается подъ одинъ *скатъ* съ домомъ, почти горизонтальною крышею. Дома же кроютъ почти всегда на два ската; крыша вышнюю всегда бываетъ въ треть менѣе широты передней стѣны. Съ фасада дѣлаютъ въ домѣ всегда три большихъ окна и два такихъ же въ стѣнѣ, противоположной двору. Въ сѣняхъ, съ улицы по срединѣ стѣны, отдѣляющей избу отъ сѣней, прорубаются двери; направо или налево, гдѣ удобнѣе, рубится въ крюкъ опечекъ, на которомъ кладется печь, челомъ къ свѣту; къ переднимъ и заднимъ частямъ опечка, отъ двери, ставятся стойки: изъ нихъ передній зовется *туркомъ*, къ коему прикрѣпляется рукомойка, а подъ нею лоханка; на турокъ и задній стоёкъ, во всю длину задней, отъ печи, стѣны кладутся брусья и на нихъ стелются доски, пли полаты, мѣсто покоя ребятишекъ. Передній брусь у полатей зовутъ *воронцомъ*. Въ углу, по другую сторону двери, ставится *копникъ*—небольшая широкая лавка, мѣсто постели хозяина. Когда въ домѣ кто боленъ, или есть родильница, ихъ также помѣщаютъ на копникъ и завѣшиваютъ завѣсы. Въ переднемъ углу дѣлается божница—треугольникъ съ тупымъ угломъ, изъ доски. Тутъ помѣщаются св. иконы, лампада съ елеемъ и кадильница, а иногда и ладонница. Въ переднемъ же углу помѣщается и столъ. Передній уголъ самое почетное мѣсто въ домѣ. Уголъ противоположный переднему противъ печи, печной, составляетъ собственно принадлежность хозяйки, ребятишекъ и кухни: блюды, горшковы, чашекъ и проч. Уголъ запечный темный; въ немъ по-

мѣщаются жернова для молотья и укрываются хозяинъ и хозяйка, когда не хотятъ кому показаться. Вдоль стѣнъ передней и боковой ставятся лавки; надъ окнами прикочачиваются или полки, или вмѣсто ихъ, оттягивается изъ цѣлаго бревна карнизъ *зиза*. Изъ сѣней, противъ дверей переднихъ, избныхъ, дѣлаются двери въ заднюю подызбицу. Внутреннее расположеніе задней такое же, какъ и въ передней. Въ сѣняхъ, у самыхъ дверей задней, ставятъ лѣстницу въ верхнія сѣни и горницы. Въ горницахъ устройство и наружное, и внутреннее такое же, какъ и въ подызбицахъ; только у зажиточныхъ крестьянъ горницы рознятся отъ подызбицъ голандскою, стульями и простенькими покрашенными столами. Внизу, противъ уличныхъ сѣнныхъ дверей, дѣлаются двери во дворъ, а въ верхнихъ сѣняхъ — на повѣтъ — *верхній дворъ*.

«Внутреннее устройство двора слѣдующее: къ наружной сторонѣ двора ставятся *стаи*—хлѣвы. Хлѣвы бываютъ для каждой породы животныхъ особые; такъ: конинный, коровій и проч. Стаи рубятъ по большей части изъ накатника; мшатъ плотно, чтобы скотинѣ было зимой тепло, въ стаяхъ настиляется мость—поль, потому что скотъ стоитъ безъ подстилки, и дѣлаютъ стойла для каждой скотины особо. Въ нижнемъ дворѣ дѣлаются ворота, чтобъ выпускать скотъ, и настиляется, или изъ накатника, или изъ *пчеловокъ*, поль. Въ верхнемъ дворѣ повѣти тоже дѣлаются ворота и къ нимъ взвозъ мость, по которому поднимаются съ сѣномъ; взвозъ, сколько возможно, дѣлается пологимъ. Въ верхнемъ дворѣ хранится кормъ для скота, разная сѣруа и снасть, а у иныхъ даже и хлѣбъ.

«Погребъ въ Золотицѣ строятъ такъ же, какъ и вездѣ, только съ осени протапливаютъ раза два три, чтобы высохли стѣны и въ зимніе морозы было тепло.

«Амбары строятъ вездѣ почти изъ сосноваго лѣса, рѣдко изъ еловаго, и всегда изъ накатника; кладутъ ихъ рѣдко и безъ моху; кроютъ на два ската; двери дѣлаютъ широкія, чтобы можно было ими выкатывать большіе чаны и свободно заносить кули съ мукой; внутри амбара настиляютъ поль, а наверхъ кладутъ подволоку; внизу кладутъ хлѣбъ, рыбу и припасы, а наверху звѣроловныя и рыболовныя снасти. Амбары дѣлаютъ по состоянію: богатые болѣе и длиннѣе, а бѣдные и поменьше и покороче. Условная длина не бываетъ болѣе 5 сажень, а вышина сажени 2 $\frac{1}{2}$.

«Бани строятъ сажени въ 4 длиною и 2 шириною съ передбаньемъ, но не высокія, рядовъ изъ 11, изъ накатника; кладутъ бани всегда на мохъ. Въ передбанье снаружи прорубаютъ дверь, а противъ нихъ другую на банной стѣнѣ, отдѣляющей баню отъ передбанья. На правой или на лѣвой сторонѣ отъ двери дѣлается каменница, съ худо-сдѣланной печкой, и тутъ же у камен-

ницы всю остальную длину стѣны занимаетъ полоть. По другую сторону двери, напротивъ каменницы, ставится кадка съ холодною, для поддаванья и окачиванья, водою—*колода*. Окошко въ банѣ бываетъ или одно большое, или два маленькія; подъ самымъ потолкомъ прорубается окошечко для выхода дыма изъ бани. Бани кроютъ по большей части *лабазомъ*, т. е. безъ стропилья, на одинъ скатъ.

«Овины въ Золотицѣ дѣлаютъ съ однимъ только *сидломъ*, безъ гумна; съ лица прорубаютъ два окна: въ низу маленькое, въ которое выметаютъ насыпавшіеся колосья, и большое окно, куда подаютъ снопы, которые садятъ на колосники—жерди, утвержденныя на переходахъ. Подъ колосниками настиляется поль съ уступами на $\frac{1}{2}$; отъ боковыхъ стѣнъ—*пазушинами*, чрезъ которыя идетъ жаръ въ снопы; поль этотъ замазываютъ по пазамъ глиною и какъ можно плотнѣе, чтобы не падали искры въ снопы. Подъ овиномъ кладутъ печь каменницу; ходъ подъ овиномъ бываетъ съ боку или сзади, гдѣ какъ удобнѣе. Овиновъ, по малоколичественности пахатной земли и частымъ неурожаемъ, въ Золотицѣ очень немного. Есть ли, нѣтъ ли—на 80 слишкомъ домовъ десятковъ.

«Посуда въ домашнемъ быту Золотичанъ та же, какая и у всѣхъ русскихъ: тѣ же горшки, чашки, ложки и ухваты; есть впрочемъ и имѣющая особое названіе и особенное употребленіе. Такъ когда Золотичане бываютъ на рыбномъ промыслѣ, сваренную въ котлѣ рыбу вынимаютъ на *кару*; *карою* зовется кусокъ доски, въ формѣ треугольника или подноса, съ немного выжелобленною серединою и малымъ возвышеніемъ по краямъ, чтобы только не свалилась вынутая рыба.

«*Подблюдникъ*, такъ зовется подкадываемая подъ блюдо съ рыбою квадратная доска, въ серединѣ которой дѣлается вынуклость, въ видѣ четверти луны,—или только одна выпуклость, сдѣланная изъ круглаго еловаго или сосноваго корешка: какъ та, такъ и другая, кладутся подъ блюдо для того, чтобы оно было нѣсколько наклонно, и чтобы квасъ, подантый подъ рыбу, стекалъ на наклонную сторону, а рыба оставалась на возвышенномъ краѣ. Подблюдникъ употребляютъ и дома. Подкладка подъ дно котла, чтобы онъ, стоя на столѣ, сохранялъ равновѣсіе, дѣлается изъ веревки и всегда почти мочальной, въ видѣ кольца, и зовется *юмза*. Для стиранія со стола мокроты, крошекъ и костей, дѣлается въ видѣ кисти мочальная швабра: ручка у ней дѣлается изъ тѣхъ же мочаль, туго обвитыхъ широкимъ мочаломъ. Черепокъ, для кормленія кошекъ и собакъ, или только выдолбленное въ видѣ корытца мѣсто въ углу у порога, зовется *попырь*.

Для выниманія изъ котла сваренной рыбы, дѣлаютъ лопатку, загнутую къ черенку, по возможности широ-

кую, съ прорѣзомъ въ срединѣ, въ видѣ креста, и называютъ *рыболовкою*. Для прихотей Золотичане употребляютъ ту же посуду, какую имѣютъ и во всей Россіи; разница только въ томъ, что она бываетъ, по большей части, заграничная, гамбургскаго издѣлія; на мѣстѣ же зовутъ такую посуду *норвежскою*, потому что вывозятъ изъ Норвегіи, мѣняя по большей части на домашній товаръ. Впрочемъ заграничная посуда употребляется и при столѣ: тарелки для рыбы и мяса, салатники и миски для ухи и щей, молочники и стаканы для кваса. Мѣдныхъ ендовъ и стакановъ, употребляемыхъ въ средней Россіи для питья пива, въ Золотицѣ, нѣтъ потому

ли, что пива здѣсь никогда не варятъ, или потому, что не введено изстари въ употребленіе.

«Относительно посуды нужно замѣтить, что въ здѣшнемъ краѣ больше мѣдной, оловянной и фаянсовой посуды, чѣмъ въ быту средне-русскаго крестьянина. Нѣтъ почти ни одного дома, въ которомъ бы не было, по крайней мѣрѣ, пятка мѣдныхъ вещей; а богатые даже воду каждый день грѣютъ въ мѣдной посудѣ — мѣдникахъ. Они похожи на обыкновенные чугуны, только немного повыше послѣднихъ и съ вогнутыми краями. Ложки употребляются маленькія, какъ въ другихъ мѣстахъ, надъ ваганскими и устюжскими здѣсь смѣются».

ГЛАВА III.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ.

Свидѣнія П. А. Иванова о крестьянской одеждѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ: мужской и женской, лѣтней и зимней, праздничной и вседневной, и головныхъ уборахъ и другихъ украшеніяхъ; объ обуви. — Одѣянія въ Усть-Пуѣ, — въ Тулгасскомъ, — Хаврогорскомъ и Челмохотскомъ приходахъ, — въ с. Пингишахъ, — въ Курейско-Сергіевскомъ, — Лисестровскомъ приходахъ, — въ Зимней Золотицѣ, — въ Кяхотскомъ приходѣ, — въ Сумскомъ посадѣ.

Народное одѣяніе въ Пинежскомъ захохотѣ не подвержено колебаніямъ моды. Какъ мужчины, такъ и женщины сохраняютъ національный русскій костюмъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ. Старики и старухи проводятъ особенно тутъ свое вліяніе, строго отстаиваютъ старину, освященную временемъ, хотя съ каждою складочкою въ одеждѣ, либо въ уменьшеніи или увеличеніи вещи, скромный деревенскій костюмъ, наживъ себѣ врага — *льметчину*, мало по малу теряетъ свое величіе. Говорятъ что старинный нарядъ стоитъ дорого, и потому его стали замѣнять недорогимъ. Когда дѣвушки являются на общественныя гулянья одѣтыя въ *старинную лопатину*, народъ, удивляясь, не можетъ удержаться отъ выраженія: *экая краля прилетѣла... баско, очень басисто, какъ она одѣла материну то пару!* Существуетъ такой обычай, что женщины и даже мужчины къ утрени въ церковь идутъ въ такомъ (порядочномъ) платьѣ, а къ обѣдинъ въ другомъ лучшемъ. Тоже бываетъ на игрищахъ, въ бесѣдахъ, — днемъ въ такомъ, а на вечеринкахъ въ иномъ, или лѣтомъ: въ дневномъ кругу то, а на вечернемъ гуляньѣ другое платье.

Деревенскій народъ украшаетъ себя нарядами; въ будень сѣраго цвѣта, а въ праздникъ краснаго: красный цвѣтъ предпочитаетъ всѣмъ прочимъ. Чтобъ платье *сидѣло хорошо*, такого желанія нѣтъ; для сельчанъ нужно другое условіе — лишь бы блестѣло и пестрѣло. Они пожалуй еще полюбиваютъ, чтобы въ одеждѣ было просторнѣе.

Одежду застегиваютъ съ правой на лѣвую сторону. Обувь не различается на правую и лѣвую ногу. Она вообще кожаная.

Женщины безъ стеснѣнія носятъ, кромѣ своей, и мужскую одежду, особенно зимою, также и обувь.

Матеріалы для одежды, какъ-то холстъ, полотно и крестьянское сукно, или работаютъ дома крестьянки, или достаютъ въ деревняхъ; а остальное покупаютъ на ярмаркахъ, въ лавкахъ города Пинеги и у разъѣзжающихъ по селеніямъ торгашей. Для обуви кожаный товаръ берутъ у мѣстныхъ и ближайшихъ заводчиковъ и покупаютъ у кожевниковъ въ городѣ.

Одежду шьютъ переходные деревенскіе швецы: портняжки, шубники и портнихи, а тѣловую домашнія женщины. Обувь дѣлаютъ мѣстные *цеботари* и *башмачницы*, или она покупается готовою во время ярмарокъ.

Одежда лѣтняя, ежедневная — рабочая: у мужчинъ рубашка, подштанники, кафтанъ сѣрякъ, понитокъ, каботъ, армякъ, кумъ, камарникъ, фартукъ; у женщинъ: сорочка юпка, костычъ, китайникъ, набивникъ, печатникъ, крашенинникъ, сарафанъ, фартукъ, нарукавникъ, обтянушка, понитокъ, капоть.

Лѣтняя праздничная одежда: у мужчинъ: штаны, панталоны, жилетка, кафтанъ, плюсовый кафтанъ, сибирка, казакникъ; у женщинъ: сарафаны, платья, передники, нарукавники, кумашникъ, штофная пара, епанча.

Зимняя одежда буденная у мужчинъ: теплая рубашка бѣлая и нагольная шуба, дубленка, малица, совикъ, сермяжка, армякъ; у женщинъ: фуфайка, душегрѣйка, шубка, тѣлогрѣйка, бѣлая и нагольная шубы, малица.

Зимняя праздничная одежда у мужчинъ: синяя шуба, тулупъ, малица; у женщинъ: шуба, полунубокъ, шубейка, куцавейка.

Обувь (обутка) вседневная лѣтняя у мужчинъ: коты бахилы, батари съ онучами, уледы, упакы, тюни съ чулками, поршни, сапоги съ онучами; у женщинъ: коты, бахилы, уледы, упакы, тюни, струсны, лапти, чуши.

Обувь лѣтняя праздничная у мужчинъ: сапоги съ голловками; у женщинъ: съ чулками и подвивками: башмаки, пантуфли, полусапожки, выступки.

Зимняя обувь ежедневная: у мужчинъ: катанки, валенки съ чулками, пимы съ лебтами, вачеги, вехтоньки, исподки; у женщинъ: катанки и валенки съ чулками.

Зимняя обувь праздничная у мужчинъ: сапоги съ носками, съ чулками, катанки съ чулками, перчатки, рукавицы; у женщинъ: катаны, башмаки, выступки, парижки, лапти, перчатки съ чулками.

Головной уборъ у мужчинъ: шляпы, шапки, фуражки, картузы, треухи, колпаки и мѣховыя шапки; у женщинъ: повойники, сверники, кокошники, повязки, косынки, платки, шамшуры.

Украшенія у мужчинъ: крестъ у шеи, поясъ, галстукъ, кушаки, ремни, кольца, перстни на рукахъ, кистеть въ карманѣ; у женщинъ: булавки, запонки, серьги, наборошники, шаль, поясъ, запястье, кольца и перстни на рукахъ.

Переходимъ къ самому описанію вещей этихъ издѣлій.

Рубаха мужская шьется, на манеръ русской рубахи, изъ разныхъ цвѣтныхъ ситцевъ, крестьянской пестряди (по чему и называется домоткацкою), полотна, домашнего портна, бѣлаго тонкаго, и грубой толстой холстины (холста), набойки, то есть холста, окрашеннаго мѣстными красильщиками въ синюю краску гладко, или съ звѣздочками или клѣточками.

Крестьяне любятъ красныя кумачныя рубахи и считают ихъ наряднымъ бѣльемъ, носятъ по праздникамъ; лѣтомъ же одѣвая кафтанъ на распашку, оставляютъ такія рубахи открытыми, не употребляя и шейныхъ галстуконъ. Рубашки мужскія опускаются на шаровары. Мужскія рубахи бываютъ довольно длинныя, ниже колѣнъ, широкія и съ вольными широкими рукавами. Мужская рубашка подшивается на спинѣ холстомъ чуть не до талии, для прочности. Постройка ихъ дѣлается съ прямымъ воротомъ и косымъ или глухимъ воротомъ, застегиваемымъ на правой сторонѣ шеи. Разрѣзъ у ворота мужской рубахи очень не великъ; подолъ простирается почти до колѣнъ, иногда и ниже; подолъ въ штаны прячется рѣдко. Воротъ, а иногда и зарукавье, запястья обшиваются синею или красною, не узкою, тонкимъ гайтаномъ оторочкою (не дорогою тесьмою), а для застежки вѣрота пришивается съ петелькою мѣдная или бѣло-фарфоровая пуговица, или же завязки (ленточка).

Порты или порты (подштанники) шьются въ родѣ широкихъ штановъ, немного развѣ поуже ихъ, при чемъ угузь (задъ) дѣлается отвѣснымъ. Въмѣсто пуговицъ въ опушку втягивается гасникъ, (тесьма называемая подживотникомъ) связываніемъ концовъ котораго подштанники и держатся на мужикѣ. Они въ лѣтнее время замѣняютъ крестьянину брюки; тогда онъ бѣется

съ работой въ рубашкѣ, подштанникахъ и сапогахъ безъ шапки, либо въ колпакѣ.

Штаны, зачастую безъ клиньевъ и мѣшковатые, лѣтомъ носятъ болѣе въ прохладные дни; ежедневно же ихъ одѣваютъ рѣдко и то если крестьянинъ находится не на работѣ.

Въ будни наволакиваютъ на ноги штаны, сшитыя женами и родственницами изъ бѣло-толстаго холста, набивки, пестреди, нанки, халатнаго и матрацнаго тика, буажныхъ трико и крестьянскаго сѣраго сукна. Штаны же праздничные приготавливаются изъ плиса и по возможности изъ тонкаго фабричнаго сукна, такіе штаны одѣваютъ при красной рубашкѣ. У штановъ праздничныхъ пришиваются по бокамъ карманы, у рабочихъ же брюкъ карманы бываютъ рѣдко. Гульфики у брюкъ не застегиваются на пуговицы и они не длинны, развѣ только у новомодныхъ. Рубашка не закладывается въ штаны, а выпускается сверхъ ихъ. Штаны же спускаются въ сапоги. У нихъ бываютъ продольные карманы.

Панталоны суть настоящіе почти брюки, мода которыхъ принята образованными людьми. За нихъ закладывается рубашка и ихъ носятъ на подтяжкахъ (тесемкахъ съ пряжками) въ праздники молодые парни, бывавшіе въ Питерѣ. Это—фавориты въ своемъ обществѣ, титулуящіеся *Питенбурами*. Они дѣйствительно ходятъ щеголевато, и потому имѣютъ первое мѣсто у деревенской дѣвушки и въ почетѣ и въ мысли. Такіе брюки называются еще шароварами. Нѣкоторыми, для тепла, они шьются съ подкладкой изъ холста. Бываютъ карманы.

Жилетка (жилетъ) обыкновеннаго покроя двухъ-бортная, то есть съ двумя рядами петель и нашитыхъ мѣдныхъ или стеклянныхъ пуговокъ, или обтянутыхъ разными матеріями костяжекъ, съ прямымъ стоячимъ воротникомъ, съ карманами и безъ оныхъ. Жилеты употребительнѣе полосатые и считаются роскошью; жилеты доходятъ до талии, застегиваются подъ подбородкомъ.

Матеріалы для нихъ идутъ: плизъ, полубархатъ, разные матеріи, разносортныя сукна, нанки и трико, а для спиннокъ: колленкоры, демикотонъ и нанка. Носить не каждый крестьянинъ.

Сѣрмяга изъ самодѣльнаго сѣраго или бѣлаго сукна; шьется съ тальей и стоячимъ узкимъ воротникомъ, по бокамъ прорѣзы для кармановъ, хотя карманы рѣдко пришиваются, по сѣрому фону воротники иногда окаймляютъ полосками тонкаго сукна.

Сѣрякъ—рабочій кафтанъ шьется изъ сѣрмяжнаго (болѣе бѣлаго) толстаго сукна крестьянскаго издѣлія, похожаго на употребляемое для солдатскихъ шинелей (плащей). Образецъ его схожъ съ обыкновеннымъ русскимъ кафтаномъ. Карманы пристраиваются позади, вдоль по складкамъ отъ талии; ихъ иногда не бываетъ въ дѣйстви-

тельности, а одни потайные (ложные) клапаны. На груди до талии на одной лѣвой сторонѣ рядъ мѣдныхъ либо оловянныхъ пуговицъ, а на другой по бокамъ ряды зашпиленныхъ петель рукава бывають не широки и, чтобы зарукавье не билось, обшивають кожу. Лѣтніе сѣрые кафтаны шьются безъ подкладки; по изнанкѣ же борты обшиваются сапожными тесемками.

Сарженикъ тоже сѣрый кафтанъ изъ грубой крестьянской саржи. Зипунъ изъ грубаго холста не бѣлаго, затканнаго на половину шерстяной пряжей.

Понитокъ или шабуръ тоже самое. Шьется онъ изъ довольно плотнаго сѣраго холста, домашняго издѣлія.

Тоже вѣрно сукманишникъ кафтанъ изъ сукманины, въ которомъ основа изъ коноплянныхъ нитокъ, а утокъ изъ шерстяныхъ.

Всѣ три кафтана самые употребительнѣйшія вещи изъ гардероба поселянина.

Сибирка—форма сюртучная, но гораздо длиннѣе обыкновеннаго сюртука, ниже колѣнъ. Воротникъ лежачій. Карманы позади, съ 4 пуговицами. У сибирокъ бывають пришиты косяныя, роговыя пуговицы. Рукава бывають довольно длинныя, и у кистей рукъ пришиваются небольшія пуговицы *). Сибирки бывають и на мѣховомъ подбоѣ.

Банты (партикулярныя пуговицы) нашиваются на два борта, остальная часть разрѣза оставляется не застегнутою. У сибирки воротники отложныя. Сибирка строится изъ синяго и чернаго суконъ съ коленкоровою или люстриновою подкладкою (изнанкою). Ее имѣють лишь люди зажиточныя.

Казикинъ (казакинъ) одинаковъ съ синимъ кафтаномъ; только у него подкладывается вата, каленкоръ, фланель и на другихъ изнанка, которой нѣтъ у кафтана.

Казакинъ шьется хорошимъ портнымъ изъ самаго лучшаго сукна. Иногда у бекешки этой борты, карманы и воротникъ обшиваются гарусными и шелковыми черными тесьмами. Рукава бывають не коротки. У талии въ юпкѣ дѣлаются сборки (сборка) и оттого лифъ обвивается плотно, а юпка дѣлается полною. Карманы бывають отъ соединенія стана съ юпкою продольныя къ низу; но болѣе ихъ не бываетъ вовсе.

На казакинѣ бываетъ одинъ или два ряда бантиковъ (пуговицъ) или рядъ крючковъ и петель. Кромѣ того казакинъ снизу затягивается пришитою внутри по спинѣ въ тальѣ тесьмою, называемою подживотникомъ.

Казакинъ — самая нарядная вещь, и какъ постройка его обходится не дешево, то и имѣють его только сыновья богатыхъ и зажиточныхъ родителей.—Носять по зимѣ застегнутымъ, а лѣтомъ на распашную. Всякая одежда застегивается справа налѣво.

*) Пуговицы въ нарядной одеждѣ косяжныя, обтянутыя сукномъ или матеріями.

Синій кафтанъ, суконный либо плюсовый, одного изъ разъ и выкройки съ казакиномъ, съ нѣкоторыми особенностями. Кафтанъ такой еще называется поддевною. Воротникъ бываетъ стоячій полукруглый *). Вообще синіе кафтаны, казакины и сибирки носить молодежь хорошо живущихъ семействъ; или мужики женатыя—люди не бѣдные.

Армякъ (ермякъ, ярмякъ, въ древности же ормякъ). Армяки бывають болѣею частію сѣрые; въ Холмогорскомъ же уѣздѣ не мало синихъ и черныхъ. Шьется изъ простаго сѣраго сукна. Покроемъ похожъ съ тулупомъ. Воротникъ бываетъ изъ синяго сукна, либо чернаго тика, отлогій. У отворотовъ одна петелька и пуговица или металлическія схваты. Рукава не узки и иногда пришиваются у зарукавьевъ отлого изъ нетолстой кожи. Полы безъ подкладки и мѣха; закидываются одна на другую. Самый армякъ довольно широкъ. Его наволакиваютъ на себя болѣе тогда, когда отправляются въ путь, какъ напримѣръ въ извозъ, дабы было чѣмъ лѣтомъ укрыться отъ дождя, а зимою прикрыть нагольную шубу отъ снѣжнаго мокра. Когда полы закидываются, тогда армякъ перепоясывается кушакомъ или суконною подпояскою. А то армякъ носится нараспашъ, или накидывается на спину въ родѣ того, какъ носятъ плащи въ другихъ странахъ.

Кушъ, или лѣтній *совикъ*, есть свита изъ деревенскаго сукна, но не сѣраго, а болѣе коричневаго цвѣта. Покрой куша такой же, какъ и покроемъ зимняго совика. Кушъ употребителенъ у жителей, живущихъ у рѣкъ Кулоя и Немюги, проводящихъ навигаціонное время на водѣ.

Кабать — это балахинъ или длинная рубаха во весь ростъ человѣка. Шьется изъ парусинаго холста съ прямымъ воротомъ. Одѣвается съ головы; затягивается кожанымъ ремнемъ. Одѣвають кабать, когда предстоитъ мокрая, пыльная или грязная работа: ловить и лучить рыбу, молоть на мельницѣ, сѣчь смольныя дрова, кузнечить и тому подобное. Притомъ онъ натягивается по времени и по погодѣ или единственно на рубашку, или на кафтанъ, либо шубу.

Камарникъ, волосяное забрало—шерстяная либо набивчатая вещь, или холщевый чехоль, на подобіе кукль. Употребляется для защиты отъ несносныхъ комаровъ и мошекъ. Онъ обтягиваетъ и покрываетъ всю голову, а своимъ капюшономъ шею и плечи. Къ камарникамъ нѣкоторыми пришиваются для закрытія лица сѣточки, сплетенныя изъ конскихъ волосъ. Тогда онъ чистая маска.

Теплая рубашка, вывязывается деревенскимъ бабьемъ изъ разноцвѣтной—красной, синей, желтой и бѣлой овецъей мытой шерсти. Она короче и уже тѣловой ру-

*) У кафтановъ, какъ и у женскихъ платьевъ лъвы гладкія, а юпки сборчатыя. На стану синяго кафтана желкіе сборки.

башки. Теплая надѣвается на эту сверху головы. Ворот у ней не бываетъ.

Бѣлою шубою называется тотъ теплый кафтанъ или полушубокъ до икры и ниже ея, который просто шить изъ обдѣланныхъ набѣло, но не дубленыхъ сыромятныхъ бараньихъ шкуръ, съ сѣрымъ мѣхомъ, безъ покрывки или поволоки. Къ ней на грудь пришиваются замшевыя висячія петлички и на одномъ лѣвомъ бортѣ рядъ мѣдныхъ, либо оловянныхъ небольшихъ пуговицъ. Пуговицъ на мужской одеждѣ бываетъ отъ 4 до 8.

Нагольной шубой почитается такая же овчинная шуба, с итая изъ овчинъ продубленныхъ, и потому не бѣлаго, а ранжеваго цвѣта.

Дубленка, она же и романовскій полушубокъ, шьется изъ мягко выдѣланныхъ и продубленныхъ овчинныхъ шкуръ, овецъ не мѣстной породы (да хоть бы и не романовскихъ овчарень) сѣрой и черной шерсти, пониже колѣна, на манеръ казакина, безъ отворотовъ, съ опушкою изъ шкуры *нерны* (родъ лысуновъ) или котика (такъ зовется и шкура морскаго зайца) по подолу, зарукавьямъ и по стоячему узкому воротнику плотно сидячему; застегивается плотно около лифа на желѣзные крючки. Рукава бываютъ опущены далѣе длины рукъ. Грудь на шубѣ по талию тоже оторочена полосками обшивки въ видѣ квадрата, середина котораго испещряется черными нитками, либо готьяжками, разными узорами. На стану романовокъ мелкія сборки.

Тулупъ (тулупъ) общезвѣстенъ и общеупотребителенъ даже не у однихъ простолюдиновъ. Онъ шьется изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, болѣе же мѣхъ бываетъ изъ черныхъ овчинъ или мерлушекъ и покрывается китайкой, нанкой и болѣе сукномъ. Воротникъ бываетъ довольно широкій, откидной изъ одинаковаго мѣха съ полами, или изъ шкурокъ другихъ дорогихъ звѣрьковъ*). Въ дорогѣ воротникъ поднимается и перевязывается около шеи платкомъ, а такъ ходить на *стежъ* (на растопашъ). Тулупъ носить изъ поселянъ только богатые, зажиточные и питербуры. У хорошихъ, что называется богатыхъ, тулуповъ пола заходитъ далеко на полу.

Синяя шуба шьется на черномъ или бѣломъ овчиномъ мѣху съ крышею изъ синяго или чернаго сукна, на манеръ казакина, а у другихъ кафтаннымъ покроемъ. Воротникъ стоячій и лежачій бываетъ либо узкій и малый, либо большой и высокій. Застегивается на глухо. Воротники у мужскихъ и женскихъ шубъ бываютъ стеганные.

Сермянкою называется такая же шуба, какъ и синяя, но съ тѣмъ только различіемъ, что крыта грубымъ сѣрымъ сукномъ крестьянскаго дѣла, называемымъ сукманною. Сермянку носить люди незжиточные, заботящіеся

*) Зимнія шубы у мужчинъ по воротнику и бортамъ опушаются иногда барашкомъ.

не о красотѣ, а лишь о теплотѣ и прочности. И потому для крѣпости онѣ бываютъ кожаные; воротникъ, карманы, а иногда борты обшиваются тоже кожей или замшею, или же чернымъ сукномъ. Въсто модныхъ пуговицъ пришиваются мѣдныя пуговицы съ замшонными петлями, какъ у лѣтнаго сѣряка.

Богатые носятъ широкія дорогія лисьи и песцовыя шубы, съ такими же широкими воротниками.

Малицы привозятся изъ-за Печерскаго края и покупаются готовыми на ярмаркахъ. Это тулупы, шитые самоѣдками, вмѣсто нитокъ оленьими хребтовыми жилами, изъ 4-хъ или болѣе хорошо выдѣланныхъ шкуръ неблюей (молодыхъ тюленей), въ видѣ широкой, мѣшковатой женской рубахи, во весь ростъ, шерстью къ тѣлу. Въ дорогѣ малица служитъ вмѣсто подушки, а не то и вмѣсто постели.

Но малицы шьются еще и туземными крестьянами изъ овчинныхъ шкуръ нитками. Малица зашивается на глухо безъ разрѣза, съ отверстіемъ только для головы, какъ кабатъ. Къ проходу тому пришивается стоячій двусторонній воротникъ изъ неблюя по возможности черноватаго. Съ концевъ рукавовъ пришиваются изъ такого же неблюя *ошлога* шерстью наружу. Тутъ же отъ ошлоговъ, или и безъ нихъ, иногда бываютъ пришиты рукавицы изъ кожи, снимаемой съ морды оленей, мѣхомъ наверхъ. Къ подолу малицы пришивается какъ бы обшивка или хазы, не узкая *панда*, сшиваемая изъ нѣсколькихъ полосокъ чернаго и бѣлаго неблюя, разбивая цвѣты, и поворачивая шерстью на видъ; чѣмъ болѣе бываетъ сшито такихъ мѣховыхъ полосочекъ, тѣмъ панда — шире, красивѣе и дороже. Подолъ малицы съ наружной стороны обыкновенно бываетъ выкрашенный красною краскою, получаемой отъ взвара ольховой коры. Для красивости и опрятности, наверхъ малицы надѣваютъ маличныя рубашки изъ пестреди, тика, казинета, ситца; на поддержанную малицу наволакивается и холщевая рубашка, или просто кабатъ, служащій лѣтомъ.

Малицы составляютъ верхнюю одежду, оболаживаемую (одѣваемую) сверху на исподнія шубы, или собственно на рубашки. Малица очень теплая одежда, и притомъ легка и не стѣсняетъ, а чтобъ еще было удобіе, то подпоясывается кушакомъ. Снаружи маличныхъ рубашекъ у мужчинъ иногда устраивается одинъ или два кармана, иногда съ клапанами.

Совикъ, или кушъ, тоже привозится сшитымъ съ Печеры для распродажи на ярмаркахъ. Онъ также шьется самоѣдскими женщинами жилами. Совикъ служитъ для тепла въ здѣшнихъ суровыхъ стужахъ и одѣвается сверхъ малицы, какъ бы верхняя шуба, взамѣнъ тулупа; особенно важность его сознается въ дорогѣ. Постройка совика бываетъ большею частію изъ бѣлыхъ 4-хъ съ прибавкомъ мягкихъ оленьихъ шкуръ, шерстью

наружу, зашитых на глухо, безъ разрѣза вокругъ, какъ малица, но бываетъ шире ея. Ошлага у рукавовъ пришиваются шерстью внизъ; самая же шкура ошлаговъ раскрашивается баканомъ и сурикомъ, а на самомъ концѣ ошлаговъ выворачивается къ верху опушъ. Тутъ же перѣдко пришиваются такія же рукавицы, какія бываютъ у нѣкоторыхъ малиць. Подолъ обшивается широкою пандой шерстью наверхъ. Отъ шеи сплошь съ станомъ пришивается мѣховая *куколъ* (шапка), то-есть круглый, а не острый, который откладывается назадъ; во время же холода этотъ мѣшокъ или капюшонъ накидывается на голову и затягивается около шеи шерстянымъ краснымъ шнуркомъ, съ узломъ у лба. Такимъ образомъ онъ закрываетъ совершенно шею, голову и лобъ и оставляетъ свободнымъ только одно лицо, начиная отъ закрытыхъ ушей. Капоръ совика подвязывается шнуркомъ подъ подбородкомъ.

Женскія рубашки длинныя ниже колѣнъ, съ небольшимъ разрѣзомъ отъ горла по груди, и съ узкими рукавами. Грудь немного изъ подъ нихъ открывается. Сорочки женскія шьются изъ полотна, портна, набивки, а болѣе изъ толсто-сѣраго лубоваго холста. Онѣ бываютъ или все изъ одинаковаго матеріала, либо до стана изъ холста, а лифъ и рукава изъ тонкой холстины, портна, коленкора, полотна, набивки, пестреди, ситца, кумача, чтобы изъ подъ сарафановъ не было видно грубости рубашки, или же лифъ и станъ шьются парные, а рукава покрасивѣе. Праздничныя рубашки разумѣется лучшія изъ ихъ бѣлыя, женщинами оставляются открытыми наверху изъ подъ платьевъ. Какъ у женскихъ, такъ и мужскихъ рубашекъ у рукавовъ почти всегда вшиваются подъ пазухами (мышками) не одинаковыя съ матеріею рукавовъ ластовицы (трехъугольныя вставки). Рукава бываютъ широкіе и такіе длинныя, что закрываютъ и пальцы рукъ. Рукава у женскихъ нарядныхъ рубашекъ бываютъ затканы въ красную нитку въ нѣсколько каемокъ. Да и самыя рубашки строятся долгія, но не широкія.

Воротъ дѣлается прямой отъ плечъ, покуда на нихъ сидитъ рубаха, безъ воротника. Воротъ и рубаха обшиваются синими или красными тесьмами. У дѣвушекъ рубашки бываютъ изъ бѣлаго свое-тканого портна; но это исключеніе только для зажиточныхъ. У такихъ праздничныхъ рубашекъ зарукавья и подола украшаются тканью красной нитки полосками снизу широкими, а сверху узкими, а надплечья (мѣсто рукава на плечахъ) дѣлаются изъ такого же матеріала, какъ и ластовицы.

Пестрядныя рубашки бываютъ синія и красныя, приняты чаще первыя. Ситцы на рубашки идутъ преимущественно съ мелкими цвѣтами, полосками и крапинками, а на платья и сарафаны съ крупными.

У женщинъ щегольства болѣе, чѣмъ у мужчинъ. Когда бываетъ надѣта хорошая рубашка, женщина, въ особенности при работѣ, безъ стѣсненія подымаетъ подолъ сарафана и затыкаетъ за поясъ, и такъ ходитъ по улицамъ. Исподницы у такіхъ укладываются въ густыя сборки.

Женская юбка сборчатая и доходитъ до щиколки. Она шьется теплою изъ поношенныхъ ситцевыхъ сарафановъ или изъ новыхъ ситцевъ; бываютъ и пестрединныя, выстеганныя на ватѣ, или кудели (льнѣ). Кромѣ такихъ теплыхъ юбокъ шьются и легкія изъ ручнаго портна съ наподольниками (то-есть ткани красной бумаги, такой же какъ у женскихъ рубашекъ) или помазейные (изъ бумаги). Юбка бываетъ широкая съ прорѣхою назади, къ раздвоеннымъ концамъ которой пришиваются завязки, опоясываемыя по тальѣ, на коихъ юбка и держится. Кромѣ такихъ завязокъ къ теплымъ юбкамъ пришиваются холщевыя лифы безъ рукавовъ съ воротомъ до талии; разрѣзъ зашнуровывается. Для толщины (дородливости деревенской), дѣлающей дѣвицу округленную статуей, она навѣшивается на себя вдругъ двѣ и три юбки, одну на другую, а поверхъ ихъ сарафанъ либо платье. Но въ устраненіе такой тяжести для прекраснаго пола, да и издержекъ на заведеніе нѣсколькихъ теплыхъ и легкыхъ юбокъ, потихоньку началъ втягиваться кринолинъ. На сѣнокошѣ или на полѣ женщины бываютъ въ одной сорочкѣ и юбкѣ.

Сарафаны. Подъ именемъ сарафановъ можно считать все носимыя не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, деревенскими женщинами платья безъ рукавовъ и узкаго лифа, и какъ рубахи съ станомъ по грудь, висящимъ на плечахъ на *лямкахъ*. Здѣсь же сарафанами называются сарафаны сшитые: изъ пестряди (называется пестреиннымъ), набойки (называется печатнымъ), ситцевъ (называются ситнигами), касики (называются камчатникомъ), изъ камлота, канифаса, полумериноса. Сарафаны же изъ другихъ матеріаловъ по своимъ особенностямъ не носятъ названія сарафановъ. Подолъ сарафановъ обшивается грубою тесемкою, подсердечникомъ.

Синякъ, онъ же и рабочій сарафанъ, сшитый изъ осиненнаго толстаго холста. Онъ иногда обшивается недорогими (мишурными) хазами какъ по подолу, такъ и спереду сарафана отъ шеи вдоль, въ изображеніе воротоваго разрѣза, и также по шеѣ и у входовъ, въ которые просовываются руки. Сверхъ хазовъ костычъ по вороту оторачивается синимъ или чернымъ шнуркомъ; онъ также пропускается въ два ряда, отъ груди до подола; *межъ строкъ* этихъ пришивается одна отъ одной неподалеку нѣсколько оловянныхъ пуговокъ. Съ такими украшеніями *синякъ* или *костычъ* служить праздничнымъ сарафаномъ не только для состарѣвшихся, но и молодыхъ незжиточнаго состоянія.

Китайскъ, онъ же и *шушунъ* изъ синей или черной русской кит айки, такой же сарафанъ, какъ и костычъ, только безъ хазовъ. Прочія же: набивникъ или набиванникъ, крашениникъ, кумачинникъ, карасейникъ, кашемирникъ и гарнитурникъ—такіе же сарафаны, какъ синякъ, иногда съ хазами, а иногда и безъ нихъ. Въ отличіе отъ общаго названія «сарафанъ» имъ дается другое потому, что они шьются: а) набивникъ—изъ набивки или синей забойки съ звѣздочками, клѣточками, цвѣтами; б) крашениникъ—изъ крашенины, то-есть портиа окрашеннаго черной краской, холста на фабрикахъ окрашеннаго въ рубовую лоснящую черную, либо синюю краку; в) кумачникъ—изъ краснаго кумача; г) карасейникъ—изъ карася; д) кашемирникъ—изъ шерстяной кашемировой матеріи; е) лямбодина—сарафанъ изъ шелковой матеріи; ж) гарнитурникъ—изъ гарнитура. Последній дорогой сарафанъ. Лучшіе изъ нихъ, само собой разумѣется, носятъ молодыя женщины, а по невидѣ старыя бабы, конечно скрѣги и пренебрегающія цвѣтомъ.

Платья бывають разныхъ образцовъ и покроевъ, бывають одноцвѣтныя, полосатыя, затканныя. У женскихъ платьевъ бываетъ по одному продольному карману съ боку. Платья обыкновенно не длинны. Широкіе рукава платьевъ съуживаются на кистяхъ. Платья застегиваются у кистей пуговками. Рукава у женскихъ платьевъ гладкіе, округленные на локтяхъ.

Платья строятся изъ разныхъ ситцевъ и матерій, съ тальею и съ рукавами, которые бывають либо съ застѣжками въ кистяхъ (перламутровыми пуговками), либо греческіе съ фанбарою.

Обтянушка. Это женская куртка по талию, или какъ бы одинъ лифъ отъ шубы, съ широкими отъ плечъ и узкими у кистей рукъ рукавами. Строится изъ цвѣтнаго ситца, съ петельками и маленькими застѣжками и крючками.

Понитокъ мужская, а *воротушка* женская куртка.

Капотъ длинная женская верхняя одежда, выстеганная на ватѣ или кудели, на подобіе блузы и зимней женской шубы, съ пуговицами отъ воротника до самаго подола съ сборками въ талии и сборами рукавовъ близъ плечъ. Капотъ уже заброшенъ и его можно увидѣть изрѣдка на какой либо женкѣ, особенно на солдаткахъ и женахъ другихъ разночинцевъ.

Шугай и сарафанъ—суть пераздѣльные вещи, составляющіе штофную пару. Шугай есть ничто иное, какъ кофта безъ рукавовъ, *на парныхъ лямкахъ*, отъ груди узкая, въ подолѣ широкая. Сарафанъ это юбка *поддѣваемая* незамужними женщинами или молодыми отъ талии, которую въ свою очередь закрываетъ шугай. Подолъ у ней обкладывается (обшивается) обложкою (обшивкою) изъ блестящихъ мишурныхъ хазовъ*), иначе называемыхъ басаментами.

*) Хазы—ленты употребляемыя для обшивки женскихъ платьевъ, хазы шириною въ два и три пальца.

Штофъ—матерія съ разными цвѣтами и травами, золотыми и серебряными рѣсками, съ бѣлыми, синими или зелеными, черными и желтыми разводами. Штофная пара шьется изъ штофа и покупается готовою изъ привозныхъ на ярмарки, довольно дорого, такъ что этотъ старинный самый нарядный костюмъ имѣють только женщины богатыхъ семей; часто пара переходитъ по поколѣніямъ на нѣсколькихъ плечахъ однокровныхъ дочерей, либо ближайшихъ родственниковъ. На штофную пару затрачивають капиталъ, какъ на вещь неистлѣвающую и всегда цѣнную. Въ случаѣ нужды крестьянинъ можетъ отдать эту драгоценность въ залогъ.

У бѣдныхъ же дѣвушекъ такую дорогую пару замѣняетъ дешевенкій китайникъ, либо кумачникъ съ хазами, а шугай замѣняетъ наброшенный на шею платокъ.

Епанца—свадебный нарядъ. Ее имѣють очень рѣдко. Она шьется изъ цвѣтнаго по красной землѣ штофа, безъ исподницы. Накладывается на плечи какъ мантилья, и привязывается у шеи завязками изъ шелковыхъ лентъ.

Фуфайка—короткій камзолъ безъ рукавовъ, тоже, что и обтянушка, только нѣсколько длиннѣе, посвободнѣе и съ не очень значительнымъ пережимомъ въ талии. Такую курточку носятъ старые люди. Это та изъ старовѣрческихъ вещей, надъ которыми наиболѣе насмѣхаются свѣтскіе люди.

Тѣлогрѣйки или душегрѣйки, почти одно и тоже, что фуфайка. Особенность лишь въ томъ, что для тепла старухамъ подшивается мякотинный (мягко-шерстный) мѣхъ.

Шубка носится молодыми женщинами незажиточнаго состоянія. Она—обтянушка на мѣху. У женскихъ шубокъ частыя тесемчатыя завязки спереди. У шубокъ карманы бывають рѣдко.

Опять же есть другая легонькая *шуба*, такая-жъ какъ у мужиковъ синяя шуба, съ недлинною юпкою отъ лифа и съ сборами въ пережимѣ; поволока (верхъ) бываетъ недорого: панчатая, трековая, китайчатая или изъ обносковъ. Мѣхъ у нихъ бываетъ заячій, или изъ тонкихъ овчинокъ.

Женская шуба съ безчисленными складками, или сборами, которую носятъ замужнія жены зажиточныхъ мужей, шьется изъ чернаго или синяго сукна на различныхъ мѣхахъ и походить на капотъ. Рукава дѣлаются близъ ладоней узкіе, а въ плечахъ—отпущены. У сихъ шубъ воротники дѣлаются косынккой. Талия въ *копытицѣ*, то-есть отнюдь не шире самаго корпуса. Юбка шубы бываетъ длинна до самыхъ пятъ и пришивается къ лифу въ сборахъ; между лифомъ же и юбкою вшивается пережимъ въ видѣ опояски, какъ корсетъ. Для выложки и наружныхъ краевъ полъ и рукавовъ женскихъ шубъ мѣхъ употребляется такой же, какой на воротники, или покрайней мѣрѣ схожій. Мѣхъ къ женскимъ шу-

бамъ идетъ и кроличій. Откладной воротникъ женской шубы богатаго дома иногда покрываетъ всё плечи. Шьются съ таліей, боже или менше пристающею къ стану; кармановъ не бываетъ. Вообще шуба у шеи узка, въ груди и спинѣ широко-кругла, въ талии сужена до возможности, а отъ талии широкая и длинная. Довольно широкіе и круглые воротники бываютъ собольи, куньи, лисьи и черной кошки. Отъ шеи до подола вдоль по правому борту и по концамъ рукавовъ нашиваются полоски лисьяго, соболинаго и куньяго мѣха. До талии шуба застегивается желѣзными крючками, а далѣе—ко- стянными пуговками.

Полушубка и шубейка—это древняя одежда. Она шьется: либо изъ штофа, или изъ атласа и гарнитура, на заячьемъ мѣху, подкрашенномъ подъ видъ рыжей лисицы, а также и на неподкрашенномъ и на песцахъ. Воротникъ пришивается довольно широкій—лисій, со- болей и куній. Полы и концы рукавовъ оторачиваются узенькою опушкою неподдѣльной рухляди *). Самый по- крой шубейки столь же длинная, какъ и шугая, но съ рукавами; у шеи узко, а въ подолѣ широко; застегивается на завязываемыхъ у шеи шелковыхъ лентахъ. Бѣлая и нагольная шубы тѣже, какія носятъ мужчины.

Малицы уже извѣстны изъ вышеписаннаго. Остается прибавить, что онѣ для женщинъ шьются изъ болѣе тонкихъ шкуръ, короче и уже мужскихъ; также на ма- лицы наволакиваютъ: тиковыя, триковыя и ситцевыя рубашки, во всю длину этой вещи, отъ воротника до панды, которыя всегда бываютъ чище и наряднѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Кучавейка (куцевейка). Это дамское на ватѣ пальто, съ подкладкою, съ бѣлымъ или голубымъ бѣличьимъ съ лапками воротникомъ, и съ такою же въ три вершка опушкою по рукавамъ, поламъ и подолу. Бываютъ и на теплому мѣху. Шьются изъ драдема, гаруса, камлота и ластика. Въ употребленіи только у близгородныхъ молодыхъ женщинъ.

Передникъ одно и тоже, что и фартукъ; но передникъ бываетъ длиннѣе фартука. А то есть еще особенные— *досельные* (древне-модные) наравнѣ съ подоломъ сара- фана и подвязываются подъ самыми мышками. Перед- ники бываютъ наиболѣе полосатые и клѣтчатые, но бы- баютъ и цвѣтные. Шьются изъ пестради, сарпинокъ и разныхъ ситцевъ. Передники одѣваютъ поверхъ сара- фана и служатъ они украшеніемъ. Передники иногда по подолу обшиваются узорами или ленточками. Тесемки отъ передниковъ, стягивая талію, завязываются спе- реди узломъ. Отъ него то и спускаются длинные концы съ кистями.

Фартукъ по названію, бываетъ холщевы й или толсто- пестрядный, а также изъ бумажной цвѣтной или клѣт- чатой матеріи, и изъ гаруснаго, краснаго, з еленнаго или голубаго цвѣтовъ. Отъ талии вверхъ онъ дѣлается до груди уже, отъ груди пришиваются тесемки, отъ кото- рыхъ и висятъ фартукъ на шеѣ; отъ талии въ низъ онъ дѣлается шире, такъ что закрываетъ передъ ниже колѣнъ и немного бока; къ отширившимся отъ талии двумя кончикамъ холста или пестради пришиваются къ каждому по одной простой тесемкѣ, которыя заводятся назадъ и, перевязавъ спину, завязываются напередѣ у пупа. Фартукъ носятъ во время занятій грязными работами и женщины, и мужчины. Фартуки бываютъ съ складками, не короткіе и не узкіе, бываютъ и кисейные. Кромѣ того фартуки бываютъ съ оборками.

Зарукавья прежде были низанныя жемчугомъ. Бываютъ такіе нарукавники, какъ дѣтскіе нагрудники, то-есть пе- редъ опущенъ по поясъ, а задъ лишь по мышки.

Нарукавники. Замужнія женщины почти всегда, а дѣвушки во время работъ, а иногда и такъ себѣ, сверху рубашекъ и сарафановъ, носятъ такъ называемые нарукав- ники, то-есть холщевые либо пестрядиные, или цвѣтные ситцевые рукава, обтягивающіе руки съ половиною плечъ, и держащіеся на лямкахъ, или такіе, которые сверху того закрываютъ шею и грудь, полы при сарафанахъ. Наплечники обшиваются по краямъ шерстянымъ кантомъ, а въ послѣднемъ случаѣ къ нимъ пришивается нѣсколько оловянныхъ или мѣдныхъ—обыкновенныхъ пуговицъ съ петлями.

Перейдемъ къ обуви.

Коты (чевки) и бафилы, или бахилы. Это своего рода сапоги. Шьются довольно неуклюже и показываются въ видѣ ката, какъ будто чловѣкъ имѣетъ лапы подобно звѣрямъ. Для нихъ идетъ необыкновенно толстая и же- сткая скотская кожа; ибо у котовъ должны быть твердо стоящія голенищи. Подошвы пришиваются выворотныя, сильно широкія, и далеко выставившія къ верху свои бока, безъ рантовъ. Бахилы въ ступнѣ бываютъ круг- лыя и съ широко-тупыми носками, безъ каблучковъ. Промазываютъ ихъ для прочности дегтемъ и ворваннымъ саломъ. Ихъ носятъ почти всё крестьяне. Голенищи бываютъ длинныя и короткія.

Бредни-батары (охотничьи сапоги съ твердо-стоящими голенищами), въ Курьѣ *ловчиги* (сапоги съ длинными голенищами для ловли рыбы), приготавлиются такъ-же, какъ и сапоги. Отличительное у нихъ то, что голенищи бываютъ до поясницы, откуда они привѣшиваются на ремняхъ къ кожаному поясу. Для крѣпости подшивается глухой поднарядъ и на носки сверху нашиваются другіе наносошники.

Личные сапоги. Черные личные сапоги шьются изъ кожи домашняго скота: голени (голенщи) изъ чернаго

*) Вообще мѣхи на женскій зимній праздничный нарядъ идутъ мягко-шерстяныхъ звѣрковъ.

(выдѣланнаго о'дойка) или большой скотины, или же *нерпы*, а *появы* (подшвы) изъ сыромятной, дубленой, но не оскобленной скотской кожи. Сапоги для прочности смазываются дегтемъ и ворваннымъ саломъ, или вмѣстѣ тѣмъ и другимъ, какъ и вся почти кожа и обувь изъ выдѣланныхъ шкуръ. Шьются они единственно вервью и драгвою. Голенщицы бывають длинныя и не узкия, и красиво спускаются по русски сборками. Сапоги шьются на одной подошвѣ, причемъ желѣзные подковки у сапогъ узкия, высокия. Въ каблукахъ сапоговъ множество желѣзныхъ шляпочныхъ гвоздей, а по подошвамъ иногда накалываются въ бокахъ желѣзныя шпильки. Нерѣдко по верху (въ вершинѣ рѣки Пинеги) сапоги снабжаются у каблуконъ желѣзными подковками, какъ водилось встарь. Въ сапоги для тепла и избѣжанія мокра кладутся стельки изъ сѣна и соломы. Сапоги съ вытяжными каблуконми называются подборы. У иныхъ сапоговъ бывають большіе раструбы, въ видѣ воронки.

Тюни родъ сандалій; прикрѣпляются къ ногамъ веревками, шнурками и ремнями—туфли, только съ задниками. Онѣ работаются изъ шкуръ ногъ убитыхъ коровъ и быковъ, оставляя наверху шерсть. Эта лѣтняя, плотно обнимающая станы ногъ, легкая и мягкая обувь обувается такъ: штаны засучиваются у пятъ и причутся въ чулки; на чулки набуваются тюни и затягиваются шнуромъ; отъ тюнь пропускаются подвязки, которыми опутываются въ переплетѣ чулки и брюки, такъ что выходитъ нѣмецкій нарядъ. Тюни въ употребленіи у низовцевъ (волостей внизъ по Двинѣ).

Уледи изъ тюленьей кожи въ родѣ башмаковъ съ острыми концами, спереди и сзади, или въ родѣ тюней, но бывають болѣе въ размѣрѣ и съ врючковатыми острыми носками. Онѣ надѣваются на сапоги и употребляются по лѣту для ходьбы на боръ (въ лѣсъ) за ягодами, грибами и рубить дрова.

Упаки заимствованы отъ финновъ, весьма употребительны въ шенкурскомъ уѣздѣ. Шьются изъ обыкновенной черной кожи. Носки острые, фасонъ и шовъ такіе же какъ у тюней. Тѣмъ хороши, что въ нихъ зимою ноги не зябнуть, а лѣтомъ непромогаемы. Упаки по покрою похожи на лапти съ голенницами. Упаки же бывають съ кожаными голенницами на подобіе бахилъ.

Струсни и *поршми*—суть кожанныя лапти, похожія на башмаки. Они довольно красивы, потому что округлены вытяжною галошною колодкою изъ сырой, чисто подошвенной кожи и потомъ засушены. По бокамъ на срединѣ пришиваются коженныя ушки, отъ которыхъ пропускаются веревки, коими обматываютъ ноги съ брюками, заткнутыми въ чулки.

Выступки. Это особенная, должно быть очень древняго фасона обувь. Онѣ ни то галоши, ни то башмаки. На галоши онѣ будутъ похожи потому, что шьются

изъ упругой кожи, пришиваются крѣпко, и каблуки, и *передки* дѣлаются высокіе, а каблуки сверхъ того укрѣпляются порядочнымъ числомъ большихъ гвоздей съ широкими шляпками; отчего выступки при ходбѣ сильно стучать. Сверху передковъ въ проходѣ ноги, края выступковъ обшиваются краснымъ сукномъ, вынуженнымъ снаружи на вершокъ или менѣе ширины. Выступки считаются нарядною обувью и обуваются въ праздники. Употребительны по всему уѣзду и въ особенности у крестьянонъ верховскихъ волостей.

Башмаки очень обыкновенная вездѣ обувь, сшитая изъ черной скотской кожи, или изъ козла и нерпы, съ тесемчатыми завязками, подвязываются на щиколкѣ. Носки у башмаковъ круглыя, но шьются и угловатые. Еще носятъ старинныя башмаки изъ краснаго или розоваго сафьяна. По особенностямъ шитья они переименовываються: собственно башмаки, ботинки, паптуфли, полусапожки или полуботинки.

Парижки—полусапожки, сшитыя не изъ кожи, а изъ шерстянаго вязанья разноцвѣтной крашенной шерсти, изъ кадой вывязываютъ простые шарфы. Борты и подошвы у парижекъ обшиваются не толстою кожею. Они бывають безъ каблуконъ и сверхъ завязываются шнуркомъ, какъ башмаки.

Лапти или лапанцы плетутся въ одпорядѣ изъ узкихъ березовыхъ лыкъ или лентъ бересты. Держатся женщинами только въ *обрядно* со скотомъ.

Чуки-туфли, плетенныя изъ суконныхъ кромокъ, лентъ отъ розовыхъ концовъ сукна. Мало употребительны.

Катанцы, или катанки, теплыя сапоги, скатанныя изъ бѣлой, или сѣрой, или же черной овечьей шерсти. Ихъ катають въ уѣздѣ туземныя шерстобиты, но не малою частію покупаются на Пинежскихъ ярмаркахъ привозимыхъ изъ другихъ мѣстъ. Для прочности нерѣдко подошвы катанцевъ обшиваются кожею съ раптиками по бокамъ. Въ катанки кладутъ стельки изъ сѣна и соломы. Голенщицы ихъ подвязываются шерстяными поясами у лодыжекъ.

Валенки—коротенькія катанки, точно глубокія галоши, сваленныя изъ бѣлой, или сѣрой и иногда черной овечьей шерсти. Ихъ носятъ однѣ женщины. Мужчины же носятъ такія валенки съ пришитыми къ нимъ голенницами изъ крестьянскаго коричневаго или сѣраго сукна; тогда въ сгибѣ ноги голенщицы тѣ подвязываются подвязками или гасниками, либо шерстяными поясами.

Тоборы (тобуры) или *тобоки* натягиваются сверхъ пимовъ, употребляемыхъ въ холодное зимнее время. Это коротенькіе полупимки или *полуголенки* (какъ еще они называются) какъ бы галоши, сшитыя на крутую руку, съ разрѣзами по обоимъ бокамъ. Шьются онѣ въ Запечерскомъ краю самоѣдками изъ кожи съ мордѣ

олений, шерстью кверху. Для мягкости и тепла въ то-боки накладываются сѣно и солома.

Пимы. Употребленіе этой теплой обуви перешло отъ жителей Мезенскаго уѣзда; она нашивается самоѣдками и вывозится Печерцами на продажу въ Пинежскія ярмарки. Пимы кроются очень хорошо и хорошо пригоняются къ ногѣ. Шьются пимы изъ лапъ оленьихъ ногъ, называемыхъ *камусами*. Шитье ихъ походитъ на *батары*: выше колѣнъ, съ лоскутками разноцвѣтныхъ суконъ въ швахъ, какъ бы кантами, особенно спереди, и бываютъ пестрые и узорчатые, а также и безъ кантовъ *).

Летбы (пишутся нѣкоторыми люнты) устроиваются въ родѣ длинныхъ чулковъ изъ молодыхъ тонко-шерстныхъ и тонко-мездрыхъ неблюевъ, шерстью къ тѣлу. Они и одѣваются на ноги взаимнъ чулковъ и сверхъ ихъ натягиваютъ пимы.

Чулки и головки (носки, получулочки) вяжутся деревенскими женщинами изъ льняной пряжи и овечьей шерсти; оттого они называются лѣтніе — питяными, а теплые шерстяными и суконными. Чулки считаются роскошью и употребляются въ исключительныхъ случаяхъ: при хоровахъ, на гулянкѣ въ праздники, въ гостяхъ; бѣдные носятъ тряпки вмѣсто чулковъ. Для *басы* или *красы* чулки у женщинъ почти всегда бѣлые; для нарядности же окрашиваютъ ихъ голубою или синею краскою, шерсть для вязанія чулковъ окрашивается въ разные цвѣта: зеленый, малиновый, красный и синий. Иногда чулки вывязываются изъ шерсти со *стрѣлами*, проходящими отъ подошвы кверху съ обѣихъ сторонъ ногъ, то-есть по бѣлой землѣ (фону) вывязываются мѣста изъ синей и красной шерсти. Но чаще того чулки окрашиваются одной либо синей, либо голубой краской.

Въ народѣ онучами, портянками, портами и подвертками называются холщевыя тряпки, или куски толстаго холста и сукна, въ которые, за неимѣніемъ чулковъ, обвертываются ноги при обуви. Иногда же на ноги наворачиваютъ куски сукна такъ или въ два ряда, или же на чулки.

Исподки или *валени* (варьги) бываютъ вывязанныя изъ овечьей или коровьей шерсти съ однимъ *пакулемъ* на рукавицѣ для толстаго (одного) пальца. Исподки покупаются и вяжутся домашними женщинами. *Верхоньки* же обложены оленьей обдѣланной кожей, наволакиваются сверхъ исподокъ и шьются изъ замши и *ровдун*, скотской и кониной кожи. Верхоньки покупаются въ городѣ и отчасти шьются самими крестьянами.

Вачени-вачуги или *мохнушки* суть рабочія рукавицы у крестьянъ. Онѣ шьются изъ шкуръ оленя, волка, медвѣдя и овцы, шерстью вверхъ и натягиваются на

руки сверхъ верхонекъ и исподокъ въ холодную пору и во время ѣзды и при управленіи лошадьми.

Рукавицы изъ черной или желтой замши съ подведенными исподками, вывозятся нѣкоторыми крестьянами изъ Петербурга.

Рукавки дѣлаются женщинами для себя изъ стараго или новаго сукна, также нанки и трико, на мѣхахъ: заячьемъ, бѣличьемъ, кошачьемъ и другихъ. Суконныя рукавицы посятся и муштинами; у нихъ на ладоняхъ бываетъ нащита кожа.

Перчатки, или перчатки, болѣе бываютъ вывязаны изъ овечьей шерсти, также выкрашенной, какъ и на чулки; другія же перчатки посятся лавочныя, обыкновенныя. Нарядныя перчатки посятся изъ черной замши на пыжьемъ мѣху.

Скажемъ теперь о *головномъ уборѣ*.

У мушницъ употребляются: черныя праздничныя шляпы; но *пуховыя шляпы* носятъ не многіе изъ молодцовъ. Онѣ извѣстны болѣе у городскихъ жителей. У валеныхъ шляпъ поля обшиваются тесьмою, чаще черною коленкоровою; тулья же у полей отдѣляется лентою. Тулья у шляпъ съ верхушками, къ верху шире.

Полуярковыя, валяныя изъ овечьей бѣлой или черной мытой шерсти, шляпы, наиболѣе употребляются въ народѣ на манеръ прямой, либо съ перехватомъ на верховьи, или же просто, какъ колпакъ безъ полей (ровныя). По фасону шляпъ крестьянъ верховскихъ волостей зовутъ *верхотычками* и общимъ именемъ *верхотю*.

Полярковая шляпа—это войлочный колпакъ; поля у шляпъ не широкія. Шляпы валеныя съ широкими полями. Поля шляпъ немного приподняты вверхъ; верхъ ихъ, то-есть валянныхъ, кругловатый. Валенныя шляпы безъ полей, это чисто поповскія камплавки.

Шапки мѣховыя. Старики посятъ болѣе русскія высокія шапки съ широкими и дорогими мѣховыми широкими тульями и съ бархатными наглядниками сверху. Бываютъ такъ высокія, какъ поповскія и дякоповскія. Онѣ дѣлаютъ пожилыхъ людей почетными лицами. У дорогихъ зимнихъ шапокъ верхъ выдается въ видѣ хлѣба; иногда шапки и внутри подбиваются мѣхомъ обыкновенной овчины.

Овчинныя шапки. Это круглыя теплыя шапки съ мѣховыми верхами изъ черныхъ курчавыхъ шкуръ овецъ, на печесной подкладкѣ. Но кромѣ тѣхъ употребительны бараньи (биковыя) шапки съ ушами на манеръ пыжичьихъ шапокъ.

Оленная шапка похожа на колпакъ съ длинными ушами, которыя, мало по малу служиваясь, превращаются въ тесьмы, завязывающіяся подъ подбородкомъ, или узломъ на верху, чтобы шапка прилегала плотно къ головѣ.

Самоѣдками называются пыжичьи шапки, шитыя самоѣдками изъ молодыхъ черно-лисыхъ ныжиковъ и неблюевъ шерстью кверху и снизу въ дѣѣ шкурки.

*) Мы извѣстно, что въ пимахъ есть различіе въ цвѣтахъ и потому они дѣлятся: на Ижемскія, Пустозерскія и Усть-Цыльмскія.

Самоѣдка закрываетъ все положеніе головы въ видѣ скуфы. Отъ мѣста предъ ушами слѣдуютъ однобѣнные наушники, сшитые въ концахъ вмѣстѣ. У пыжичьихъ шапокъ, которыя не имѣютъ лопастей косъ, пришиваются ремешки, которые привязываются подъ бородой. Иногда шапка и наушники испещряются висячими доскутками черного, краснаго, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ суконъ, и у нѣкоторыхъ еще у наушниковъ привѣшиваются простые перья. Пыжичьи шапки бываютъ и скуфейками, безъ наушниковъ.

Фуражки и картузы—русскія шапки съ отвѣсными, круглыми верхами и съ прямыми стоячими околышами. Шапки бываютъ одинаковаго матеріала: суконныя, триковья и плюсовья. У околыша противъ лба пришиваются широкіе и свѣтлые кондырьки (kozyрьки), близъ которыхъ, вдоль по околышу развѣшиваются либо ленточки и снурочки съ пуговками, либо бисерные перлышки, перепутанные въ нѣсколько рядовъ. Но лѣту старики носятъ высокіе картузы съ большимъ и прямымъ козыремъ, обшитымъ такимъ же сукномъ, какъ тулья и околышь; свѣтлыми пренебрегаютъ: какой околышекъ, такая и подкладка—плюсовая, бархатная и суконная. Козыри у шапокъ бываютъ полукруглые; у стариковъ прямые и длинные, а у молодыхъ наклонные, подогнутые.

Колпаки — сборчатая шапочка. Не мало мужчинъ въ лѣтнее время, вмѣсто шапокъ, носятъ колпаки, похожіе на спальные, вывязанные изъ нитяной пряжи, или выдѣанные, либо сшитые изъ холста. Чело колпака у лба вышивается или вытканнается узорчато-красными не широкими каймами. Подъ колпакомъ въ тульѣ бываетъ холщевая подкладка. На верху головы по середкѣ такой шапочки бываетъ привѣшена кисточка. Но бываютъ колпаки нестрядные со сборами на верху и не одинаковымъ кружкомъ. Колпаки одѣваются на голову, чтобы не падали волосы на глаза во время пилки лѣса, рубки лѣса, дровъ и другихъ размахистыхъ работъ.

Треухи въ настоящее время употребляются только нѣкоторыми стариками отъ холода. Шьются они изъ разныхъ *некорыстныхъ* матеріаловъ и на разныхъ мѣхахъ. Вообще треухи схожи съ старушечьими чебаками, вышедшими нынѣ изъ употребленія по дороговизнѣ куньихъ и лисьихъ мѣховъ, которыми они облагались. Треухъ—шапка съ тремя отворотами, опускающимися на уши и на затылокъ и опушкою по верху.

Женскій головной уборъ составляютъ:

Головная шапочка, употребляемая нѣкоторыми женщинами, шерстяная, фіолетоваго цвѣта, съ зеленой наемкой.

Повойникъ—головная повязка сшитая изъ штофа, либо изъ гарнитура, шелковыхъ матерій и разныхъ ситцевъ, а наиболѣе изъ кумача и краснаго ситцу. Затягивается на головѣ пропущенными отъ затылка завязками. Мно-

гія женщины хорошіе повойники носятъ съ косынками въ родѣ кокошника. По верхъ повойниковъ завязываются платки, когда выходятъ на улицу.

Сборникъ—свадебный кокошникъ или *очалокъ*. Кокошникъ-кичка, оканчивающаяся длиннымъ остриемъ торчащимъ впередъ. Онъ накладывается на голову какъ шапочка. Спереди имѣетъ цѣчто въ родѣ козырька, загнутаго къ верху, лицевая парчевая сторона котораго украшается нерѣдко бусами и жемчугомъ. Тулья кокошника дѣлаются изъ шелковой матеріи или парчи; нерѣдко унизываются бисеромъ и жемчугомъ. Сверху кокошникъ покрывается краснымъ или малиновымъ бархатомъ, или же скройкою, то-есть кружкомъ шелковой матеріи. Бархатъ и полубархатъ на кокошникахъ и повойникахъ фіолетоваго цвѣта.

Шамшуръ — родъ чепчика, или русскаго набровника, скуфейка, холстинный чепецъ. Ее носятъ подъ кокошникомъ для предохраненія послѣдняго отъ пота.

Повязка, формы цилиндрической, позади ея висятъ кисти-ленты, внизъ по спинѣ. Это тоже кокошникъ недорогой парчи, но повыше его. Она обкладывается (обтягивается) позументомъ и выкладывается (унизывается) напереди жемчугомъ. Верхъ ея ничѣмъ не зашивается. Отъ заду отпускаются лопасти, шелковыя ленты, или изъ другихъ дорогихъ матерій. Повязку носятъ въ торжественныхъ или веселыхъ случаяхъ незамужнія женщины на лбу.

Шапки-мезенки замѣняютъ деревецкимъ женщинамъ капоры барынь.

Косынки. Описанныя повязки, по ихъ дорогой постройкѣ, имѣются только у немногихъ дѣвушекъ изъ богатыхъ домовъ. Бѣдныя же дѣвушки вмѣсто ихъ пришиваютъ къ волосамъ шелковыя косынки (половина платка, разрѣзаннаго съ угла на уголъ), оставляя сверху волосы непокрытыми. Онѣ называются *челками* и *пачелками*. Иногда унизываются немного жемчугомъ. Косынки носятъ и замужнія женщины, но онѣ у нихъ пришиваются такъ, чтобы не было видно волосъ, и называются *наколками*. *Наколка* родъ вѣнка.

Головные платки дѣвушки и замужнія носятъ или корабликомъ, и наиболѣе въ видѣ повязки и въ видѣ повойника, въ одинъ узелъ или въ треугольникъ, связывая концы на лбу. Они бываютъ разнородны, разноцвѣтны, разновелики и въ видѣ пирога, и разноцѣбны: бумажные, гарусные, кисейные, шелковые, персидскіе, францускіе, аглечкіе; притомъ клѣтчатые или цвѣтные, съ красными, синими, голубыми и желтыми цвѣтами, съ разноцвѣтными мушками и крапичками, и непременно съ широкими коймами. Они завязываются узломъ подъ подбородкомъ или притыкаются у горла на булавахъ и закрываютъ всѣ волосы на головѣ.

Зимою, вмѣсто обыкновеннаго ихъ убора, женщины

носятъ или мужскія мѣховыя пыжичьи шапки, или больше теплыя *платы*, обматывая ими головы съ пропускомъ концовъ по шеямъ назадъ.

Шалью обкутываютъ голову зимою, оставляя лице открытымъ, такъ что оно кажется какъ бы въ рамкѣ.

Въ Курьѣ волосы стригутъ вокругъ головы, и напередѣ старики выстригаютъ скобкой, а молодые носятъ на косою проборъ.

Молодежь вообще всегда старается быть опрятною и чистенькою, хотя старанія казаться красивою иногда компрометируются самою обстановкою, либо мѣшкватымъ костюмомъ, либо неуклюжею обувью. Для шегольства-то одежда и обувь раздѣляются на ежедневныя и особо праздничныя.

Молодые мушны о праздникахъ вымываются довольно чисто. Не пренебрегаютъ этимъ и женщины. Ногти у рукъ и ногъ срѣзываются не часто, поэтому нерѣдко они достаютъ до ногтей.

Мушны волосы на головѣ носятъ съ прямымъ проборомъ, кружкомъ сзади и скобкою спереди, вырѣзываемую въ ширину лба, по тому укоренившемуся обыновенію, что кто дѣлаетъ не прямой проборъ волосъ, тотъ несправедливъ. Однако-жь и тутъ мода портить старину: волосы стали причесывать на косо. Прическа у пинежскихъ мушнъ довольно оригинальна. Мушны немного занимаются уборкой своихъ волосъ: зачесываютъ просто гладко, или оставляютъ свѣшанными на лобъ. Молодые, особенно Петербуря, причесываютъ на одно ухо, а пожилые на оба; господствующая прическа послѣдняя. Старики пробора не дѣлаютъ, волосы спереди подстригаютъ, а съ боковъ и сзади пускаютъ съ нижнею оконечностію уха.

Женщины, особенно незамужнія, ведутъ себя еще чистоплотнѣе, и тоже имѣютъ претензію на молодость. Онѣ лица свои вымываютъ до возможной бѣлизны, а загаръ лица сгоняютъ смворткою отъ творога, потомъ вытираются на сухо полотенцемъ. Кромѣ того лица намазываются бѣлилами, а щеки натираются румянами.

У дѣвицъ нѣтъ обычая дополнять украшенія живыми или искусственными цвѣтами; дѣвицъ можно узнать по заплетенной и опущенной косѣ. Волосы у дѣвицъ закидываются за уши. Изъ подъ косынки замужнія выпускаютъ букли.

Волосы женской молодежи причесываются гладко. Сперва ихъ расчесываютъ рѣдкими, а потомъ частыми гребнями, далѣе намачиваютъ водою, иногда еще съ сахаромъ или квасомъ, иногда съ солью и пивомъ, зачесываютъ за уши, дѣлая прямой по носу проборъ; космы (какъ сами говорятъ) заплетаютъ въ одну косу, шелковыми, довольно длинными и яркими лентами, которыя завязываются бантомъ; при бѣдности же косоплетки бываютъ

изъ простыхъ тесемокъ. Коса выпускается на спину изъ подъ косынки или платка. Но когда дѣвушки одѣваютъ повязки или челки, то по старинному обычаю, не заплетаютъ себѣ косъ, а волосы распускаютъ по головѣ, расчесавъ ихъ гладко. Искусство плетенія косъ состоитъ въ томъ, что изъ трехъ косицъ, лучеобразно расположенныхъ, крайнія двѣ завертываются съ одной стороны на верхъ, съ другой же внизъ, среднія же служатъ основою. Одна коса свидѣтельствуетъ о свободѣ дѣвушки; двѣ суть доказательство, что она принадлежитъ уже не одной себѣ.

Въ будни дѣвицы заплетаютъ косы въ косоплетки, какъ можно туже, а въ праздникъ какъ можно слабѣе, чтобы коса казалась шире.

Нарядъ нестарыхъ замужнихъ женщинъ отъ наряда незамужнихъ отстаетъ въ праздники немного и только отбрасывается излишняя роскошь. У нихъ дѣвичья коса расплетается на двѣ косы, связываемыя внизу кощами одна съ другой посредствомъ тесемки, и косы обматываютъ вокругъ головнаго шара въ видѣ вѣнка, а на голову съ первымъ днемъ замужества жалуются кокошникъ, который закрываетъ все волосы; да и вообще головной уборъ замужнихъ закрываетъ волосы, исключая развѣ причесовъ, опускаемыхъ на лобъ нарочно изъ-подъ косынки.

Чѣмъ болѣе лѣтъ женщина бываетъ замужемъ, или мушна женатымъ, тѣмъ нарядъ ихъ дѣлается скромнѣе, тѣмъ они дѣлаются небрежнѣе къ себѣ и своей личности, какъ отцы и матери, занятые содержаніемъ семействъ и устройствомъ хозяйства. Хорошее одѣяніе замужнія женщины надѣваютъ рѣдко: онѣ сберегаютъ его для своихъ дочерей.

Къ шейнымъ украшеніямъ относимъ: *кресты*, они бываютъ деревянные (кипарисные), мѣдные и серебряные массивные; висятъ на шеяхъ мушнъ и женщинъ, на шелковомъ гайтанѣ, или лепточкѣ, называемыхъ *готляномъ и ткацкомъ*, или же (у женщинъ) на серебряной широкой цѣпочкѣ; на томъ же гайтанѣ привѣшиваются: талисманъ въ пуговкахъ или въ тряпкѣ, и мѣдная или костяная ухвертка (ухочистка), то есть ложечка для отдѣленія въ ушахъ накопившейся сѣры.

Серьги служатъ украшеніемъ женщинъ; но сережки носятъ и нѣкоторые мушны (болѣе по одной). У богатыхъ женщинъ серьги бываютъ изъ жемчужныхъ нитокъ, а побѣднѣе—серебряныхъ, или другихъ дешевыхъ металовъ (томпака, бронзы и прочихъ); короткія жемчужныя серьги называются *пясамы*, а длинныя *петлями*. Серьги (обыкновенно пара) вдѣваются въ уши въ видѣ колецъ и пуговокъ. Мушны носятъ серебряныя сережки въ которомъ либо одномъ ухѣ. Для чего въ каждомъ ухѣ еще въ малолѣтствѣ прокалываютъ въ нижней

мягкой части дырочки. Чтобы проколотное ухо не заросло, вдѣваютъ сотканный изъ нитокъ спурокъ.

Запонки употребляются иногда у воротовъ женскихъ рубашекъ вмѣсто пуговокъ. Бываютъ въ серебряной оправѣ.

Запястье, снизи, или простые браслеты изъ недорогого въ нѣсколько нитокъ жемчуга носить при кругахъ дѣвушки богатыхъ родителей. Запястья прежде были названные жемчугомъ по атласу (Г. В. 1869, № 12-й).

Наборошниками называется жемчужное ожерелье, то есть сканый жемчугъ, навѣшиваемый на шею дѣвушкою богатой семьи, на тоненькой ленточкѣ. Наборошники изъ бисера бываютъ такъ густы, что кажутся воротничками. Широкия ожерелья, равно какъ и большія серьги, довершаютъ богатый нарядъ женщины. Ожерелья прежде были жемчужныя, шнѣ янтарныя и изъ дутыхъ бусъ.

Перлы и перлошки, монеты, или бусы. Это наборошники бисерные или изъ простыхъ отшлифованныхъ стеколь вздѣтыхъ на гайтанъ. Они вѣшаются на женскую шею и замѣняютъ кресты съ цѣпочками, или же вмѣстѣ съ крестами.

Ленты висятъ у повязокъ, шубеекъ, эпанчей, фартуковъ; ленты заплетаются въ косы. Ленты въ косахъ дѣвушки ниспадаютъ поверхъ плечъ, и вообще ленты служатъ важными украшеніями праздничнаго одѣянія крестьянъ.

Галстукъ (галстухъ) у мужчины состоитъ изъ шелковаго или бумажнаго платка, обвязываемаго около шеи на одинъ или на два раза, съ узломъ либо прямо напереди, либо косо-набокъ, либо назадъ. Также галстухомъ служатъ наматываемыя на шею *сѣтки*, простые шарфы, связанные изъ разноцвѣтной шерсти. Но вообще къ галстукамъ крестьяне, кажется, не охотники, даже питаютъ къ нимъ отвращеніе: они не стягиваютъ шеи и потому болтаются какъ веревки.

Кромѣ того, что платки составляютъ для мужчинъ галстухъ, а для женщинъ головную повязку, они бѣлые и красные носятъ первыми въ карманахъ, шапкахъ и шляпахъ и называются носовыми, а послѣдними въ рукавахъ и за пазухами и называются *ширинками*, но ширинки только по видимому замѣняютъ носовые платки, и сверхъ того накладываются на шею. О праздникахъ каждый, исключая очень бѣдныхъ, имѣютъ цвѣтной носовой платокъ; изъ тшеславія молодые люди любятъ выпускать хвостики платковъ изъ кармановъ. Парадные платки на шеяхъ шелковыя, иногда набивные; въ хорошемъ житьѣ молодыя дѣвушки имѣютъ носовые платки съ кружевами. Всякіе платки обрубаются, то есть обшиваются по краямъ. На улицахъ дѣвушки спускающіеся концы платковъ закладываютъ за поясъ. Такимъ образомъ плечи и шея сзади остаются закрытыми, а шея

спереди и грудь, увѣшанныя перлами и жемчугомъ, остаются открытыми.

Шали. Это фаты и пледы, простые и съ бахрамами, называемыя шалами и платками. Онѣ бываютъ бумажныя, гарусныя, шелковыя; у очень зажиточныхъ ковровыя и бухарскія. Шали вообще накидываются на плечи, и скрещиваются на груди. Прищипываются болѣе или менѣе дорогими булавками, или же затыкаются за поясы и передники. Фата, закрывающая невѣсту, называется *юмылькою*.

Огонки, или хвосты, носить женщины для прикрасы и тепла при зимнихъ шубахъ. Они обматываются вокругъ шеи и концы спускаются висячими спереди до подолу или же завязываются у талии и концы висятъ сзади. Это простые бѣличьи черныя хвосты *круглышемъ*, короткіе, такъ что связанные въ концахъ они накладываются чрезъ голову на шею, какъ галстухъ или ошейникъ (такъ называется).

Кольца и перстни носятъ только на правой рукѣ на указательномъ, среднемъ и четвертомъ пальцахъ. Кольца съ гладкимъ металлическимъ ободкомъ, а перстни со вставками и прищипками, украшенными вензелями.

У мужчинъ они бываютъ серебряныя, а у женскаго пола серебряныя, мѣдныя и томпаковыя; но у тѣхъ и другихъ бываютъ и золотыя съ дорогими или недорогими вставками.

Поясъ—непремѣнная вещь христіанина. Рубашный поясъ затягивается просто (нетуго). Поясъ носить женщины сверху верхнихъ сарафановъ, а мужчины сверху тѣловыхъ рубахъ. Поясы (у мужчинъ) рубашечные бываютъ или сѣрые, или красные; кромѣ шерстяныхъ мужскіе поясы бываютъ нитяные полосатые, съ желтыми, синими и красными полосками. У мужчинъ опояску составляетъ бумажная или шелковая неширокая ленточка, или тканый шерстяной поясъ. Опоясываются на рубашкѣ въ одинъ рядъ; концы поясовъ вообще висятъ. На поясъ мужчины нерѣдко привязываютъ: ключи, мѣдный или роговой, либо костяной гребешокъ или гребенку и кожаную маленькую сумочку, узланную свѣтлыми пуговицами, въ которую кладутся деньги, табакъ, спички или огниво съ кремнемъ и труткомъ. По верху же одежды носятъ всегда изъ черной юфти, или не очерченныхъ подругъ (сырыхъ ремней, идущихъ на конскую сбрую). Пуговицы на ремешныхъ поясахъ бываютъ нашты одна возлѣ другой.

Поясъ у женщинъ узломъ относится на правый бокъ. Поясъ замѣняетъ женщинамъ спуровку. У женщинъ поясы бываютъ толстыя шерстяныя, тканые и плетеные, шолковыя изъ разноцвѣтныхъ нитокъ. Они бываютъ столь долги, что опутавъ на два ряда корпусъ на сарафанахъ и платьяхъ по талии, спускаются еще до колѣнъ и ниже, концами съ *кисточками* или золотыми *маков-*

ками, которыя относятся на лѣвый бокъ. Праздничный поясъ имѣеть длины отъ 4-хъ до 6-ти аршинъ.

Кушаки охватываютъ талію по верхней одеждѣ. Длинные концы ихъ, украшенные бахромою, свѣшиваются напередъ, или затыкаются за перевязь. Кушаки носятся не совсѣмъ широкіе, цвѣтные: бумажные, шерстяные, гарусные и шелковые; щеголеватый кушакъ пестрый. Дорожатъ старинными шелковыми кушаками, называемыми персидскими и также кашемировыми. Концы кушака иногда совсѣмъ подтыкаются внутрь.

Ремни бываютъ изъ бѣлужей или упругой скотской кожи. Они опоясываются въ поясъ по верхней одеждѣ, взамѣнъ кушаковъ, которые держатся для выхода. Но концы ремней пришиваются, или на гвоздяхъ придѣляются желѣзные, либо мѣдные пряжки съ *хватами*. Пряжки страннаго рисунка, похожаго на образецъ, который употребляется на пряжкахъ у Самоѣдовъ съ мѣологическими знаками. Ремни нерѣдко обшиваются вокругъ мѣдными и оловянными пуговицами, а сбоку ихъ пришиваются желѣзные витыя, либо кожанья *дужки*, въ которыя вкладываются топоры; у другихъ же къ ремнямъ привѣшиваются ножны—кожаные и деревянные чехлы для ножей.

Подвязки для чулковъ бываютъ: или сшитыя изъ лоскутковъ какого либо ситца или матеріи съ завязочками, или связанныя, или вытканья домашними женщинами изъ шерсти, какъ пояса, съ такими же для красоты кисточками.

Кромѣ упомянутаго крестьяне и крестьянки носятъ:

а) *Бумажники*. Деньги, счета и документы хранятся въ бумажникахъ сафьянныхъ и кожаныхъ. Это особеннаго рода пертмонэ, съ пришитыми ремешками, на которыхъ бумажники навѣшиваются на шею, на тѣлѣ подъ рубашки; сами же они обматываются ремнями, и сверхъ того ремнями привязываются плотно около челоуѣка. Но у многихъ такіе же бумажники носятся въ карманахъ.

б) Кромѣ бумажниковъ бываютъ разнаго рода кошельки.

в) *Кисы*—дорожные сакъ-воляжи, длинные и довольно просторные, сшитыя изъ перничьей или скотской кожи. Затягиваются сыромятными длинными ремнями въ ушкахъ съ кисточками и иногда замыкаются на замки.—Сверхъ того, что берутъ въ дорогу на лошади, ихъ носить за плечами какъ мѣшки на лякахъ.

д) Матерчатые кисеты для курительнаго табаку, — украшаются клѣточками и бахромками; а ихъ язычки, чрезъ которые шнуры пропускаются, вышиваются фигурами аллегорическаго значенія.

Въ Усть-Пуѣ рабочая одежда у мужчинъ зимою: шуба или полушубокъ овчиннаго мѣха, непокрытаго сверху ничѣмъ, кожаные или катанные на ногахъ сапоги и суконная на головѣ шапка малопыжья. У женщинъ: тотъ

же полушубокъ, сарафанъ шерстяной или портяной крашенный, на головѣ и на шею платокъ, на ногахъ башмаки или катанки. Лѣтомъ у мужчинъ сѣрый кафтанъ или полукафтанье, на ногахъ сапоги, на головѣ поларковая шляпа. Праздничный же нарядъ у мужчинъ, такой же, только преобразуется онъ въ черный видъ, въ синий кафтанъ или сибирку, суконную или нанковую, на головѣ суконная шапка или шляпа; у женщинъ: ситцевый сарафанъ или ситцевое и гарусное, даже шолковое платье, гарусное и шолковое пальто, у дѣвушекъ большею частію косышки, на шею шолковая или гарусная «шалъ», на ногахъ кожаные полусапожки. Однимъ словомъ, въ праздничное время, мужчины и женщины, особенно дѣвушки, каждый по силамъ своимъ, стараются отличиться щегольствомъ наряда.

Такъ какъ Тулгашане народъ не бѣдный, то и одѣваются они довольно хорошо. Одежда мужчинъ лѣтняя, если день праздничный, рубашка изъ кумачу, по ихнему аглицкаго; плисовые или суконные шаровары; сапоги, а у нѣкоторыхъ и такъ называемые бахилы; кафтанъ изъ чернаго или синяго сукна, шолковый или гарусный кушакъ и картузь; а если день простой—рубашка и изподниці изъ толстаго портна, бахилы, сукманникъ-кафтанъ изъ сукманнины, въ которой основа изъ конопляныхъ нитокъ; шапка или изъ овечьей шерсти, шляпа, ремень и кожанья рукавицы (по ихнему еще вачеги).

Зимняя одежда мужчинъ, если праздникъ,—тѣ же рубашки и шаровары, катанцы, шуба или тулупъ, покрытые сукномъ, тѣ же кушаки, шолковый или гарусный, изъ платка галстугъ, мѣховая шапка, или бухарка шапка изъ пыжиковъ и верхонья рукавицы, обложенныя оленьей обдѣланной кожей; а если простой день, то таже кака одѣвается и лѣтомъ, только съ исключеніемъ верхней, которую въ зимнее время составляетъ голая шуба. Лѣтнюю одежду женщинъ замужнихъ и дѣвицъ составляютъ: рубашка изъ портна, у которой рукава изъ одного ситцу, а намышники (наплечники) изъ другаго; сарафаны—крашениникъ, изъ портна, совсѣмъ окрашеннаго черною краскою; набиванникъ изъ портна, набитаго разными фигурами и цвѣтами, — ситникъ, кумачникъ и лопотина—сарафанъ изъ шелковой матеріи *); кафтанъ изъ чернаго сукна на какой либо подкладкѣ и сукманникъ; голову прикрываютъ въ праздникъ кокошникомъ и шелковымъ платкомъ, на ноги одѣваютъ сапоги, а рѣдко коты, родъ башмаковъ, къ которымъ приколачиваются мѣдные подборы (каблуки); а зимняя—всѣ тѣже, исключая верхней одежды и обуви, изъ которыхъ первую замѣняютъ голая шуба и кошуль—шуба же, только по-

*) Всѣ означенные сарафаны, надобно замѣтить, шьются куда негодже, весьма узки и до того коротки, что едва покрываютъ у большинства колѣни.

крытая сунномъ и обшитая кругомъ мѣхомъ какого-либо не дешеваго звѣрка, а послѣднюю катапцы.

Всѣ означенныя одежды приготовляются дома изъ своего матеріала. Мушины подстригають и причесываютъ свои волосы такъ, какъ дѣлается это у мужика въ полномъ смыслѣ этого слова; а женщины всѣ вообще рѣдко причесываютъ ихъ и плетутъ косы, а собравши волосы назадъ въ одно мѣсто, перевязываютъ ихъ чѣмъ либо. Не въ модѣ у насъ, скажутъ онѣ, плести косы.

Въ Хаврогорскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда ежедневная одежда мужчинъ въ лѣтнее время *понитки* домашняго приготовленія, изъ овечьей шерсти и пряжи изъ льна, тканые картузы или шляпы, покупные большею частію изъ коровьей шерсти, сапоги, въ зимнее—шубы, полушубки, кафтаны, катанцы, рукавицы, отчасти домашняго приготовленія, а болѣе покупныя. Въ праздники одѣваются прилично и щеголевато въ суконныя сибирки, мѣховыя тулупы. Ежедневная одежда женщинъ состоитъ изъ холщеваго сарафана, осиненнаго; набивнаго, называемаго набивинцемъ, и кумачнаго повоиника на головѣ, который неотъемлемое достояніе каждой сельской женщины до гроба (повоиникъ въ существѣ вещи есть только отличіе женщины отъ дѣвицы). Въ ссорѣ или дракѣ, если посторонній мужчина сорветъ съ головы женщины повоиникъ, или какъ обыкновенно выражаются окосматить или опростоволосить, считается таковой поступокъ большимъ порокомъ, и женщина, не смотря ни на что и не взирая на поводъ, учинившій ссору, хотя и ею самою, ищетъ суда и даже платы денегъ за безчестье, что впрочемъ рѣдко удается имъ выигрывать въ свою пользу, и большею частію дѣла такого рода, хотя иногда разбираются сельскими властями, оканчиваются мировою попойкою, которая для обѣихъ сторонъ не безвыгодна; искательница удовлетворяется, выражаясь: *кушотя опили*. Одежда дѣвицъ, какъ праздничная, такъ и рабочая обыкновенная всего Холмогорскаго уѣзда; но въ настоящее время старинныхъ богатыхъ парчевыхъ юбокъ, полушубковъ и коротенькихъ съ дорогими же серебряными хазами и бахромками водятся очень мало, и обладательницы оными только дочери богатыхъ родителей; нарядъ старинный почти выходитъ изъ моды и употребляется только при немногихъ случаяхъ, какъ то: къ принятію святыхъ таинъ, въ Пасху къ утрени и вечернѣ, при сочетаніи бракомъ, и во время уличныхъ игръ въ время святокъ, а вмѣсто стариннаго наряда носятъ дѣвицами платья, отчасти шелковыя, а болѣе шерстяныя и ситцевыя, голова при такомъ нарядѣ убирается косынкою, не уборомъ или шапочкою, а кругомъ головы, верхъ которой бываетъ не покрытымъ, косынка сгибается какъ галстукъ и онымъ голова перевязывается, въ косу какъ и при повязкѣ вплетается серебряная или мишурная кисть, или же вмѣсто оной ленты; шея украшается

перломъ изъ такъ называемаго дутаго жемчуга, или медкаго бисера.

Въ Челмохотскомъ приходѣ одежда въ простые дни, рѣдко отличаетъ состоятельнаго отъ бѣднаго. Въ будни одѣваются мушины въ понитки, армяки сѣраго сукна, сапоги (бахилы)—лѣтомъ на подобіе кучерскихъ поярковыя шляпы. Въ лѣсъ лѣтомъ ходятъ въ березовыхъ лаптяхъ, и также къ скоту въ хлѣвы, и около назему въ нихъ работаютъ.

Зимою носятъ овчинные голые полушубки, пыжиковыя и суконныя шапки, катонки, теплыя рукавицы, сѣрые штаны. Женщины одѣваются въ будни большею частію въ синіе набивные холщевые сарафаны и красный повоиникъ на головѣ, на ногахъ кожаные простые выступки, иногда же—въ пестрядные съ бумагою тканые сарафаны, особенно дѣвицы.

Въ праздники мушины одѣваются въ суконныя сюртуки, нанковыя сибирки, панталоны суконные, триковые и такіе же жилеты. Зимою въ овчинные мерлужчатые тулупы подъ сукномъ, — ситцевыя рубашки, шелковые галстуки, жилеты. Женщины богатыя одѣваются въ гарусныя, штофныя, ситцевыя сарафаны, косынки, повоиники, штофныя, парчевыя, съ вышитымъ золотомъ или серебромъ наверху кружечкомъ. Дѣвицы кромѣ того—въ повязки, высаженныя бисеромъ и дутымъ жемчугомъ, носятъ кофты, шуган, ситцевыя и гарусныя капоты, кацевейки, со сборами по талии. Дѣвицы на груди носятъ перла изъ простаго жемчуга, янтаря—на ногахъ чулки и башмаки даже козловые. Нынѣ женщины и дѣвицы, вмѣсто сарафановъ и штофниковъ, стали болѣе носить гарусныя и ситцевыя платья, нѣмецкаго покроя.

Въ Пингишахъ мушины и женщины одѣваются довольно опрятно. Въ простую пору мушины лѣтомъ носятъ понитки, зимою овчинныя шубы, короткія, чтобы въ работѣ не залетали подола. Рубашки мужскія дѣлаются съ косымъ воротомъ, подплечье подшивается подкладкою. Праздничная рубаха всегда бываетъ красная, которую молодые ребята носятъ навывпускъ съ плисовыми широкими шароварами. Сибирки со сборами назадъ, и короткія поддѣвки, у богатыхъ суконныя, а у бѣдныхъ синія нанковыя. Старики носятъ армяки, камзолы и кафтаны, на головѣ четырехугольную съ мѣховою выпушкою шапку и полуярковую шляпу; молодые ребята носятъ обыкновенныя картузы и щегольскія шапки. Женщины иногда безразлично носятъ и мужскую одежду, какъ то понитки, кафтаны и шубу, но большей частію имѣютъ свой особенный костюмъ. Женская рубашка состоитъ изъ подставы поворотья и рукавовъ. Подстава бываетъ всегда изъ самаго дурнаго холста *), поворотье

*) Праздничная подстава по подолу вышивается красной бумагой и *вигуры* вышиваются на подолѣ конями.

и рукава пришиваются отдѣльно или изъ тонкаго холста и пестряди, или праздничные изъ ситцу, кисеи и коленкору. Поворотѣ рубашное бываетъ сборчатое и и обшивается кругомъ тесьмою и именуется остобельемъ. Въ простую пору женщины ходятъ въ набиванцахъ и транцахъ, то есть въ сарафанахъ набивныхъ и пестрядныхъ, на головѣ у женщинъ повойники преимущественно изъ краснаго кумача, а у дѣвицъ платокъ *кокушкой*, то есть завязывается подъ подбородкомъ.

Въ праздники женщины одѣваются въ штофники, шуган, на головѣ золотые кокошники или повойники съ золотыми кружками. Дѣвицы носятъ штофныя юнки, коротенькія, родъ безрукой спанчи, обложенной кругомъ газомъ. На головѣ у дѣвицъ бываютъ повязки, *) коса въ этомъ случаѣ бываетъ на выпускъ, и въ косу вплетается кисть золотая, серебряная или мишурная. При нарядѣ въ коротенькую повязку воротокъ всегда бываетъ съ сборчатыми короткими рукавами, которые пришиваются алыми лентами.

Старухи носятъ костычи, родъ сарафана съ клиньемъ и китаечники, обшитые на переди продольною лентою съ пуговицами. На ногахъ у мужчинъ бываютъ кожаные коты, бахилы и сапоги, у женщинъ ступни и башмаки, употребляются также и лапти въ грязную работу и около двора.

Одежда жителей Курейско-Сергіевского прихода можетъ быть подѣлена на зимнюю и лѣтнюю, на праздничную и будничную, на старческую и молодеческую.

Мужчины носятъ въ будни—зимою: шерстяную рубаху, сѣраго сукна шаровары; овчинный полушубокъ, теплую шапку пыжичью и катанцы; въ дорогѣ одѣваютъ овчинный тулупъ нагольный, или обтянутый холстомъ, овчинныя рукавицы, а старики треухъ.

Лѣтомъ и весною—кафтанъ сѣраго сукна, старики—понитокъ, штаны пестрядные или холщевые; сапоги, а старухи—коты; въ ненастную и холодную погоду поверхъ кафтана одѣвается суконный армякъ (орешинской).

Въ праздники—сибирку, сюртукъ, брюки наподтяжкахъ, жилетъ и шапку суконные, суконный армякъ или пальто и шляпу, а зимою—шубу овчинную, мерлушечью, а богатые лисью или енотовую, обтянутую сукномъ, и сапоги съ колошами.

Волосы стригутъ вокругъ головы, а напереди старики выстригаютъ скобкой, а молодые носятъ на косой проборъ.

Женщины и дѣвицы носятъ въ будни: тканый пестрядной сарафанъ и передникъ, полусапожки, и кафтанчикъ изъ сѣраго сукна или трика.

Въ праздники—ситцевое, гарусное и шелковое платье, суконную лифную шубу на мѣху, кацавейку и пальто

*) Дѣвицы носятъ одну косу, а женщины двѣ, женщины причесовъ на видъ не выпускаютъ.

на ватъ, обшитые по краямъ бѣличьимъ мѣхомъ, а богатые салоупъ, на лисьемъ и бѣличьемъ мѣху, и модную шапочку.

Старики бѣдные носятъ крашенинникъ (костычъ изъ холста, окрашеннаго въ синюю краску), а въ праздники китаешникъ съ длиннымъ, выше груди, ситцевымъ передникомъ и выступки-башмаки.

Старухи богатяя—ситцевый сарафанъ съ кокеткою и рукавами, а зимою тулупъ (салоупъ не носятъ).

Женщины волосы убираютъ въ двѣ косы, а дѣвицы въ одну косу. Старухи носятъ на головѣ повойникъ, въ который собираются все волосы, а поверхъ повойника одѣваютъ платокъ, который связываютъ на лѣу или на затылкѣ; молодыя же женщины и дѣвицы носятъ косынки съ перстнемъ и жемчугомъ.

Вообще богатяя женщины и дѣвицы ничѣмъ почти не отличаются въ одеждѣ отъ купчихъ, развѣ только не носятъ кришолла.

Наряды большею частію привозятся шитые, изъ С. Петербурга, въ которомъ много проживаетъ крестьянъ при конторахъ купцевъ, или шьются хорошими мастерами въ городахъ холмогоряхъ и Архангельскѣ.

Обувь мужчины и женщины носятъ всегда кожаную: сапоги, полусапожки, выступки, коты, ловчати, сапоги съ длинными голенищами для ловли рыбы), струси (легонькіе башмаки съ ушками, для страды) и только въ скотскомъ дворѣ одѣваютъ лапти изъ бересты.

Въ Лисестровскомъ приходѣ у стариковъ ежедневное платье зимнее: нагольный полушубокъ изъ овчинъ, кафтанки, обшитыя кожею, и шапочка изъ пыжика. Въ этой одеждѣ и въ самомъ дѣлѣ старикъ тепелъ. Онъ ѣздитъ иногда еще и въ лѣсъ за дровами, и возитъ возъ сѣна въ морозъ, и исправляетъ и другія некоторыя домашнія работы. Праздничная же, на примѣръ, для выхода въ церковь одежда: полушубокъ изъ овечьяго мѣха, покрытый синимъ или чернымъ сукномъ, суконный сюртукъ и полубархатная шапка, обшитая бооромъ или котикомъ, или теплая на ватъ круглая шапка, покрытая сукномъ.

Лѣтнее платье у старыхъ людей ежедневное: кафтанъ изъ сѣраго сукна (праздничныя кафтанъ плисовый или полубархатный съ серебряными застежками и цѣпочками найдется нынѣ въ рѣдкость у двухъ или трехъ стариковъ) и сюртукъ изъ чернаго сукна и круглая шляпа или шапка.

Старухи носятъ зимою шубу нагольную тоже изъ овчинъ и сарафанъ и повязываются бумажнымъ платкомъ; прежніе теплые чебаки вышли изъ употребленія; а въ праздничные дни носятъ шубу теплую на мѣху или на ватъ, нѣкоторыя съ куньимъ воротникомъ.

Лѣтомъ носятъ сарафаны кумачные и платья ситцевыя и повязываются приличнымъ платкомъ.

У мужчин и молодежи каждодневное платье зимнее: теплая круглая шапка, пальто из толстаго фабричнаго сукна, дикаго цвѣту, сюртукъ из сѣраго сукна; праздничное: пальто, на лапчатомъ голубомъ мѣху, а нѣкоторые изъ богатыхъ носятъ шубы на лисьемъ и енотовомъ мѣху, покрытыя чернымъ сукномъ, сюртукъ чернаго сукна, сапоги выростковые и перпечья, а нѣкоторые щеголи носятъ и колоши.

Каждодневное платье лѣтнее: изъ толстаго фабричнаго сукна сюртукъ и изъ сѣраго сукна; праздничное: сюртукъ, изъ чернаго сукна, круглая шляпа или шапка изъ чернаго сукна.

Женщины ежедневное платье зимнее употребляютъ: изъ бумажной домашней ткани сарафаны и повойники, и повязки платкомъ вокругъ головы для выхода на улицу, нагольные тулупы и бумажные платки; праздничное платье для выхода въ церковь и въ гости: шуба на мѣху бѣличьемъ или заячьемъ, съ куннымъ воротникомъ, ситцевое платье, шелковый платокъ и косынка на головѣ, и шапочка съ опушкою въ видѣ ярки; а также употребляютъ кацавейки на бѣличьемъ мѣху. Обувь: башмаки, а зимою носятъ и катанки. Платье лѣтнее ежедневное изъ бумажной домашней ткани, повойникъ, обвязанный платкомъ вокругъ головы; башмаки и туфли для домашняго обихода. Праздничное: ситцевое платье и шелковое, шелковый платокъ на шеѣ и косынка на головѣ.

У дѣвицъ платье зимнее праздничное: кацавейка или сакъ-пальто на бѣличьемъ мѣху съ куннымъ воротникомъ, или бѣличьемъ, или пальто покрытое (драпомъ) полушерстяномъ или шелковою матеріею, платье ситцевое; голову покрываютъ шелковымъ или бумажнымъ платкомъ; ежедневное платье: изъ домашней бумажной ткани, шубка крытая панкою или саржей, и бумажный платокъ на шеѣ; обувь: башмаки и ботинки.

Дѣвицы употребляютъ повязки и вѣйки, по большей части при лѣтнихъ гуляньяхъ, играхъ и хороводахъ и при свадьбахъ.

Платье въ Золотицѣ носятъ слѣдующее: рабочее зимнее мужское платье состоитъ изъ малицы. У нѣкоторыхъ только есть своей выдѣлки коротенькіе нагольные полушубки. Въ худую ненастную и мокрую погоду работаютъ все вообще въ суконныхъ совикахъ; Праздничное: зимнее платье у большей части крестьянъ тоже малица, только съ нарядною, по большей части краснаго яркаго цвѣта рубашкою. У молодыхъ щеголей сюртуки на бѣловомъ или бараньемъ мѣху съ выдровыми воротниками. У стариковъ старинныя, коричневаго цвѣта съ серебряными застежками на бараньемъ мѣху и тонкаго сукна полукафтаны.

Рабочій зимній, мужской головной уборъ у всѣхъ вообще — пыжачья шапка; праздничный мужской головной уборъ зимою состоитъ изъ заграничныхъ котиковыхъ и

обезьяновыхъ шапокъ, картузовъ, различныхъ матерій и формъ; это у молодыхъ. Старики носятъ бараньи съ маленькимъ пухомъ круглыя шапки. У нѣкоторыхъ только стариковъ сохранились четырехугольныя съ маленькимъ бараньимъ пухомъ высокія шапки. Старинныя же въ родѣ боярокъ, высокія съ бобровымъ пухомъ шапки, въ Золотицѣ рѣдкость.

Лѣтнее рабочее платье: у всѣхъ мужчинъ рабочее платье лѣтомъ состоитъ изъ сотканыхъ коротенькихъ кафтановъ, понитковъ и иногда и худыхъ малиць, коротенькихъ вязанныхъ изъ шерсти своей или норвежской работы, рубашекъ, у нѣкоторыхъ есть парусинныя или клеенковыя голландки.

Головной лѣтній рабочій уборъ: въ лѣтнюю рабочую пору на головахъ носятъ или своей работы или норвежской разныхъ цвѣтовъ и формъ шерстяные колпаки. На случай сырой и дождливой погоды, у многихъ есть заграничныя шляпы. При работахъ все вообще рубаху складываютъ въ шаровары. Шаровары дѣлаютъ или изъ пестряди своего тканья, или изъ покупнаго тикю или наконецъ изъ толстой парусины для того, чтобы они были прочнѣе при работѣ.

Праздничное: у молодыхъ драповое и суконное пальто, сюртуки всегда изъ тонкаго сукна, брюки и жилеты иногда и очень цѣнные, и разное шѣмецкаго покроя платье. У пожилыхъ суконныя сняго, зеленаго, коричневаго цвѣтовъ, полукафтаны и тонкаго сукна казакины. У стариковъ своей выдѣлки чернаго и сѣраго сукна коротенькіе кафтаны.

Праздничный головной уборъ. На головахъ носятъ лѣтомъ пуховыя шляпы и разныхъ формъ и матерій картузы, иногда даже и теплыя зимнія шапки. Старинныхъ поярковыхъ шляпъ здѣсь никто не носитъ.

Прическа у всѣхъ въ кружокъ. У стариковъ подрѣзаются волосы пониже уха, а у молодыхъ и щеголей въ подмочки и посрединѣ головы проборъ наось. Нѣкоторые изъ стариковъ выстригаютъ маковицы. Все же вообще надъ лицомъ подрѣзываютъ волосы немного выше бровей, по прямой линіи отъ висковъ, такъ, чтобы волосы не мѣшали только глядѣть.

Бороды и усовъ никто не брѣтеть, кромѣ щеголей, которые подрѣзываютъ бороду едва-едва примѣтно.

Рабочая зимняя и лѣтняя обувь у всѣхъ состоитъ изъ бахилъ. Нѣкоторые только и то изъ богатыхъ носятъ валаные сапоги катанки и самоѣдскую обувь. Относительно обуви и одежды въ Кѣхотскомъ приходѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Праздничная зимняя и лѣтняя обувь у всѣхъ состоитъ изъ черныхъ выростковыхъ и опойковыхъ на одну ногу сапоговъ и, надобно замѣтить, всегда щегольскихъ. Бахилы шьютъ вотъ какъ: къ переду пришиваютъ голяшку, стегая снаружи, чтобы не терло ногу, а потомъ и

вырванную подошву навыворотъ; когда пришьютъ подошву, бахилъ вымочать и мокрый надѣвають на дерево, потомъ, пришивши заплату вмѣсто каблука, сушатъ. Бахилы шьютъ каждый для себя; надѣ тѣмъ, кто не умѣетъ для себя шить бахилъ, смѣются.

Рабочее платье готовится на мѣстѣ изъ своихъ матеріаловъ и своими мастерами, а нарядное въ городѣ городскими. — Матеріалы для рабочаго платья: сукно, понитокъ, овчины и пестрядь готовятся на мѣстѣ, а прочее покупаютъ въ городѣ. Части платья зовутся также, какъ и во всей Россіи: рукава, спина, полы и клинья.

Женское зимнее рабочее платье: молодыя и старыя женщины и дѣвицы зимою носятъ понитки, кафтаны своего тканья и овчинные полушубки, иногда нагольные, а иногда крытые сукномъ, крашениною или нанкою.

Праздничный зимній нарядъ у дѣвицъ, молодыхъ и среднихъ лѣтъ женщинъ состоитъ изъ короткой, выше пояса, плисовой на бараньемъ мѣху съ бѣличьей выпушкой шубки. На пирахъ, и въ большіе праздники молодыя, богатая женщины и дѣвицы носятъ парчевыя съ цвѣтами, или одноцвѣтныя шубейки, на заячемъ или бѣlichemъ мѣху съ кунными большими воротниками и выпушкой по подолу, поламъ и рукавамъ.

Лѣтнее рабочее платье у всѣхъ состоитъ или изъ крашенаго костыча, сарафана съ клиньями, или изъ ситцеваго, всегда краснаго густаго цвѣта, сарафана.

Лѣтній праздничный нарядъ у богатыхъ состоитъ изъ парчевыхъ холодныхъ полушубковъ, обшитыхъ поверху и поламъ хазами. Подъ полушубочекъ надѣвають парчевую юбку, обшитую по подолу широкимъ хазомъ, или одноцвѣтную, всегда красную, штофную юбку тоже съ хазомъ на подолѣ. Ширина и дороговизна указываютъ на состояніе лица, носящаго юбку: у богатыхъ хазъ на юбкѣ и широкъ, и дорогъ, а у бѣдныхъ и узокъ, и дешевъ. У вовсе бѣдныхъ за юбку и полушубокъ отвѣчаетъ гарусный, или хорошаго ситца, всегда краснаго цвѣта, сарафанъ, тоже обшитый по подолу, но не хазомъ, а шелковою лентою.

Головной рабочей уборъ. Головной рабочей уборъ зимою и лѣтомъ у женщинъ состоитъ изъ повойника, у молодой замужней всегда краснаго, изъ плеса или кумача, а у вдовъ и старухъ темнаго, или вовсе чернаго. По повойнику повязываютъ въ нѣсколько разъ сложенный платокъ, или напереди кустомъ, бантомъ, или узломъ назадъ, но такъ, чтобы верхъ повойника было видно. Головной уборъ у дѣвицъ состоитъ изъ одного платка, концы котораго также завязываются, какъ и у женщинъ, только вмѣсто повойника у дѣвицъ видны волосы всегда гладко учесанные.

Женщины и дѣвицы завязываются платкомъ иногда и подъ горло, такая повязка зовется кукушкой, или куфеткой.

Головной праздничный уборъ. Праздничный уборъ зимою и лѣтомъ у богатыхъ женщинъ состоитъ изъ повойника дорогой парчи, а у бѣдныхъ красной штофи; богатая женщины по повойнику повязываютъ шелковые, алаго цвѣта, французскіе платки, а бѣдныя бумажные краснаго же цвѣта.

Головной уборъ богатыхъ дѣвицъ состоитъ изъ повязки, или шелковаго, алаго цвѣта, платка, всегда съ кустомъ спереди. Бѣдныя повязываютъ также съ кустомъ, но бумажные и тоже краснаго цвѣта платки.

Богатая женщины и дѣвицы въ ушахъ носятъ жемчужныя серьги, а бѣдныя—серебряныя. Къ числу женскихъ нарядовъ принадлежатъ еще:

1. Шали гарусныя у богатыхъ, а у бѣдныхъ платки, которые носятъ на шеяхъ.

2. Передники и у богатыхъ, и у бѣдныхъ изъ марли и недорогой кисеи; ихъ подвязываютъ очень высоко.

3. Жемчугъ недорогой у богатыхъ, а у бѣдныхъ янтари и стеклянныя бусы, соврульки или перлы. Жемчуга никто не имѣетъ болѣе ста нитокъ.

Прическа женщинъ. Женщины расчесываютъ голову на двѣ равныя половины отъ лица къ затылку; плетутъ двѣ косы, и, положивъ ихъ кругомъ головы, скрываютъ подъ повойникъ. Косы у женщинъ плетутся внизъ: пряди волосъ кладутся одна подъ другую. У дѣвицъ прическа таже, и плетется одна коса, но пряди волосъ кладутся напротивъ сверху одна на другую. Въ опущенную назадъ косу дѣвицы вплетаютъ коснигъ съ мелкими ленточками въ будни, а въ праздники съ бантомъ—кустишкомъ на концѣ.

Обувь рабочая лѣтомъ и зимою у женщинъ и дѣвицъ богатыхъ и бѣдныхъ состоитъ изъ бахилъ.

Праздничная обувь лѣтняя и зимняя у дѣвицъ и женщинъ состоитъ изъ щегольскихъ башмаковъ, пантуфлей. Богатая женщины и дѣвицы носятъ по праздникамъ бумажные и нитяные чулки, покупаемые въ городѣ; бѣдныя же шерстяные, панскіе нѣмецкаго вязанья.

Рабочее платье и обувь женщинъ готовится на мѣстѣ. Праздничное платье, наряды и обувь покупаются и шьются въ городѣ. Части женскаго платья имѣютъ такое же названіе и назначеніе, какъ и вездѣ.

Рабочее бѣлье верхнее и нижнее у мужчинъ и женщинъ готовится на мѣстѣ изъ покупнаго льна. Мужчины носятъ верхнее и нижнее платье по большей части изъ холета. У нѣкоторыхъ только зажиточныхъ бѣлье бываетъ изъ пестряди, съ ниткой крашенины и полубумажное, съ ниткой красной бумаги. Праздничное бѣлье у мужчинъ бываетъ или изъ краснаго ситца, или изъ александришки.

Молодыя замужнія женщины и дѣвицы къ холщевому стану пришиваютъ всегда краснаго ситца рукава. Рукава бываютъ: русскіе по самое запястье и польскіе

выше локтя. Русскіе холщевые рукава на концахъ вышиваются красною бумагою. Узоры шитья слишкомъ грубы, они представляютъ всегда цвѣты.

Для грязной работы женщины и дѣвцы шьютъ себѣ такъ называемый кабатъ. Кабатою зовется фартукъ съ рукавами, или одни только рукава—нарукавники. Кабатъ шьютъ всегда изъ толстой саидальной пестряди.

Поясъ широкій ни шелковыхъ, ни шерстяныхъ здѣсь ни мужчины, ни женщины не носятъ. Здѣсь въ большомъ употребленіи шелковые пояски, плетеные въ видѣ сѣтекъ и называемые сѣтками.

Относительно платья мужчинъ и женщинъ нужно замѣтить, что оно, хотя и дорого, но скромно. Грудь у женщинъ и дѣвицъ всегда закрыта, если не сорочкой, то платкомъ. Мужчины и женщины изъ пожилыхъ воздерживаются отъ щегольства и любятъ скромность. Шны даже и при жизни мужей не носятъ ни серегъ въ ушахъ, ни колецъ на рукахъ, ни янтарей на шеѣ.

Что касается Сумскаго посада, то жители его одѣваются щеголевато. Женщины носятъ ситцевыя, шерстяныя, шелковыя и даже бархатныя платья или сарафаны, ситцевые, коленкоровые или кембриковые нарукавники съ манжетами и безъ нихъ; капоты; лѣтомъ

въ праздники и во время гуляній бархатныя штофныя шубейки, а нѣкоторыя драповыя пальто. Зимомъ шерстяныя вязаныя кофты, вывозимыя изъ Норвегіи, обтянутые сукномъ ватныя полушубки, на плечахъ шелковыя шали.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ повойника, вышитаго золотомъ, а дѣвицъ изъ навязаннаго не широкою повязкою шелковаго алаго платка съ распущенными назадъ концами, между которыми упадетъ заплетенная коса съ лентою. Мужчины лѣтомъ носятъ суконныя, большею частію темнозеленаго цвѣта, на мѣху кафтаны и пальто; зимою, на мѣху тулупы и пальто, покрытые тоже сукномъ. Рабочая или будничная одежда мужчинъ состоитъ изъ сѣраго суконнаго полукафтана (бострюка) и такихъ же штановъ, кожаныхъ бахилъ; во время же промысловъ одѣваютъ «ловчяки», то-есть кожаные штаны или сапоги. Голову покрываютъ лакированную шляпою или суконнымъ картузомъ, а въ зимнее время, особенно при переездахъ и на промыслахъ, шапкою съ наушниками и подзатыльникомъ, то-есть кожанымъ треухомъ, подбитымъ волчьимъ или собачьимъ мѣхомъ; при ясной погодѣ наушники эти загибаются кверху и пристегиваются на пуговку; старики также носятъ медвѣжьи муфты.

ГЛАВА IV.

ПИЩА И ПИТЬЕ.

Крестьянская ѣда въ Пинежскомъ уѣздѣ: время ѣды, пища постная и скоромная, повседневная и праздничная, напитки, лакомства. Употребленіе табаку.—Пища и питье въ Усть-Пуѣ, въ Тулгаскомъ, Челмохотскомъ приходахъ, въ селѣ Пингишахъ, въ Курейско-Сергѣевскомъ, Лисестровскомъ приходахъ, въ Сумскомъ посадѣ.

Говоря откровенно, крестьяне ѣдятъ много, съ полнымъ аппетитомъ, досыта, безъ претензій на вкусъ и безъ соблюденія требованій гигиены. Они сами говорятъ, что наша невѣстка все трескаетъ—хочь медъ, такъ и тотъ жретъ. И дѣйствительно, они рассчитываютъ только, какъ бы содержаніе обошлось подешевле. Притомъ не надо забывать, что чѣмъ грубѣе человѣкъ, тѣмъ больше его ѣда походить на скотскую.

Но если принять во вниманіе, что жителями уѣзда усердно соблюдаются посты, то ихъ можно считать воздержными въ пищѣ. Однако-жь и тогда они употребляютъ хотя не завидныя, но здоровыя и питательныя кушанья. Пища отъ марта до августа самая дурная изъ всѣхъ временъ года.

Въ образѣ пищи крестьяне неопытны. Всякую пищу про семью приготавливаютъ въ печарныхъ печахъ домашнія бабы. Кухмистерство нечисто и нестарательно.

Здѣшніе жители, какъ и вообще рабочій классъ въ деревняхъ, обыкновенно ѣдятъ 3 и 4 раза въ день. Каждый разъ считается *вытѣю*.

1). Завтракаютъ обычно тогда, когда встаютъ отъ сна, — станеть заниматься (начнетъ всходить) на Востокъ солнце, то-есть въ 4—6 часовъ утра, смотря по досугу и работѣ. Завтракъ состоитъ изъ шапегъ и каши. Каша приготавливается густою изъ житной (ячной) муки на одной рѣчной водѣ, вскипяченной въ чугуниикѣ или глиняномъ горшкѣ; называется еще водяною (кашею). Кашу ѣдятъ въ скоромные дни на водѣ же, иногда съ молокомъ, пѣною (снѣтки съ топленнаго коровьяго масла) и молокомъ, а въ постные съ растолченными проквашенными ягодами: морожкою, клюквою и брусничною, или съ сокомъ пареной рѣпы. Въ Курьѣ завтракъ изъ трески въ постный день. Обѣдъ продолжается въ будній день не болѣе $\frac{1}{2}$ часа, въ праздники вдвое и втрое долѣе.

2). Обѣдаютъ, когда солнце на Юго-Востокъ (S. O. потому и вѣтеръ съ той стороны называется обѣденникомъ), то-есть въ 8—10 часовъ пополудни; передъ тѣмъ справляется какъ бы закуска, а обѣдъ уже настоящимъ столомъ. Въ Курьѣ обѣдъ и ужинъ въ скоромный день состоитъ изъ трески или другой рыбы и молока. Въ Курьѣ и постный столъ состоитъ изъ трески, крупинки и на закуску кислой опары (изъ ржаной муки), или изъ разсола (испаренной и истолченной рѣпы); зажиточные ѣдятъ картофель, ягоды и толокно.

3). Паужинаютъ (*паужина*), когда солнце на Юго-Западѣ (и вѣтеръ съ той стороны S. W. называется *паужинникомъ*), то-есть послѣ обѣда, обѣдаютъ другой разъ между 12—3 часами послѣ полудня. Послѣ *паужины* любятъ отдохнуть на печи или на полатяхъ.

4). Ужинаютъ, когда солнце закатывается за горизонтъ, въ 6—8 часовъ пополудни, а лѣтомъ, когда бываетъ *страда*, еще позже въ 9—11 часовъ вечера; стараются отужинать на свѣту, но зимою ужинаютъ и при огнѣ. Вообще же *ужина* ведется тогда только, когда управятся съ дневною работою, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока бываетъ свѣтло, а лѣтомъ притомъ не бываетъ дождя. Послѣ ужина ложатся спать. Встаютъ мушны тогда, когда жены изготавятъ для хозяевъ позавтракать, перекусить маленько. Кушанья подаютъ: сперва жидкое, потомъ густое. Притомъ напередъ рыбныя, потомъ мясныя, потомъ молочныя; крупчатое же вообще идетъ на закуску.

Непрѣмѣнная и основная пища жителей уѣзда растительная. Главную пищу составляетъ во-первыхъ насущный черный хлѣбъ, то-есть ржаной и ячменный, или тотъ и другой смѣшанные вмѣстѣ, но болѣе ячменный, а во-вторыхъ рыбная пища. Испеченный изъ раствора ржаной муки хлѣбъ называется хлѣбомъ, а поштучно

ковригами. Печеніе ржаного хлѣба бываетъ въ недѣлю или еще болѣе одинъ разъ, потому что будто бы черствый хлѣбъ спорѣе. Зачерствѣлый хлѣбъ кладутъ въ печь, чтобы снова сдѣлался мягкимъ. Ржаныя ковриги бываютъ довольно тяжеловѣсныя отъ 3 до 10 фунтовъ. Хлѣбы дѣлаются круглые и большіе. Испеченный изъ раствора ячменной муки хлѣбъ именуется житникомъ, ковряжкою, короваемъ, коровяжкомъ и мякушкою; а для того, чтобы житный хлѣбъ былъ постоянно мягкій, его пекутъ небольшими хлѣбцами почти каждый день, почему нѣкоторые отзываются, что житникъ сдобная и мягкая булка (для русака). Ржаной хлѣбъ растворяется или на квасной закваскѣ, или на опарѣ изъ отрубей, вспаренной предварительно въ печи. Закваска состоитъ изъ прокислаго хлѣба; дрожжи не сообщаютъ кислаго вкуса. Хлѣбъ, испеченный изъ муки непросѣянной, называется мякиннымъ; изъ муки, просѣянной чрезъ рѣшета—рѣшетнымъ; изъ муки, просѣянной чрезъ сита, *ситнымъ* и *ситникомъ*. Вообще же хлѣбъ зовется овиннымъ. Хлѣбъ разводится на закваскѣ квасной гущи и пивныхъ дрожжахъ. Печется съ солью. Ржаные хлѣбы вадяють, а житные окатывають и кладутъ въ крупники, съ которыхъ сажаются на лопаты. Крестьяне нѣкоторые хлѣбъ называютъ *овоиннымъ*. Растворенный хлѣбъ отъ время до времени подмѣшивается мутовкой, а предъ окатываніемъ засученными руками. Приготовивъ къ окатыванію густое тѣсто, странка дѣлаетъ лопаткой четырехконечный крестъ. Когда же начнетъ окатывать, то изъ концовъ креста еще дѣлаетъ по кресту меньшему. Чтобы хлѣбъ не предавался плѣсени, его разрѣзають ломтями и небольшими кусками и высушиваютъ въ печахъ, чрезъ что онъ получаетъ названіе сухарей.

Прочіе жизненные продукты называются харчемъ, то есть приварокъ, приварки — *засной*, приправы — *снадобьемъ*. Что варится въ горшкѣ называется *варевомъ*. Вообще на харчи крестьяне не взыскательны: былъ бы имъ хлѣбъ.

Кушанья приготовляются смотря по времени и раздѣляются на буденныя и праздничныя и между тѣмъ на постныя и скоромныя.

Постная буденная пища: хлѣбъ, пустоваръ, пустова или пусты ши (бурдукъ изъ малаго количества ячной муки и крупы на водѣ); твоя (кусочки ржаного хлѣба, намоченные въ водѣ или квасѣ съ солью); крошево (изъ размоченнаго въ квасѣ черствого хлѣба); щерба или селянка (уха изъ рыбы); уха тресковая составляетъ первое блюдо обѣда въ будень и праздникъ; въ жареномъ и вареномъ видѣ рыба, которой ѣдятъ много, по большой части дешевле мяса. Употребляется морская соленая треска, никшуй, зубатка, сайда, камбала, палтасина (палтусъ), сельди, сухая треска (штокфяшъ), свѣжія мерзлая наваги и сельди; рѣчная и озерная,

свѣжая, соленая и сушеная рыба, рѣдька ломтями и стертая *пертухой* (теркой) съ квасомъ *), грибы въ квашенномъ видѣ. Грибы сушатъ напизанные на лучины, на сковородахъ и доскахъ. Соленые грибы ѣдятъ или такъ себѣ въ прикуску, или же, разрѣзавъ мелко, хлѣбають съ квасомъ и иногда еще съ лукомъ. Грибы для осолки вымачивають въ водѣ и нерѣдко изрѣзываютъ въ ломти; рѣпа—сырая, печеная, пареная и сушеная **); грибница, или грибовница (похлебка изъ сваренныхъ высушенныхъ грибовъ); рѣпница—паренная рѣпа, вымоченная и размѣшанная съ квасомъ (щи изъ рѣпы съ прибавкой житной крупы); картофель вареный въ водѣ, или печеный на угляхъ, либо въ золѣ (ѣдятъ очищенный и неочищенный отъ шелухи); осоленная и изрубленная капуста съ квасомъ и иногда еще съ лукомъ. Кочанную бѣлую капусту заквашивають, кладутъ тминное сѣмя; овсяное и житное толокно на квасу, разведенное и иногда съ ягодами; горошница (щи изъ русскаго гороха съ прибавкою крупы); травной лукъ съ квасомъ; свѣжія, замороженныя или вареныя кислыя ягоды такъ себѣ, либо съ квасомъ и толокномъ; опара (густой, кислый хлѣбальный квасъ). Приправами къ пицѣ въ посты служатъ: постное (конопляное) масло, соль, вода, квасъ и нѣкоторая огородная зелень. Сверхъ обыкновеннаго употребленія означенной пищи: рыба, ягоды, губы (грибы), капуста, горохъ и соль запекаются въ пироги и пирожки изъ тѣста ржаной и ячменной муки. Поэтому такія *стряпушки* и называются: колюбками, рыбниками, ягодниками, капустниками, гороховниками и солонниками. Изъ такого же тѣста пекутся въ коркахъ и безъ нихъ шаньги и калитки (лепешки); налистники (оладьи на высушенныхъ листьяхъ капусты, чемерицы и лапушника), сочни (ирѣсныя тонкія лепешки) и продолговато-фигурчатые пироги изъ ячнаго тѣста, раскладенные въ раскатанные валькомъ тонко-ржаные изъ тѣста корки, пирогъ съ грибами—губникъ.

Праздничная постоянная пища улучшается противъ обыкновенной очень на немного и только развѣ тѣмъ, что бываетъ побольше блюдъ и кушанья изъ той же провизіи и они приготовляются какъ бы повкуснѣе и пріятнѣе. Прибавляются тогда: палтусца—свѣжая и испеченая рыба, каша изъ простаго пшена, гречухи (гречихи) и перловой крупы, иногда бѣлый кисель изъ овсяной муки (заквашенной на отрубяхъ) съ ягодами и масломъ. Тогда еще побольше бываетъ шанегъ и сдобнаго печенья—колобовъ изъ ячменнаго крутого тѣста.

Въ посты по праздникамъ пекутся ржаные калачи;

*) Поговорки: 1) Рѣдька съ квасомъ, рѣдька съ масломъ, да рѣдька съ солью, рѣдька голюю, да рѣдька со щами, да рѣдька ломтями. 2) Рѣдьку можно ѣсть и съ господами, а спать—со свиньями.

**) О рѣви прибавтка: а рѣпа брюху не докрѣва.

ихъ дѣлають изъ заквашеннаго или прѣснаго тѣста изъ ржаной муки, скатавши обвариваютъ въ кипяткѣ и сажаютъ въ печь. Они замѣняютъ крупитчатые и ихъ посылають въ видѣ гостинцевъ.

Скоромную ежедневную пищу составляютъ: треска жаренная въ прѣсномъ молокѣ и маслѣ, а иногда еще и съ картофелемъ или въ яйцахъ, или же холодная съ подливой кваса, палтусина, камбалы, наваги, сельди запеченныя, говяжьи щи (изъ мяса супъ на водѣ съ засыною, то-есть горстью житной или овсяной муки, и иногда съ рубленной капустой); бѣлыя или кислыя щи (изъ ячной крупы, забѣланныя смѣтаной); вареное и жареное свѣжее бычачье жаркое—жарково, коровье, баранье и птичье мясо и говядина, солонина съ квасомъ и тертымъ хрѣномъ. Мозгомъ и мозговыми костями пользуются за обѣдомъ не все, а только нѣкоторые старшины; похлебка изъ коровьихъ почекъ; каша (изъ житной крупы или картофеля); дичь бываетъ болѣе въ похлебокѣ, чѣмъ въ жареномъ видѣ; саломата (житная каша съ говяжьимъ саломъ, вмѣсто масла, называемымъ *шалегою*); шалега говяжье сало и нетопленный жиръ въ кускахъ; грибы свѣжіе и соленые въ смѣтанѣ и маслѣ; рубецъ (скотская полость) съ квасомъ и лукомъ; студень или заливное (холодное) изъ опаленныхъ коровьихъ, бычачьихъ, телячьихъ и овечьихъ ногъ, головы, губъ и ушей *); зажаренныя кишки (внутренности коровы и быка) съ начинкою крупы; картофель сваренный или зажаренный съ масломъ, молоко въ разныхъ видахъ его и иногда съ нимъ свѣжія сладкія ягоды. Приправы въ кушаньяхъ бываютъ: вода, **квасъ**, соль, молоко, смѣтана, грѣтое и пахтусное (пехтусное) масло. Но надобно замѣтить, что въ простые дни мясныя кушанья употребляются у рѣдкихъ крестьянъ, да и въ праздничные немного, ибо филейныя мѣста говядины, баранину и дичь они распродаютъ по сторонѣ.

Въ праздничные скоромные дни, приготовленіе къ столу бываетъ почти тоже самое, лишь только въ прибавокъ больше выпекается шанекъ и шанежекъ (круглыя булки, обыкновенно изъ житнаго и иногда изъ ржаного тѣста, съ рыхлой внутренностію, съ поджаренной на маслѣ исподкой, и помазанная пѣнною поливой, то-есть смѣтаной сверху); крупяныя (изъ перловой крупы) шаньги въ ржаныхъ коркахъ; растегаи (продолговатые пироги съ пшениною начинкою); сковородники (жидкія тонкія оладьи); олабиши (оладьи въ видѣ круглыхъ приземистыхъ прыниковъ); налистники (скоромные налистники называются наливками, побольшей части на сковородкѣ наливается

*) Сперва ноги бросаютъ въ печку въ пламя огня, чтобы опалить шерсть, затѣмъ нагаръ счищаютъ ножомъ и разрубають. Потомъ куски ногъ кладутъ въ горшокъ съ наливою водою и ставятъ въ печь въ жаръ; наконецъ изъ горшка выдѣляютъ коситъ, а остальной бульонъ разливаютъ въ сосуды.

жидко-разболтанная мука); сочни (какъ бы засушенныя блины); блины житніе, прѣсныя шаньги (сочни съ мучною и смѣтанною поливою); ватрушки (шанежки изъ творога въ ржаныхъ коркахъ); картофельники (тоже, что и ватрушки изъ картофеля); колюбаки (пироги изъ ржаного или крупитчатого тѣста съ запеченною въ немъ рыбою: семгою, сигамаи, палтусиною и другихъ); жареная дорогая рыбка (пеледи, чыры, сйги, омыли и другія); *скробкіе* или воложные, то-есть рассыпные колобки (изъ крутого житнаго тѣста на молокѣ); кисель (овсяный) съ молокомъ; каши: житная, пшениная и гричушная; яичница (изъ разбитыхъ куриныхъ яицъ сваренныхъ въ прѣсномъ молокѣ); сладкіе пироги,—о праздникахъ пекутъ съ изюмомъ или черникою въ срединѣ.

Отличительная черта русскаго пиршества—множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Такъ и здѣсь, для особыхъ храмовыхъ, или великихъ, и семейныхъ праздниковъ столъ бываетъ приготовленъ очень роскошно. Тогда варится, печется и готовится всего въ довольствѣ и постной, и скоромной пищи, разнаго печенья: ржаного, житнаго и крупитчатого. Въ свѣзжіе праздники пьютъ до обморока и вдятъ до икоты. Приправами тогда бываютъ: дикій тертый хрѣнь, приности, стручковый или горошчатый перецъ, укусъ хлѣбный и простой.

Предъ ѣдою вымываютъ руки водою и вытирають рушниками, а затѣмъ молятся предъ иконами и садятся за столъ. Вмѣсто салфетокъ подаются полотенца. Ножей и вилокъ не употребляютъ; вмѣсто ихъ служатъ пальцы. Ножъ, которымъ рѣжутъ на ломти хлѣбъ, носитъ название хлѣбный ножикъ. После обѣда снова молятся и благодарятъ хозяина и хозяйку за хлѣбъ-соль.

Послѣ яствъ большое значеніе въ питаніи вообще имѣють напитки.

Хотя непремѣнную принадлежность крестьянскаго стола составляетъ квасъ, любимымъ общеупотребительнымъ и обыкновеннымъ напиткомъ для семьи служить чистая вода; но, кромѣ того, вездѣ въ деревняхъ постоянно на столахъ бывають выставлены деревянныя или каменные кружки, либо чашки съ бѣлымъ квасомъ, который пьютъ очень часто и по многу, не смотря на то, что онъ окисъ или зацвѣтаетъ. Квасъ дѣлается изъ ячныхъ отрубей, съ частицею муки того же хлѣба, и потому называется житнымъ квасомъ. Квасъ разводится въ лагунахъ, ушатахъ съ крышками и цѣдилками. Въ хорошій годъ квасъ можно найти у самаго бѣднѣйшаго крестьянина.

Въ праздники напитки прибавляются: чай, пиво и хлѣбное вино.

Вино пьютъ единственно горячее, сивуху.

О порядкахъ при угощеніи сказано въ праздничныхъ обрядахъ.

Чай пьютъ съ непріятнымъ запахомъ и болѣе *копорку*

(Ивань-дзю), потому что поселяне не признают за достоинство вкус и запах, а лишь бы был *пирной*, то-есть густой кодеръ. Сахаръ употребляется рафинадъ. Раскольники вмѣсто чая пьютъ богородскую траву.

Пиво пьютъ безъ различія пола и возраста. Оно бываетъ своего приготовленія, и варится изъ ячменнаго солода, называемаго здѣсь еще и *рашею*. Солодъ дѣлается такъ: берется мѣшокъ съ годными зернами ячменя и опускается въ рѣку, гдѣ онъ мочнеть недѣли двѣ, то-есть до того, какъ будетъ довольно моченія; у нѣкоторыхъ же моченіе бываетъ при домѣ, въ какой-либо кадкѣ или чану, вода тогда рѣдко перемѣняется, а подъ конецъ сливается совсѣмъ. Потомъ, намоченное жито рассыпаютъ въ ростильницы или солодовни (описаніе ихъ относится къ «хлѣбопашеству») и настилается въ нихъ толщиною въ вершокъ или два. Солодовни ставятъ на лавки или на полъ такъ, чтобы солодъ росъ при умѣренной температурѣ воздуха; притомъ лишаютъ свѣта. Такъ ячмень держится до мѣсяца, будучи изрѣдка орошаемъ водою, гдѣ онъ отпускаетъ ростки и сростается. Затѣмъ жито тербится (то-есть сростшіяся зерна отдѣляются) и насыщается на печи въ нѣкоторыя кучи, которыя закрываются полостью, и сверхъ нея накладываютъ доски, дрова, камни, и тому подобныя тяжести, для того чтобы паръ не выходилъ, а жито солодилосъ. Въ такомъ положеніи ячмень лежитъ одиѣ сутки, а на другія рассыпается по печамъ, на которыхъ сушится тоже сутки; вообще же высушивается такъ, чтобы онъ могъ разломаться намелко. Послѣ этого жито сбраживаетъ (собирается) въ мѣры (получетверти) и мелется на ручныхъ жерновахъ и на мельницахъ такъ, чтобы солодъ вышелъ покрупнѣе. При вареніи пива, солодъ первоначально обваривается въ выпаренныхъ (очищенныхъ отъ дурнаго запаха) кадкахъ или ушатахъ. Затѣмъ въ кадки или чаны наливается горячая вода, а за нею высыпается солодъ, мѣшается, и на кадки или чаны накрываются крышки. Спустя немного времени, изъ чановъ или кадокъ сливается въ особый сосудъ (кубъ, чугуникъ и тому подобныхъ) сусло, раздѣляемое еще названіемъ *первакъ*; потомъ снова наливается горячая вода, и по истеченіи известнаго времени вторично сливается сусло, съ прибавленіемъ названія *другаъ*. Сусло кипятятъ не сильно. Варятъ пиво на открытомъ воздухѣ, или въ срубкахъ, подъ крышами и безъ оныхъ. Приготовленное сусло переваривается въ желѣзныхъ или мѣдныхъ котлахъ *). Когда сусло кипитъ, тогда въ него всыпается хмѣль; нѣкоторыми онъ прибавляется еще немного погодя. Сусло кипятятъ пока оно совершенно не сварится, для узнанія чего и пробуются изъ поваренокъ

или ковшей. По окончаніи варки, сусло сливается въ чаны, или кадки, или ушаты; въ нихъ оно охлаждается и его тутъ запускаютъ дрожжами. Когда такой составъ начнетъ *бродить*, пиво разливается въ боченки. Эти помѣщенія спускаются въ погреба или подполья. Черезъ недѣлю или нѣсколько времени пиво получаетъ обыкновенную крѣдость. Пиво бываетъ иногда довольно пріятное и забористое, такъ что не пьющіе вина напиваются до пьяна отъ одного пива; но болѣе бываетъ горькое, черное, жидкое, съ дрожжами и малопѣнистое, потому что кладутъ черезъ мѣру хмѣлю, не умѣютъ сохранять отъ окиси и не изучили еще правильнаго пивоваренія. Прежде чѣмъ пить вино въ праздники, крестьяне выпиваютъ сначала по нѣсколько оловянныхъ (стакановъ) пива. Въ Пуѣ, въ праздникъ, радушно всѣ перегациваютъ между собою и первое увеселеніе при этомъ пиво; безъ пива и праздникъ не въ праздникъ, говоритъ поговорка. Пивныя дрожжи идутъ на закваску хлѣба.

На сѣверѣ *табакъ* почти столь же необходимъ, какъ и пища.

Архангельцевъ съ табакомъ и его куреніемъ первый ознакомилъ Англійскій капитанъ Ричардъ Ченслеръ, занесенный бурей въ Бѣлое море въ 1555 г. (Архангельскій сборникъ, 337 стр., I части). Табакъ въ Россіи скоро пришелся по вкусу и началъ быстро распространяться. Архангельскъ отправлялъ его во внутреннюю Россію.

Въ настоящее время и здѣсь табакъ, преимущественно листовую махорку въ пампушкахъ, стали мужчины употреблять значительно, а у инуитовъ привычка къ нему обращается въ ежечасную потребность, и затягиваются табакомъ до опьяненія или обморока. Молодые люди табакъ болѣе курятъ въ деревянныхъ и глиняныхъ *трубенцилахъ* (трубкахъ), самодѣльныхъ *скапироскахъ* (папироскахъ) и сигаркахъ (сигареткахъ), свертываемыхъ изъ разной, даже самой негодной бумаги. Нѣкоторые табакъ курятъ съ размельченною листовною корою и съ вересовыми толчеными ягодами для крѣпости не изъ экономіи. Пожилыхъ же лѣтъ мужчины нюхаютъ молодой табакъ, называя его *сухонутнымъ*. Табакъ такой держатъ въ берестяныхъ, корковыхъ, костяныхъ и металлическихъ табакеркахъ и рожкахъ. Для приданія нюхательному табаку пріятности запаха кладутъ корку лимона и душистые цвѣты. Крестьяне приговариваютъ: 1) Табакъ да баба—одна забава. 2) Кто куритъ табакъ, тотъ хорошій мужичекъ.

Лакомства крестьянъ допускаются лишь только въ праздники. Десертъ у поселянъ составляютъ преимущественно: калачи, крендели, пряники и зауски (тоже пряники), которые покупаются въ городахъ, или въ деревняхъ у тамошнихъ торговцевъ и калачницъ. Калачи продаются связками (визанками) по 12-ти копѣчныхъ

*) Котлы покупаются сообща деревнею и дѣлаются принадлежностію церкви или часовни, гдѣ берутся за вкладъ денегъ.

калачей въ каждомъ, или по 6-ти грошевыхъ кренделей; каждая вязанка продается по гривнѣ (по 3 коп. серебромъ); покупаются въ лавкахъ и калачи — *баранчики*. Кромѣ того въ тарелкахъ выкладываются и другія принасти, какъ-то: орѣхи кедровые, каленые, щелканцы и прочіе.

Въ Усть-Пуѣ въ праздники радушно всѣ перегощаются между собою, и первое ихъ увеселеніе при этомъ случаетъ пиво, «*безъ пива и праздникъ не въ праздникъ,*» обыкновенная ихъ поговорка. Употребленіе чая здѣсь еще распространяется довольно медленно: изъ 250 домовъ въ приходѣ развѣ только десятая часть имѣетъ чайные приборы, что составляетъ особенную роскошь, и имѣющему самоваръ невольно присволяется названіе «богачъ» и при угощеніяхъ первое предъ другими мѣсто, хотя вся эта роскошь упомянутого богача ограничивается единственно только праздниками и расходомъ чаю въ теченіе года какого либо $\frac{1}{2}$ фунта, даже менѣе. Но столъ по возможности требуется самый изысканный: предъ каждымъ гостемъ, сидящимъ за столомъ, нужно чтобъ была цѣлая груда разныхъ масляныхъ «шанегъ» и «пироговъ» всѣхъ сортовъ и видовъ, кромѣ ржаного хлѣба, присутствіе котораго тутъ въ такое праздничное время совершенно предосудительно, и на столъ нѣсколько (по возможности больше) блюдъ изъ рыбы, мяса, у нѣкоторыхъ дичи, бѣлыхъ «шанегъ» и прочихъ необходимостей, приготовленныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, могущаго удовлетворить мѣстному «гастрономическому» вкусу.

Тулянья и вечеринки бывають о святкахъ съ праздника Рождества Христова до Новаго года, и въ день заговѣнья предъ постомъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, о масляницѣ, и только почти въ послѣдній день бывають катаніе, при пѣвнн пѣсенъ, на лошадахъ и съ горъ, не говорю уже, что возліаніе Бахуеу, со стороны мужицъ, бывають въ этотъ день самое обильное.

Пища Тулгасскихъ жителей можетъ быть раздѣлена на ежедневную и праздничную, послѣдняя отъ первой, у большинства, мало чѣмъ отличается. Ежедневная пища въ скоромные дни состоитъ: изъ говяжьихъ и картофельныхъ щей, каши густой и крупиной, толокницы, мучницы, молока въ разныхъ видахъ; въ постные дни изъ рыбьей ухи и рыбы въ пирогахъ—стерляди, палимовъ, изенковъ, лещей, морской-палтусины и трески, рѣпы и картофеля. Въ праздники, которые если случатся въ скоромный день, прибавляется къ ежедневной—жареная птица, ячница, парное молоко (вареное), шанги, пироги, колобы, сочни; а въ богатыхъ домахъ и булки;— а если въ постный—прибавляется къ ежедневной пищѣ лишній рыблягъ. Надобно замѣтить, что всѣ вообще жители къ празднику принасають пищу получше: — у всѣхъ можно найти говядину, если праздникъ въ скоромный

день, и рыбу въ разныхъ видахъ и разныхъ сортовъ, если въ постный.—Щи изъ мяса приготовляются просто—мясо, вода и соль, а у иныхъ къ этому прибавляется и крупа;—изъ картофеля—размятый вареный картофель, крупа и вода; каша густая—изъ ячной муки, которая переваривается съ водой и употребляется съ молокомъ и масломъ за завтракомъ; каша изъ крупъ—крупа разваривается въ молокѣ; толокница—толокно варится съ водой и вкушается, если день скоромный, съ масломъ коровьимъ, а если день постный, безъ всякаго приготовления; мучница—ячменная мука, разболтанная съ водой и переваренная, употребляется такъ-же какъ и толокница;—та и другая въ горячемъ видѣ и съ крошанной. Уха вообще готовится безъ всякихъ приправъ, исключая луку, который подается по принесеніи ее на столъ и даже не очищеннымъ; рыбники, или пироги съ рыбой, готовятся также просто—рыба, какая бы она ни была, полагается въ *корку* *) изъ ячменнаго теста; рѣпа употребляется въ печеномъ, вареномъ и пареномъ видѣ; въ послѣднихъ двухъ вкушается съ квасомъ; картофель употребляется въ кашѣ и жарится въ маслѣ; жареная птица готовится просто и несомѣль хорошо очищается.

Питье ежедневное составляютъ вода и квасъ, или опара, изъ ячной муки (квасъ бѣлый); а также праздничное сусло и пиво, въ богатыхъ домахъ и чай, употребляемый народомъ вмѣстѣ съ водкой и пивомъ.

Кушанья, описанныя выше, подаются на столъ ежедневно, въ порядкѣ; а въ праздникъ, что бываетъ у хозяйки напечено и наварено, все набирается на столъ и вкушается гостями такъ, что кому вздумается.

У жителей Челмохотскаго прихода домашняя пища въ будни, болѣе ячменный или пополамъ съ ржаною мукою печеный хлѣбъ, почти ежедневно приготовляемый, изъ ячной крупы, муки, со смѣтаю или молокомъ щи. Изъ рыбъ употребляется болѣе морская: сайда, никшуй, треска, камбала, озерныя соленыя щуки, окуни, сорогги, язи, или уха изъ сушеной озерной мелкой рыбы. Тоже почти и въ скоромные дни, кромѣ молока и каши изъ ячменной муки съ молокомъ и масломъ. Мясо употребляется рѣдко, и болѣею частію овечье или телячье.

Растительная пища состоитъ только изъ картофеля, рѣпки и рѣпы, и рѣдко изъ капусты, привезенной изъ города Архангельска. Годомъ—также ягоды, волнухи, грузди. Въ воскресные дни и праздники особенно ѣдятъ ржаной хлѣбъ, иногда говядину, или птицу вареную, изъ рыбъ—вышепомлнутую, ячницу, ячнюю иныя пшенную кашу, ячныя крупитчатая шанги, кулебяки со щукою, палтусиною, зимою же и печерскою рыбою. Въ будни пьютъ болѣею частію воду, а богатые изрѣдка

*) Корку называютъ у насъ оздожемъ.

квасъ. Въ храмовымъ праздникамъ варятъ пиво, и всякій почти изъ жителей варитъ болѣе изъ ячменнаго солода, но недоброкачественное пиво.

Въ домашнемъ и сосѣднемъ обращеніи жители большею частію смиренны, но не безъ исключенія. Гостепріимны по состоянію, особенно въ праздники храмовые, когда богатые угощаютъ близкихъ родственниковъ, кромѣ хлѣба и соли—чаемъ и кофе, да и у ровныхъ жителей нынѣ стали заводятся самовары съ принадлежностями. Воровства бываетъ мало. Пьянства невидно. Соблюдаютъ бережливость. Усердно молятся и ходятъ въ церковь къ службамъ.

Все жители православные и ни одного нѣтъ расколника. Посты соблюдаютъ болѣе пищею и питіемъ, и третья часть не исполняетъ христіанскаго долга исповѣди и причастія. Большая часть жителей, особенно женщины склонны къ пересудамъ, переговорамъ и держатся разныхъ суевѣрій и предразсудковъ общихъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ.

Въ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, въ пищѣ и питіяхъ поселяне весьма неразборчивы. Въ простую пору хлѣбъ пекутъ изъ ячменной муки съ примѣсью ржаной—подъ названіемъ *каровашковъ*. Каровашки пекутся ежедневно. Ржаной хлѣбъ пекутъ только къ храмовымъ праздникамъ, свадьбамъ подъ названіемъ *ковригъ*. Питье употребляютъ воду, квасу вовсе не дѣлаютъ. Пиво изъ ячменнаго солода варятъ къ праздникамъ и свадьбамъ какъ и ковриги. Изъ харчей въ простую пору употребляютъ пикшуй у немногихъ треску, и мелкую озерную соленую рыбу (окуни, сороги); рыбу не варятъ, а пекутъ на латкахъ съ обильною подливою воды. Варить рыбу считаютъ неспорнымъ. Варятъ также мушницу, парятъ рѣпу. Мясной пищи, которая по видимому сытнѣе, здоровѣе и дешевле, поселяне кромѣ праздниковъ вовсе не употребляютъ, вѣроятно по неудобству въ употребленіи и приготовленіи.

Праздничная пища: рыбники изъ разныхъ рыбъ, загнутые въ ячменную или ржаную корку. Рыбниковъ для свадебъ или въ храмовые праздники напекаютъ отъ 30-ти до 60-ти, потому что народу приходитъ очень много въ продолженіе трехъ дней праздничныхъ; всехъ садятъ за столъ, кто бы ни зашелъ въ домъ.

Блиа пшеничная тоже составляетъ принадлежность праздниковъ.

Топтунъ, кашный блинъ, изъ житной крупы, облитый масломъ, принадлежность дѣвичьей праздничной ватаги.

Пироги на сочняхъ изъ ячменной крупы. Крупу для сего вымачиваютъ въ молокѣ, кладутъ масло, все это перемѣшиваютъ и размазываютъ на сочни, края которыхъ загибаютъ зашипомъ; сочни для пироговъ дѣлаютъ продолговатые.

Калитки на сочняхъ—выливаютъ ячменное тѣсто, растворенное на дрожжахъ.

Мьловашки—квашенныя на дрожжахъ каровашки изъ ячменной муки.

Билый кисель изъ отрубей и мякны.

Пироги, печатанныя сочни, калитки, ломти хлѣба грудой кладутся на столъ противъ каждаго человѣка. При обѣдахъ сперва подаютъ рыбники, тамтусовые, изъ мѣстной рыбы, язенковые, лещевые, потомъ изъ сытой рыбы. Послѣ рыбы подаютъ кашу, яичницу и топтунъ, передъ каждой перемѣной подаютъ водку рюмками или стаканами, и вслѣдъ за водкою пиво. Въ пищу не употребляютъ медвѣжины, зайца, козла, свинины; изъ птицъ—куръ, лѣтуховъ, журавлей, лебедей, куликовъ; изъ рыбъ—не имѣющихъ на себѣ плеску и во лбу крестообразной кости, но налимы исключаются изъ числа нечистыхъ рыбъ хотя онъ и не имѣетъ плески.

Въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ пища народа однообразна, изысканности въ столѣ нѣтъ. Ѣдятъ обыкновенно три раза въ день, при чемъ въ 8 часовъ утра обѣдаютъ, въ 7 или 8 вечера ужинаютъ.

Завтракъ состоитъ въ скоромный день или изъ крынки молока, или каши—поварихи (густо замѣшивается и варится ячная мука на водѣ) съ молокомъ и масломъ; а въ постный день изъ трески.

Обѣдъ и ужинъ въ скоромный день состоитъ изъ трески, или пияшуй, шей и молока.

Уха тресковая составляетъ первое блюдо въ будень и праздникъ. Щи приготовляются изъ крупы или муки ячной, сваренной на молокѣ или водѣ.

Постный столъ состоитъ изъ трески, крупянки и на закуску кислой опары (изъ ржаной муки) или разсола (испаренной и толченой рѣпы), зажиточные же ѣдятъ картофель, ягоды, толокно.

Въ воскресные и праздничные дни каждая хозяйка стряпаетъ шанги изъ ячной муки, и приготовляетъ лишнее противъ будничнаго стола блюдо: печетъ палтусину, яичницу, варитъ какую либо кашу.

Говядину ѣдятъ рѣдко и мало, по непривычкѣ къ мясной пищѣ, и покупаютъ ее только къ народнымъ праздникамъ.

Пиво, вино и чай составляютъ необходимую принадлежность съѣзжихъ праздниковъ, а потому и богачъ, и бѣднякъ все это заготовляютъ на праздникъ въ изобиліи. И чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ болѣе требуютъ гости изысканности въ столѣ; бѣдно празднуютъ, когда за обѣдомъ и ужиномъ перемѣнъ по 7 блюдъ; на богатомъ обѣдѣ бываетъ перемѣнъ отъ 10 до 13-ти: треска, пироги, палтусій, семужій, холодное изъ рыбы, студень, щи, жаркое изъ говядины, рыбникъ, каша, блинный пирогъ, пожалуй яичница, сладкій пирогъ.

Не менѣ этого приготовить и въ постный праздник; за богачемъ типется бѣднякъ, и часто тратитъ послѣднюю копѣйку, а иногда и кредитуется, только бы отпраздновать праздникъ «не хуже людей».

Кромѣ народныхъ праздниковъ пива не варятъ, и для питья въ праздникъ и будни употребляютъ изъ ячменной муки, или ржаныхъ отрубей—квасъ. Зажиточные каждый день пьютъ чай.

У крестьянъ Лисестровскаго прихода употребляется ежедневная пища въ постные дни: хлѣбъ большею частію ячменный или житный, въ рѣдкость ржаной, похлебка изъ картофеля или изъ другихъ овощей, иногда уха изъ навага и сельдей и каша съ постнымъ масломъ; въ скоромные дни: треска въ скоромномъ маслѣ, похлебка изъ картофеля; въ праздничные дни: треска съ масломъ, уха изъ окуней или сорогъ, каша съ масломъ и палтусина, пироги, шанги и молоко, и изрѣдка мясо.

Питье: квасъ и вода; а въ праздники: пиво изъ ячменнаго солода и частію водка.

Пища Сумлянъ въ скоромные дни: а) соленая палтусина (жареная, вареная и въ пирогахъ); б) соленая и сухая треска; соленую поджариваютъ съ яйцомъ въ молокѣ, также употребляютъ въ пирогахъ и варятъ, а изъ сухой трески готовятъ щи, съ примѣсью овсяной крупы; в) коровье и оленье мясо, а также мясо дикихъ птиц: утокъ, рябчиковъ, глухарей, тетеревей и другихъ; изъ мяса коровьяго и оленьяго готовятъ щи съ примѣсью небольшой доли крупы, а иногда и капусты; изъ мяса птиц жаркое, а изъ коровьихъ ногъ — студень; г) варятъ на молокѣ кашу изъ пшена, гречихи, крупы: овсяной, манной и ячменной; чаще же готовятъ пшеничную; д) варятъ и жарятъ въ маслѣ картофель. Въ праздники стрипаютъ изъ ячменнаго крупчатаго теста, съ подливою сверху растертымъ картофелемъ, пшеномъ, крупой съ примѣсью смѣтаны, шанги или растегаи. Последніе отличаются отъ шанегъ тѣмъ, что имѣютъ продолговатую форму.

Изъ соленыхъ рыбъ, кромѣ упомянутыхъ выше, употребляютъ: голецъ, губатка и семга; а изъ свѣжихъ: налимы, шуки, окуни, сига, ряпушка, ерши, наваги, сельди и камбалы (изъ всѣхъ поименованныхъ рыбъ

болѣе варятъ уху и только изрѣдка въ праздники дѣлаютъ жаркое).

Въ посты и постные дни употребляютъ: а) горохъ, который варятъ съ половиною долею овсяной крупы; б) соленые волнухи и грузди; в) изъ ягодъ: морошку и бруснику, (первую ѣдятъ въ будни съ квасомъ а въ праздники съ медовымъ взваромъ); г) соленую и свѣжую рыбу; д) кашу по большей части пшеничную съ постнымъ масломъ; е) изъ овощей: рѣпу, брюкву, рѣдьку и картофель съ масломъ. Изъ приправъ въ употребленіи: лукъ, хрѣнъ, горчица, перецъ, чеснокъ и укусъ; послѣдній употребляется рѣдко, да и то зажиточными жителями. Изъ напитковъ въ употребленіи: чай, въ скоромное время со сливками, шангами или растегаями, или же съ булкою; въ постные дни съ лимономъ и безъ него. Кофе пьютъ только въ богатыхъ домахъ и то очень рѣдко; многіе же считаютъ его напиткомъ воспрещеннымъ. *)

Изъ хмѣльныхъ напитковъ въ употребленіи въ зажиточныхъ домахъ: ликеръ или по народному «литера» хересъ, различныя наливки **) какъ-то: кюмель, кievская, малиновка, вишневка, преимущественно же употребляютъ ромъ; въ бѣдныхъ домахъ по большей части пьютъ горѣлку и развѣ изрѣдка, по какому нибудь болѣе радостному случаю, засѣдаютъ за бутылкою рома; пиво варятъ рѣдко и то плохое. Порядокъ наиболѣе соблюдаемый въ употребленіи кушанья слѣдующій: въ скоромные дни уха изъ навага и самая навага; треска зажаренная съ яйцомъ въ молокѣ или въ кулебякѣ; потомъ кулебяка съ зубашкою или съ палтусиною: далѣе (если есть) кулебяка съ семгою, потомъ каша съ масломъ (иногда подаютъ ее съ молокомъ) и наконецъ, если есть, морошка съ шангюю или съ бѣлымъ хлѣбомъ, или же молоко съ шангюю.

Въ постные дни подаютъ: а) волнухи ***) или грузди, б) горохъ, в) толокно, и г) морошка или брусника.

*) Говорятъ, что кофе выросъ изъ Иудовой утробы.

**) Наливки и вина вывозятся изъ Норвегіи, частію же покупаются изъ имѣющагося въ посадѣ погреба для продажи виноградныхъ винъ.

***) Иногда вмѣсто волнухъ ставятъ рыбу.

ГЛАВА V.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Общее описание свадебных обрядовъ, существующихъ въ Пинежскомъ уездѣ, составленное П. А. Ивановымъ.— Свадьба въ селѣ Суръ, Бирючевской волости того же уезда, описанная крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ.— Три свадебныя причитанія: два изъ Пинежскаго уезда и одно изъ Шенкурскаго.— Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уездѣ, сообщенное К. Шабунинымъ.— Свадьба въ селѣ Ракулѣ Холмогорскаго уезда, описанная крестьяниномъ Дожгуровымъ.— Свадьба въ селѣ Кургоминскомъ, Шенкурскаго уезда, описанная крестьяниномъ Сысоевымъ.— Свадебные обряды, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уезда, сообщенные священникомъ Алексеевымъ.— Свадьба въ селѣ Пингипахъ Холмогорскаго уезда, описанная священникомъ Колчинымъ.— Свидѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгаскаго прихода, Шенкурскаго прихода. Свадьба на Зимнемъ Берегу Архангельскаго уезда, описанная священникомъ Вл. Розановымъ.— Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Курейско-Сергѣевскомъ приходѣ Холмогорскаго уезда.— Свадьба въ Сузскомъ посадѣ Канскаго уезда.— Свадебные обряды мѣщанъ города Онеги, записанные со словъ одной мѣщанки въ тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фризе.— Свадьба мѣщанъ города Мезени, описанная бывшимъ студентомъ Никольскимъ.

Описание свадебныхъ обрядовъ, существующихъ у русскаго населенія въ Архангельской губерніи, доставлены были П. С. Ефименку изъ девяти мѣстностей, принадлежащихъ къ уездамъ: Пинежскому, Шенкурскому, Холмогорскому, Онежскому, Архангельскому, а также изъ Сузскаго посада, городовъ Онеги и Мезени.

Начнемъ съ описанія свадебныхъ обрядовъ, существующихъ вообще въ Пинежскомъ уездѣ и описанныхъ П. А. Ивановымъ.

Вступленіе въ супружество, говоритъ г. Ивановъ, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ обстоятельствъ въ жизни сельчанина, составляетъ самые важные часы самаго лучшаго счастья, а бракъ сопровождается самыми затѣйливыми обрядами и никогда семейная жизнь не облекается такимъ блескомъ, какъ въ эти торжественныя минуты, особенно когда свадьба *ведется* у холостого съ небывшей еще въ замужствѣ.

На свадьбѣ любятъ щегольнуть хлѣбосолецтвомъ, попойками, любятъ похвастать нарядами и не жалѣютъ ничего на раздольѣ. И потому затѣйливые и съ тѣмъ вмѣстѣ старинные обычаи и обряды очень занимательны; прослѣдить же за каждою особенностію—занятіе довольно сложное и не безъ затрудненій. А между тѣмъ патриархальныя обряды, мало по малу измѣняются и изъ употребленія вытѣняются новыми обычаями.

Сватовство идетъ чрезъ избраннаго женихомъ *свата*. Сватомъ бываетъ или родственникъ жениха, а иногда и

невѣсты, или же *бывалый* сосѣдь, т. е. бывавшій не одинъ разъ сватомъ. Вообще дѣлается: какъ бы ловчѣе, какъ бы сподручнѣе удалось *сватовство*.

Сватъ первоначально призывается въ домъ жениха, здѣсь происходитъ совѣщаніе родителей жениха со сватомъ, и родители благословляютъ сына на женитьбу, свать же подкуетъ водкой. Затѣмъ свать отправляется въ домъ родителей невѣсты, обыкновенно молится по приходѣ Богу и поздоровавшись съ домашними, остается у порога, не проходя далѣе *воронца*, пока невѣстины родители не пригласятъ его *присѣсть*, говоря, что въ *ногахъ правды нѣтъ*.—Такъ да сякъ въ разговорахъ свать объясняетъ причину своего прихода. Вскорѣ является на столъ угощеніе, и свать, подъ влияніемъ постоянного *потчиванія* попойкою, изливаетъ все свое краснорѣчіе о лучшихъ достоинствахъ жениха, съ прибауткою: *давай—по рукамъ, -да и въ баню*.

Разумѣется, за согласіемъ не стоитъ дѣло. Родители уже знаютъ, что дѣвка ненадежный товаръ, залежится съ цѣны спадеть, а парни по деревнямъ всѣ равны, одинъ не лучше другаго, всѣ на одну колодку дѣланы,—а также и пословицы: *суженаго конемъ не обѣдьешь, или суженый уродъ будетъ у воротъ*. Но ужъ это таково обыкновеніе, положительнымъ *да* или *нѣтъ* бываетъ всегда неопредѣленная отсрочка, чтобы не оскорбить сватающихъ скорымъ отказомъ, а скорымъ согласіемъ не ввести себя подъ сомнѣніе.

Поблагодаривъ по приличію свата за *необходѣ ихъ дочи* (дочери), свать уходитъ отъ невѣстинныхъ родителей съ извѣстіемъ къ жениху.

Послѣ этого женихъ и родители его остаются въ ожиданіи результата *сватовства съ невѣстиной стороны*.

Впродолженіе всего времени, взятаго на *отсрочку*, родители невѣсты обдумываютъ, нѣтъ-ли какихъ препятствій съ своей стороны къ выдачѣ въ замужество дочери, узнаютъ мнѣнія о свадьбѣ своихъ родственниковъ и вообще—*обсуждаютъ къ лучшему*.

Достоинства жениха въ расчетъ принимаются по слѣдующимъ условіямъ: богаты, или бѣдны родители его, соображаясь съ своимъ достояніемъ,—каковъ домъ и хозяйство,—мала или велика *семья* у жениха,—работчъ или лѣнивъ женихъ,—*пьющъ* или воздержный отъ излишества, а также: старъ или молодъ, здоровъ или хилъ, красивъ или уродъ, каковъ *характеромъ* (поступками) въ трезвомъ видѣ и *во всечасію*, уменъ (смѣтливъ, благоразуменъ и трудолюбивъ) или дуракъ (глупъ, вѣтреный и идіотъ).

Собравъ всѣ свѣдѣнія и сообразившись съ своею возможностью, родители невѣсты извѣщаютъ жениха о днѣ, въ который онъ можетъ узнать *вѣрное*: отказъ (несогласіе), или приказъ (согласіе), тотъ день называется *пропомъ, рукобитьемъ и зарученьемъ*, а согласиться на выдачу въ замужество—значитъ *пропить, просандалить* и просватать дѣвку.

Въ назначенный день *рукобитья* у невѣсты собираются ближайшіе родственники. Они и отецъ невѣсты отсюда отправляются къ жениху.

Если отъ родителей невѣсты объявленъ присутствующимъ *приказъ*, до обѣда или послѣ него, въ домѣ жениха начинается *пропиванье*. Тогда до такой степени напиваются спиртныхъ напитковъ, что бывали случаи, что изъ честныхъ гостей отправлялись скоростижно на тотъ свѣтъ и именно пьютъ такими стаканами, что въ каждый входитъ 5¹⁰⁰ ведра, или прямо *изъ братынь*.

Отъ жениха онъ, отецъ его, сватья и пріѣзжіе гости ѣдутъ въ домъ невѣсты на *смотрины*.

Родители невѣсты, зная что пріѣздъ будетъ, принимаютъ *честныхъ* гостей съ доступными почестями, выходятъ къ крыльцу навстрѣчу, низко кланяются въ поясъ, сажаютъ перекрестившихся гостей на почетныхъ мѣстахъ за столъ.

Между этимъ церемоніаломъ передъ образами зажигаются свѣчи, тогда всѣ встаютъ съ мѣсть *кланяются въ землю* и свать съ отцомъ невѣсты, перекрестившись схватываются правыми руками, т. е. *бьютъ по рукамъ*. При этомъ, свать захватываетъ полу, или рукавъ своего кафтана или сибирки, а мать невѣсты или другіе родственники *разнимаютъ руки ихъ*. Иногда на рукобитѣ бываетъ священникъ съ крестомъ. Послѣ рукобитья

краткій уговоръ заключается на словахъ. Условія обьяняются на словахъ, никогда на письмѣ.

Послѣ *зарученья* всѣ садятся за накрытый и заблаговременно приготовленный столъ, указывающій на гостеприимство хозяина. Первое мѣсто за столомъ занимаетъ *священникъ*, потомъ жениховъ отецъ, женихъ, свать и прочіе родственники по старшинству. Тутъ идетъ угощенье, женихъ беретъ поднось и *подноситъ вино* будущимъ тестю, тещѣ и невѣстѣ, при чемъ послѣдней *даритъ кольцо* и приноситъ подарки въ гостинцахъ *). Затѣмъ онъ *чествуетъ*, (подчуетъ, продолжаетъ подносить водку) всѣхъ родственниковъ и родственницъ, сперва невѣстинныхъ, а потомъ своихъ.

При зарученіи невѣста выноситъ на поднось *дары*, т. е. шелковыя или бумажныя перчатки, смотря по состоянію. Сперва подноситъ священнику, потомъ жениху и свату. Надо не забыть, что свата въ сватовствѣ замѣняетъ ловкая баба-сватья.

Когда все то исполнится, усаживаются снова за столъ—тогда-то и идетъ *свадебный столъ*.

Свадебный съговоръ—есть окончательное согласіе на вступленіе въ брачный союзъ, уговоръ *однѣ выщанія*, сроки которому бываютъ различныя, и прочихъ свадебныхъ кондиціяхъ: *приданомъ, дарамъ*, расходахъ и проч. Но въ виду моемъ бывали случаи, что все сватовство и свадьба продолжались четыре или семь дней.

Приданое бываетъ отъ невѣсты жениху, оно важное условіе въ свадьбѣ. Въ приданое поступаютъ: постель, платье, домашняя утварь, украшенія, деньги и иногда недвижимое имущество. Пословица: *денежка на столъ, такъ и дѣвушка за столъ*.

Какъ скоро дѣвушка бываетъ просватана, на нее накрывается *фата*. Съ тѣхъ поръ она не занимается почти никакою домашнею работою и нигде не выходитъ изъ дому,—ни въ гости, ни на игрища, ни въ церковь, хотя-бы свадьба отложена на довольно продолжительное время.

Съ зарученья съ обѣихъ сторонъ начинаются приготовления къ свадьбѣ: варится пиво, закупается водка, *покупки* (все нужное), *дары* и проч.

Въ то же время *снаряжаются свадебные чины*:

1). *Священникъ*, который будетъ совершать таинство брака. Къ нему ходитъ женихъ, или отецъ его, обьявляетъ о свадьбѣ, условливается о днѣ бракосочетанія и проситъ быть на свадьбѣ.

2). *Благословенный отецъ*. Имъ бываетъ родной отецъ жениховъ, а если нѣтъ въ живыхъ, то:

3). *Посаженымъ отцомъ* бываетъ крестный отецъ, (т. е. воспріемникъ его), а иногда и другой по приглашенію.

*) Водку женихъ привозитъ самимъ купленную.

4). *Тысяцкій*. Имъ бываетъ болѣе крестный жениха (воспріемникъ его), а иногда и другой по приглашенію.

5). *Благословенная мать*—есть родная мать неvěсты, но если ея не имѣется въ живыхъ, то:

6). *Посаженою благословенною матерью* бываетъ божатка неvěсты (крестная мать ея).

7). *Сваты*, или *сватья* жениховы, они уже выбраны.

8). *Подвѣчная сватья* жениха избирается неvěстою изъ ближайшихъ родственницъ. Сватья эта бываетъ при неvěстѣ.

9). *Запостельная сватья*—это постельная проводница со стороны неvěсты.

10). *Дружки* или *повозники*—шафера.—Ихъ бываетъ два, по одному съ каждой стороны. Они избираются изъ щеголеватыхъ ходостыхъ родственниковъ, или же знакомыхъ. На рукавахъ ихъ кафтановъ, или сибирокъ привязываются или пришиваются *банты*, т. е. розовыя ленточки. Старшій изъ дружекъ бываетъ съ жениховой стороны,—у него перевязывается правый рукавъ. У младшаго же, съ неvěстиной стороны, лента бываетъ на лѣвомъ рукавѣ.

11). *Проводники*.—Со стороны жениха. Это родственники и друзья его, которые провожаютъ съ нимъ холостую жизнь и провожаютъ свадьбу къ вѣнцу.

12). *Поѣзжане*. Это мужчины, родственники и знакомые съ неvěстиной стороны, участвующіе въ свадьбѣ. Поѣзжане—родители и подружки неvěсты, которые ѣздятъ осматривать житье-бытье жениха.

13). *Праворучницы* и *лѣворучницы*. Ими бываютъ дѣвушки, приглашенныя неvěстою провести послѣдніе дни ея дѣвственности, съ которыми она въ дѣвчествѣ водила дружбу и знакомство. Праворучницы сидятъ въ комнатахъ неvěсты по правую руку ея, потому что были *хорошія подружки*, а лѣворучницы по лѣвую руку, потому что были такъ *себѣ, по середкѣ*.

14). *Плачи*.—Это женщины, знающія всѣ свадебныя пѣсни и хорошо поющія ихъ; онѣ еще называются *пльвулами*. Ихъ приглашаютъ нарочно, а другія сами приходятъ безъ зова. За труды имъ *даютъ деньги и десертъ*.

15). *Вѣжливый*, или *клятникъ*, колдунъ *). Обязанность охранять *свадьбу отъ порчи*. Онъ осматриваетъ всѣ углы дома, пороги, пересчитываетъ камни въ печи, *кладетъ замокъ* подъ порогъ, дуетъ на скатерть, одувааетъ, оговариваетъ, отвѣдываетъ каждое кушанье, читаетъ наговоры, нашенчиваетъ разныя слова въ одежду, дѣлаетъ привѣски къ крестамъ повобрачныхъ, нашенчиваетъ надъ сбруею лошадей при повозѣ свадьбы (чтобы разрушить чары другаго колдуна). Все это дѣлается для

*) Не вездѣ, да вообще и рѣдко его выдаютъ, на некоторыхъ только свадьбахъ.

благополучія свадьбы, чего нельзя достигнуть обрядомъ колдуна: или лошади стануть (остановятся и не поѣзжать), либо распрягутся, либо поѣздъ свѣту не увидитъ, либо лошади начнутъ рваться, замѣтатъ снѣгомъ, или лѣтомъ—пылью, либо колеса съ телѣги спадутъ.

и 16). *Поваряне*. Это посторонніе люди, зрители и приходящіе послѣ вѣнца въ жениховъ домъ попить вина и пива.

Между тѣмъ, подружки въ неvěстиномъ домѣ *напиваются то и се* въ приданое, а по приближеніи дня вѣчанія, домашнія женщины готовятъ во множествѣ пищу.

Если бы во время приготовленій полученъ былъ отказъ съ которой либо стороны (а это иногда случается и даже по уважительнымъ причинамъ), то обиженная (получившая отказъ) сторона требуетъ убытки свои. Такой отказъ *сверхъ причиненія убытковъ считается личною обидою*; но такъ какъ у поселянъ нѣтъ гордости и нѣтъ амбицій, то обидя забывается миромъ по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ.

Браку предшествуетъ *дѣвичникъ*, или какъ еще называютъ: *обручанье, смотрины, подсвадебье*.

Канунъ этого дня родители и подружки неvěсты ѣздятъ въ домъ жениха по обычаю посмотреть его *житье-бытье*. Женихъ встрѣчаетъ *пріѣзжанъ* съ почетомъ и подчуетъ водкою и десертомъ.

Передъ этимъ къ жениху приходятъ изъ своей деревни женщины мыть пѣзу, женихъ угощаетъ ихъ *виномъ*.

Въ этотъ же день неvěста съ подругами, если у ней умерли родители, *ѣздитъ къ ихъ могиламъ*. На нихъ она плачетъ и проситъ позволенія умершихъ родителей на выходъ въ замужество.

Съ кладбища они ѣдутъ къ *невѣстинымъ родственникамъ*. Здѣсь неvěсту и ея свата подчуютъ разными лакомствами, а неvěста во время пѣсенъ рыдаетъ и обвивается руками за шею попеременно каждаго находящагося въ тѣхъ домахъ, куда пріѣзжаютъ они. Всякій, кого *обойметъ* неvěста, долженъ дать ей сколько нибудь денегъ (отъ 3 до 50 коп.).

Когда такъ объѣзжаютъ всѣхъ родственниковъ (разумѣется только близко-живущихъ) неvěсту привозятъ домой и оставляютъ ее тамъ. Подружки же и другія женщины—*пльвулы* усаживаются на нѣсколько сапей, или телѣгъ и тихо ѣздитъ на лошадяхъ по улицамъ съ пѣснями; такая поѣздка бываетъ по-вечеру. Кроме того *отпльвальныя пльви* поются произвольно всякою женщиною въ своемъ домѣ во всякое время. Вечеромъ этого дня женихъ и неvěста мѣются въ баняхъ.

Въ дѣвичникъ, находящіяся у неvěсты подружки-дѣвушки *пришиваются повозникамъ банты* (знакъ), при этомъ дѣвушки дружекъ *показываютъ бубавками и игол-*

ками, а чтобы онѣ не кололи болѣе, *откупаются отъ нихъ*, т. е. даютъ имъ гостинцу.

Послѣ этого дружки уѣзжаютъ на лошадахъ *зазывать* (приглашать на свадьбу) извѣстныхъ родныхъ и знакомыхъ.

Съ утра того дня, въ который положено быть под-свадебью, начинаютъ собираться въ домъ жениха всѣ его родственники и знакомые. Когда всѣ *званые* соберутся и придетъ священникъ то всѣ усаживаются за приготовленный уже столъ; но это дѣлаютъ только для виду. Потомъ всѣ вскорѣ встаютъ съ своихъ мѣсть и женихъ всѣмъ кланяется и подноситъ въ *стаканыхъ* вино.

Послѣ сего священникъ ограждаетъ жениха крестомъ и у иконъ затепляется лампада и зажигаются свѣчи. — Потомъ *отецъ благославляетъ жениха иконою, а мать хлѣбомъ-солью*. Затѣмъ всѣ поѣзжаше-проводники и свадебные чины усаживаются въ нѣсколько саней, или телѣгъ, запряженныхъ въ пары лошадей, къ дугамъ привязываются по нѣсколько на каждую *малиновыгъ колокольчиковъ, бубенчиковъ, шаркуновъ и позвонковъ*.

Весь поѣздъ по вечеру *пѣдетъ къ невестѣ*.

Въ домѣ невесты въ *подсвадебье*, или въ *большій смотрины*, т. е. наканунѣ свадьбы, также собираются ея родственники, непрѣмные члены свадьбы, знакомыя подруги и посторонніе. Любопытнаго народу вообще стекается *подъ свадьбу* множество и отъ того бываетъ тутъ чистый гвалтъ: говоръ, смѣхъ, шумъ, пѣсни, тѣснота и давка. Если *свадьба справляется* зимою, то въ особой комнатѣ, или же въ особомъ домѣ, собирается *вечеринка*, если же свадьба бываетъ лѣтомъ, то мужчины и женщины играютъ въ *разныя игры* въ сѣняхъ, на повѣти, т. е. на улицѣ.

Столъ и всѣ обычныя церемоніи ведутся въ большой, просторной избѣ, невеста же находится въ особой комнатѣ.

Къ пріѣзду жениха на *свадебный столъ* разстилаютъ *браную скатерть*, на нижній (не въ переднемъ углу коонецъ) стола кладутъ одинъ, на другой два ржаные хлѣба, особо испеченные про свадьбу и называемые *столовиками*. На другой коонецъ вполѣдствіи кладутся свадебные *пряники* — подарки невестѣ отъ жениховыхъ гостей.

Какъ скоро въ домѣ невесты услышится звукъ колокольчиковъ женихова поѣзда, немедленно и крѣпко на нѣсколько запоровъ, затворяются ворота въ домъ и ставни у оконъ. Пріѣхавшій къ дому женихъ съ товарищами *сильно стучится* въ ворота, но въ домѣ никто не отворяетъ воротъ нарочно, будто бы не слышать стуку. Потомъ жениховы проводники берутъ *стягъ* (оглоблю, или подобный ей стягъ), и имъ колотятъ во всю мочь объ уголь дома, близъ запертыхъ ставнями оконъ. Наконецъ ворота отворяются, и родители невесты съ родственниками и гостями встрѣчаютъ жениха и его родню въ сѣняхъ съ нѣсколькими зажженными свѣчами. Женихъ вы-

ходитъ изъ повозки, оправляетъ свое платье и волосы и крестясь входитъ въ сборную комнату, зрители отступаютъ, дѣлаютъ для *дорогихъ гостей* свободный ходъ и пѣвули затягиваютъ хоромъ заученныя пѣсни. За женихомъ входятъ и прочіе пріѣхавшіе и всѣ усаживаются за *убранный столъ*. Тогда будущій тестъ подаетъ всѣмъ пріѣзжимъ и пришедшимъ съ подноса пиво, а женихъ, стоя за столомъ, при каждомъ подносѣ постоянно кланяется.

Между тѣмъ невеста умывается и одѣвается въ лучшее платье. Когда нарядъ невесты бываетъ оконченъ, тогда она, покрытая фатой (шелковою шалью) *выводится* отцомъ, матерью и сватьею въ избу, гдѣ находится женихъ; *переходя черезъ порогъ*, невеста крестится. *Всѣ четверо становятся* на средину избы, молятся Богу и невеста съ сватьею вдругъ низко раскланиваются на всѣ четыре стороны, гости же, сидящіе за столомъ, не сходя съ своихъ мѣсть встаютъ, — значить — привѣтствуютъ.

Вскорѣ женихъ выходитъ изъ-за-стола и становится рядомъ по правую руку съ невестою, которой даютъ подносъ съ *рюмками, наполненными виномъ*. Она беретъ его и водкой подчуетъ жениха, тысяцкаго, своихъ и жениховыхъ родителей и каждаго, находящагося за столомъ. На подносъ нѣкоторые кладутъ деньги, и женихъ даритъ невестѣ башмаки.

Въ это время *приплакиваютъ* т. е. поютъ *плачи* (пѣсенницы) жалобныя пѣсни, въ которыхъ высказывается будущая участь невесты, тоска разлуки съ родителями и подругами, неизвѣстная будущность и проч. Плачаемъ тогда дружки даютъ деньги и на подносѣ разныя приносы. Когда невеста окончитъ свое *чествованіе*, такимъ же образомъ начинаютъ подносить вино жениха, но не въ рюмкахъ, а въ стаканыхъ всѣмъ родственникамъ. Во все это время невеста кланяется въ поясъ.

По окончаніи женихомъ подчиванья невеста со сватьею уходитъ къ проводницамъ въ свою комнату, за ней идутъ плачи. Женихъ же и всѣ гости садятся снова за столъ и начинаютъ кушать. Но какъ во время *смотринъ* жениха не гостятъ долго за столомъ невесты, то всѣ вскорѣ расходятся изъ дома невесты. Передъ тѣмъ подчуютъ пивомъ всѣхъ, кто пришелъ посмотреть на подсвадебье.

Между тѣмъ собравшіяся въ особой комнатѣ, куда пошла невеста, дѣвѣцы садятся за столъ, *набранный* единственно для нихъ, а невеста подчуетъ праворучницъ и лѣворучницъ изъ братыни пивомъ. Здѣсь дѣвушки причитаютъ *пріѣхамъ*.

Дѣвичникъ со всѣми обыкновеніями оканчивается передъ самымъ утромъ.

Какъ вѣчаніе болѣе происходитъ до полдня, то и женихъ на другой день дѣвичника *пріѣзжаетъ* за невестою по утру не поздно. Онъ одѣвается къ вѣнцу въ самое лучшее и нарядное новое платье.

Замѣтивъ подъѣздъ жениха, невѣста уходитъ изъ той комнаты, гдѣ накрытъ столъ для жениха.

Женихъ входитъ въ домъ невѣсты обыкновенно послѣ тысяцкаго, который съ собою приноситъ икону, и всѣ гости сажаются за столъ.

Невѣста же въ ту пору умывается и одѣвается къ вѣнцу въ наилучшее платье, при чемъ навѣшивается какъ можно болѣе украшеній. При готовности же ея вводятъ въ комнату, гдѣ ожидаетъ женихъ.

При видѣ этого, женихъ выходитъ изъ-за стола, подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руку и ведетъ за столъ; затѣмъ женихъ и невѣста садятся рядомъ, а гости: мужчины на сторонѣ жениха, выше къ переднему углу, а женщины на сторонѣ невѣсты ниже. За столомъ пьютъ пиво. Во время этого стола невѣста даритъ повозняковъ платками. За столомъ при пѣсняхъ (напр. *«чтобъ тебя сватушка повытрясло»*) женихъ и невѣста постоянно кланяются. Невѣста подъ фатой плачетъ, таково уже обыкновеніе, а если нѣтъ охоты плакать, то нѣкоторые намазываютъ вѣки глазъ чесноковкой лука, чтобы лились слезы.

За столомъ женихъ и невѣста, передъ окончаніемъ обыкновеній предъ вѣнцомъ, встаютъ и выходятъ изъ-за стола на середину избы. Тогда *отецъ* беретъ съ божицы образъ, а мать со стола хлѣбъ, ими благословляютъ *зарученныхъ*, приговаривая со слезами жалости: «дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь».

Послѣ этого женихъ и невѣста съ провожанами отправляются въ церковь. Тогда же въ домъ жениха увозится банникъ, т. е. хлѣбъ, соль и жареная нища, зашитые въ чистую полотняную скатерть.

На самыхъ простыхъ свадьбахъ, брачующіе не ходятъ пѣшкомъ ни въ церковь, ни изъ церкви, а всегда ѣздятъ на лошадахъ, а болѣею частію на парахъ. Лошадей подъ жениха и невѣсту ѣхать къ вѣнцу поставляютъ родители послѣдней.

Впередѣ всей церемоніальной процессіи, составляющей изъ огромнаго поѣзда обрученныхъ и деревенской рѣзни, съ множествомъ гудящихъ подъ дугами, на оглобляхъ и на шеяхъ лошадей колокольчиковъ, шаркуновъ, бубенчиковъ, позвонковъ—ѣдутъ въ саняхъ, телѣгахъ, или верхомъ на лошадахъ повозки съ отпущенными на рукавахъ лентами. Они бросаютъ попадающимъ на пути людемъ: витушки, калачи, закуски и пряники, вѣроятно для благополучнаго доставленія поѣзда.

Вслѣдъ за друзьями ѣдутъ *безъ шапокъ* *) женихъ и тысяцкій съ иконой, которую онъ держитъ въ рукахъ съ платкомъ; далѣе закрытая фатой невѣста съ *подвѣличной сватьей*, которая весь путь до церкви кланяется;

*) Шапка у жениха бываетъ «богатая» съ высокимъ верхомъ и широкимъ околышемъ, выше и шире чѣмъ у обыкновенно носимой. Если не бываетъ своей, занимаютъ у другихъ.

а за ними ѣдутъ всѣ остальные участвующіе въ свадьбѣ. Въ поѣздѣ замѣчаютъ, что если на пути ѣдущимъ жениху и невѣстѣ встрѣтится идущій возъ съ дровами—*нельзя ожидать счастья въ жизни новобрачныхъ*.

Когда женихъ и невѣста уѣзжаютъ въ церковь, тогда съ домъ жениха увозятся сундуки съ приданнымъ и постель. Съ кладью этою отправляется *запостельная сватья* *).

По пріѣздѣ въ церковь женихъ и невѣста становятся на паперти. Если поѣздъ прибылъ въ церковь не во время службы, то тысяцкій ходитъ съ просьбою къ священнику въ домъ.

Въ паперти сватья расплетаетъ косу и обвязываетъ распушенные волосы лентою.

За написаніе обыска священноцерковнослужителями *раздѣляются дружки*.

Расходъ за зажженіе свѣчей въ всячемъ паникадилѣ и вообще подобные расходы несетъ тысяцкій. Потому-то въ званіе это избираются такіе, чтобы они въ состояніи были исполнить всѣ требованія, *не подгадили* свадьбы.

Невѣста и въ церкви бываетъ закрыта до обрученія *союзными кольцами*.

Послѣ этого женихъ и раскрытая уже невѣста уводятся въ церковный предѣлъ. Женихъ становится на срединѣ противъ царскихъ вратъ по *правую руку* и съ нимъ тысяцкій, а невѣста съ сватьей по *лѣвую руку*. Жениху и невѣстѣ неприлично говорить во все время священнаго обряда, кромѣ того, какъ спрашиваетъ священникъ. Когда вѣнчаютъ, подъ ноги жениха и невѣсты по полу въ церкви постилаютъ или ситецъ, или *простой холстъ*. Постилка эта поступаетъ въ пользу церковныхъ служителей. День свадьбы и вѣнчаніе, т. е. бракосочетаніе называется *вѣнцомъ*.

Таинство брака одинаково исполняется, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Когда обручающимся налагаютъ вѣнцы, въ ту самую пору приглашенные со стороны невѣсты *проводницами дѣвушки* послѣшно уходятъ изъ церкви, будто боясь, чтобы имъ на головы не наложили брачныхъ вѣнцовъ. Изъ церкви эти дѣвушки уѣзжаютъ въ домъ родителей невѣсты и тамъ угощаются на ихъ счетъ. Потомъ, покатавшись не долго на лошадахъ по улицамъ, разъѣзжаются по своимъ домамъ.

Замѣчаютъ, что если при бракосочетаніи что нибудь упадетъ—образъ-ли, свѣча-ли, а наипаче кольцо, вѣнецъ и прочее, то обручающіеся жить будутъ нехорошо **).

Свѣчи, которыя во время брака держатъ въ рукахъ женихъ, невѣста, тысяцкій и сватья, по потушеніи огня,

*) Приданое заготавливается еще ранѣе сватовства, а послѣ его только пополняютъ.

***) 36 прим. Силивер. въ Арх. Губ. Вѣд. № 44—1865 г.

не оставляются въ пользу церкви, а молодые увозятъ съ собою; онѣ сохраняются дотолѣ, пока который либо изъ *бракосочетавшихся* не умретъ, тогда и онѣ ломаются. Кроме того замѣчаютъ, что у кого изъ *брачущихся* во время вѣнчанія сгоритъ свѣчи болѣе чѣмъ у другаго, тотъ изъ нихъ прежде умретъ въ супружествѣ.

Послѣ совершенія церковнаго чиноположенія духовнаго брама, молодые тутъ же въ церкви соединяются поцѣлуемъ. Цѣлуются съ новобрачными и другіе. Тутъ поздравляютъ ихъ съ *законнымъ* бракомъ.

Такъ какъ съ замужествомъ волосы скрываются у женщинъ, то послѣ бракосочетанія невѣсту *крутятъ* на паперти, т. е. сватья (ее называютъ крутельщицей) заплетаетъ изъ волосъ ея двѣ косы и на голову надѣваетъ повойникъ.

Когда кончится таинство брака, *дружки увѣзжаютъ* въ домъ жениха, чтобы извѣстить его родителей, что *молодые обвѣнчаны* счастливо. Тогда въ домѣ жениха начинаются приготовления.

Новобрачные называются *молодымъ и молодою*, также *княземъ и княжиною*, а въ пѣсняхъ первый величается *царевымъ* сыномъ, послѣдняя же *царевною*. Послѣ свадьбы вышедшую въ замужство зовутъ *молодицею*.

Изъ церкви молодая выходитъ вмѣстѣ съ молодымъ, закрытая шалью. Оба они безпрестанно кланяются. По приѣздѣ отъ вѣнца въ жениховъ домъ, отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ встрѣчаютъ молодыхъ. Ими они благословляютъ молодыхъ.

Когда домашніе жениха живутъ зажиточно, то по обычаю, при входѣ молодыхъ въ жениховъ домъ, разсыпаютъ по полу *жито*, чтобы богато жили.

Молодые и съ ними всѣ по приѣздѣ входятъ въ кабу и садятся за *княжій столъ*. Молодымъ на столѣ кладутъ *банникъ*, отправленный съ *свадебнаго стола*.

Вскорѣ невѣсту изъ-за стола уводятъ въ другую комнату *окручатъ*. Въ то же время запостельная сваха представляетъ доставленное ею *приданое*. Она сидитъ на всемъ приданомъ и не отдаетъ его, покуда не дадутъ ей *выкупа* по обычаю: водки, пива, пироговъ и проч.

Между тѣмъ молодая умывается, расчесываетъ волосы, переодѣваетъ другое платье, а на голову надѣваетъ *борникъ*, накрывшись *фатою*, приходитъ обратно и садится рядомъ съ молодымъ.

Столъ бываетъ — какъ говорится — *полнымъ полнешенекъ*. Къ столу *теща жениха* привозитъ отъ себя *блины*. Они составляютъ послѣднее кушанье. Ложки раздаются хозяйкою дома изъ чашки.

На торжество въ *жениховъ домъ* съѣзжаются почти рѣшительно всѣ родственники съ обѣихъ сторонъ; а уже извѣстно сколь велика родня у русскаго бываетъ! тутъ бываютъ и другіе приглашенные.

За большимъ этимъ столомъ пьютъ, ѣдятъ кому сколько хочется. Онъ продолжается необыкновенно долго.

Во время обѣда *молодая* со сватьею выходитъ изъ-за стола и на подносѣ подноситъ каждому сидящему за столомъ по *одному стакану пива*. Есть при этомъ отчасти обыкновеніе, что выкушавшій пиво долженъ опустить въ опорожненный стаканъ *серебряную* или *мѣдную* монету.

Во время-же стола молодая подноситъ *свадебникамъ* изъ ближайшихъ жениха родственниковъ *дары*. Даровъ бываетъ довольно много, смотря по зажиточности певѣстиныхъ родителей. Они суть: *скройки съ подкладью* (верхъ или маликъ сборника и изнанки), спитыя, или только скроенныя холщевыя рубахи, подштанники, платки, полотенца, матерію на жилеты, ситцы и холстъ на рубашки, платья и сарафаны, ленты и проч. Отцу жениха подносится чаще рубаха и подштанники, а матери его лучшей скроекъ женская рубаха.

Молодаго молодая даритъ въ послѣднихъ лучшимъ *платкомъ*. Его она кладетъ на подносимый стаканъ съ пивомъ, которое молодой выпиваетъ, а усы и ротъ утираетъ платкомъ.

По окончаніи стола, или впоследствии времени, *отдариваютъ молодую* иногда вдвое дороже полученнаго.

Между тѣмъ на *богатой свадьбѣ* ожидающимся на улицѣ *позорянамъ* выносятъ на улицу бочку пива и вино. Пиво пьютъ ковшомъ, а вино оловяниками.

За столомъ княжимъ молодые не ѣдятъ ничего кроме *каши*. Долго чаша съ кашей, приготовленная собственно для молодыхъ, стоитъ, испуская вкусный запахъ подъ носы ихъ, долго и молодые церемонятся падъ сею тонидѣло кланяясь, когда другіе пьютъ, ѣдятъ. Вотъ уже одну или двѣ чашки съ кашей и братыню пива, съ накладенными пирогами и шаньгами вынесли народу на улицу, — у нихъ все съѣдено и выпито, а чашки разбиты объ уголъ. Наконецъ молодой беретъ ложку съ кашей и схлебываетъ; потомъ онъ беретъ на ложку опять кашу и *подноситъ къ губамъ молодой*, уже раскрывшейся. Въ ту самую пору сватья накрываетъ молодой платокъ, подъ которымъ молодая *съдаетъ кашу*, какъ бы стыдясъ ѣсть на виду, и снова раскрывается.

Потѣшно, что въ кашѣ, подаваемой въ чашкѣ молодымъ, дѣлается на срединѣ ложкою нѣкоторое углубленіе, полное налитаго масла; вотъ изъ него-то беретъ кашу молодой, самъ ѣсть и молодой подноситъ.

Послѣ каши пѣсенницами поется обыкновенная застольная пѣсня. Живо, какъ пропоютъ въ пѣсни стихъ: «теперь-то столъ присталъ, молода спать захотѣла,» молодые ускользаютъ изъ-за стола и уходятъ въ особое отдѣленіе для отдыха. Гости же, пожелавъ въ догонку молодымъ: *въ первую ночь сына да дочь*, доканчиваютъ обѣдъ и пьютъ пиво, а потомъ расходятся.

Дружки и женки недолгѣ опять приходятъ къ молодымъ.

Послѣ большого стола молодымъ становится особый столъ въ отдѣльной комнатѣ, тогда они кушаютъ во весь свой аппетитъ.

Между тѣмъ сватья приготавливаетъ брачное ложе. Его составляютъ перины на кровати, простыня, одѣяло и подушки. Еще говорятъ, подъ постель кладутъ ухватъ и кочергу—это для *сберега отъ притчи*, у нѣкоторыхъ вмѣсто одной постели на кровать кладется двѣ: одна невестина подъ низомъ, другая женихова наверху.

Когда закуска кончена и *мѣсто* *) приготовлено, молодыхъ оставляютъ однихъ. Здѣсь есть обычай, состоящій въ томъ, что жена въ знакъ покорности *должна разуть* мужа, т. е. снять съ него его сапоги. Иногда въ правый сапогъ молодой кладетъ немного денегъ.

Такъ же есть обычай сохранять закровавленную сорочку новобрачной.

Но не долго продолжается отдыхъ молодыхъ. Бабы пѣсенницы подходятъ къ стѣнѣ отдохновенія и кричатъ, или по туземному охаютъ. Подходятъ такъ дважды.

Первый разъ *женихъ и невеста* посылаютъ чрезъ дружекъ бабамъ калачи, а во второй разъ сами выносятъ изъ особой комнаты *огальщицамъ* вино, пиво и закуску.

Послѣ этого у молодыхъ уже приемы простые, домашніе.

По существующему обычаю послѣ бракосочетанія молодые не выходятъ на улицу *три* дня.

Въ послѣдующіе дни не бываетъ патриархальныхъ обрядовъ, прежде соблюдаемыхъ многими нѣкоторыхъ обыкновеній, остатковъ древнихъ обычаевъ.

Такъ:

1). Перваго явившагося поутру другаго дня послѣ вѣнца дружку и отца невесты *сватья мараетъ* (пачкаетъ) печною сажею.

2). Въ тотъ день приготавливается особая *колюбака*. Если невеста оказалась цѣломудренною, то пирогъ бываетъ наполненъ рыбою. Но если она не сохранила до сватьябѣ дѣвственности, то колюбака та печется съ пустымъ въ тѣстѣ мѣстомъ, въ которомъ должна быть запечена рыба. Колюбака отсылается въ тотъ же день къ родителямъ невесты. По полученіи ея они или радуются, или плачутъ. Грустный случай относится, въ особенности къ матери, очень не хорошимъ отказомъ, потому что она не могла свое дитя сберечь отъ постыдства.

3). Это объясняется еще провѣрчиваніемъ дыры въ оловянномъ стаканѣ, въ которомъ подаютъ родителямъ невесты пиво.

*) Такъ называется въ Ахангельской губерніи всякаго рода постель.

4). На другой день послѣ обвѣчанія дружки посылаются топить баню для молодыхъ. Это дѣлается нарочно ради шутки. Дружки набираютъ сколько можно больше *голиковъ*, т. е. негодныхъ вѣнниковъ и метелъ и съ ними уходятъ въ баню, будто бы затоплять. Лишь только дружки войдутъ въ баню, всѣ женщины выбѣгаютъ отъ молодыхъ и затворяютъ крѣпко двери такъ, что шафера не могутъ выйти. Тогда дружки *женщинамъ даютъ выкупъ*, т. е. угощаютъ ихъ орѣхами, закусками, пряниками, калачами и др.

5). Шутка повторяется и съ молодыми. Увѣря ихъ, что баня готова, дружки затискиваютъ въ сѣни скамью и на нее сажаютъ молодого. Багажъ уже подвигается, но молодые откупаются подарками *дружкамъ платковъ*.

6). Тогда же въ домѣ молодого дружки нарочно рассыпаютъ на полъ птичье перо и пухъ. Затѣмъ приводятъ молодую и даютъ ей въ руки вѣникъ, чтобы она имъ вымела соръ съ полу. Молодая начнетъ мести вѣникомъ и поднимаетъ его къ верху при каждомъ взмахѣ, а за нимъ вылетаетъ и перо. Потѣшившись этимъ, дружки убираютъ перо и пухъ.

7). Того же молодого заставляютъ тащить до порога столъ.

8). На 3-й день для молодыхъ топится баня и они ходятъ въ нее мыться. Послѣ этой *первой бани* новобрачные расшиваютъ *банникъ*, разрѣзаютъ *столовики* и ѣдятъ ихъ.

9). Женихъ послѣ трехсуточного срока брачной жизни, рассказываетъ своему шаферу нѣкоторые секреты ночныхъ таинствъ супружества.

10). Черезъ три дня молодые съ родителями ѣздятъ въ гости къ тестю и тещѣ; послѣдніе въ честь новобрачныхъ дѣлаютъ у себя обѣдъ, называемый *хлбанами*. На этотъ званый обѣдъ приглашаются многіе изъ родственниковъ какъ съ жениховой, такъ и съ невестинной стороны. Тогда молодая получаетъ отъ своихъ родителей окончательное приданое.

11). Чрезъ нѣсколько времени отгациваютъ, и

12). Въ послѣдующее время молодые ѣзятъ для знакомства къ роднымъ и знакомымъ, отдавая тѣмъ визиты, что называется *полюбовною гостіею*. Здѣсь молодые послѣ каждой выпитой рюмки вина цѣлуются публично.

Въ дополненіе къ этимъ общимъ свѣдѣніямъ о свадебныхъ обрядахъ въ Пинежскомъ уѣздѣ имѣется еще описаніе свадьбы въ селѣ Сурѣ Бирючевской волости того же уѣзда, составленное крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ, которое здѣсь и приводимъ:

«Если у жениха и невесты нѣтъ родителей: отца и матери, то ихъ мѣсто заступаетъ: мѣсто отца—дядя, братъ отца; если того нѣтъ, то кто либо первый по немъ родственникъ, или крестовый (крестный) также и мѣсто матери—ближайшая родственница.

Отец жениха предъ началомъ сватовства спрашиваетъ сына, на какой именно дѣвицѣ ѣхать свататься, (если нужда болѣе предстоитъ къ женитбѣ сына со стороны родителей). Сынъ предлагаетъ имъ по своему усмотрѣнію одну и другую. Если назначенная сыномъ невѣста не правится родителямъ, либо по бывшимъ непріятностямъ съ ея отцомъ, либо дѣвку начнутъ сыну хулить, что она развѣйка будетъ ихъ житію (нерадивая) и что его не будетъ слушаться (т. е. если дѣвка веселаго вида, разговористая и шутливая), — женихъ, выслушавъ слова отъ родителей, рѣшается посылать по волѣ ихъ. Иногда бываетъ, что женихъ сватается по своему усмотрѣнію, по уступкѣ со стороны отца и матери, которые говорятъ: «съ Богомъ! сынъ, какъ знаешь, не намъ жить, тебѣ;» но чтобы на будущее время не гнѣвить родителей, онъ падаетъ въ ноги и проситъ благословенія, на что бываетъ согласіе. Даже и тогда, когда сынъ впередъ родителей задумаетъ жениться, родитель или другой свать по выходѣ изъ дома, предлагаетъ домашнимъ присѣсть на лавкѣ (дерево около стѣны), запираетъ дверь или трубу, или дымникъ (у курятной избы), если они не затворены, а находящихся въ избѣ собакъ и кошекъ выгоняютъ во дворъ. Послѣ чего молятся иконамъ (образамъ) говоря: «Господи Боже благослови», прочіе съ «Богомъ», по выходѣ изъ дома, свата хлопаютъ по задницѣ лопатой, (которой хлѣбъ въ печь садятъ) въ знакъ того, чтобы не могли отказать въ невѣстѣ. По приходѣ свата въ домъ, онъ привѣтствуетъ: здравствуйте! встаетъ посредишѣ пола, противъ матицы (дерево противъ потолка, полостинное). Хозяйка проситъ садиться, но онъ, говоря: «я не за гостѣбой пришелъ, а за сватовствомъ,» называя старшаго въ домѣ невѣсты, отца, если есть, или брата, или дядю, не забывая и мать и т. п. что у васъ есть дочь или т. п., а у него есть сынъ, или отъ кого посланъ; нельзя ли ихъ въ одно мѣсто свести (т. е. супружество). Поблагодаривъ свата, проситъ садиться. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, проситъ свата дать имъ сроку на полдня или долѣе, но никакъ не больше сутокъ на первый разъ. Свать соглашается. По уходѣ его дѣлается совѣтъ, сначала самими домашними, спрашиваютъ также и невѣсту, которая падаетъ всѣмъ въ ноги и проситъ не отдавать, а поддержать ее еще въ дѣвушкахъ и походить (погулять) не для того, что ей не любъ женихъ, а какъ обыкновенно бываетъ всегда. Прослезившись, родители приглашаютъ на совѣтъ другихъ родственниковъ, болѣе заслуживающихъ уваженія и знающихъ обстоятельства и житье-бытье жениха; даютъ совѣтъ, что отдать можно за жениха, котораго выбираютъ по большей части болѣе зажиточнаго, одинокаго и, соображаясь съ характеромъ домашнихъ и его, не подлежащій ли женихъ рекрутской очереди. Если всѣ родные и родственники будутъ къ тому согласны и пре-

пятствующи́хъ причинъ не имѣется, то спрашиваютъ невѣсту, что идетъ ли она за предназначеннаго ими жениха. Она падаетъ опять въ ноги кому слѣдуетъ, говоря: «воля ваша», не забывая повторять: «за что вы на меня прогнѣвались?» но это означаетъ, что дѣвка согласна. Не пропустивши назначеннаго срока, свать является за приказомъ или отказомъ. Если родители изъявятъ согласіе, — даютъ ему дары, а равно и жениху платки, (свату въ 80 коп., а жениху въ 50 коп.). А если ждуть жениха лучше, то просятъ свата дать сроку: день до 6-ти и болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Если же отдать согласны, въ то же время свать уходитъ въ домъ жениха, отдаетъ ему дары; потомъ отецъ жениха, или самъ женихъ съ родителями невѣсты, является къ священнику, прося его разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Священникъ узнаетъ о совершеніи лѣтъ жениха и невѣсты, и о родствѣ, и пишутся документы: что со стороны родителей жениха на вступленіе въ бракъ препятствій не имѣется, и что онъ вступаетъ съ благословенія ихъ и съ своего согласія; такъ же и отъ невѣсты (безъ документовъ свадьбы не бываетъ).

Къ документамъ женихъ и невѣста не подписываются, за что отвѣчаютъ родители; затѣмъ укладывается слово на время брака, и даютъ знать роднымъ, но непременно послѣ трехъ впередъ имѣющихъ быть праздниковъ, въ кои послѣ литургіи дѣлается оглашеніе: «не знаютъ ли прихожане родства между женихомъ и невѣстой». Препятствій не бываетъ. За соблюденіемъ порядка, послѣ чего бываетъ приглашеніе дѣвушекъ къ невѣстѣ, въ рабочіе дни съ работой, а также и въ праздничные съ какимъ либо шитьемъ или вязаньемъ, гдѣ поются пѣсни свадебныя. У родственниковъ идетъ въ то время заготовка даровъ и пр. для свадьбы. Передъ днемъ свадьбы бывають посидки, куда собираются парни и дѣвки и замужнія женки, даже изъ другихъ селъ. Невѣста наряжена бываетъ въ хорошее по мѣстности платье т. е. сарафанъ посредственнаго ситца или же изъ холста, окрашенный мастерами изъ здѣшнихъ жителей. Съ самаго утра невѣста проситъ къ себѣ своихъ подружекъ, дѣвушекъ, которыя шьютъ жениху рубахи и т. п. Невѣста надѣваетъ на голову повязку, газовую или парчевую; смотря по достатку, повязка, вышиною до 6-ти вершковъ, а на верхъ ея — «чолку» (кругъ высаженный бисеромъ) сагается на переднюю лавку, плачетъ съ причитаніемъ событій изъ ея жизни, обыкновенно бѣднится на родителей (на лавку полагается вверхъ шерстью собственная ея шуба для сидѣнія на ней), по временамъ, когда ей вздумается, захватываетъ своихъ родителей и другихъ родныхъ, не забывая и подружекъ, и въ объятія ея всѣ плачутъ. Для слезъ невѣсты берется особая женщина, которая знаетъ довольно старинныя обрядовыя пѣсни; произношеніе ихъ бываетъ очень, очень

медленно, съ особеннымъ понятіемъ; голосъ женщины— низкій. Захватившись съ невестою рука за руку, кланяются по направлению къ дверямъ, довольно низко, невеста-же кричать во все горло (плачетъ), но не отъ того, что она не хочетъ идти замужъ, а только для обычая, принятаго въ мѣстности. Послѣ чего голосу у нея совершенно не будетъ, такъ что нельзя понять ея словъ. Голошеніе бываетъ съ полдня и до вечера; по окончаніи голошенія бываетъ изготовлена дѣвушками баня, потомъ во время пути въ баню, опять начинается голошеніе. Съ невестой идутъ умываться дѣвушки, приготовлявшія баню, и женщина голошельница. По выходѣ изъ бани, отъ жениха являются братъ или сестра съ гостинцами (подарки); изъ нихъ у всякаго жениха матери на повойникъ, гребень для расчески волосъ изъ оленьей кости, мыла кусокъ $\frac{1}{4}$ ф.; иногда калачи или простыя закуски на 10 коп. Тогда уже невеста стоитъ за столомъ, при поднесеніи подарковъ, посланные кланяются очень низко и просятъ о принятіи, на первый разъ поклоновъ до трехъ. Невеста беретъ изъ рукъ посланныхъ гостинцы и откладываетъ назадъ къ нимъ, которые просятъ до трехъ же разъ, но никакъ не болѣе; послѣ чего принимаетъ и сдаетъ на руки родственникамъ. Посланныхъ подчуютъ тѣмъ придется, затѣмъ бываетъ покой.

«На другое утро, при отправкѣ изъ своего дома жениха, зажигаютъ восковую свѣчу у образа (иконы) и одинъ изъ родныхъ съ божицы беретъ мѣдную икону, кладетъ на хлѣбъ съ солью; родители берутъ въ руки тоже свѣчу, приступаютъ къ благословенію сына, причемъ подъ ноги его кладется вверхъ шерстью овчинная шуба, долженствующая быть изъ одностанной шерсти. Когда жениху придетъ время пасть въ ноги родителямъ, то подхватываютъ приглашенные на свадьбу лица. Женихъ, перекрестившись два раза, падаетъ въ ноги, но поклоны относятся къ св. иконамъ, а третій разъ безъ крестнаго знаменія, который воздается родителямъ, притомъ женихъ говоритъ «благословите». Отецъ и пр. говорятъ: «Богъ благословитъ». Затѣмъ начинается выходъ изъ избы слѣдующимъ порядкомъ: впереди должны, какъ и во всякое время свадьбы, слѣдовать свать, отецъ, женихъ и пр., они стараются не задѣвать стѣнъ двора, по наученію въжливаго человѣка (знахаря), который берется при всегдашнихъ свадьбахъ для того, чтобы никто не могъ поколдовать надъ свадебной процессіей. Кромѣ того въжливый всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ, даже и лошадямъ, прильпляетъ наколдованный словами воскъ: первымъ на груди къ кресту, а послѣднимъ къ гривѣ. По приѣздѣ къ невестину дому повоздъ впускаютъ тѣми воротами, чрезъ которыя завозятъ сѣно; здѣсь встрѣчаютъ прибывшихъ, подчуютъ виномъ и пивомъ, и въ пивѣ же томъ, во все время слезъ невесты, которымъ платкомъ она утиралась, платокъ тотъ обмываютъ и вы-

жимаютъ его надъ пивомъ досуха, въ знакъ того, чтобы мужъ жену любилъ; знающіе это женихи не пьютъ, а не знающіе само-собою что выпьютъ. Послѣ чего входятъ въ квартиру съ крестомъ (т. е. съ крестнымъ знаменіемъ на себѣ, что соблюдается при всякомъ заходѣ и выходѣ) и садятся за столъ. Чрезъ недолгое время выводятъ изъ особой комнаты невесту и спрашиваютъ жениха: «на той-ли ты сватался?»—На той,—отвѣчаетъ женихъ. «Хороша-ли наша невеста?» женихъ отвѣчаетъ: «хороша;» послѣ чего должна отвѣчать невеста на вопросъ женихова свата. Затѣмъ опять уводятъ ее въ прежнее мѣсто; послѣ угощенія свадебщиковъ, выводятъ невесту въ послѣдній разъ;—во время угощеній женихъ долженъ кланяться.

«Предъ отправкой къ вѣнцу одинъ изъ родственниковъ, а болѣе если отецъ, беретъ за платокъ невесту въ руки, приводитъ къ жениху, который беретъ ее за правое плечо, надѣвая на руки рукавицы замшевыя, другія же не позволяютъ, препровождаетъ невесту позади себя и топчетъ ноги възнакъ начальствованія надъ нею, когда станетъ невеста налѣво подлѣ жениха, отецъ или мать преклоняютъ головы ихъ и берется съ головы невесты платокъ, которымъ она прикрыта, а въ другую руку ржаной хлѣбъ, разрѣзанный на двѣ части, завертывается въ платокъ хлѣбъ и обходятъ три раза кругомъ преклоненныхъ головъ; послѣ чего платокъ оставляется опять на головѣ невесты.

«Затѣмъ отправляются къ вѣнцу, во время пути женихъ кланяется, а равно и невеста. У вѣнца особеннаго ничего не бываетъ.

«На первое утро молодой работать ничего не даютъ, а днемъ дается ей пряхъ шерсть, но другая работа не дается. При вставаніи же съ постели молодыхъ, когда придутъ въ общую избу, кто либо изъ пришедшихъ на нихъ посмотрѣть заставляеть молодую пахать (подмести) полъ, какъ можно чище; тогда запасается перье мелкое, сорять по полу сколько потребно, причемъ полъ смачиваютъ водою, чтобы труднѣе было молодой; послѣ чего тихонечко т. е. не говори никому, присутствующіе берутъ сажу отъ печки, приходятъ къ молодой мараютъ ея лицо сажей, такимъ образомъ перепачкаются и всѣ; послѣ этой сцены молодая даетъ мыла простаго для умыванія. Сорившимъ послѣ даются пряники възнакъ трудовъ или почтенія. По вечеру же молодая топить баню и проситъ въ нее свадебщиковъ, ходить лично по домамъ съ кѣмъ либо. Не взирая и на то, что дѣвкѣ женихъ не нравится, ее отдають за него, и она не преступаетъ воли родительской.—При бракѣ не бываетъ безъ того, что она быть можетъ много жениха держать только въ умѣ, чрезъ что бываетъ много неприятностей въ супружеской жизни».

Въ приложеніе къ сему описанію крестьянши Гри-

горій Хромцовъ представилъ «свадебное привѣтствіе,» употребляемое въ томъ же селѣ Сурѣ, слѣдующаго содержания:

«Во время свадьбы, когда женихъ пріѣдетъ за невѣстой и станетъ по обыкновенію за столъ, между тѣмъ тутъ является человѣкъ съ желѣзнымъ крюкомъ (т. е. кочергой, что въ печкѣ ворочаютъ), знающей нижеслѣдующія слова, — причѣмъ ударяетъ безпрестанно кочергой въ полъ и отрывисто говоритъ, поворачиваясь на всѣ стороны:

«Помилуй, Господи, желаю здравствовать господину хозяину (дома) съ любящими гостями и съ гостюшками; ѣхали гости не по зву, а по доброму дѣлу, сватовству — ѣхали темными лѣсами, черными грязями, зелеными дугами и ракиновыми кустами, бѣлы свѣга топтали куньи слѣды — вель куній слѣдъ къ дѣвичину двору, ко невѣстину терему. Г. хозяинъ, есть ли у васъ у дверей придверники, у воротъ приворотники, у печи стряпухи и у стола столыники? — стрѣчай съ конями, вынимай подворотню: кони шли приустали, (чтобы) дабы копытъ не обламали, задавай сѣна до дуги, овса до глазъ (коней). Такъ же и намъ молодцамъ (т. е. довѣренному), питанья, единыя кушанья рыбы, говядины, горней птицы курятины, бѣлый хлѣбъ чтобы тутъ-же былъ, чтобы всѣмъ князьямъ, боярамъ (находящимся въ составѣ свадьбы) было честно, такъ же и намъ молодцамъ — небезчестно, (т. е. незванымъ гостямъ). Господинъ хозяинъ, какъ ваша молода, первобрашная (первобрачная) княгиня будетъ дарить, такъ же и отдарки принимать, и не чваниться и не ломаться. Ежели она будетъ чваниться и ломаться, то у нашего молодого (у жениха) первобрашного князя есь (есть) на чванку плеть шелкова о трехъ хвостахъ (концахъ): первый хвостъ коротокъ, другой долгъ, третій стегать ловокъ. Здравствуйте, подпорожные гости (т. е. зрители со стороны), званы не званы, усаты, бородаты, холосты и не женаты, молодцы вожоваты (т. е. совѣтны), гладки головы, широки бороды, усы ваши долги. Вамъ стоять не смѣяться и говорить не ухмыляться. Слушайте, послушайте (объ женатыхъ): своихъ женъ на улицу не распушайте, будете распушать, то молодцы ребята будутъ хватать (подчищать). Здравствуйте, маленьки ребяташки, сопливы, возгривы (неумытые), попечики въ гузно не кидать (примѣрно игра въ шапки), пѣтъ не ходить, на подводахъ не ѣздить, оцѣй (отцевъ) матерей до коробокъ не доводить (до пищенства). Вамъ не всѣмъ помянно, всѣмъ вообще низко кланяюсь. Здравствуйте, красны-дѣвицы, пирожны мастерицы, веретенны угодницы (пряжа), горшени пагубницы (т. е. горшки ломаютъ во время варки), широки повязки, золотыя ряски (завязки у повязокъ назади), косы накопечники, умильные (умильные) взгляды вамъ (имъ) не всѣмъ помянно, всѣмъ заедино низко кланяюсь. Здравствуйте, добры молодцы, долги поводцы,

ляски строцены, то бурки точены, зачулы здриваны (неизвѣстно что такое), вамъ (имъ) не всѣмъ помянно, а всѣмъ вообще низко кланяюсь (поклоны). Здравствуйте, красны-дѣвицы, лебеды бѣлы, ягоды зрѣлы, написаны, намазаны (дѣйствительно щеки румянятся), жемчужомъ изнасажены. Вамъ (имъ) не всѣмъ помянно, а всѣмъ вообще низко кланяюсь (поклоны). Здравствуйте, молоды молодцы, косы кокошницы (повойники), скоры помощницы, скоро помогаючи, сыспода поднимаячи. Вамъ (имъ) не всѣмъ помянно, но всѣмъ вообще поклонъ. Здравствуйте, стары старухи, бобровы треухи, собачьи пушки, покровки шпроки (на головахъ шапки), долги стерлы (неизвѣстно что такое), поганы лапы, тѣмъ поклона пѣтъ (и не кланяется). Тысецкому, человѣку вѣжливному (обходительному), всѣмъ молодымъ храбрѣмъ (какъ бы воинамъ) дружкамъ, тутъ же сватюшки перепелочки, на разъ и съ молодой и первобрачной княгиней. Наша молода первобрашна княгиня (невѣста) сидитъ въ свѣтлой свѣтлицѣ, во високой горницѣ, личко глажено, головка чесана, рубашка катапа, хорошо снаряжена за молодого князя наложена; у нашей молодой княгини поступочка частинька, походочка бастинька (скосырная, прямая); мы за молоду первобрашную княгиню славить не умѣемъ, (т. е. обличать) и атамана не имѣемъ (знахари), хвали прихваливай, говори приговаривай: при днѣ свѣтъ, при солнцѣ луна, при царѣ Москва, при королѣ Литва, при нашемъ батюшкѣ Александрѣ Николаевичѣ вся бѣла-свѣтлорусская земля вознесется, его правая рука по всѣмъ портамъ и пѣмецкимъ королямъ нечестивымъ; при священникѣ бачкѣ — мѣсто свято, при боярахъ крѣпко, при донскихъ казакахъ никогда неизмѣнно, весь вамъ дворянскій кругъ съ кормы и до носу (отъ малыхъ да большихъ). Ты тысячкой сидишь въ большомъ углу въ доброй славѣ, какъ въ куней шубѣ, пивцо, виңцо попиваешь и насъ молодцовъ забываешь (посѣтителей изъ среды которой вышелъ съ кочергой), насъ молодцовъ немного, только сорокъ два да одинъ, сорокъ два да одинъ вышло восемьдесятъ шесть, подари насъ быкомъ да теллицей, чтобы всѣмъ было чѣмъ подѣлиться (побольше ждуть пряниковъ, водки), баранъ да овца да опять съ конца, мы (они) хотя подъ порогомъ стоимъ, про васъ (ихъ) про всѣхъ добро говоримъ, отъ всѣхъ подаренья ждемъ, если будете дарить, будемъ добро говорить». — Послѣ чего даютъ ему по возможности пряниковъ и водки стаканъ, во время произношенія словъ всѣ молчатъ, — затѣмъ свадьба пойдетъ своимъ чередомъ».

Близкими по значенію и употребленію къ приведенному здѣсь приговору — слѣдуетъ считать еще три свадебныхъ причитанія, также находящихся въ матеріалахъ, собранныхъ П. С. Ефименкомъ.

Таково, на примѣръ, причитаніе во время дѣвичника въ Кургоминскомъ селѣ.

«Благослови-ко Господи, да во первой часъ андельской, во второй архандельской, во третій апостольской, съ андельми, архандельми, со всеми апостолами, воскресенья свѣтлоё всѣхъ людей воскресило, старого и малаго, всяково крещеново и столько прослезило меня красну-дѣвицу, за кои тяжки грѣхи, за кое согрѣшеньице меня не сталъ Богъ миловать, отецъ, мати жаловать, они о чемъ прогнѣвались, о чемъ воскручинились на году сего года и на сей недѣлечкѣ.

«Я умомъ подумаю, поразмыслю разумомъ, какъ мои ровесницы, милыя подруженьки, сизыя голубушки, онѣ живутъ красуются и живутъ и властвуютъ, ихъ хранить Богъ, милуетъ отецъ, мати жалуетъ, на меня ли молоду душу красну дѣвицу, Милодарью Фроловну, Господь Богъ прогнѣвался за мои тяжки грѣхи, за мое прегрѣшеньице—на году сего года проспала я молода въ году три заутрины: первую благовѣщенску, другую христоскую, третью заутрину на сегодняшней божей день воскресенья свѣтлово.

«Мой родимой батюшко, дакъ свѣтъ Фроль Ивановичъ тебя какъ то поднесли твои ножки рѣзвыя, ведутъ очи ясныя съ божей съ Богородицей, моя родима матушка Филиклиста Гурьевна, тебя несутъ рѣзвы ножки, ведутъ ясны очи съ фатой шелковою; поднялись бѣлыя рученьки со фатой шелковою, укрыла бѣло лицо, утулала ясны очи, всево свѣту бѣлаго отъ гостей, отъ госьюшекъ, отъ милыхъ подруженекъ, отъ сизыхъ голубушекъ; ты родимая матушка Филиклиста Гурьевна, чего я у тебя спрошу со родимымъ батюшкою, вы несеводнешней Божей день понесли великой гнѣвъ на меня красну-дѣвицу на свою дочь голубушку, Милодарью Фроловну, будто я красна-дѣвица была дѣвка вольная, дѣвка самовольная, дѣвка посѣдлая, сорока пяти годовъ. Мой родимой батюшко, со родимой матушкой не мечитесь, не радуйтесь чужему жениху, большому боярину Ермолаю Трифоновичу, со всеъмъ княжимъ приборомъ, ты родимой батюшка и со родимой матушкой, вы не сына жените, не невѣску въ домъ вводите, не замѣна буду-то, не спѣши, не торопись, мой родимой батюшка, да свѣтъ, Фроль Ивановичъ, не подвигай стола бѣлодубова въ сутки во большой уголъ. Моя родима матушка денная печельница, ночна богомольщица, не носи, голубушка, на столы дубовые шиты, браны скатерти, со хлѣбами съ ситными, со яствы сахарными. Мой родимый батюшка и со родимой матушкой Филиклистой Гурьевной, не подходите близко къ золоту столу къ чужему чуженину, большому боярину Ермолаю Трифоновичу, не тяни правой руки, не примай да не бери отъ чужова чуженина чары зелена вина, ты не порти бѣла лица, ты не пей да не кушай отъ чужа чуженина чары зелена вина питья государева. Мой родимой батюшка со родимой матушкой, я еще побью челомъ еще покланяюся, не подходите

близко-по-близко къ злomu свату большому Еремію Устиповичу, не давай правой руки, не стряхни рукавички, не по слову первому къ рукобитью крѣпкому. Моя родима матушка Филиклиста Гурьевна, не носи ты матушка шитыхъ, браныхъ шириночекъ, вы не дарами дарите чужева чуженина, со всеъмъ княжимъ приборомъ подарилъ ты, батюшка, со родимой матушкой чужево чуженина мною красной дѣвицей дочерью голубушкой Милодарьей Фроловною. Ужь какъ я младюшенька спала, высыпалася, ждала дожидалася отъ отца отъ матери побуду раннево наряду поспѣшно, не могла дожидатисе побуду раннево и наряду поспѣшно, я ставала молода безъ побуду раннево безъ наряду поспѣшно, выходила молода на двой трой сѣни, посмoтрѣла молода я въ окно въ кoсѣято на двѣ на три стороны, со восточну сторону изъ-за лѣсу темнаго заря занимайтце и свѣтъ расвѣтаетсе, сходитъ красно-солнышко съ обогрeвой теплою, въ ту пору, да въ то время я Богу молиласе: Слава, слава Господу, слава Христу небесному. Сходитъ красно-солнышко съ обогрѣвой теплою, землю обогрѣть хочеть, росу обсушить хочеть. Я еще посмoтрѣла да во лѣтню сторону, высоко да по небу облака катаютсе, да еще посмoтрѣла въ сѣверную сторону, чисто ясно по небу, тепло, жарко по землѣ, и умомъ подумаю, да поразмыслю разумомъ, какъ во лѣтней сторонѣ не облака катаютсе, въ ту пору, да въ то время туча подымаетсе, изъ-за лѣсу темнаго, темнаго, дремучего, грозна становилася, въ ту пору да въ то время я Богу молиласе, нешто туча грозная она падаетъ опуститсе на лѣсы на темные; кусъ лѣсу приклонитсе прутьемъ до сырой земли, не могла грозная туча пасти опуститсе да на лѣсы на темные, катитъ потихошенько по полямъ по широкимъ, по лугамъ по зеленымъ, ужъ я въ ту пору да въ то время я Богу молиласе, пронеси Богъ истиной эту тучу грозную тихимъ потихошенько. Нешто падите, опуститсе на поля широкія, на луга зеленые, на травы шелковыя, на цвѣты лазуревы, не могла грозная туча пасти, опуститсе, на поля широкія, на луга зеленые, на травы шелковыя, она катитъ потихошенько да къ намъ на нашу сторону да на скатню улицу, она становилася противъ двора хорошего, противъ свѣтлой свѣтлицы, противъ столовой горницы, ужъ я въ ту пору да въ то время Богу молилася, нешто туча грозная она падаетъ, опуститсе на двory сусѣдніе, не могла грозная туча пасти, опуститсе да на двory сусѣдніе, надкатилася туча грозная на нашъ дворъ колѣсятой, надъ новъ высокъ теремъ и на свѣтлыя свѣтлицы и на столовыя горницы, изъ той тучи грозныя, сильныя громы грянули, со громомъ да со стукомъ и со Божьей милосью изъ той тучи грозныя пошелъ частой дождичекъ. Этотъ частой дождичекъ не топить, да не мочить: ни отца, ни матери, ни роду, ни племени, ни милыхъ подруженекъ, омочилъ тотъ частой

дождь меня красну-дѣвицу Милодарью Фроловну, меня съ буйной головы да вплоть до рѣзвыхъ поженегъ, знобучи зазнобило мое живо ретиво сердце. Я умомъ подумаю не понесу на батюшку со родимой матушкой гѣвву великаго, я понесу великой гѣввъ на зла свата большаго Ермолая Трифоновича. Онъ ходилъ, ухаживалъ ко двору, ко огороду, ко высокому терему, ко красну крылечушку, онъ тропилъ тропиночку и торилъ дороженьку къ нашимъ свѣтлымъ свѣтлицамъ да ко столовымъ горницамъ, вызывалъ онъ батюшку Фрола Ивановича и со родимой матушкой Фиклистой Гурьевной, на красну крылечушко, скидывалъ съ буйной головы свою пуховую шляпочку, кланялся нижешенько и говорилъ гладешенько, его рѣчь умильная, поговоры гладки. Онъ хвалилъ, нахваливалъ чужу дальнюю сторону, чужу жару добрую, у чужа чуженина житью жира добрая, будто чаша полная, у чужа чуженина много хлѣба стоялаго, много денегъ лежалыхъ, много платья свѣтнаго глядки изъпахвѣшены, у чужа, чуженина много скота рогатаго, и семья совѣтная, поля што скатерти, лугова што скачены, на чужой на сторонѣ хорошо жить, красиво при большой дороженькѣ, и приволье славное и мѣсто противъ породное, его дворъ колѣсатой стоитъ во 500 рублей, его скитня улица стоитъ въ цѣлую тысячу.

«Мой родимый батюшка и со родимой матушкой, не сдавайся батюшка на зла свата большаго, на его рѣчь умильную и на поговорку гладкую, онъ хоть ходилъ, ухаживалъ и хвалилъ, нахваливалъ, говорилъ, обманывалъ, все облыжно сказывалъ. Этотъ чужой чуженинъ добръ до родней, молодецъ не вдостой мнѣ, сужено не вдостой не подверсту, у чужа чуженина житью жира ровная и житье крестьянское, да житье недостаточно. Этотъ большой сватовшикъ, онъ вочью обманываетъ, да все облыжно сказываетъ, да въ глазахъ вилавитце, этотъ большой сватовшикъ вертяче дьявола, у чужа чуженина нѣтъ хлѣба стоялаго, нѣтъ денегъ лежалыхъ, мало платья цвѣтнаго и скота рогатаго и семья не совѣтная, поля горбоватая, пашни холмоватая.

«Мой родимый батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ, ты не пои да не корми млада ясна сокола чужа чуженина, со вѣзмъ княжимъ приборомъ и путь дорожку укажи: они люди негодіе, захожи, заѣзжіе люди незнакомые, они не нашей волости будто птицы заметныя, по мѣстамъ и спадали, долго засидѣлися, ништо оглядѣлися. У родимова батюшки и родимой матушки, у ихъ срядно столь сряжонъ въ 100 руб. и скатертки въ тысячу, на то оглядѣлися, на то осмотрѣлися, на хлѣбы бѣлы ситные, на яствы сахарныя. Мнѣ топериче да мнѣ-ка присидѣлося за бѣрчаты завѣсой съ милыми подружками съ сизыми голубками. На мнѣ притопилося платье цвѣтное, на мнѣ пригорѣлося да отъ гѣла бѣлаго».

Причитаніе, когда пошли изъ-за стола:

«Ужъ ты чужой чуженинъ добръ дородной молодецъ Ермолай Трифоновичъ, я стану наказывать, да я стану рассказывать на домъ челобитьице твоей родимой матушкѣ, чтобы не надѣялись на слугу на работницу и на замѣну великую, не пасла бы не ладила не толченія, не молотья пшоны бѣлояровы. Откажусь я младешенька при отцѣ, при матери, при всемъ родѣ племени, не слуга и не работница и не замѣна великая, не могу я стойти у рая дубоваго, не могу я ворочати сѣра-бура камени, ручки не тянучи и плеча не могучи».

Причитаніе при переборѣ изъ-за завѣсы въ большой уголь:

«Мой родимой батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ, дай мнѣ волю вольную и путь дороженьку въ сутки во большой уголь во мѣсто любимое, я разольюсь рослачуся рѣкой Вигой славною передъ родимымъ батюшкою и роскичусь, разсыплюся скатнею жемчуженькой передъ родимой матушкой. Мой родимой батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ настиги-ко батюшка того свата большаго во пути дороженькѣ, ты отбери шириночки тонки полотняныя. Откажи ты, батюшка многимъ чужимъ людямъ съ двора не съѣзжаючи и съ ноги не ступлячи. Денная печельница, почна богемольница, моя родимая матушка, свѣтъ Фиклиста Гурьевна, приоттерочь-ко, матушка, ты младой дѣвичничекъ, хотя завтра на вечерь: и еще покрасуюся и еще повластуюся съ милыми подружками съ сизыми голубками. Ужъ ты млада исеиъ соколя, мой родимый брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, тако есть во теремъ, да тако есть во высокому, дайся въ очи видѣти свѣтъ дума крѣпкая, положи-ко брателко сроки долги, хотя на годъ времени; мы станемъ жить по старому хорошѣе прежняго. У меня есть въ теремъ одну-утробная сестрица Федосья Фроловна, приоттерочь голубушка младой дѣвичничекъ, хотя на одинъ часъ времени. Молода невѣстущка да свѣтъ Дарья Федоровна по-разоби у батюшки совѣтъ думу крѣпкую, приоттерочь голубушка мой младой дѣвичничекъ хотя завтра на вечерь, млада невѣстущка допеси голубушка честно челобитьице до родимой тетушки до Ирины Михайловны.

«Ахти мнѣ тошнешенько да моему сердеченьку въ забытьѣ позабыла, въ тоскѣ да въ кручинѣ, въ печаль великой. У меня помѣшался ужъ разумъ въ моеи буйной головѣ. Свѣтъ крестовая матушка крестодержанная божатушка Акулина Ивановна, совѣтъ дума крѣпкая, дайся въ очи видѣти на часу тепериче, приоттерочь божатушка да ты младой дѣвичничекъ, хотя завтра на вечерь».

«Я брала, перебрала да всю лисье бумажное, и брала, выбирала по себѣ печельника, себѣ доброхотника и большаго разговорника изъ дядей дядюшку, да изъ тетокъ тетушку и изъ братьевъ брателка и изъ сестеръ сестрицу. У меня теперъ теперича у меня всѣ въ собраньицѣ великой весь родъ племя, они за одно думу думали и въ

одно слово молвила, меня избываете, красна дѣвица доложусь и родимому брателку да свѣтъ Лазарю Фроловичу.

«Мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, ужь ты выставь брателко перевары пьяные; мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, ужь къ чему-то брателко твой варенъ честной канунъ, переваара пьяная; мнѣ-ва глади глиштце въ эту пору времечко, нѣтъ честнаго праздничка, да не дошли поминочки поминать родителей. Хотя мнѣ не скажете, я сама знаю, вѣдаю, млада я възгадоу: у васъ свекренъ честной канунъ, не младай дѣвичникъ, на живую раздуку. Мой родимой брателко, поучи младешеньку ко кресту стобразному, ко молитвѣ святой и ко низкимъ поклонечкамъ: на чужой на сторонѣ меня красну дѣвицу, невдостою тебя, будутъ, стануть учить переучивать, торить перетаривать, въ ту пору да въ то время. Мой родимый брателко, ты падешь на умъ разумъ, недѣсна заплачуть-то мои очи ясныя. Мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, дай мнѣ волю вольную и волю превольную заводить дѣвичничекъ, ты попой, почествуй переваарой пьяною всѣхъ многихъ добрыхъ людей, для злата серебра и для честнова здарьца.

«Мнѣ-ва красной дѣвицѣ стыдомъ не устыдитися и крытьемъ не укрытися и другомъ не заминатися, будетъ доложитися всѣмъ многимъ добрымъ людямъ мнѣ челомъ ударити, низко поклонитися для честнаго здарьца.

«У насъ-есть въ нашемъ дому во высокомъ теремѣ у родимаго батюшки дорогой почтенный гость добръ дородной молодець, соколъ бѣлокрыльчатый, младъ наливной яблочекъ, наливная ягодка да свѣтъ Иванъ Даниловичъ. Изволь стать да выступить да изъ мѣста любимаго на свои ножки рѣзвыя, на сапогъ зеленъ сафьянъ, на скобы серебряныя, на гвозди полужоные. Ты отца сынъ добраго, матери просужіе, нешто опочинулися да твои ножки рѣзвыя, нешто оглядѣлисе твои очи ясныя, нешто обогрѣлисе твои ручки бѣлыя, изволь стать, да выступить да изъ мѣста любимаго, нешто оправить крыльница, приуладить перьяца, залети ясенъ соколъ младымъ яснымъ соколомъ. Аминь молитвѣ святою сисполна Иисусовой, спасеть Богъ, низкій поклонъ за честное здарьциѣ, на полтинѣ золотѣ, на второй серебряной, что ты честно честь ведешь, честно почиташь меня, избави душу красную дѣвицу Милодарью Фроловну, такъ и прочимъ».

Б. Шабунинъ сообщилъ съ своей стороны слѣдующее дополненіе къ описанію свадебныхъ обрядовъ въ Пинежскомъ уѣздѣ:

«Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣща въ Пинежевомъ уѣздѣ бывають такъ: когда придуть молодые, одинъ крестьянинъ не изъ участвующихъ на свадьбѣ, беретъ кочергу изъ своего дома или чужаго, когда будутъ за столомъ и поведется угощеніе, является и привѣтствуетъ:

«Господишь хозяинъ! позволь пѣсню сказать, молодого ~~хозяина~~ поздравить съ молодой княгиней. Г. хозяинъ! бхали

къ вамъ гости не позву, а по сватовству темными лѣсами, черными грязями, зелеными лугами, ракистыми кустами, бѣлы снѣга топтали, кущи слѣды попали. Повель кущный слѣдъ къ хозяйскому двору, къ дѣвѣму терему. Г. хозяинъ, есть ли у васъ у воротъ притворники, у дверей придверники, у печки стрипухи, у стола стольники? у князя кони приустали, знать копыть не обломали, отпирай ворота, вынимаи подворотню, задавай конямъ сѣна до дна, овса до глазъ, такъ имъ молодцамъ, князямъ, боярамъ питающа и ѣденья и кушанья пива и вина, рыбы и говядины, нагорной птицы и курятины и бѣлый хлѣбъ; а вамъ, подпорожные гости, прощу покорно да мѣстѣ не смѣяться, а говорить не обмыляться, слушайте, послушайте: на улицу своихъ женъ не спускайте, станете спускать—будутъ молодые ребята подчищать. Желаю здравствовать всѣмъ князьямъ и боярамъ. Прошу покорно свадьбу играть отъ свѣту до свѣту тайнаго совѣту, винограду чернаго, вина зеленаго, сахару бѣлаго, быть человѣку смѣлому, прощу покорно раздаться по лавкамъ въ кругъ, по скамейкамъ въ кутъ, когда будутъ молодыхъ князь бояръ дарить, молодымъ князьямъ боярамъ дары принимать, не смѣяться и брать не ломаться; какъ дарили молодыхъ князей бояръ и какъ они будутъ отдаривать молодую княгиню, молодой княжнѣ принимать отдарки не чваниться, а будетъ чваниться, занадобится шелковая плетка о трехъ хвостикахъ, одинъ хвостъ тонокъ, другой дологъ, а третій стегать очень звонокъ. У нашей молодой княгини походка бастинька, поступка храбринька, рубашка катанная, личико глаженное, къ вамъ наряженное; за нашу молодую княгиню, атамана прихваливай, говори, приговаривай. Мы атамана не смѣемъ приговаривать, не умѣемъ; сколько знаемъ, столько скажемъ: при солнцѣ свѣтъ, при мѣсяцѣ луна, при царѣ Москва, при королѣ Литва, при нашемъ Батюшкѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ вся святая русская земля и вознесетъ его правая рука такъ крѣпко на всѣ орды, нѣмецки города, и нечестивы всѣ орды нѣмецки побѣжа и короли нечестивы задрожатъ. При священникѣ мѣсто свято. Богъ дай на радость молодому князю съ молодой княгиней быть многу союзу, съ бѣлой лебедью на синемъ на морѣ, на тихой заводѣ; въ домъ отцу и матери велика-хвала и радость. Богъ дай на радость тысяцкому человѣку, Богъ дай на радость всѣмъ князьямъ боярамъ, Богъ дай на радость двумъ храбымъ дружкамъ, молодымъ молодцамъ, удалымъ головамъ, кудривымъ обѣимъ бью челомъ, да низкой поклонъ, желаю здравствовать всѣмъ. Свадебные гости званы незваны, жданные нежданые, усаты, бородаты, холосты неженаты, молоды вожоваты, табашники, желванники, вишвы, плѣшивы, сопливы и возгрявы, по лавкамъ подъ порогъ, по скамейкамъ въ заворотъ, не всѣмъ помянно, а всѣмъ бью челомъ да

низкой поклонъ, а вамъ, красны дѣвицы, пирожны, мастерицы, горшечныя пагубницы, сметаны пакосницы, веретены свертены, серебряныя ряски, широки повлеку, долги вапесники, не вѣзмъ помянно, вѣзмъ бью челомъ да низкой поклонъ, особенно вамъ молодыя молодичи долги поводцы строчены, побурки точены, загулы оброчены, а вы молодичи молодужки красны кокошнички, косы подвлянички у васъ....»

За симъ предлагаемъ описаніе свадьбы въ селѣ Ракулѣ Холмогорскаго уѣзда, доставленное крестьяниномъ Дохтуровымъ.

Крестьянскій обычай изъ старины ведется: мужикъ вырастить дѣтей, сына или дочь. Безъ родительскаго дозволенія ничего не позволяютъ дѣлать: по своей любви даже и въ бракъ вступать, безъ согласія родителей, не могутъ женихъ съ невѣстою. Если сынъ себѣ избралъ по согласію и любви невѣсту, то родители его останавливаютъ, не даютъ дозволенія жениться; а хотя жениху невѣста и не нравится, то принуждаютъ ее брать насильно. Такимъ же образомъ и невѣста, хотя женихъ и не нравится ей—принуждаютъ идти насильно, даже и не спросить у невѣсты, просватываютъ, съѣзжаютъ, житье посмотреть, да напьются пьяны и сдѣлають смотрины. Когда первоначально женихъ сядетъ за столъ со своими родственниками, невѣстины родственники угощаютъ тѣхъ пріѣзжающихъ водкой. Когда невѣсту выведутъ, то всѣ пріѣзжающіе гости и женихъ встають съ мѣстъ, зажигаютъ съ иконъ свѣчку. Въ то время отецъ невѣсты выводитъ свою дочь, спрашиваетъ первоначально у отца жениха: любя ли? А отецъ и мать жениха смотрятъ и говорятъ, что хороша. Потомъ обращается къ жениху, спрашиваетъ его. А женихъ, не смотря ни на что, отвѣчаетъ: «любя не любя, да судьба привела». Потомъ женихъ выходитъ изъ-за стола, становится съ невѣстой рядомъ: отецъ невѣсты благословляетъ жениха и невѣсту иконою, а мать невѣсты хлѣбомъ-солью. По благословленіи женихъ заходитъ за столъ и садится на свое мѣсто; потомъ невѣстѣ кладутъ на подносъ платокъ, она подаетъ жениху, а женихъ невѣстѣ даетъ кольцо, потомъ уѣзжаютъ домой. Черезъ нѣсколько дней бываетъ такъ называемое плаканье: невѣста плачетъ. Къ ней собирается много народу: молдыхъ ребятъ и дѣвушекъ, и пожилыхъ мужчинъ, и женщинъ. Невѣста плачетъ, а дѣвушки, которыя родственницы и сосѣдки, садятся за столъ, а приходящія стоятъ въ комнатѣ, поютъ пѣсни свадебныя. А молодые ребята ходятъ, такъ называемо, съ приносомъ, заходятъ за столъ къ невѣстѣ и садятъ себѣ невѣсту на колѣни, а женщину, которая при невѣстѣ находится, садитъ напротивъ, и приплакивать этому парню какъ бы—на гульцѣ, а парень кладетъ на подносъ деньги—копѣекъ десять и болѣе, а женщина даетъ особенно по копѣйкѣ и по двѣ; потомъ этому

парню подаютъ браницу пива, онъ пьетъ и потомъ уходитъ, и такъ далѣе. А женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ гостинцами: привозитъ гостинцевъ и разныхъ закусокъ, и пришиковъ, и орѣховъ. Потомъ, спустя нѣсколько времени, бываетъ большое смотрѣнье. Наканунѣ этого смотрѣнья бываетъ сборище: собирается много народу. Когда женихъ пріѣзжаетъ на большое смотрѣнье, тоже и самъ сватъ сходитъ съ лошади и стучитъ въ стѣну до трехъ разъ, потомъ заходятъ въ квартиру, садятся гости по своимъ мѣстамъ, а сватъ на концѣ стола командуетъ дѣлами. Подлѣ свата сидитъ зпатокъ, такъ называемый колдунъ, его угощаютъ водкой. Потомъ какъ невѣсту выведутъ, спрашиваютъ у жениха: «та-ли?» Онъ отвѣчаетъ: «та». Потомъ невѣста обноситъ жениховыхъ родственниковъ водкой, потомъ и своихъ. Послѣ своихъ сосѣдей, какъ обнесетъ ихъ водкой, тогда даритъ родителей жениховыхъ; обдаритъ, уводитъ. Невѣста плачетъ. Женихъ выходитъ изъ-за стола, идетъ къ невѣстѣ. А дружка въ родѣ шафера, приговариваетъ: скокъ черезъ порогъ, едва ножки приволокъ, идетъ дружка локоношка, за спобу руками, за молитву зубами; здравствуйте, красныя дѣвицы, молодыя молодичи, пирожны мастерицы, а стары старушки (повивальны бабушки), горшечны пагубницы, сидите на печи, ѣшьте калачи изъ ржаного тѣста, тамъ вамъ мѣсто. Раздайтесь, разступитесь на всѣ на четыре стороны, да пустите нашего князя первообрачнаго до княгини первобрачна дати на бѣлы бѣлила, на красныя румяна. А ты, красная дѣвица, красна княгиня, первобрачна молодича, не куражься, гордость спѣсъ оставляй здѣсь, а низкій поклонъ клади, да къ намъ вези: у насъ горка крутенька, водица близенька, коромыслоцо тоненько, ведерышко маленько; подъ гору ходи не запинаясь, на гору ходи не задыхайся; у насъ огороды крѣпки, у васъ сарафаны рѣдки: по огородамъ не скачи, сарафановъ не дери; у насъ окошки высоки: по улицамъ ходи, на окошки не гляди молодыхъ ребятъ. За невѣсту отвѣчаютъ:

«Отдалъ меня батюшка не въ малую семью: свекоръ да свекровь да четыре деверя, двѣ золовунки и двѣ старыя тетушки. Отъ вѣнца меня везли, приговаривали. свекоръ говоритъ: «къ намъ медвѣдницу везуть», свекровь говоритъ: «къ намъ люту змѣю», деверья говорятъ: «петкаху везуть», золовки говорятъ: «непряху везуть», стары теткы говорятъ: «немолотильницу». Ужь я ночку проспала да и смѣнилась, ты позволъ-ка, свекоръ батюшка, по горенкѣ пройти, слово вымолвить: «свекоръ на палатахъ, какъ кобель на канатѣ, свекровь на печи, какъ сука на цѣпи, деверья-соколы ваши жены таковы какъ и я. Золовки-плутовки вамъ самимъ замужь идти, замужь пойдете, таковы же будете. Стары тетушки сорокосочки, вы сидите на печи, не указывайте,—и васъ поставлю на порогъ, да въ три шеи за порогъ».

Когда женихъ ѣдетъ сватать, то прежде забѣзаетъ къ

священнику на благословеніе, оба со сватомъ или со сватьей. Потомъ отправляются, куда намѣрены, сватать невѣсту. Высватавъ невѣсту, возвращаются обратно домой, — заѣзжаютъ въ кабакъ: берутъ четверть водки или полведра, по состоянію, даже и ведро. Дожидаются отъ невѣсты смотрѣть житъя, а по просватанію невѣсты, родственники отправляются смотреть его житъе. Какъ пріѣдутъ къ жениху, онъ выходитъ встрѣчать и кто есть при немъ родственники, зовутъ гостей въ избу, накрываютъ на столъ, наливаютъ по чашкѣ чаю, просятъ за столъ, но гости, не смотря на ихъ прошеніе, всё въ квартирѣ стоять стоймя и не садятся, и если женихъ не по праву, идутъ вонъ изъ квартиры. Если женихъ по праву, просятъ невѣстину родственники показать у жениха, что есть имущества на лицо: сколько скота и хлѣба, въ томъ числѣ и одежды. Все просмотрятъ, молятся Богу, и бьютъ рука объ руку, садятся за столъ, пьютъ чай и угощаются водкой до-пьяна. Потомъ возвращаются къ невѣстѣ. Невѣста встрѣчаетъ родственниковъ и плачетъ, бросается каждому въ ноги со слезами. Потомъ собираются въ той деревнѣ дѣвушки и пожилыя женщины къ невѣстѣ. Невѣста плачетъ и бросается въ ноги со слезами. Отецъ невѣсты по прибытіи отъ жениха, отправляется въ кабакъ, беретъ водки. Дожидають жениха на смотрѣнье; въ который день смотрѣнье собираются молодые ребята и дѣвушки, пожилыхъ лѣтъ мужчины и женщины, всё приходятъ къ невѣстѣ. Невѣста плачетъ съ причетами, при ней пожилыхъ лѣтъ женщина обучаетъ ее плакать и причитать во время свадьбы. За это время отъ невѣсты платятъ той женщинѣ чѣмъ-нибудь изъ хлѣба: пирогъ съ рыбой изъ ржаного тѣста и пироги на прѣсномъ ржаномъ тѣстѣ, начиненные яшновой на молокѣ простоквашей съ масломъ.

Съ тою же простотой описаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ замѣтательною подробностію, сватанье и сватья въ селѣ Курдоминскомъ Шенкурской волости, со словъ крестьянина Сысоева. Вотъ это описаніе.

Крестьянинъ-отецъ, вознамѣривъ женить своего сына, говоритъ напримѣръ: «Ванька, тебя станемъ женить». — Нѣтъ батъва, мнѣ не хотыце. «Что ты, дуракъ, не хотыце, кому же у насъ робить, вѣдь мати-то одна (называетъ свою жену для сына матерью), да и стара ужъ стала, и хотъ хватисъ и дровъ-то принести некому, вѣдь самъ знаешь, одинъ у каши-то не споръ, но ужъ не говори будемъ женить». — «Старикъ, (жена называетъ своего мужа) да на чьей дѣвкѣ-то, думаешь женить?» — «Вотъ те на чьей, да хотъ пойдѣмъ къ Пашѣ Благочинному, (по прозвищу называють одного мужика)». «Словъ нѣтъ, мужикъ знаетъ, что у насъ все есть, давай пожайдуй, дѣвака-то на работу ядрена, кого пошлѣшь въ сватовцы-то?» «Не знаю, кого же, да хотъ Василья Гора, который настоящий племянъ (одному мужику дано прозвище Васька Горе-пла-

чел), онъ лучше другаго высватить». — «Дакъ что, старикъ, сходи, пошли него, да вочто: вели нему Ваньку-то нашего хвалить, ну! что мужъ, какъ пойдетъ такъ ужъ будетъ хвалить, а не пойдетъ дакъ пошли Московку, (называютъ по прозвищу одну женщину), она не хуже, знаешь, Васьки Гора». Приходитъ старикъ (отецъ Ваньки) къ Васькѣ Горю, говоритъ: «выйди-ка, свать, со мной на пару словъ на дворъ!» Васька Горе говоритъ: «обологчись (т. е. одѣться), али въ одной рубахѣ?» «Да хотъ въ рубахѣ». Выходятъ на дворъ (въ сѣни). Говоритъ старикъ: «во что свать (называетъ Ваську Гора по маленькой роднѣ), я тебя хочу послать къ Пашѣ Благочинному». «Зачѣмъ?» «Да вотъ здумали со старухой-то женить Ваньку, у него кабытъ дѣвка хороша». «Да что говорить, хороша, я знаю всёхъ наперечетъ дѣвокъ-то». «Да какъ эта дѣвка не хороша, дакъ гдѣ другую-то лучше этой найдешь?»

Васька Горе приходитъ къ Пашѣ Благочинному. Говоритъ: «Павель, выйди на дворъ со мной не надолго! Не надолго выходить на дворъ. Говоритъ Васька Горе: «Павель, послалъ меня къ тебѣ Тарасъ Архиповчевъ, здумалъ сына женить, да что отдай дѣвку-то, парень-то хорошей». «Знаю, что хорошей, да что у меня вотъ большуха-то скажетъ» (Павель называетъ жену свою большухой). «Да что пойдѣмъ переговоримся!» Приходятъ въ избу Павла. Говоритъ Васька Горе (женѣ Павла). «Что, Яковлевна, (называетъ по отчеству) я пришелъ къ вамъ за дѣвкой (отъ Ваньки Козла) отъ Тараса Верхорѣчнаго, отдай за парня-то, — какъ хошь, давай дѣвку — парень хорошей стоитъ дѣвки, знаешь, вѣдь парень табаку не пыть (т. е. не нюхаетъ и не курить)». Потому это при первомъ разговорѣ объясняютъ, что здѣсь больше раскольники, этого табаку ненавидятъ: основываются на своемъ законѣ — что этотъ табакъ выросъ не на землѣ, а у одной блудницы дѣвки на естественной части, поэтому его ненавидятъ и это считаютъ за грѣхъ великій, и легче, говорить, жить необратно холостому парню съ дѣвницей, или даже съ женой чужой, съ замужнею, это считаютъ за грѣхъ евальный, и стоитъ отъ этого грѣха получить прошеніе: взять въ куриное яйцо т. е. въ скорлупу порожнюю влить, сколько войдетъ, воды, на себя вылить: тѣмъ получаютъ прошеніе и этимъ себя очищаютъ, а за употребленіе табаку человекъ проклятъ. Да вотъ еще почему многіе изъ православныхъ совращаются въ расколь, что живя многія лѣта значить и много имѣютъ грѣха, и чтобъ отъ грѣха избавиться, приглашаютъ по ихнему названію старшину старообрядческаго, просятъ его, чтобъ онъ перекрестилъ хотя-бы кого не было, изъ православія въ старую вѣру привелъ; тотъ старшина сейчасъ погружаетъ въ кадку, наполненную водою, совершаетъ свои молитвы и тотъ, перекрестившись чрезъ сего старшину въ водѣ, считаетъ себя спасеннымъ,

потому что, хотя многія лѣта жилъ, но всё нажитые грѣхи своею купелью обмылъ. Но возвратимся къ сватовству.

«Хватись, чего у мужика нѣту: хлѣба стараго полжитницы, четыре скотины на воду ходять, два теленка на сѣнѣ, пятигодовой быкъ на корму, конь тоже хорошій, одиннадцать овецъ и деньги водятся, домикъ живеть; а хоть изъ платья-то, шубъ бѣлыхъ сукманшиъ, у парня кафтанъ, рубаха дорогаго кумаку, тяжелье штаны, поясъ изъ дорогаго прядева шлёнской шерети, и кисти какія наведены, не то што двои кисти, да и концы-то у пояса разѣ на два вершка, да гдѣ на два, чуть не на три вышиты золотомъ, какъ срядитце, просто золотой, все бы на его глядѣль, ну что говорить! Парень ходитъ на сплавку, гроша не промотаетъ, не пьяница, а осень-то ходитъ въ лѣсъ: у него въ лѣсу насторожено сорокъ петлей, да тридцать кулемъ, сколько онъ переловитъ зайцевъ, есть ружье и собака, стрѣляетъ бѣлку, собака у него, говорить, хороша, я чуль у старовѣра Митрохи цѣлковый давали за собаку-то, и мортъ плести мастеръ, и рыбъ ловить въ озерахъ шустръ, да вѣдь ты самъ слыхалъ, отецъ-то говорить: мы тепере на свѣжихъ снимъ, а на утрахъ въ баню ѣздимъ, да просто все есть у нихъ». «Знаю что есть, ну такъ что говоришь, большуха?— говорить Паша своей женѣ, отдадимъ, за парня-то, стоитъ парень дѣвки нашей, отдадимъ давай. «Какъ хощь, отдавай». Васька-Горе: да что тутъ, давай. Павелъ, Богу со мной помолимся. Помолися Богу, ударилецъ по рукамъ. Васька-Горе говорить: побѣжу къ Ванькѣ за нимъ, сегодня придемъ съ виномъ и сосватаемъ. Приходитъ Васька Горе въ домъ Тараса Верхорѣвнаго, говорить: «слава Богу, выходилъ дѣвку». Тутъ Тарасъ—отецъ Ваньки и жена Тараса говорятъ: «ну выходилъ, такъ слава Богу». «Ну что дѣлать печего, Васька Горе говорить: оболкайся въ кафтанъ да поидемъ, зачѣмъ пошли». Одѣвается Ванька. Говоритъ Тарасъ, отецъ Ваньки: «что мнѣ нужно-ли ходить съ вами?» Васька-Горе говорить: «не надо, мы все безъ тебя сострацаемъ». Пошли, идутъ, дорогой говорить Ванька плачетъ и сватовцу Горю: «много-ли возьмемъ вина на сватанье, четверть?» «Какое четверть! говорить Горе: возьми полведра что-ль, дѣтинушка, тутъ соберется много дѣвушекъ и молодухъ, ну надожъ имъ бросить по стакашку». Взяли полведра, говорить плачетъ Горе: намъ вѣдь знаешь, плачеш не нужна, я вѣдь самъ плачеш. Приходить въ домъ къ Пашѣ Благочинному, женихъ молится Богу и говорить: «здорово живите». Будущая его теща: «проходитко, Иванъ Тарасовичъ», и такъ легко забѣгала, что худо слышитъ подъ собой ногъ своихъ, рукотерть схватила со снпцы, ну, лавки онахивать.—Говоритъ плачетъ Горе: «ну, Яковлевна, зачѣмъ пришли, то и дѣлать надо». «Что дѣлать, я вѣдь ей-богу не знаю, у насъ одна споена и скормлена Марфушка». Зарѣвѣла: «что это, что задумалъ ере-

тикъ (мужа своего ругаетъ), только у меня одна свѣтила въ глазахъ, охъ-ти-хти-хти тошнехонько, что мнѣ будетъ». «Не реви, Яковлевна, вѣдь это вѣкъ на вѣкъ дѣлають, не у насъ однихъ, какъ бы ты отдавала за табачника или за мотыгу, то бы тебѣ ревьтъ, а то, слава Богу, мужики живутъ дородне, всяка всячина есть. Ну, давай собирай на столъ, тани въ большой уголь, да веди невѣсту». (Невѣста въ это время въ клѣти одѣвается покрасивѣе). А тутъ начинаютъ еливаться со всѣхъ сторонъ дѣвки, молодухи и парни; посмотрѣть какъ будутъ что дѣлать. Женихъ со сватовцемъ садится въ большой уголь и приглашаетъ, чтобы, если вѣдь знакомые и родственники, за столъ посадили кого нужно, женихъ беретъ принесенное вино въ лагушкѣ, наливаетъ въ братынь, тутъ и ведутъ невѣсту закрытую, чтобы не могли видѣть ея лица, послѣ чего учиняеть она ревь во всю пась, женихъ же наливаетъ стаканъ полугара (вина), проситъ первоначально хозяйина, чтобы онъ выпилъ стаканъ водки, потомъ хозяйку, и послѣ ихъ пьютъ сами, женихъ и сватовецъ; женихъ выводитъ изъ-за стола невѣсту, вскрываетъ и подаетъ стаканъ вина, а она въ то время пѣсколько, какъ сказать по здѣшнему, чеченится т. е. какъ будто ей стыдно, да и страшно, однако принимаетъ и пьетъ; выпивши стаканъ, придетъ сватья увести въ малой уголь той-же избы и этотъ уводъ ей повторяють разъ до пяти, и тогда, окончивши водку, невѣсту опять закрываютъ.—Плачеш садится на скамью и всѣ дѣвушки въ порядокъ начинаютъ про невѣсту дѣлать плачный причетъ, а невѣста во время этого чрезвычайно реветъ:

Боецке мнѣ Господа да будетъ не убоецке.

Стыдитце отца матери да будетъ не устыдитце.

Крытце мнѣ подруженецкъ будетъ не укрытисе.

Подавать будетъ зыченъ голосъ:

По двору нову-городу, по двору нову-городу да по
высокому терему

На широкую на улицу, да по широкой по улицѣ

Во сусиди, во складники, въ порядны приближенные.

Хотя усудить, подивують со сторонъ добрые люди.

Пойдутъ да подивують удалы добрые молодцы:

Самоволька красная дѣвица

Въ дому у солнышка батюшка,

Да у солнышка у батюшки,

Да у родимыя матушки,

Напередъ я помолилася свѣту Господу Богу.

Я тогда благословилаъ у свѣта солнышка батюшки,

Я у солнышка у батюшки

Да у родимыя матушки,

Приходилъ же ко мнѣ батюшка

Близко не подилѣ. . . . .

Отдалъ мнѣ благословеньиче да мыкать горе велико

Спасибо тебѣ, батюшка,
 На великомъ благословеньи,
 Дайте во очи видити мнѣ родимую матушку,
 Отдай-во мнѣ, матушка, да велико благослове. . . .
 Дала ты мнѣ-ка матушка, да велико благослове. . . .
 Спасибо тебѣ, матушка, на великомъ благословень. . . .

Пѣсня эта поется въ то время, когда женихъ приходитъ къ невестѣ съ гостинцами. Послѣ этой пѣсни будутъ дѣлать причетъ невестѣ насчетъ родительскаго благословенья.

Въ этомъ причетѣ слова иногда не допѣваются. При распѣвѣ иногда нужно обратить вниманіе на склонъ, каждаго стиха; а что написано: послѣ окончанія сватанья поется «бѣетце и зычень голосъ»,—это ошибочно, потому что плачетъ оный рассказывала въ родѣ сказки, а какъ начала распѣвать, при пособіи дѣвухень, то вышло иное. Этотъ стихъ при первомъ случаѣ при причетахъ плачныхъ употребляется, но прежде этого стиха, когда женихъ расподаетъ принесенное вино, тогда до этого еще стиха про жениха поется пѣсня, которая съ самаго начала употребляется еще ранѣе сего стиха.

Пѣсни во время сватанья, употребительна сначала до плачныхъ причетовъ:

О диво лелю, младу мою.
 Иванъ Василисте напитокъ даетъ (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Даетъ онъ даетъ, приговариваетъ (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Отмойся бѣло да ходи хорошо (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Черезъ тынь не скачи, красновъ не дери (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Черезъ мость не ходи, своихъ пять не коли (2 раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Наша Василиста не плакуша была (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Два поля шла и не плакала (два раза).
 О диво лелю, младу мою.
 А третье пошла и заплакала (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Луки бозота вода понела (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Князья бодра перевозятся, перевозятся, переносятъ (два раза).
 О диво лелю, младу мою.
 Нашей Василисты не перевозуть, не перенесутъ (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Нашей Василисты чужа сторона (два раза)

О диво лелю, младу мою.
 Незнакома, не родимая (два раза)
 О диво лелю, младу мою. . . .

Плачный причетъ жениху во время сватанья:

Да ходилъ, гулялъ ясенъ-соколъ по чистому полю *)
 Заряжалъ да добрый молодецъ калену стрѣлу. . . .
 Говорилъ же добрый молодецъ рѣчи, таково слово . . . .
 Полети ты калена стрѣла на чужу, дальну сторону. . . .
 У моего у батюшки да ворота незатворенныя. . . .
 Да у моей-то у матушки двери незатворенныя . . . .
 У меня у красной дѣвицы да завѣса незадернута. . . .
 Залетѣла калена стрѣла да въ домъ ко солнышку
 батюшкѣ

Да ко солнышку ко батюшкѣ, да ко родимой ко мат. . . .
 Устрѣлила калена стрѣла во ретивое сер. . . .
 Стые да поры времени да весела не была. . . .
 Да стые поры времени да до сыта не ѣдала. . . .
 Да стые поры времени да до плотна не сыпа. . . .
 До сель мои родители были добры и жало. . . .
 Жилось у родителей да до поры да до вре. . . .
 Прошилъ меня батюшка да на вишь на зеле. . . .
 Пробилъ да руку правую съ дорогимъ злеченымъ перс. . . .
 Да названой чужой брателко да Иванъ сударь Тара. . . .
 Меня усудятъ подивуютъ да со сторонъ добрые лю. . . .
 Да почему-же красной дѣвицѣ чужой названной мой
 брат. . . .

Не-одной то воли города, не-одной подвинскіе ге. . . .
 Этотъ тотъ да добрый молодецъ славны топеской во. . . .
 Да въ топеской во волости да все дородны добры мол. . . .
 Все дородны добры молодцы, да хороши красны дѣв. . . .
 Тамъ дороденъ добрый молодецъ да добрымъ людямъ
 на за. . . .
 Да добрымъ людямъ на завидость да лихимъ на из-
 дивле. . . .

Ростомъ вѣточка зеленая, лицемъ наливная ягодка. . . .
 Въ три часу даливалася, да во одинъ часъ исполня. . . .
 Будри твои волосы, да золотыя коси. . . .
 Въ три ряду да завивалисе. . . .
 Въ первый рядъ да завивалисе да по плечамъ разм. . . .
 Въ другой рядъ да завивалисе да ко уху привива. . . .
 Въ третій рядъ да завивалисе да изъ кольца въ коль-
 цо мета. . . .

Да на всякой на кудриночкѣ да по скатной бисер. . . .
 Да на всякой волосиночкѣ да по золотой пота. . . .
 Тотъ средился доброй молодецъ да добрымъ людямъ
 на за. . . .

Да добрымъ людямъ на завидость, да лихимъ на из-
 дивле. . . .

Своему-то отцу матери да столько на посмотре. . . .

*) Окончаніе словъ не допѣвается.

Не уболять-то родители во всё очи по смотри. . .
Да поять, кормить родители да на свѣчахъ на
молеб. . .

Да свѣчи-то Богу ставить: они здоровьеча мо. . .
Да молебны-то служить они вѣку наставле. . .
Да сряжаютъ родители въ дорого цвѣтное пла. . .
Ты средился добрый молодецъ луче князя да бояри. . .
Лучше кунча гости торго. . .

Ты хорошей доброй молодецъ да добрымъ людямъ
на за. . .

Да добрымъ людямъ на завидось, да лихимъ на из-
дивле. . .

Житье ваше богатое словно ешее море. . .

Ты ходилъ да доброй молодецъ да въ гульбу молоде. . .
Въ гульбу да молодецкую да въ Питербургъ слав-
ный гор. . .

У тебя поступочка бурелькая да честь хвала мо-
лоде. . .

Тебя много да люди знаютъ да именовъ называ. . .
Именовъ тебя называютъ да вочной велича. . .

Да не могъ же ты жениться да въ угульбѣ молоде. . .
Приѣхалъ доброй молодецъ да въ домъ ко солнышку

батю. . .

Да ко солнышку ко батюшку, да ко родимой ко ма. . .
Вздумалъ же ты жениться на чужой дальней сто. . .

Мои честны родители, да глушыя неразу. . .
Отдали родители да на чужу дальну стор. . .

Да молодымъ я молодецонька, да зеленымъ зелене. . .
Подошелъ ты доброй молодецъ, да близко неподале. . .

Принесъ ты доброй молодецъ любочестные гости. . .
Да спасибо добру молодцу на любочестныхъ гости. . .

На многомъ да припошешыче, да на больномъ по-
даре. . .

На рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотой
гривнѣ. . .

Послѣ жениха принадлежитъ сватовцу нижеслѣдующий
причетъ:

У насъ въ дому у батюшки сидятъ за сряднымъ зо-
лотымъ столо. . .

Незнамые гости съ чужы дальныя стороны. . .

У батюшки родимаго да позву званья го. . .

У матушки родимыя да пожду жданные гости. . .

Да у меня у красной дѣвицы да неминуция го. . .
Да за грѣхъ будетъ не миновати да чужи дальныѣ
сто. . .

По такимъ грѣхамъ достанусе да за таково человекъ. . .

Жалосливой сидятъ брателко да Василей Ермолая. . .

Ты хорошей, доброй молодецъ добрымъ людямъ на-
завид. . .

Приходилъ же будущей сватовецъ въ домъ ко сол-
нышку бат. . .

Да ко солнышку ко батюшку, да ко родимой ко ма. . .
Да не хотче больша сватовца да именовъ называ. . .
Выводилъ у меня ты батюшку да изъ ума, да изъ
разуму. . .

Родимую-то матушку да изъ великия памяти. . .

Ты лукавилсе, вилавилсе въ дому у солнышка бат. . .

Хвалилъ ты да нахваливалъ да чужу дальную сторону.

Сказалъ ты на чужой сторонѣ да по два схожаго
солнышка.

По два младого мѣсяцу, по два теплаго лѣту. . .

Сказалъ ты на чужой сторонѣ, да по два колосу
наволо. . .

По два руна хлѣба сымають да по одному насѣва. . .
Хлѣба-то стоялаго да анбары иззасыпаны. . .

Денегъ-то лежалыхъ-то да сундуки иззасы. . .

Платя-то цвѣтнаго да грядки иззавѣш. . .

Говорить-то люди добрыя рѣчи таково слово. . .

Ныниче у сватовца да вся хвала потеря. . .

Не сходить на чужой сторонѣ да по два схожаго
соли. . .

Не катайтце на чужой сторонѣ да по два младого
мѣсяца. . .

Да иѣтъ-то на чужой сторонѣ по два теплаго лѣту. . .

Не приходитъ на чужой сторонѣ да по два колоса
навосо. . .

И иѣту на чужой сторонѣ хлѣба стоялаго да и де-
негъ лежа. . .

У нихъ холоду и голоду да анбары иззасыпаны. . .

Слезъ-то да горючихъ-то да сундуки иззаконешны. . .

Трапушечекъ, ремущечекъ да все грядки иззавѣ-
шены. . .

Этотъ ходитъ добрый молодецъ да во царевыя ка-
бани. . .

Да пропѣеть да промотаетъ да все село и деревню. . .

Какъ за грѣхъ будетъ неминовати да чужи дальныя
стор. . .

Да за грѣхъ будетъ житье неудачное. . .

Я тебя да больша сватовца стану клясти проклина. . .

Понесл ты лѣшой сватовца да далеко во темныя
лѣсы. . .

Во лѣсу-то заблудитися да и назадъ не воротится

Да какъ тебѣ да большу сватовцу да со горы сока-
титися,

Со горы да сокатитися да о камень заразитися.

Ото глупа неразумная, да душа красная дѣвица. . .

Проклинаю больша сватовца, мнѣ за грѣхъ будетъ

Не миновати да чужи дальныя стор. . .

А какъ на чужой сторонѣ да будетъ мѣсто издачное. . .
По уму будетъ по разуму чужа дальная сторона. . .
По обычью да понаровью чужой сынъ отецкой. . .
За тебя я больша сватовца да буду Бога молити,
Подай Богъ большу сватовцу житья долгаго вѣку. . .

Буду я ходити ко Божьей святой ко церкви
 Ко ранной ко заутрене да ко священной къ обѣдѣ. . .
 Стану класть на суда Бога сударь солнышка батюшка. . .
 Сталь онъ меня давати-то на чужу дальну сторону
 Большой сватовецъ силой не отымаеть да боемъ не
 отбиваеть. . .

Большому-то сватовцу да повелѣное дѣло. . .
 Какъ пойдешь да большой сватовецъ да на чужу даль-
 ну сторону

Да во путь да во дороженьку тебя виномъ напоеть
 Впередь большому сватовцу много даровъ насуля. . .
 Не радуйся ты сватовецъ да даромъ не веселися. . .
 Тебѣ не сто локоть даровъ достантце, тебѣ не цѣляя
 тысяча. . .

Только обойдется тебѣ одна мѣрная искосинка
 У большаго у сватовца жена не пряха, не ткаха.
 Куды-же искосинку да подернути будешь.
 Не знать себѣ да на портяночки, не знать жешѣ на
 искосинку.

Я пряла простыночку да во филиповое говинье
 На кирпичной на печкѣ да подь дымолочнымъ окош-
 комъ.

Ткала простынечку да во великое говинье. . .
 Окна не выставляла да близемъ не разшивала. . .
 У меня у красной дѣвицы на патонко прядено да
 и не начисто выткано. . .

Не на круто кручено, да и не набѣло бѣлено. . .
 Не на дары лажено. Лажена простынечка да на бѣлыя
 рубашечки

Не можете на меня чужы добрые люди
 Судомъ да посудити, да дивомъ подивовати,
 Подошеть-то ко мнѣ брателько близко не подалеку,
 Поднесъ да во бѣлыхъ рукахъ много злата и се-
 ребра. . .

Спасибо тебѣ, брателько, да на многомъ прино-
 шеньиче. . .

На многомъ да приношеньиче да на бульшемъ подар. . .
 На рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотой
 гривнѣ.

Эти причеты поеть плачя вмѣсто невѣсты.

Тотчасъ послѣ сватацья будетъ приготовленіе свадьбы
 какъ у невѣсты, такъ и у жениха (у той и другаго во-
 первыхъ завариваютъ пиво). Къ невѣстѣ во время де-
 вичника собираются всѣ дѣвушки, также и молодые парни
 той волости, въ которой она находится. Къ жениху
 собираются на дѣвичникъ родные и знакомые и прибли-
 женные сосѣди, для угощенія пивомъ, водкой (сивухой),
 частію хлѣбомъ-солью. Столъ во время мужскаго дѣ-
 вичника приготовленъ съ перемѣнами: на первый разъ
 тогда имѣются у нихъ щи съ говядиною, во вторыхъ
 кулебяки изъ соленой трески, въ третьихъ изъ палту-

сины, въ четвертыхъ изъ соленыхъ сигаговъ, послѣдняя
 перемѣна у нѣкоторыхъ—свѣжая рыба, послѣ этого
 сочни т. е. тонкія лепешки разосканы, величиною въ
 рѣшето, изъ ячной муки; а въ постное время для ухи
 варится сухая треска, мелко крошится, кладется въ
 глиняный горшокъ, прибавляется часть крупы и соли,
 все это уваривается, какъ слѣдуетъ и употребляютъ
 при первой перемѣнѣ. Тотъ же самый столъ, какъ
 во время дѣвичника и свадьбы у невѣсты, въ приго-
 товленіи кушанья съ перемѣнами находится и у же-
 ниха. Къ невѣстѣ во время дѣвичника собираются всѣ
 дѣвушки въ самомъ нарядномъ приборѣ, также молодые
 парни (а особливо щегольки); родные невѣсты сидятъ за
 приготовленнымъ столомъ, которыхъ отецъ и мать уго-
 щаютъ пивомъ, водкой (сивухой). Когда соберутся всѣ
 дѣвушки и усядутся по лавкамъ и скамьямъ, тогда
 плачя будетъ продолжать плачный причетъ, одному ка-
 кому либо парню богатому и хорошему, отъ котораго
 намѣрены получить гостинцы. Парень несетъ невѣстѣ
 гостинцы, также и плачя денежнымъ количествомъ, по
 возможности своей, а дѣвушекъ дарить пряниками. За
 симъ женихъ, во время дѣвичника своего, приглашаетъ
 сперва родныхъ своихъ, потомъ знакомыхъ ему пріятелей,
 въ княжескій поѣздъ, а равно крестнаго отца, котораго
 у нихъ называютъ тысяцкимъ и крестную мать по женихѣ,
 называемую сватьей. Если вблизи живутъ, какъ ты-
 сяцкой такъ и сватья, то во время дѣвичника спра-
 шиваютъ у приглашенныхъ: заготовлены ли у васъ
 колокольчики? (обычай въ здѣшнемъ мѣстѣ, ежели по-
 ѣдутъ за невѣстой, то привязываютъ къ дугѣ колоколь-
 чиковъ, около 12-ти штукъ; это дѣлается въ зимнее
 время). Въ отвѣтъ жениху во время дѣвичника, отвѣ-
 чаютъ, что колокольчики заготовлены. Онъ говоритъ имъ:
 «такъ пріѣзжайте завтра поранѣе всѣ»; а сторожъ тоже
 приглашается послѣ сватацья вскорѣ: онъ въ поѣзду глав-
 ное лицо, и потому называется главнымъ, что предохра-
 няетъ отъ порчи какъ невѣсту, такъ и жениха. Послѣ съ
 дѣвичника уходятъ домой, и назавтра пріѣзжаютъ всѣ
 поѣзжане, которые были приглашены въ домъ жениха, изъ
 оныхъ женихъ, какъ-то изъ ближайшихъ брата своего, а
 ежели нѣтъ его, то и зятя назначаетъ въ дружки, а сторожъ
 ранѣе поѣзжанъ находится при женихѣ; поѣзжане къ
 жениху не вдругъ всѣ собираются, кто пріѣдетъ прежде,
 того угощаетъ женихъ на повѣтѣ водкой и пивомъ, за
 каковое угощеніе пріѣхавшій даетъ жениху гостинцы—
 бараньихъ ходилъ, обернутыхъ платкомъ, ежели нѣтъ
 ходилъ, то даритъ кулебякой; такимъ же образомъ же-
 нихъ принимаетъ всѣхъ до послѣдняго и угощаетъ
 вышписанными гостинцами. Когда всѣ поѣзжане съ-
 ѣдутся, тогда начнетъ сторожъ готовить столъ къ
 кушанью: разстилаетъ первоначально скатертку во весь
 столъ, потомъ сажаетъ жениха, тысяцкаго (т. е.

крестнаго отца), сватью (т. е. крестную мать), потомъ позволяютъ жениху посадить первоначально брата своего, а ежели нѣтъ брата, то зятя, потомъ сажаютъ прочихъ рядомъ одинъ возлѣ другаго, сравнивая съ родомъ своимъ (ближайшихъ родомъ), сажаютъ въ большой уголь, и т. д. въ такомъ порядкѣ: женихъ, тысяцкой по лѣвую руку жениха, а сватья по правую на среднѣ женской лавки, а сторожъ напротивъ ихъ. Послѣ этого сторожъ благословляется у хозяина въ домъ и хозяйки рѣзать хлѣбъ, находящійся въ то время на столѣ. Они кланяются и благословляютъ и говорятъ: «съ Богомъ продолжай». Тутъ сторожъ противъ каждаго поѣзжанина кладетъ ржаные изъ хлѣба нарѣзанныя соски, затѣмъ всѣхъ обнесетъ тавиимъ же образомъ ячмымъ пирогомъ, потомъ скаными личными сочнями, всѣмъ дается по столовой ложкѣ. Послѣ этого сторожъ требуетъ отъ хозяйки на тарелкѣ (рыбниковъ, кудебьякъ) одинъ или два и кладетъ на тотъ и на другой конецъ стола по рыбнику и на средину онаго, и говоритъ хозяйкѣ: «неси уши», въ постный день, а ежели въ скоромный, шей и говядины на тарелкѣ; а хозяйки во время приготовления стола по приказанію сторожа приносятъ штофъ вина (полугару). Когда все сторожемъ приготовлено: тогда встаетъ весь княжескій поѣздъ на ноги и начинаетъ молиться Богу, а сторожъ въ это время читаетъ молитву: Отче нашъ и т. д.; когда прочтеть всю молитву, поѣзжане отвѣчаютъ: аминь, садится всѣ по своимъ мѣстамъ; по позволенію сторожа выходятъ изъ-за стола два дружки, берутъ въ руки штофъ съ виномъ и подаютъ изъ онаго на подносѣ съ двумя рюмками: первоначально хозяйку и хозяйкѣ дома, потомъ тысяцкому. Дружка въ это время читаетъ молитву «Господи Іисусе Христе Сыне Божій! помилуй насъ», а тысяцкой приноситъ рюмку и отвѣчаетъ ему: аминь, также и сватья; а женихъ въ это время стоитъ и кланяется, и весь тотъ день не употребляетъ хлѣба и питья до тѣхъ поръ, пока не обѣднчается и не привезетъ въ домъ своей невѣсты. Подаютъ далѣе сторожу, сами дружки выкупаютъ по рюмкѣ, послѣ этого всѣмъ подаютъ по порядку поѣзжанамъ, а сторожъ даетъ хозяйку сочень, и говоритъ: раздѣлите съ хозяйкой пополамъ. Раздираютъ сочень и ѣдятъ. Хозяйки просятъ весь кушо княжескій поѣздъ кушать хлѣба-соли, кланяется: «кушайте гости». И они послѣ хозяйки приступаютъ къ кушанью, а собравшійся въ это время на посмотриніе народъ хозяйки угощаетъ пивомъ, нѣкоторымъ подаютъ по рюмкѣ вина. Когда всѣ откупаютъ, и молятся Богу и сторожъ читаетъ ту же молитву: «Отче нашъ» а въ это время горитъ свѣча у иконы. Женихъ по окончаніи стола подаетъ тарелку для собиранія со всѣхъ поѣзжанъ денегъ, кто сколько пожелаетъ. А сторожъ въ это время жениху ко кресту и всѣмъ поѣзжанамъ приближаетъ воскъ для предохраненія, чтобъ не могли испортить кого въ поѣзду. Послѣ этого

женихъ собираетъ съ тарелки деньги и кладетъ въ свой кошелекъ; выходятъ изъ-за стола всѣ. Женихъ падаетъ отцу и матери въ ноги, также крестному отцу и крестной матери, просить у нихъ благословенія къ благополучному браку. Они его благословляютъ и гладятъ по головѣ рукой не голой, съ задернутымъ рукавомъ. Сватовець беретъ съ собою для угощенія родственниковъ невѣсты и прочаго тутъ на свадьбѣ парода, лагушку шва, сватья — большой платокъ для закрытія невѣсты, а сторожъ — двѣ свѣчи для зажженія. Выходитъ весь княжескій поѣздъ изъ избы и садится всякъ на свою лошадь, потомъ выѣзжаютъ на улку и становятся врьдъ, одна лошадь за другой, т. е. кому надлежитъ за кѣмъ ѣхать, первымъ надлежитъ ѣхать дружкамъ, далѣе поѣзжанамъ, тысяцкой посреди поѣзжанъ, а женихъ позади тысяцкаго; за женихомъ сватья, за сватьей сторожъ; когда такъ установятъ весь поѣздъ, тогда обходитъ сторожъ всѣхъ лошадей кругомъ: первыхъ гладитъ за чѣлку. Это дѣлается для того, чтобъ дорогой падъ конями не посмѣялись. Бывали случаи, что во время проѣзда вдругъ лошади всѣ останавливаются и впередъ не идутъ. (Это, говорятъ, какой-то человекъ падъ сторожемъ смѣется: поставилъ на самую дорогу медвѣдя). Какимъ это способомъ дѣлаютъ, неизвѣстно, а на это у нѣкоторыхъ, какъ говорятъ, есть такія слова, принадлежащія дьяволу. Дружки по прибытіи сейчасъ ѣдутъ скоро на въѣздъ, вдругъ въ это время ворота у невѣсты запираютъ, а дружка первой начинаетъ щелкать ниже-слѣдующія слова:

Щелкальня слова съ вопросами, и противъ оныхъ отвѣты.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій! помилуй насъ.

Это произносятъ на первый разъ, (на это отвѣчаютъ: аминь вашей молитвы. Что вы за люди и зачѣмъ приѣхали?) Мы люди Божіи да государевы, насъ два посла посланника, двѣ дружки передоѣзжихъ. Мы посланы отъ князя первообрашнаго, мы приѣхали къ вашему дому, не нахально, не навально, по первому зву по сватовству, по другому рукобитью, по третьему данью, рукоданью; мы ѣхали чистыми путями, зелеными лугами, наволочными мѣстами, дремучими лѣсами, лѣсы дремучіе, болота зыбучія, грязи топучія, ручьи ребиновы, мосты калиновы, озера тихія, рѣки быстрыя, моря чистыя, мы ѣхали увѣками, переулками, искали кунницы и лисцы, не нашли ни кунницы, ни лисцы, только нашли одинъ куній слѣдъ. Тѣмъ же куннымъ слѣдомъ ѣхали, гонили и всѣхъ молодцовъ притомили; доѣхали до блага шатра до господскаго дому. (Есть ли у васъ въ домѣ господинъ хозяйнъ?) (Есть). Господинъ хозяйнъ, куній слѣдъ отводи, не то красную дѣвицу выводи, насъ молодцовъ

въ пути и дорогѣ не держи, нашего князя первобраш-
наго въ чистомъ полѣ не томи. Господишъ хозяйинъ,
наши кони приближись, всѣ молодцы притомились, по-
звольте нашимъ конямъ сѣна зеленого, овса ядренаго,
сѣна до колѣна, овса до глазъ. (Есть вашимъ конямъ
солома ржаная и та гнилая). Г. хозяйинъ, мы къ тебѣ
приѣхали, не по рожь, не по пшеницу, но по красную дѣ-
вицу. (Какія на вашей дѣвицѣ примѣты?) У насъ на
дѣвицѣ примѣты: бѣлобисерной почелокъ, сидитъ она
въ бѣломъ шатрѣ, высокомъ терему, въ дѣввѣй бесѣдѣ,
въ женскомъ порядкѣ, на брусовой лавкѣ, подѣ черной
фатой, подѣ бѣлымъ платкомъ. Ручками помахиваетъ,
головкою покачиваетъ, умилно припѣваетъ, своихъ ро-
дителей поминаетъ, а насъ молодцовъ въ пути въ до-
рогѣ дожидаетъ. Господишъ хозяйинъ, есть ли у васъ у
воротъ—приворотники, у дверей—придверники, у сто-
ловъ—пристольники, у печи—стряпчѣ люди. Ваша стряп-
ка отъ печи бросилась, на курьемъ говнѣ раскатилась,
о петь зубами хватилась. Господишъ хозяйинъ, есть ли
нашимъ конямъ караульщики? (Своихъ приставъ). Чтобъ
тѣ же караульщики ворота отпирали, высоки подворот-
ники вымали, чтобы наши кони ногъ не переломали и
копытъ не заломали; что же, господишъ хозяйинъ, этого
дня не хотѣлъ воротъ запираеть и дверей затворять, съ
чего ворота заперъ и двери затворилъ, или съ какого
позволенія взялъ? (Потому ворота запираю и двери зат-
воряю, вашъ княжескій поѣздъ въ одно мѣсто сидаю).
То ваши не отговорки, а нашъ княжескій поѣздъ не въ
разсорѣ.—Тогда отворяють ворота, дружки заходятъ въ
комнату приговаривая: «за скобу руками, за молитву
зубами». Помолвившись Богу одинъ изъ нихъ продолжаетъ:
«Здравствуй, господишъ хозяйинъ, съ женой и съ дѣтьми,
приходящими гостями, посланникомъ посланнымъ отъ
князя первобрашнаго; велѣлъ спросать про княгиню
первобрашную, челомъ ударить низкій поклонъ отдать.
Князь первобрашный спрашиваетъ, добра ли-здорова,
также велѣлъ сказать про свое здоровье. Остается онъ
въ чистомъ полѣ, въ пути и въ дорогѣ, въ широкихъ
раздольяхъ, подѣ краснымъ солщемъ, подѣ свѣтлымъ
мѣсяцемъ, подѣ теплыми муравами, подѣ темными обла-
ками, подѣ частыми мелкими звѣздами, съ княжимъ ты-
сяцкимъ, съ княжей сватьюшкой и со всѣмъ молодымъ
съ княжимъ поѣздомъ, съ духовнымъ отцемъ. Доброе
здравіе, еще же г. хозяйинъ, велѣлъ нашъ князь пер-
вобрашный челомъ ударить, низкій поклонъ отдать и при-
казалъ намъ спросить: желаешь его въ домъ къ себѣ?»
«Милости прошу». «Когда милости просишь, теперь онъ
приказываетъ становить столы дубовые, разстилать ска-
терти шелковыя, неси на столъ питья, яствы разныя,
яствы сахарныя, рюмки хрустальныя, ситныя бѣлыя хлѣбы,
островыя рыбы, гусей, лебедей, сѣрыхъ плаучихъ утицъ,
пива божку плянаго, станови на столъ вина зеленого,

покорми весь молодой княжескій поѣздъ: княжаго ты-
сяцкаго, княжую сватьюшку, также и насъ молодцовъ не
забывай». Послѣ сего подходятъ къ невѣстиной сватьѣ
и одинъ причитаеть: «здравствуй, сватья, наша сватья
вашей сватьѣ поклонъ присылала, велѣла челомъ уда-
рить, челобитые справить, честь воздать, низкій поклонъ
отдать, велѣла встрѣтить въ пути и въ дорогѣ въ по-
лотяныхъ дверяхъ, на калиновомъ мосту, чтобъ были
у вашей сватьи ноги съ подходомъ, руки съ поднесомъ,
голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, велѣла
встрѣтить съ пивомъ да съ виномъ, со пшеничнымъ пи-
рогомъ; еще краснымъ дѣвицамъ и молодымъ молодичамъ,
гостямъ приходящимъ всѣмъ вообще купно низкій по-
клонъ, старымъ старухамъ по шилу въ жопу». По про-
четѣ сихъ словъ, подноситъ невѣстина сватья дружкамъ
на тарелкѣ по плату и сочню. Тогда выходятъ дружки
изъ избы на улицу къ поѣзжанамъ, сторожъ идетъ
впереди, а дружки позади. Обходя кругомъ поѣзда, сто-
рожъ гладитъ каждую лошадь за гриву или по заду,
а дружки приговариваютъ противъ каждаго саней, въ
которыхъ находится поѣзжане: Милости просимъ, кня-
гиня первобрашная, въ домъ! И родественники ея тогда
въѣзжаютъ во дворъ по порядку одинъ за другимъ, какъ
слѣдуетъ. Хозяинъ принимаетъ въ избу и садитъ за
столъ, а сторожъ распоряжается, имѣетъ наблюденіе какъ
прежде сидѣли у жениха, такъ должны сидѣть и у не-
вѣсты, лишь только усядутся, сторожъ требуетъ у хо-
зяина огня. Когда сторожъ получить отъ хозяина огня,
зажигаетъ свѣчку, находящуюся у иконы въ большомъ
углу, свитую изъ двухъ. Всѣ встають, которые на-
ходятся за столомъ, а сторожъ читаетъ молитву:
«Отче нашъ». По прочтеніи сей молитвы всѣ отвѣ-
чаютъ: аминь, садятся на прежнее свое мѣсто, а
дружки тогда выходятъ изъ-за стола и несутъ при-
готовленное хозяйномъ пиво, а сторожъ въ это время
благословляется у хозяина, разстилаетъ на столъ ска-
тертку и разрѣзываетъ хлѣбъ, кладетъ каждому по
скоску рѣзаннаго хлѣба, покрываетъ, ежели въ скором-
ные дни, ячными пирогами, поверхъ ихъ сочнями и тре-
буетъ отъ хозяйки во-первыхъ кулебакъ, потомъ щей
или ухи, смотря по времени постнаго или скоромнаго
дня. Также спрашиваетъ хозяина: есть ли, хозяйинъ, у
тебя водка? Тогда выноситъ хозяйинъ штофъ полугару
(вина), сторожъ получаетъ вино и подаетъ дружкѣ.
Дружка налиываетъ двѣ рюмки вина и подаетъ во-первыхъ
хозяину, потомъ хозяйкѣ, тысяцкому, сватьѣ. Дружка
выпьеть самъ рюмку и подаетъ далѣе. Второй дружка
за нимъ велѣдъ подаетъ по стакану пива и говоритъ:
«Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Принимаящій пиво отвѣчаетъ: аминь. При обносѣ
всѣхъ виномъ и пивомъ, сторожъ приказываетъ за-
тушить свѣчку у иконы. Послѣ этого принимаются

кушать. Невѣста во все это время реветъ, а плачя продолжаетъ плачные стихи дѣвушкамъ до приѣзда брака. Когда откушаютъ, сторожъ принуждаетъ плакать поѣзжанамъ за столъ, и говоритъ: уже не рано стало, чтобъ намъ не опоздать къ вѣчанію. Плачя послѣ этого начинаетъ причитать тысяцкому, потомъ дружкѣ и поѣзжанамъ. Во время этого причета, дружка приноситъ дары невѣстѣ и плачѣ деньгами, по возможности своей. Когда подходитъ къ невѣстѣ то произноситъ нижеслѣдующія слова: Красныя дѣвицы, молодыя молодницы, подбирайте рѣзвыя ножки, дайте свѣту изъ окошка, подойдите къ сударынь челомъ ударить, челобитые справить, честь воздать, низкій поклонъ отдать, а ты, сударыня, не будь горда, а будь вожовита, гордость, спѣсь подъ лавку спрячь, лѣнь, потяготу въ подполье кинь. Ты, сударыня, не плачь, не тужи и ни о чемъ не воли, у нашего батюшки вода близенько, ушатцы маленьки, коромысла тоненьки, прими, сударыня, на красныя румяна, на бѣлыя бѣлыя, за то што тонко пряла, ситно ткала, коробейку крутила, намъ молодцамъ наровила. Ты, сударыня, не ломайся, сама разувайся, у насъ побудешь и насъ разуешь, иди не съ вѣрой, а къ вѣрѣ.

Когда невѣста приметъ гостинцы, также и плачя, послѣ этого начнетъ дарить всѣмъ дѣвушкамъ прищипки; принимая ихъ дѣвушки низко кланяются. Когда окончится весь столъ плачными причетами, тогда у родителей стануть просить благословенія, подойдутъ къ невѣстѣ отецъ и мать съ благословеніемъ, и вскорѣ стоящіе по сторонамъ невѣсты, одѣтой во всемъ снаряжномъ уборѣ, проводники подхватываютъ ее подъ руки, а она въ это время сидитъ; тогда тысяцкой и сватья, находящаяся за столемъ, поднимаютъ жениха подъ руки, а невѣсту проводники, поѣзжане жъ, сидящіе за столемъ, такъ и прочій на свадьбѣ народъ, кричатъ: стаеть, а проводники кричатъ: егала, и стараются такъ, чтобъ жениху и невѣстѣ встать вмѣстѣ на ноги т. е. въ одну минуту, а нѣкоторые со стороны смотрятъ на происходящее и размышляютъ: ежели невѣста стала послѣ жениха, то она будетъ надъ мужемъ имѣть большинство, у поѣзжанъ за столемъ въ это время свѣча у иконы за-свѣчена. Послѣ этого проводники ведутъ невѣсту, привязанную однимъ концомъ къ правой рукѣ полотенцомъ и отдаютъ прямо жениху чрезъ столъ. Женихъ, принявши невѣсту за полотенцо, оставитъ ее возлѣ себя, вертитъ вокругъ себя три раза и старается послѣ этого, когда будутъ садиться, чтобъ платье невѣстино подъ себя засѣсть; кромѣ этого приравниваетъ сѣсть на одно колѣно. Когда сѣли, въ то время кричатъ: «на многія лѣта» до трехъ разъ, а со сторонъ кричатъ: «сватовець, пожалуй табакъ, а тысяцкой княжнаго пива!» А сватья даетъ всякому тутъ на свадьбѣ гостинцы (яичныхъ сочней, а поособеннѣ кому пшеничныхъ пи-

роговъ). Послѣ того будущая теща подноситъ жениху на братынь (съ пивомъ) ситцевой платокъ фабричнаго издѣлія. Принявъ братынь съ платкомъ, зять тотчасъ изъ кошелька вынимаетъ и кладетъ въ ту братынь отъ 1 р. до 5 руб. и болѣе, и отдаетъ назадъ тещѣ, она же, сливши пиво, собираетъ деньги и отдаетъ обратно жениху т. е. зятю своему, и говоритъ: «у насъ пива нѣтъ продажнаго»; а дѣвушки и молодцы въ это время поютъ пѣсню:

У князя было князя
У князя молодого (2 раза)
У Ивана та свѣта
У Ивана та свѣта,
У Тарасова сына (2 раза)
Были кудри золотыя,
Золотыя, навитыя
Навитыя и накладныя;
Что по этимъ по кудрямъ
Тестъ зятя любитъ,
За зятемъ то ходитъ,
Сто рублей денегъ носитъ,
Зять съ лавки не сойдетъ,
Съ головы шапки не сойдетъ,
Онъ челомъ не ударитъ,
У насъ этого дару
Дару дома довольно,
Довольно сыздовольно,
Што у батюшки роднаго,
А што у матушки родныя.
У князя было князя
У князя молодого (2 раза)
У Ивана та свѣта
У Ивана та свѣта
У Тарасова сына (2 раза)
Были кудри золотыя
Золотыя, навитыя
Навитыя и накладныя,
Что съ по этимъ по кудрямъ
Теща зятя любитъ,
За зятемъ то ходитъ
Сто локоть даровъ носитъ;
Зять съ лавки не сойдетъ,
Съ головы шапки не сойдетъ,
Онъ челомъ не ударитъ
У насъ этого дару
Дару дома довольно
Довольно сыздовольно,
Што у батюшки роднаго,
Што у матушки родныя.
У князя было князя
У князя молодого (2 раза)

У Ивана та свѣта
 У Тарасова сына (2 раза)
 Были кудри золотыя
 Золотыя, навитыя
 Навитыя накладныя,
 Что съ по этимъ по кудрямъ
 Шуринъ зятя любитъ
 Онъ за зятемъ то ходитъ,
 Примѣрно сказать,
 Марфу душу выводитъ,
 Зять съ лавицы сойдетъ,
 Съ головы шапку сойметъ,
 Онъ челомъ приударитъ
 У насъ этого дару
 Дару дома-то нѣту,
 Што у батюшки роднаго
 И у матушки родныя.

За этимъ вскорѣ невѣсту принимаютъ опять тѣ же проводники и уводятъ изъ-за стола въ клѣть (гдѣ она одѣвается по красивѣе подъ надзоромъ невѣстиной сватьи), а сторожъ тогда скажетъ: не облиси другой невѣсты. Когда срядятъ, невѣстница сватья ведетъ ее за столъ и отдаетъ жениховой сватьѣ, женихова сватья накладываетъ привезенный ей платокъ и закрываетъ все лицо и сажаетъ на старое мѣсто. Посидѣвши тутъ немного, находящійся за столомъ сторожъ распоряжается, проситъ у хозяйки какъ выше описано, щей или ухи, неразломанныхъ кулебякъ, потомъ ячныхъ пироговъ и сочней, а отъ хозяйки вина (полугару). Сначала подаетъ хозяйку и хозяйкѣ, а далѣе, какъ выше описано; поѣзжане въ это время закусываютъ. Когда окончатъ водку и закусятъ порядочно, вдругъ встаютъ, молятся, какъ было сказано, и читаютъ молитву: «Отче нашъ», потомъ выходятъ изъ-за стола всѣ поѣзжане, а невѣсту изъ-за стола берутъ проводники за платъ и сажаютъ на приготовленную лошадь. Урядивши, какъ слѣдуетъ, всѣхъ лошадей, сторожъ опять кругомъ оныхъ обхаживаетъ, какъ ѣхали за невѣстой т. е. кому за кѣмъ надлежитъ. Ранѣе было за женихомъ ѣхала сватья, а нынѣ невѣста со своими проводниками, за невѣстой—невѣстница сватья, за оной женихова сватья, а сторожъ самый послѣдній. Проѣхавши немного вдругъ дружки ворочаются назадъ къ бывшему хозяину (т. е. невѣстному отцу) и, зайдя въ избу, произносятъ слова: «здравствуй, господишь хозяйинъ, нашъ князь первообрашный столоваль, пироваль, не изломаль-ли мѣднаго, желѣзнаго, оловяннаго и деревяннаго, ежели изломаль, то завтра будутъ расплачиваться серебромъ и золотомъ». Послѣ этихъ словъ хозяйинъ угощаетъ ихъ водкой. Когда приѣдутъ къ вѣнцу, заходятъ первоначально въ трапезу, невѣста садится тогда возлѣ жениха по лѣвую руку, а сватья

невѣстница возлѣ невѣсты. Потомъ вѣнчаются какъ слѣдуетъ. Когда обвѣнчаются, тогда женихъ съ своей женой садится въ одни сани, а прочіе поѣзжане по прежнему, и отъѣзжаютъ отъ церкви къ жениху въ домъ. По прибытіи туда, родственники встрѣчаютъ обвѣнчанныхъ ржанымъ хлѣбомъ, которымъ колотятъ въ темя того и другого до трехъ разъ, а отецъ жениха встрѣчаетъ ихъ съ иконой, кладетъ имъ на голову и такимъ же образомъ продолжаетъ, послѣ этого икону даетъ цѣловать тому и другому (мать жениха въ это время къ невѣстѣ кидается подъ закрытый платокъ и смотритъ въ лице ея, правильно ли наложено на голову и кромѣ того любитъ, хороша ли привезена сыну своему жена), а прочіе родственники подаютъ по рюмкѣ вина и по стакану пива. Въ это время некасательныхъ къ свадьбѣ лицъ собирается множество, такъ что трудно войти поѣзжанамъ въ избу. За этимъ заходятъ въ избу всѣ, кланяются Богу, какъ невѣста такъ и прочій народъ. Обвѣнчанные уходятъ прямо за столъ вмѣстѣ съ тѣснѣшимъ и сватьей и садятся на средину женской лавки. Послѣ чего сторожъ приступаетъ собирать на столъ кушанье. Собравши такимъ же образомъ, какъ выше сказано, засвѣчаетъ свѣчку, свитую изъ двухъ, ставитъ по прежнему и читаетъ молитву: «Отче нашъ» и т. д. По прочтеніи всѣ садятся: какъ сидѣли у невѣсты въ время стола, такъ должны сидѣть и у жениха т. е. кому за кѣмъ слѣдуетъ, а проводники невѣстницы садятся въ большой уголь, т. е. возлѣ тысяцкаго. Усадившись, какъ должно быть, хозяйинъ приноситъ вина и угощаетъ подаетъ сначала тысяцкому, потомъ сватьѣ невѣстниной далѣе молодымъ, самъ выпьетъ съ женой по рюмкѣ послѣ того подноситъ сторожу, потомъ всѣмъ поѣзжанамъ по порядку, а молодая вмѣстѣ со сватьей низко кланяется каждому, кто приметъ чарку вина. По обносѣ всѣхъ пивомъ, начинаютъ кушать всѣ, не исключая и молодыхъ, которые до этого времени не употребляли какъ хлѣба, такъ и питья. Покушавши немного, опять обносятъ виномъ такимъ же образомъ, а прочіе домашніе родственники угощаютъ всѣхъ пивомъ. Молодой т. е. мужъ своей женѣ, а столomъ говоритъ потихоньку: ѣшь, и подкладываетъ подъ руки ея кулебяки изъ какой-нибудь рыбы, и прямо тутъ, что есть на столѣ. Когда отъѣдятъ, тогда невѣстница сватья раздаетъ привезенные съ собой гостинцы, сначала сидящимъ за столомъ, потомъ на сторону прочему народу: сочни изъ ячной муки (смотря по времени какое позволяется кушать т. е. постное или скоромное, а нѣкоторымъ пшеничные пироги). Когда соберутъ со стола кушанье въ корзины, каждый изъ поѣзжанъ въ это время кидаетъ въ скопу ржаного хлѣба; этимъ себя оказываютъ т. е. честь отдають молодымъ, сторожъ собравши со стола все, отдастъ хозяйкѣ. Столы затѣмъ убираютъ прочіе. Мать

обвѣчаныхъ приходитъ и срываетъ съ невѣстки на-крытый платокъ. Невѣстка послѣ этого падаетъ въ ноги матери своей т. е. (родной мужу своему), потомъ отцу до трехъ разъ и всѣмъ домашнимъ такимъ же образомъ; когда воздастъ честь поклонами, тогда уходить. Невѣстинъ родной отецъ прѣзжаетъ съ платками послѣ княжескаго поѣзда; мужъ ведетъ ее разбирать подарки въ другую комнату, разобравши подарки, приходитъ на старое свое мѣсто и дарятъ во-первыхъ: сынъ со своей женой — отца и мать и проч. домашнихъ, одаривши родныхъ, одариваютъ поѣзжанъ: даютъ каждому по платочку ситцевой матеріи на стаканъ. Принявшіе подарки, какъ родители, такъ и поѣзжане, пьютъ отъ обвѣчанныхъ по стакану пива; выпивши стаканъ, спускаютъ на дно онаго деньги, кто сколько пожелаетъ и благодарятъ жениха за подарки. Посидѣвши немного, поѣзжане еще отъ обвѣчанныхъ пьютъ по стакану пива и уѣзжаютъ по своимъ мѣстамъ домой. Послѣ этого у хозяина (т. е. женихова отца) будетъ празднество на счетъ угощенія виномъ (проводниковъ невѣстныхъ, сторожа и обвѣчанныхъ). Посидѣвши немного сторожъ поведетъ обвѣчанныхъ на подлѣтъ т. е. спать и говорить имъ слова въ вино, которое послѣ и подастъ выпитъ. Эти слова здѣшними жителями признаны: ежели хорошъ сторожъ, т. е. ученый, то онъ наговоритъ такихъ словъ въ вино и подастъ обвѣчаннымъ выпить, что во всю жизнь свою станутъ другъ друга любить страстно, словомъ, будутъ жить, что нельзя лучше.

Обряды свадебные, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уѣзда, описаны были священникомъ Алексѣевымъ. Описание начнётся сватовствомъ:

Желающій жениться на избранной невѣстѣ, посылаетъ съ благословенія родителей, къ родителямъ ея бойкаго свата, или сватью. Для достиженія успѣха свать встаетъ предъ иконою Божіей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ слѣдующія слова (подходъ): «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, стану я рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чисто-поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему Иисусу Христу и матери Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ и всѣмъ святымъ, надѣну утро-ранній бѣлый свѣтъ и застегаясь утро-ранними мелко-частыми звѣздами, умоюсь мокрою росою соломонією, утруся бѣлымъ полотенцемъ, бѣлымъ свѣтомъ, наложу парскій колпакъ, пойду къ рабу божію ко властелину (имя рекъ) въ свѣтлые очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ божій (имя рекъ) зрѣть и глядѣть на мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа Царя небеснаго: такъ и на меня бѣ (имя рекъ) раба божія зрѣлъ и глядѣлъ, и ярымъ окомъ не взбудилъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряхнулъ, и ногой не топнулъ.

и зла лиха не подумалъ. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь».

По приходѣ въ домъ невѣсты, послѣ пожеланія имъ здравія, говоритъ: у меня женихъ, а у тебя невѣста, сведемъ ихъ вмѣстѣ. Тѣ отвѣчаютъ свату: «покорно благодаримъ на поисканіи», и, отложивъ положительный отвѣтъ до другаго дня, ѣдутъ смотрѣть жиру (домохозяйство) жениха, если оно неизвѣстно имъ. На этотъ случай небогатый женихъ старается приукрасить свою жиру и обмануть посѣтителей; сосѣди приносятъ ему кто самоваръ, кто одежду и даже пригоняютъ лишнюю корову въ хлѣвъ.

Поправились жира, составляются *уговорки о приданомъ*, о дарахъ, о днѣ бракосочетанія. Свѣзжаются въ домъ невѣсты, женихъ съ родителями и самыми ближайшими родными, привозятъ съ собою вино, мякушки (хлѣбъ ржаной) и рыбники (пирогъ съ рыбою), является къ жениху невѣста, молится Богу и прикладываются *ко Св. иконѣ* въ удостовѣреніе справедливости уговорки. Послѣ того женихъ подноситъ невѣстѣ *рюмку* водки и *даритъ* платьемъ, а невѣста отдариваетъ жениха платьемъ, первоначально подавъ ему также рюмку водки, затѣмъ всѣ садятся за столъ, угощаются привезенными яствами, а послѣ стола богатые родители невѣсты угощаютъ жениховое родство чаемъ. *Уговорку* эту называютъ *винопитіемъ*, на коемъ говорятъ *пропивается двѣка замужъ*.

Наканунѣ брачнаго дня въ домъ невѣсты совершается *завлачка*. Собираются дѣвушки, зрители и плачен, невѣста садится въ большомъ углу подъ иконою въ повязкѣ закрытая (фатою) платкомъ. Плачен начинаютъ водить (пѣть) стихи толстымъ голосомъ, а невѣста подъ ихъ тонъ неистово плакать. Вотъ эти стихи.

а) Родителямъ:

«Благослови Боже Господи, Боже Спасъ, да Пречистая Пресвятая Божія Мать Богородица, выкатайся солнице красно угрѣно изъ-за темнаго дѣсу дремучаго, ты пожалуй мой надежда — родитель-батюшко, въ самый въ привычный большой уголъ и ко мнѣ печальной спрой голу-бушкѣ (подходить отецъ, а послѣ него мать, и въ объятіяхъ дочери вмѣстѣ плачутъ), ты вздумалъ меня отдавать, да отсѣвать, да отсѣяти (если далеко:) на злодѣй-чужу дальнюю сторону, на безродну землю безплемянную и подалше всего роду племени; (если близко:) за ближняго сосѣда поряднаго къ одной красы веселью и къ одной церкви пресвященной, (если большая семья:) въ семью во большую, во братію многую, за *свекра строптивата*, за *свекровъ сварливую*: какъ-то я стану жить красоватися, за славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ? Странатся глаза, очи ясная, ушываетъ мое сердце ре-

тивное; не учена моя буйная голова, не торено мое сердце ретивое, не торилъ и не училъ меня надежда-родитель-батюшка и не жалѣлъ торить и учить и научивать. Я побью челомъ, да и покланяюсь, что пропивалъ меня надежда родитель-батюшка, печальную сизу-голубушку, на томъ тебѣ не спасибо и укинулся на чашку на пивную, на чарку на винную; ужъ еще побью челомъ, да покланяюсь тебѣ, надежда родитель-батюшка, не во гнѣвъ поставь, что попеняла тебѣ печальная сиза-голубушка, когда буду я въ чужомъ домѣ, тепловитомъ гнѣздышкѣ, побью тебѣ челомъ, да покланяюсь, въ гости жалуй мой родитель-батюшка, въ чужой домъ и ко мнѣ печальной сизой-голубушкѣ, тори путь-дорожку широку въ чужой домъ и ко мнѣ до тепловата гнѣздышка, не вычитывайся изъ роду, изъ племени и не забывай меня сизой-голубушки». Далѣе припѣваетъ, если пьющій женихъ:

«Случилось слышать мнѣ, дѣвицѣ печальной, — что злодѣйка — неволя (женихъ разумѣется) великая, что испытываетъ горчицу зелено вино, выпивается изъ ума, да изъ разума, не выходитъ изъ царева кабака». Если пьющій рекрутъ, то говорятъ:

«Еще привторило, прибавило, что бонится слушая набору солдатскаго».

б) Дядьямъ: *Сердечный ласковый дядюшка!* спасибо, что поднялся пожаловалъ и ко надежи родителю батюшкѣ и ко надежи родимой матушкѣ и ко мнѣ ко дитяти печальному, здоровымъ здрава, а не весела, а не въ весельи и не въ великой радости и заручена моя буйная голова и отсулена печальная сиза-голубушка ужъ не на чужу и не на дальнюю сторону, за ближняго сосѣда окольнаго и къ одной красы веселью великому и къ одной церкви пресвященной (см. выше стихи къ родителямъ).

Слѣдуетъ обращеніе къ подругѣ:

«Милая подруга любовная! сидемъ мы съ тобою по прежнему, поспидимъ, да побесѣдуемъ, побасимъ да посовѣтуемъ, ужъ теперь все прошло, да миновалось, меня вздумали отдать, да отсѣять. Разумѣй, моя подруга любовная, моей злой тоски и кручины великія и разставанію, есть у тебя родитель-батюшко и надежа родитель-матушка, ужъ ты не гляди на то, что добры да ласковы, будто вешны ледочки поднойчивые, ужъ не трещать да подломаться». — Засимъ плачемъ обращаются къ какой-либо плачущей дѣвицѣ: «ужъ ты о чемъ растужилась, да расплакалась, жалѣтъ видно меня сизу-голубушку, либо пало тебѣ въ буйну голову, что ты не смѣешь надѣяться на надежу родитель-батюшку и матушку, такъ же отдадутъ тебя, да отсѣять, какъ меня сизу-голубушку, у тебя страшатся глаза, очи ясныя, унываетъ сердце ретивое».

«И осталась побѣдна сиза-голубушка будто пустое поле безъгородное и будто пуста хоромина некрытая, я

ходила побѣдна, сиза-голубушка съ того глупаго ума да разума селами, ходила по міру по крещеному по-подоконью по высокому, послѣ жила по нянькамъ работницамъ и потерпѣлась небылицы-напрасницы, ужъ не подай Божья Мать Богородица жить по нянькамъ, казачихамъ и работницамъ, ты вздумалъ меня отдавать, да отсѣять и т. д. (какъ выше къ родителямъ).

Наканунъ брака женихъ съ дружкой *зываютъ своихъ родственниковъ* на свадьбу. На лошадь одѣвается хорошая сбруя; къ высокой раскрашенной дугѣ привязывается до 5 колокольчиковъ, на сани разстилаются нарядные ковры. И вотъ ѣдутъ и по пути каждому встрѣчному низко кланяются. По входѣ въ домъ величаютъ хозяина по имени и отчеству и присовокупляютъ: «такой-то нашъ батюшка и такая-то наша матушка просить васъ на бракъ къ нашему князю первобрашному, такому-то (а женихъ говорить: ко мнѣ на бракъ) и въ поѣздъ хлѣба соли покушать; просимъ покорно (трижды) не оставьте нашего прошенія». Такая же честь дѣлается и прочимъ лицамъ, случившимся въ домѣ. Къ 7-ми или 8-ми часамъ вечера званые гости собираются въ домъ жениховъ и предварительно расаживаются за столомъ по мѣстамъ, чтобы въ столѣ невѣстиномъ не пришлось занять послѣдняго мѣста имѣющему право на первое мѣсто. Гость, посаженный не на свое мѣсто, или получившій худые дары, или мало угощенный, капризничаетъ и не сочтетъ за стыдъ на чужомъ пиру расшумѣться. По окончаніи этой церемоніи разстилаютъ на полу шубу, на которой женихъ падаетъ въ ноги родителямъ, прося у нихъ благословенія жениться и обнимаетъ ихъ. Потомъ всѣ гости (поѣздъ), кромѣ матери, становятся среди избы и тысяцкій со св. иконою трижды обходитъ вокругъ поѣзда, читая молитву: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». Затѣмъ послѣ испрошенія двумя дружками позволенія у тысяцкаго отправиться въ путь, словами произносимыми трижды: «г. тысяцкій! благослови въ путь шествовать!» и послѣ полученія отвѣта: «святые отцы благословляютъ, и праведники Бога молятъ», поѣздъ отправляется съ колокольчиками на смотрѣнье, провожаемый и встрѣчаемый у каждой деревни толпою народа съ огнемъ въ рукахъ. Впереди ѣдутъ дружки, потомъ женихъ съ тысяцкимъ, а далѣе прочіе поѣзжане. Подъ конецъ пути поѣздъ ѣдетъ тихо, а въ это время дружки, оставляя поѣздъ, стремглавъ ѣдутъ къ невѣстѣ и у запертыхъ сѣней трижды стучатъ съ молитвою: «Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». За дверями отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «Аминь» и вводитъ ихъ въ домъ, гдѣ дружки, называя родителей невѣстиныхъ по имени и отчеству, говорятъ: такой-то и такой-то (ими отчество родителей жениховыхъ), господниъ тысяцкой и князь первобрашный приказали вамъ кланяться и спросить: «здорова ли ваша

княгиня?» Тѣ отвѣчаютъ: «здорова, слава Богу», потомъ подчуютъ пивомъ и виномъ и отводятъ квартиру для помѣщенія женихова поѣзда, который дружки обязаны встрѣтить прежде пріѣзда онаго въ деревню, чтобы показать имъ путь къ отведенной квартирѣ.

Изъ этой квартиры дружки заходятъ въ домъ невесты съ колокольчиками въ рукахъ трижды, при отходѣ отъ жениха, обращаясь къ тысяцкому: «господи тысящій! благословите и проч. (какъ изъ жениховой квартиры), а при входѣ къ невестѣ и ея родителямъ: «пожалуйте намъ желаемого посмотрѣть», и въ каждый разъ угощаются пивомъ и виномъ. Потомъ отецъ невесты посылаетъ трехъ человѣкъ къ жениху для приглашенія его къ себѣ въ домъ со всѣми любящими гостями хлѣба соли покушать. Женихъ послѣ угощаетъ пивомъ и виномъ. Вслѣдъ затѣмъ женихъ и весь поѣздъ идутъ къ невестѣ. Предъ походомъ дружки возглашаютъ трижды обыкновенную фразу: «г. тысящій! благословите и проч. Аминь», и вводитъ отецъ невестинъ въ домъ. Весь поѣздъ занимаетъ мѣсто въ большомъ углу; тутъ же помѣщается привезенный имъ ящикъ съ пирогами изъ пшена.

Изба, лавки, печка, палаты (иары)—все занято народомъ и ребятишками, собравшимися частію изъ любопытства, а частію для пересудовъ, тѣснота, давка, жаръ необыкновенны. Невѣста въ это время находится или въ другой комнатѣ, или за печкой. Вотъ начинается:

Зажигаютъ три стеариновыя свѣчи и подаютъ въ руки жениху. Дружки трижды и болѣе возглашаютъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» такой-то и такая-то (имя отчество родителей невестиныхъ) «пожалуйте желаемого посмотрѣть». Является отъ невесты сватья (ихъ бываетъ по двѣ съ обѣихъ сторонъ) раскланивается на все стороны и говоритъ: г. тысящій отпустите къ намъ свою сватьюшку. А тотъ спрашиваетъ: «водитса-ли?» Сватья отвѣчаетъ: «водитса; затѣмъ и дѣло состоитъ». Тысящій отпускаетъ сватью и вотъ невеста въ повязкѣ, закрытая фатою, вдали показывается и тихонько ведется родителями. Дружки говорятъ имъ: «подвиньте поближе, еще ближе; приоткройте, откройте»,

Невеста открывается; женихъ подходитъ къ ней и обводитъ поданными ему свѣчами трижды кругомъ лица невесты: послѣ чего невеста кланяется и женихъ и невеста цѣлуются въ первый разъ. Далѣе женихъ даритъ невесту крестомъ, перстнемъ, косынкой, гребнемъ, мыломъ, зеркаломъ, чулками, башмаками и разными закусками и при поднесеніи отдѣльно каждой вещи говоритъ: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, такая-то (имя и отчество невесты) прошу покорно принять»; невеста принимаетъ, низко кланяется. По окончаніи этой церемоніи дружки, стоя съ зажженными свѣ-

чами по обѣ стороны жениха, держащаго въ рукахъ подносъ съ рюмкою вина и стаканомъ пива призываютъ отца, а за нимъ и всѣхъ гостей къ чаркѣ такъ: «Господи Іисусе Христе и проч. такой-то (имя, отчество отца) пожалуйста къ нашему князю первообращному чарочку винца кушать. Кто у васъ любящіе есть?»—Всякой гость подходитъ къ чаркѣ и пьетъ сначала вино, а потомъ пиво. Эту же чаркою женихъ подчуетъ невесту, которая, взявши подносъ со всѣмъ, что на немъ, поворачиваетъ его отъ себя къ жениху и подчуетъ его. Послѣ того женихъ съ невестою цѣлуются, невеста закрывается фатою и отправляется въ свое мѣсто, а женихъ съ любящими гостями садится за столъ, изобилующій разными яствами и угощаются въ продолженіе цѣлой ночи и тутъ же дарятъ ближайшимъ родственникамъ жениха тѣмъ, кому что выражено. По окончаніи пиршества отецъ жениховъ отправляется домой, а женихъ и другія лица, пріѣхавшія съ нимъ на смотрѣнье, отходятъ въ отводную квартиру для ночлега.

Дружки утромъ ходятъ прежнимъ порядкомъ въ домъ невесты и послѣ обыкновенной молитвы, безъ коей не пускаютъ въ домъ, благодарятъ хозяйна и хозяйку за хлѣбъ-соль (вчерашее угощеніе) и спрашиваютъ: «здорова ли ваша княгиня? нашъ князь первообращный здоровъ». По приходѣ въ слѣдующіе разы докучаютъ желаемое получить. Невѣста въ то время по прежнему плачетъ; а плачемъ припѣваютъ дружкамъ: «не спѣшите путемъ дорожкой-широкой, дайге мнѣ посидѣть, да побесѣдовать, побасить, да посоветовать по старому, да по-прежнему со своими, съ родителемъ батюшкой и родительницею матушкой, и со всѣми милыми подругами любовными; простите, милыя подруги любовныя, ужъ не дають долго сидѣть, да бесѣдовать, ужъ теперь все прошло, да миновалось, за одинъ малой часокъ показалось, придетъ-то злодѣйка-цеволя великая (женихъ) со своей дружней братьей хѳоброй, поведутъ-то на крутую гору на Сіонскую, къ Божьей церкви пресвященной; когда буду въ вашемъ домѣ тепловатомъ гнѣздушкѣ, постоитъ стѣшной-оградой бѣлокаменной».

«Перехожа переѣзжая сватьюшка, здорово-ли ты перешла, переѣхала, ужъ ты видѣла-ли водоплавныхъ сѣромаленькихъ уточекъ; онѣ все вспорхнули, да полетѣли, одна-то сѣро-малая водоплавная уточка отставала отъ стада лебединого, пристала къ стаду сѣрымъ гусямъ».

Послѣ того дружки зовутъ родителей невестиныхъ со всѣми любящими гостями къ жениху на завтракъ, на которомъ угощаются пивомъ, виномъ, рыбой, ухой и пирогами.

Во время завтрака бываетъ у невесты банникъ предъ вѣщомъ. На столѣ хлѣбъ, квасъ и соль. Невѣста закрытая за столомъ стоитъ и кланяется. Плачемъ поютъ: «пожалуй родитель батюшка ко бѣлу пшеничному ба-

нику и ко мнѣ, ко дитяти печальному; была вѣра съ тобою попроститься».

Отецъ и мать и прочіе родные приходятъ, обнимаютъ невесту и кладутъ на столъ что либо (деньги).

Послѣ завтрака еще разъ ходятъ дружки докучать желаемое получить, а вслѣдъ за ними идутъ отъ родителей невесты послы къ жениху и приглашаютъ его къ себѣ со всѣми любящими гостями, которые и идутъ. Тутъ бываетъ *попиманье*.

По приходѣ жениха со всѣми любящими гостями въ домъ, выводятъ невесту совсѣмъ приготовленную къ вѣнцу; на головѣ у ней повязка, а поверхъ повязки фата (повязка снимается предъ наложеніемъ вѣнцовъ брачныхъ, а фата передъ бракомъ), волосы въ распущенномъ положеніи; отецъ ея, сажаетъ жениха и невесту на лавку, а равно и прочіихъ людей, потомъ молится Богу, отецъ благословляетъ ихъ на шубѣ иконою трижды, обведя оною кругомъ головъ и приговариваетъ жениху, называя его по имени и отечеству: «благословляю тебя Божиимъ милосердіемъ и моею дочерью (имя и отечество). Вотъ тебѣ тетерька не теребленая, самъ тереби, а отъ людей береги». Затѣмъ идутъ на отведенную квартиру и тамъ, оставивъ невесту со сватьями, женихъ съ тысяцкимъ и дружками возвращается въ домъ невесты на блины. Надобно замѣтить, что женихъ и невеста до брака ничего не вкушаютъ; за блинами мать невесты подноситъ жениху платокъ, сложенный вчетверо углами вмѣстѣ. Женихъ отогнетъ первый уголь платка—мать поклонится, второй, третій и четвертый—тоже, послѣ того, принявъ развернутый платокъ, отдариваетъ ее деньгами. Наконецъ отправляются къ вѣнцу,—женихъ съ тысяцкимъ, а невеста со сватьей. Вслѣдъ за ними родители отправляютъ въ домъ жениховъ приданое, укладенное въ ящики, коробейки и накопленное заботливо матерью невесты и посылаютъ хлѣбъ и разные рыбники, пироги со шшеномъ, мясо птичье, и другое и проч.

Послѣ брака въ церкви заплетаютъ у молодой косу и одѣваютъ на голову косынку и послѣ молебна повобрачные съ повздомъ отправляются въ домъ мужній; тамъ садятся за столъ, за которымъ повбжане угощаются *курятиной*; эти рыбники и хлѣбъ, привезенные съ приданымъ, разбѣжеть тысяцкій на мелкія части и разложить на четыре тарелки; курятину на двухъ тарелкахъ унесутъ для молодыхъ и для стланухъ, а остальные двѣ для повбжанъ. Закусивши немного, беретъ отецъ жениховъ приготовленный на этотъ случай хлѣбецъ и обходитъ онымъ трижды надъ головами молодыхъ, которые во время закуски стоятъ за столомъ; потомъ завертываетъ хлѣбецъ этотъ фатой, которую закрывалась невеста поверхъ повязки, и кладетъ этотъ хлѣбецъ въ шанку жениха, который послѣ уноситъ его съ собою; послѣ чего сватьи отъ невесты дарятъ отца и мать жени-

ховыхъ, братьевъ, сестеръ и тетокъ, если онѣ есть. Потомъ выводятъ молодыхъ изъ-за стола и они благословляются, падая въ ноги отцу и матери на шубѣ, и уходятъ въ горенку, гдѣ кормятъ ихъ курятиной, которая была унесена со стола, и угощаютъ чаемъ и затѣмъ ведутъ ихъ спать въ холодную клѣть, по-большей части.—Дружки и сватьи, а также и посторонній народъ сопровождаютъ ихъ. Молодица раздѣваетъ у молодого верхнее платье и сапоги, въ кои кладутся иногда деньги. Иной молодой кривитъ ногу, чтобы не скоро молодица сняла сапоги, и вотъ за труды послѣдняя получаетъ вознагражденіе изъ сапоговъ.—Потомъ молодица величаетъ молодого *Н Н*: «нельзя-ли пустить меня къ себѣ въ товарищи?» и тотъ отвѣчаетъ: «радъ товарищу».

Затѣмъ въ домѣ молодыхъ бываетъ столъ, называемый *болшинмъ*. Тутъ угощаются родители невесты со всѣми любящими гостями. Столоvanье продолжается во всю ночь; подъ конецъ онаго являются молодые, подносятъ пирующимъ гостямъ,—женихъ вино, а невеста пиво, а тѣ полагаютъ имъ въ чарку деньги.

На другой день мать молодого приготовляетъ для молодыхъ баню; вымывшись въ ней, молодые благодарятъ мать за парную баню и молодица даритъ чѣмъ либо. Потомъ мать подаетъ блины, за коими молодица опять даритъ свою свекровь.

Затѣмъ родители молодицы посылаютъ пословъ къ родителямъ молодого звать ихъ съ молодыми дѣтьми и любящими гостями на *хлѣбины*. На хлѣбинахъ угощаются только ближайшіе родственники. При этомъ столованьи молодого даритъ сестра молодицы, если есть. Этимъ и оканчивается свадебная процессія.

При входѣ послѣ вѣнца въ домъ, молодая говоритъ: «первая, другая, я иду третья, цыцъ! всѣ вошь, мнѣ одной домъ».

А принятый въ домъ молодой говоритъ, глядя на потолокъ: «я иду, звѣрь лапистый и гордъ-гордастый, гордъ-горластый, волкъ зубастый, я есть волкъ, а вы есть овцы мои».

Описаніе свадьбы въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, представленное священникомъ Колчинымъ, даетъ слѣдующій матеріалъ:

Выбравъ невесту по общему согласію родителей и жениха, посылаютъ свата. Свать, разрядивши лошадей жениха въ лучшемъ уборѣ, съ бубенцами и позвонками, сватаетъ невесту и выражаетъ *здарье* *). Когда свать

*. Выражаютъ отцу рубаху и платокъ; матери—рубаху, поясъ, платокъ на шею и сарафанъ. Братьямъ—по красной рубахѣ и галетуку, сестрамъ по шолковому платку и вѣсьмъ роднымъ по платку. Безъ здарья свадьба не совершается, хоть-бы женихъ и хотѣлъ, но родители не несутъ того безчестья, чтобы у сына не получить даровъ. Часто случается, что по этому тягостному обычаю отказываютъ хорошимъ, достойнымъ женихамъ. Или

удачно сладить дѣло, получаетъ отъ невѣсты платокъ, въ знакъ того, что она согласна выдти за жениха въ супружество. Затѣмъ посылаетъ по всему селу извѣстить, чтобы собирались *на заплачку*. Много молодыхъ дѣвицы и парни собираются къ невѣстѣ. Невѣста наряжается въ повязкѣ и закрывается платкомъ, начинаетъ плакать каждому особо, сперва родителямъ, братьямъ, сестрамъ, дѣвицамъ и молодцамъ. При этомъ она падаетъ три раза въ ноги къ тому, кому приплакиваетъ, хлопаетъ о полъ руками и лежитъ на полу пока ее поднимутъ. Потомъ она садится на колѣни и обнимаетъ за шею, плача подъ пѣсни, которыя поютъ нарочитыя плаччи. За плачь невѣсты должно заплачивать, для сего поставяется братьямъ казна невѣстина. Плачь продолжается во все время, пока она не обвѣчается. Невѣста только кричитъ: а-а-а! Наканунѣ брака дѣвицы моютъ невѣсту въ банѣ, на каменку сдаютъ, вопять и поютъ; ѣдятъ въ банѣ пироги, а послѣ бани водятъ невѣсту на могилу къ родителямъ, если таковые умерли. Вечеромъ того же дня, женихъ прѣзжаетъ къ невѣстѣ съ поѣзжанами. Свать у дома колотитъ полѣномъ съ вопросомъ: «дома ли хозяинъ?» Отвѣчаютъ: «милости просимъ», и встрѣчаютъ поѣзжанъ, убираютъ лошадей и сажаютъ гостей за браные столы. На столахъ поставяются большія ковриги, соль и круглый пирогъ. Когда гостей усадятъ за столы, обносятъ водкою, пивомъ, перемѣняютъ рыбки, но не ѣдятъ. Въ это время наряжаютъ невѣсту, которая до прѣзда жениха *сидитъ въ шубѣ*. Наряжаютъ и поютъ со словами въ пиво: «какъ ты чисто, злато серебро, чисто и прилично; какъ на тебя злато серебро всякъ зарится, заглядывается: старъ и младъ, женатый и холостой, старыя старухи и молодые молодцы и красныя дѣвицы и молодые молодцы, такъ бы на тебя рабу N зарились бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глядѣли бы и смотрѣли бы и очей съ тебя не спускали». Этимъ пивомъ невѣста моетъ лицо *).

Когда наконецъ на столъ принесутъ кашу, за кашей отецъ выводитъ невѣсту, которая идетъ, закрывши лицо. Въ это время зорко смотреть, чтобы двери, окна и труба были закрыты. Помолвившись Богу, отецъ невѣсты спрашиваетъ жениховыхъ родителей и жениха: «любо-ли наше дитя?» отвѣчаютъ: «любо, очень хорошо». «А вамъ наше любо ли?» «Любо». Послѣ этихъ спросовъ, женихъ выходитъ изъ-за стола и становится врьдъ съ

женихъ даетъ подмогу невѣстѣ отъ 20 до 30 р. на здарье, если она бѣдна, а жениху взять нужно. Бѣда, если дары не по нраву родителямъ, тогда молодые много должны потерять. Мы слышали слышать у одного крестьянина, что онъ рывался было записаться на смерть, потому собственно, что за худое здарье не было потомъ житья отъ родителей, ему и его женѣ.

* Говорить еще, что это же пиво подаютъ поѣзжанамъ за столомъ.

невѣстою. Отецъ невѣсты благословляетъ ихъ иконою, а мать хлѣбомъ.

Женихъ и невѣста другъ друга поздравляютъ поцѣлуютъ. Потомъ даютъ невѣстѣ въ руки подносы съ рюмками, а женихъ наливаетъ братыню водки и кланутъ *на чарку* родню невѣстину, сосѣдей и всѣхъ присутствующихъ по парно. По окончаніи кланки на чарку, женихъ поцѣловавъ невѣсту, уходитъ за столъ; а невѣста подносить дары родителямъ жениха, жениху и всѣмъ поѣзжанамъ. Когда всѣхъ невѣста одаритъ, женихъ отдариваетъ: подаритъ невѣстѣ красныя башмаки, серебряныхъ монетъ и чего-нибудь на сарафанъ или на шубку.

Невѣста, получивши отъ жениха дары, уходитъ въ кругъ дѣвицъ и плачетъ дѣвичій плачь.

Поѣзжане и родственники невѣсты другъ друга подчуютъ стаканами водки, поютъ, чокаются, закусятъ и уѣзжаютъ.

Невѣста, оставшись съ дѣвицами, садится за браный столъ, раздаетъ дѣвицамъ большой пирогъ. Большой пирогъ дѣлается около 1' ар. длиною. Всѣ дѣвицы стараются получить отъ невѣсты пирога, чтобы не остаться отъ ней по выходу въ замужество и подчуютъ въ свою очередь молодцовъ этимъ пирогомъ. По раздачѣ большого пирога, невѣста за столомъ, въ кругу дѣвицъ начинаетъ оплакивать *повязку-дѣвичью красоту*.

Плачь невѣсты.

Ты свѣтла заря утренняя,
Ты родима, моя матушка!
Подкатися ты, родимая,
Къ скрутнымъ столамъ дубовымъ,
Объ чемъ я тебѣ
Со низкимъ поклономъ,
Со жалкимъ причитаньемъ:
Не снимай съ меня ты, заря утренняя,
Сей молодой дѣвѣй красоты,
Ужь ты дай мнѣ, заря утренняя,
Походить, покрасоватися
Со милыми подружками.

(Дѣвицы въ это время снимаютъ повязку съ невѣсты).

Невѣста продолжаетъ:

Какъ у тебя поднялись руки бѣлыя,
На мою буйну голову
Снять съ меня молодой дѣвѣю красоту?
Посмотри, моя родимая,
По всѣмъ милымъ подружкамъ,
Онѣ сидятъ, какъ бѣлыя лебеди
Веселымъ веселешеньки.
У нихъ свѣтабють дѣвѣй красоты.
Посмотри, моя родимая,
На меня, младу кручинную

На мою-то дѣвью красоту.
 Какъ моя-то дѣвья красота
 Похудѣла, потемнѣла вся,
 Какъ земля подорожная,
 Какъ трава подкошоная.

Береть повязку въ руки. прижимаетъ къ груди и продолжаетъ:

Я возьму свою дѣвью красоту
 Во свои да руки бѣлыя,
 Снесу свою я дѣвью красоту
 Во темные лѣса дремучіе,
 Я повѣшу дѣвью красоту
 На березу кудреватую,
 Я запру свою дѣвью красоту
 Въ сундуки окованные,
 Я спущу свою дѣвью красоту
 Въ синее море.
 Се млада, дѣвья красота
 Въ 30 лѣтъ бы не состарѣла,
 Стара бабка женина старается
 Въ три часа меня состарить,
 Въ три минуту покручинить.

Въ день брака утромъ дѣвцы приходятъ къ жениху и застаютъ его на постели и будятъ пѣснями.

1. Гусли, гусли мои и проч.

2. Въ саду, саду

Что подъ яблонью кровать,
 Подъ зеленой тесова
 Кровать тесовая.
 Ножки точеныя
 Да позолоченыя,
 На кровати перина,
 На перицѣ простыня,
 На простыцѣ молодецъ
 Первобрачный князь.
 Князь молодецкой,
 Князь хоробринькой.
 Скороходъ къ нему пришелъ
 Скороходъ молодой:
 Ужь ты стань, пробудись,
 Первобрачный князь:
 Еще на морѣ корабль,
 Съ краснымъ золотомъ идетъ,
 Съ краснымъ золотомъ,
 Да съ чистымъ серебромъ.
 Не могу я, братцы, стать,
 Да головы своей поднять:
 Голова моя болитъ,
 Да ретиво сердце болитъ;
 Что подъ яблонью кровать
 Подъ зеленой тесова.

(Повторяютъ до слова: «скороходъ къ нему пришелъ»).

Ужь ты стань, пробудись,
 Первобрачный князь:
 Еще на морѣ корабль
 Съ красной дѣвицей пришелъ.
 Онъ вскочилъ, побѣжалъ:
 На босу ногу сапогъ,
 На право плечо кафтанъ.
 Вы, друзья, братцы мои!
 Переимите вы корабль,
 Дамъ я выкупъ вамъ большой!

Въ церковь съ женихомъ и невѣстой прѣзжаютъ только: тысячкой, сватья и дружки. Въ ящикѣ привозятъ ватрушки и раздаютъ народу. Невѣсту, послѣ брака *крутятъ* т. е. переодѣваютъ въ повойникъ и везутъ закрытую платкомъ въ домъ жениха. Послѣ первого стола, молодыхъ отводятъ *на подклять*, угощаютъ тамъ приглашенныхъ родныхъ и оставляютъ молодыхъ для отдыха. На другой день у родителей невѣсты бываетъ сборный столъ подъ названіемъ *горячихъ*. Тамъ и кончается свадьба. Черезъ три дня привозятъ приданое невѣсты.

Далѣе помѣщаемъ свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгасскаго прихода Шенкурскаго уѣзда.

Свадьба начинается въ Тулгасскомъ приходѣ обрядомъ, называемымъ „*закрыванье*“. Обрядъ этотъ начинается такъ: по прѣздѣ жениха съ такъ называемыми поѣзжанами, невѣста со своими подругами-дѣвицами вводитъ женщиной родственницей, или знакомой, если есть другая комната, то въ нее, а если нѣтъ, то въ клѣтъ и одѣвается тамъ, или въ *крашенинникъ*, или *ситникъ*. Въ первый костюмъ одѣваются невѣсты бѣдныя и нежелающія выйти въ замужество за помолвленнаго жениха потому, что онъ или бѣденъ, или не красивъ собою, или же худъ характеромъ. Въ послѣдній костюмъ, т. е. ситникъ одѣваются тѣ, которыя изъ богатаго житья выходятъ за жениховъ богатыхъ и во всѣхъ отношеніяхъ правящихся имъ. Во время одѣванія невѣсты, женихъ и его поѣзжане угощаются разными яствами и питіями отъ родителей, если они есть, или родственниковъ невѣсты. Одѣвши невѣсту, ведетъ ее женка-родственница или знакомая и приводитъ въ ту комнату, гдѣ сидитъ женихъ и прочіе гости закрытую куколемъ, сшитымъ изъ бѣлаго холста съ разными прикрасами, и, вошедшіе, молятся святымъ иконамъ. Невѣста, помолвившись св. иконамъ, если есть священникъ, котораго почти всегда приглашаютъ для этого, проситъ у него благословенія, а если нѣтъ, то у отца своего и матери. У священника проситъ благословенія обыкновенно, т. е. о. Н. благослови! у отца же и матери слѣдующими словами:

«Батюшка и матушка! благословите *мыкать горе великое*

И со слезами горячими,
Отведите вы горя великаго за три горы высоки,
А горячихъ-то слезъ за три Дунай-рѣки быстрыи.

Точно также просятъ благословенія у братьевъ и другихъ родственниковъ, если отца и матери нѣтъ въ живыхъ. По окончаніи означенныхъ выше словъ, отецъ и мать благословляютъ, изображая крестъ на просящей благословенія. Повидимому дѣло начинается какъ нельзя лучше, но что же дальше? Невѣста, получивши благословеніе, проводится до лавки своими подругами, которыя сажаятъ ее среди себя, начиная приплакивать. На этомъ свадебномъ обрядѣ приплакиваютъ только одному сватовцу — такъ:

«Что у насъ у батюшка за пирь, за праздничекъ,
годовой, да настоящий?

Зачѣмъ у насъ у батюшка за столомъ сидятъ гости
незнакомые и незнакомые?

Во батюшку родимому по-зву званые гости,
Во матушкѣ родимой долго жданные гости,
А ко мнѣ красной дѣвицѣ не минующіе гости.
Гости не минующіе будутъ не миновать.

Но что ты, большой сватовецъ, лѣшій носилъ не пу-
темъ, не дорогою,

По утру по ранному, да по позднему вечеру?
Мнѣ отъ больша сватовца все горе привязалось.
Да тебѣ на сто локоть достанется, да не цѣлая ты-
сяча,

Сколько тѣ достанется что одна мѣрна ископника,
Той тебѣ ископникомъ не одѣтиса и нагимъ находитиса.
У больша у сватовца жена не ткаха, да не пряха,
сущая безпороха.

Изъ того большой сватовецъ видно видся, лукавился
да на кривдѣ божился».

При этомъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что когда дѣвушки поютъ сію пѣсню, невѣста плачетъ, какъ можетъ, и ударяетъ кулаками о колѣни, какъ позволяютъ ей силы. Это дѣлается у нихъ, какъ онѣ говорятъ, по модѣ. Отступивъ отъ этой моды невѣста — скажутъ: «рада, не реветъ и не бѣтается». Боясь этого, всѣ невѣсты, выражаясь языкомъ здѣшняго простонародья, «ревятъ», какъ могутъ и убиваются до того, что руки и колѣни дѣлаются синими и опухаютъ. Когда кончится приплакиваніе сватовцу, женихъ начинаетъ угощать водкой прежде всего невѣсту, потомъ *всю родню* ея и свою, а наконецъ и всѣхъ кто есть въ той комнатѣ, гдѣ онѣ сидятъ. Пододвигавъ такимъ образомъ всѣхъ отъ мала до велика, женихъ прощается съ родными невѣсты и уходитъ, или уѣзжаетъ съ поѣзжанамъ во свояси. Тоже дѣлаютъ и прочіе гости, исключая *овушекъ*, которыя

остаются по просьбѣ невѣсты для подкрѣпленія себя пищею и питіемъ; послѣ чего также расходятся.

Этимъ и оканчивается такъ называемое „*закрываніе*“.

Наканунѣ вѣнца бываетъ *овичникъ*, который начинается съ 5 часовъ вечера и продолжается до 2—3-хъ и далѣе часовъ по полуночи. Предъ дѣвичникомъ готовить для невѣсты баню. Приготовляя ей баню, подруги ея опять приплакиваютъ такъ:

«Если у ты батюшка сыновья ясны соколы,
Что моей буйной головушкѣ соколы братцы родимые,
Подойди ко мнѣ ты, брателко, близко неподалеку,
Стану падать брателку въ рѣзвые-поженьки,
Насъки-ко ты мнѣ брателко сухихъ березовыхъ дровъ,
Кормилица ты моя родимая матушка,
Тако есть у ты дочери и сизыя голубушки
Зарученой красной дѣвицѣ, да сестрицы родимыя,
Подойди ты, моя сестрица близко неподалеку,
Истопа ты мнѣ, сестрица, телу жаркую банечку
Помыться да пожариться, на бѣло поумываться,
Не ради чужа стороны, а ради порогу церксвнаго
Святой церкви Божьей, да вѣнца золотаго».

Когда баня будетъ совсѣмъ приготовлена, тогда дѣвушки подруги невѣсты становятся среди комнаты, берутъ въ руки длинное полотенце и поютъ:

«Ты, кормилица моя, моя родимая матушка,
Неси моя кормилица тошко бѣло полотеньшко,
Отпусти меня кормилица въ телу парную баньку,
Голубушки сизыя, мои сестрицы родимыя,
Становитесь, мои сестрицы, среди высока терема:
Правая праворучица, моя крестовая сестрица,
Становись ты, сестрица, ко сестрицамъ родимымъ;
Лѣвая-то лѣворучица моя крестовая сестрица
Становись ты, моя сестрица, ко крестовой ко сестрицѣ;
Мои милыя, любимыя, мои любыя подруженьки,
Становитесь вы, подруженьки, среди высока терема,
Вы берите во бѣлы-руки шитой, браной платочникъ,
Низко мнѣ кланяйтесь и ласково говорите:
Добро жаловать зарученная въ телу парную ба-
нечку,

Мнѣ помыться, да попариться, да бѣло поумываться.
Ясно мое солнышко, сударь солнышко-батюшка,
Подойди ты, мое солнышко, близко неподалеку.
Безъ вашего благословеньца никуда я не ходила,
Скована и связана сажу я въ брусовой во лавицѣ,
Не могу стати, не поднятиса на рѣзвыя поженки:
У меня-то на-во рѣзвыхъ ногахъ да колоды дубовыя,
Благослови ты меня солнышко идти на широкую улицу
На улочьку на широкую, да въ тепло парную ба-
нюшку.

Не утица плавучая изъ гнѣзда вылетала,

За собою она выводила сердечныхъ маленькихъ дѣ-
точекъ,

Выходила заручена на широкую улицу
Со радостью вышла со племенемъ,
Съ честными родителями,
Со милыми подруженьками».

По окончаніи сей пѣсни, отецъ и мать изображаютъ на невѣстѣ крестное знаменіе и сопровождаютъ ее до выхода изъ дома, а подруги до самой бани. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея всѣ останавливаются и поютъ:

«Стой ты, банька парная, стой не перепадайся,
Не король идетъ со силою, да не война подступаетъ,
Идетъ-то заручена въ теплу парную баньку,
Иде мыться и париться, да бѣло умываться и хорошо снаряжатся;

У насъ хороша божена, тепла парная банюшка
На косякъ сѣнцы забираны, да по угламъ кисти на-
вѣшены.

У насъ каменка хрустальная, камешки самоцвѣтные,
У насъ квашеночки дубовыя, да обручички березовыя,
У насъ полы двоедубныя, да стѣны двоедесаны».

Профѣвши это, невѣста отправляется въ баню съ сестрою, если есть, а если нѣтъ, то съ одною, или двумя изъ своихъ подругъ. Во все время, пока она моется въ банѣ, дѣвицы стоятъ у бани и поютъ разныя пѣсни, подобнаго же содержанія. Когда невѣста вымоется и выйдетъ изъ бани, дѣвицы опять припѣваютъ:

«Мнѣ сказали люди добрые таковыя рѣчи:
Не ходи ты зарученая въ теплу парную банечку,
Смоешь ты съ головы дорогу дѣвью красоту,
Намоешь ты на голову старую бабью кибалу.
Сомыла я съ головы дорогу дѣвью красоту,
Падется на чужой сторонѣ мнѣ мѣсто неиздачно,
Семья мнѣ не по обычю, не по своей да душѣ черной
сынъ отецкой,

Последній разъ сходила въ теплу парную баньку,
Душой да красной дѣвицей, съ дорогой дѣвьею красотою.

Коль не судить Богъ бывать душой красной дѣвицей
Не въ дорогой дѣвьею красотѣ,
Раскатись тогда ты, моя банечка,
Покатись тогда ты, моя банечка,
Покатитесь вы бревешечки подъ-круту гору высокую
Во Дунай рѣку быструю,
Унесетъ тотъ Дунай рѣка во глухи темны лѣса.
Становитесь вы, бревешечки, на стары пенечки,
Разсыпья ты, хрустальная каменка, по одному ка-
мешечку,

Покатитесь камешечки на старыя мѣстечки».

По окончаніи сей пѣсни, невѣста и всѣ ея спутницы отправляются на могилы своихъ родныхъ и поютъ:

«Слыхните, вѣтры буйныя, съ низовую сторону

Понесите вы мой зыченъ голосъ въ по-
сторонѣ

На Буево, на Власьевско,
На Климанску площадь
У меня не всѣ въ скопѣ, въ собраньицѣ мѣ
родит

У меня дѣдушка и бабушка въ скоромъ помѣ
Разступись ты, мать сыра земля,
Отставай ты, гробова доска, отъ нова дом
Бѣло-савапо-полотенышко да во трубу зави
Ты дѣвой-то рукой подпрись, а правой-то пере
Выходите, мои родители, да изъ сырой земля
Дайте мнѣ, родители, велико благословеньи
Плотно спяты, не пробуждаются мои честны
Не дають мнѣ родители велика благословені
Не сумятыся, да сряжаются на тихъ дѣвѣи
Безъ тѣхъ честныхъ родителей у меня пир
руют

Я съ тоской бѣдна загинула, да съ горя загор

Съ могилъ своихъ родныхъ невѣста съ со-
щими ея дѣвицами отправляется къ своимъ
пикамъ и знакомымъ на кашу, приготовляе
ячменной муки и называемую въ простонароді
кашей. Пофѣвши этой каши, невѣста выходит
стола, благодарить за нее хозяйку и пригла
къ себѣ на вечеръ, или по ихнему, на дѣвич
это повторяется во всѣхъ домахъ, гдѣ невѣст
васть. Отправивши дѣвичій послѣдній визитъ
родственникамъ и знакомымъ, невѣста идетъ
домъ и, приближаясь къ нему, дѣвушки начинак

«Пойду я заручена въ домъ ко солнышку
да ко родимой ко матуш
Встрѣчаетъ меня батюшка со пути да со дор
Мое все да приходилося сердечное дитятко!
Во рукахъ онъ выносить скринку зеленого
Да пей ты, чадо милое, стаканъ зеленого ви

Во время пѣнія сей пѣсни отецъ и мать невѣ-
ходятъ на крыльцо, подають ей стаканъ сивух
сятъ выкушать. Исполнивши просьбу отца и
невѣста входитъ въ ту комнату, въ которой
играться дѣвичникъ, и останавливается у дверей
ицы ея поютъ:

«Ты кормилица моя, моя родимая матушка,
Ты тани, моя кормилица, срядны золоты ст
Ты стели на столы шиты бранья скатерти,
Ты неси на золоты столы много ситнаго хлѣ
Ты сяди моихъ подружечекъ за срядны золо
Вы уже пойте-чествуйте своего роду племени
честныхъ родителей

) Такъ припѣваютъ тогда, когда невѣста живетъ н
вей, а если выше, то на оборотъ.

Мать, слушаясь своей дочери, дѣйствительно приготавливаетъ обѣдъ для ея *подружекъ* и сажаетъ ихъ за столы, убранные яствами и питьями разнаго рода. Во время стола дѣвушка-невѣста кланяется имъ, проситъ покушать и угощаетъ русскимъ горячимъ. — Поѣвши и попивши почти до опьанія, дѣвушки расходятся до вечера (дѣвичника) по своимъ домамъ, а невѣста отправляется на отдыхъ.

Часовъ въ 5 или 6-ть по-полудни начинается такъ называемый нашими крестьянами и крестьянками *дѣвичникъ*.

Дѣвичникъ, или *дѣвичий вечеръ*, обыкновенно начинается съ 5 или 6 часовъ вечера и продолжается до 12 часовъ вечера и даже до 1 и 2-хъ по-полуночи. На немъ преимущественно присутствуютъ дѣвицы, которыя собираются со всей волости и раньше другихъ гостей.

Собравшись, гости-родственники невѣсты, около означеннаго выше времени, начинаютъ праздновать дѣвичникъ. Празднованіе дѣвичника всегда и у всѣхъ начинается сажаніемъ своихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ за набранный разными яствами столъ, хлѣба соли покушать, и пѣніемъ дѣвицами нижеслѣдующихъ такъ называемыхъ по ихнему *припѣваній*: дѣдушку и бабушку со отповской стороны, которыхъ невѣста на сѣняхъ, или повѣти встрѣчаетъ съ рыданіемъ и паденіемъ въ ноги:

«Добро жаловать дѣдушку и бабушка

На тихъ на дѣвій вечеръ!

Садите вы, родители, моихъ дѣдушку и бабушку,
За срядны золоты столы».

Это же самое поется, когда приходятъ дѣдушка и бабушка съ *материнной стороны*.

Не на всякомъ дѣвичникѣ припѣваютъ дѣдушкамъ и бабушкамъ, хотя они и въ живыхъ еще, по той причинѣ, что старики и старухи въ нашей мѣстности болѣею частію раскольники, а раскольники не только что старые, даже и молодые не ходятъ на подобныя празднованія. Этого требуетъ ихъ правило, чтобы «неизмѣршиться».

Когда соберутся всѣ гости, родственники невѣсты и близкіе знакомые ея родителямъ, и усядутся за столъ, тогда посылаютъ лошадь за священникомъ и его женою. Священникъ и его жена, входя на повѣть, или, если есть корридоръ, встрѣчаются невѣстою съ толпою подружекъ, послѣднія поютъ первоначально священнику:

«Добро пожаловать, духовной батюшко, да свѣтъ N. N.

На тихъ, на дѣвій вечеръ

Ко мнѣ красной дѣвицѣ

Способныхъ пѣсень слушать,

Ко батюшку, ко матушкѣ

Хлѣба-соли кушать,

Садите, родители, духовнаго батюшка

За срядны золоты столы,

Пойте вы и чествуйте духовнаго батюшка».

Потомъ его женѣ:

«Добро пожаловать, духовная матушка, да свѣтъ N. N.

На нашъ на дѣвій вечеръ». . .

Прочее все тоже, что и священнику.

Во время пѣнія означенныхъ стиховъ отецъ невѣсты, мать, или братъ приглашаютъ священника и его жену войти въ ту комнату, гдѣ празднуется дѣвичникъ. Священникъ и прочіе, бывшіе въ корридорѣ, или повѣти, входятъ въ комнату, наполненную народомъ разнаго пола и возраста до того, что едва можно пробраться. Священника и его жену по входѣ въ комнату, просятъ сѣсть за убранный разными яствами столъ, хлѣба соли покушать. Невѣста же и близкія ей дѣвицы садятся на *лавку*, такъ называемую *женскую*, а прочія по скамьямъ, или же стоятъ. Когда все это прекратится, дѣвицы начинаютъ пѣть, а невѣста убиваться и ревѣтъ такъ же, какъ было въ закрыванье. Припѣваютъ первоначально родственникамъ невѣсты, послѣ которыхъ и чужимъ — знакомымъ только. Припѣванія родственникамъ особеннаго вниманія не заслуживаютъ, потому мы на нихъ и не обратимъ онаго, а скажемъ, какъ припѣваютъ парнямъ изъ богатаго житья, красивымъ собою и хорошо одѣтымъ, женщинамъ, дѣвицамъ и парнямъ изъ плохаго житья — небогатымъ. Вотъ эти припѣванья:

1. Парню изъ богатаго житья.

«Изъ-за горья-горья тихой вѣтерокъ подуваетъ,

Да корабль выбѣгаетъ,

О двѣнадцати, о парусахъ,

О полтринадцати о якоряхъ,

Бѣжить, подбѣгаетъ, да къ берегу пристагаетъ,

Подъ Тулгосску волость, да подъ Власьевску церковь.

Мостили да со корабля

Выстлали да со корабля втрое сукно дорогое,

Выводили да съ корабля коня-добрю лошадь,

Обуздашъ конь-добра лошадь черкасскимъ сѣдельникомъ,

На конѣ доброй-лошади дорогой добрый молодецъ

По *платю*, да по *цвѣтному*

Кабытъ сынъ *кунца*, гостя дорогаго,

По низкимъ по поклонамъ сынъ попа, отца духовнаго.

По рѣчамъ, по пословицѣ молодца обознавали,

По говорѣ тихой-смирной именемъ называли:

Жалостливый брателко N N,

Дороденъ добрый молодецъ

Добрымъ людямъ на *завидость*,

Лихимъ на *издвѣтенье*,

Ты не ѣздилъ добрый молодецъ

На гульбу молодецку,

У тя поступочка бурлацка,
 Честь хвала *молодца*;
 Ты много наживалъ злата, серебра,
 Средилъ на могучи плеча дорого свѣтло платицо.
 Ко бѣлу тѣлу пристанеть бѣла бумажна рубашка,
 Ко рубашечкѣ пристанеть да галунецъ золотой,
 На ноженъи пристануть сафьяны сапожки,
 На рученьки пристануть радужьи перчаточки,
 На головушку пристанеть соболинова шапочка.
 Лежить слава про молодца,
 Что *молодецъ на женильбѣ*.
 Женись ты, добрый молодець,
 У Архангельска города.
 Возьми ты, добрый молодець,
 Да купеческу дочерь.
Со купеческой дочерью ты приданого мною:
 Города да съ *пригородками*,
 Терема съ *притеремками*,
 Цѣлы лавицы съ *товарими*
 Да *раляцы* окованные.
 Далеко тебѣ вести, ясенъ соколъ,
 Крестоваго батюшка, да крестовую матушку,
 Далеко тѣ подыматися съ молодымъ бранымъ поѣз-
 домъ,
 Да съ молодыми поѣзжанами.
 Женись ты, доброй молодець, славной Тулгасской во-
 лости,
 Возьми ты, добрый молодець, у богатаго отца одну
 дочь одинокую—
Зрослу, хорошу, бѣлую, да кудрявую,
 Было-бы тебѣ съ кѣмъ явитися
 Ко отцу да ко матери,
Было-бы кѣмъ похвастати
При оружьяхъ да при товарницахъ»

Когда будетъ приближаться эта пѣсня къ концу, тогда тотъ нарень, которому приѣзжали, подходитъ къ невѣстѣ кланяется и дарить ей 10, 15 и даже болѣе копѣекъ, а дѣвушкамъ за то, что онѣ такъ его выхваляли и на-общали ему разныхъ небылицъ, бросаетъ пряники, закуски или калачи. За такіе гостинцы дѣвушки отъ лица невѣсты и себя благодарять его слѣдующими словами:

«И спасибо тѣ, добрый молодець,
 На добрыхъ честныхъ гостинечкахъ,
 На рублѣ денегъ, на полтинѣ
 На цѣлой золотой гривнѣ».

Всѣ, кому приплакиваютъ, приходя къ невѣстѣ: если мужчина, то дѣлаетъ такъ, какъ выше опи-сали, а если женщина замужняя и дѣвица, то кланяется, обнимаютъ невѣсту, а также дарятъ что-либо. Кто что подарить невѣстѣ, того такъ и благодарять.

2. ЖЕНЩИНАМЪ.

Не утрення заря-зелена занималася
 Да высоко вознималася,
 Выше церкви Божьей-святой,
 Выше шатра полотянаго
 Да креста животворящаго,
 Опускалася заря утрення
 Ниже церкви Божьей-святой,
 Ниже темнаго лѣсу,
 Не быть да зарѣ утренней
 Молодой молодницею.
 Бѣлая лебедушка
 Да молодая молодушка N. N.

Благодарять за гостинцы:

Спасибо, лебедь бѣлая,
 На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
 На многомъ приношеньицѣ,
 На медовомъ сладкомъ пряничкѣ.

3. ДѢВИЦАМЪ.

Каталася жемчужина
 По торгамъ, по базарамъ
 Во великій день говеньица
 Въ Евдокіевску ярманку,
 Изъ Евдокіевской ярманки въ Алексіевску;
 Да не быть земляникѣ-ягодкѣ,
 Быть душѣ красной дѣвицѣ.
 Милая, любимая, дорогая подруженька
 Подруженька любимая N. N.
 Тебѣ сряжено, снаряжено много цвѣтнаго платица,
 Твоя буйная головушка въ грамоту поучена,
 Прибита рука права ко перу лебединому,
 Приложена лѣва рука къ листу бѣлой грамоты,
 Присмотрѣны очи ясныя къ скорописчатой грамотѣ.
 Пойдутъ, да поѣдутъ съ чужой стороны
 Большіе сватовцы.
 За тебя схоже солнышко (отецъ) дорого дорожится,
 Матушка родимая горою становится.
 «Цѣло мнѣ родители мѣсто выбираютъ,
 Выбрали мнѣ родители не по уму, не по разуму
 Чужу дальну сторону;
 Мнѣ не по уму не по разуму
 Чужи честны родители,
 Не по своей душѣ крѣпкой
 Ссужай сынъ отецкой.
 Вы лучшимъ такъ отказывали,
 А за худаго давать поизволили.
 Вы чего убоилися, да чего утрашилися,
 Мои честны родители:
 Знаю схоже мое солнышко, моя родимая матушка».

Благодарить:

«Спасибо тебѣ, подруженька,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ
На италианскомъ платочкѣ».

4. Парню изъ небогатаго житья.

Не пень въ радѣ чернѣть,
Да не гнилая колодина
Чернѣть во теремѣ,
Да удалой добрый молодець Н. Н.
Пѣть у тебя добра молодца
Ни злата, ни серебра,
Не на што тѣ средить дорого свѣтло платье,
Ты ходишь добрый молодець
На долги вечеренечки,
Тебя дѣвицы-то не любить
И женочки не голубять.

Благодарить:

«Спасибо тебѣ, доброй молодець,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ.
На пяти мѣдныхъ копѣечкахъ».

(Последнія слова благодарности произносятъ, чтобы больше сконфузить, какъ можно громче).

Кромѣ напечатанныхъ здѣсь «приплакиваній» поются на дѣвичникѣ разные простонародныя пѣсни. Когда окончатся дѣвичникъ, невѣстѣ и ея подругамъ дѣвицамъ хозяйка дома собираетъ ужинъ. Во время приготовления ужина дѣвицы отъ лица невѣсты поютъ одну ея, стоящему предъ своею дочерью съ братьшей пива, слѣдующее:

«Въ забытьѣ позабыли, на умѣ не подержали,
Подожель да схоже солнышко близко не подалеку,
Благословясь-то стала и да поранному утрицу,
Туть умѣ за умѣ ходить; дума думу спобиваетъ:
О чемъ меня матушка въ забытьѣ позабыла,
Во многихъ-то дочеряхъ, да во числѣ помѣшалась.
Сама собой я вышла изъ новорубленой горенки,
Заходила зарученная въ новый высокой теремъ
Я бѣло не умывалася, да хорошо не наряжалася.
Попросила я у батюшки мѣдныя рукомясочки, да таза
полуженаго,
У сестрицы у родимой свѣжей воды ключевой,
У братенька родимаго туга пѣннаго мыла,
У невѣстушки любимой тонка бѣла полотенышка.
Ничего мнѣ не сказываютъ да путь дорожку показываютъ.
Сидитъ мое схоже солнышко на брусовой лавочкѣ
Говорить онъ рѣчи—таково слово:
Откажу сегодня догери я отъ хлѣба, отъ соли,
Отъ хлѣба отъ соли отказываютъ, да путь дороженьку
указываютъ,

Отказываетъ мнѣ кормилца отъ дѣла, отъ работушки.

Сидятъ мои братья на брусовой лавочкѣ,
Говорятъ мои братья рѣчи—таково слово:
Откажемъ сегодня сестрицу въ теремъ мѣсто,
Ни во теремѣ мѣста, ни во лавкѣ бесѣды.
Вамъ спасибо, мои родители, во очи и за очи!
Какъ у тя схоже солнышко уста-то отворилися:
Вы къ чему мнѣ отказываете отъ хлѣба отъ соли?
Я ваше чадо милое, ваше сердечное дитятко.
Я пошла зарученная на широкую улицу.
На широкую на улицу, подъ круту гору высокую,
Къ Двинѣ рѣкѣ быстрой, бѣло умыватися да хорошо
снарядятися.

Плывутъ по славной по Двиночкѣ бѣлы скоблены барочки,

Плывутъ на этихъ барочкахъ купцы гости торговые,
У купцовъ плывутъ работнички да добрые молодцы;
Кричатъ они молодцы рѣчи—таково слово:

«Туть три вдовы оставалось, да горя наоставляли,
Первая вдова умылася, да поповская дочь,
Другая вдова умылася, горе-горькая солдатка,
Третья вдова умылася, крестьянская дочь».
Я туть да не умылася да назадъ воротилася,
Я слезами да умылася, да тоской утерлась,
Я пойду да провѣдаю въ чужу дальнюю сторону.
Стоитъ темна темница между горами высокими, да
ручьями глубокими,

По праву руку у темницы глухи-темные лѣса,
У ней сучье не обрублено, да кора не оскоблена,
Углы у ней неотесаны, да околени брющины,
Я зашла въ темну темницу да увидѣла:
Въ большомъ углу на лавицѣ лютой змѣй извивается,
Прямо печи на лавицѣ люта змѣя извивается,
На пешномъ столбѣ дикой голубъ воркуетъ;
Прямо малаго угла по лавицѣ сороки шекочуть,
Подъ порогомъ у окошечка кокушка кокуетъ.
Сидитъ чужь отецкой сынъ на брусовой лавицѣ,
Въ карточки играетъ, да въ ладыжки цатаетъ».

По пропѣнии этой пѣсни невѣста начинаетъ приготовляться къ встрѣчѣ жениха съ поѣзжанами—умываться и одѣваться... Когда же прѣдетъ женихъ за ней и зайдетъ въ комнату, родители невѣсты садятъ его со всею свитою за набранный разными яствами и питіями столъ, и дѣвицы поютъ пѣсню:

«На чистомъ полѣ не туманъ занимался,
На прекрасномъ крылечкѣ да не громы загремѣли,
На вѣтляной повѣточкѣ громко заговорили.
Откуда палачи напали, да гонцы нагонили?
Гонцы эти нагонены да изъ сырой земли матери,
Они правятъ челобитную, отъ дѣдушки отъ бабушки

Да отъ умершихъ родителей.

Корминица моя, родимая матушка!

Тяни моя корминица дубовые столы,
Стели ты на дубовые столы рогожны скатерти,
На столы ты носи дробиннаго квасу.

Да изъ бочекъ воды ржавчины,
Несите *утицу плавучу*, да жорава долгоногого,
Мнѣ-ка на чужой на сторонѣ будетъ укора великая,
Мнѣ отъ стараго отъ малаго, отъ рѣдоваго.

Тяни моя корминица золоты столы,
Стели на золоты столы браны скатерти,
Несите вы на браны скатерти ситнаго хлѣба,
Приставляйте къ золотымъ столамъ бочку хмѣльнаго
пьянаго пива,

Несите на золоты столы скрюнку вина зеленого,
Ниже нынѣ кланяйтесь, ласковѣе говорите,

*Поите чествуйте чужаго роду племени, чужизгъ
родителей.*

Гордо княжаго тысяцкаго, да гордо княжую сватью.
Дай мнѣ схоже солнышко правую праворучицу,

Матушка родимая лѣвую лѣворучицу.
Попросить мнѣ у родителей великаго благословенія
Дай мнѣ, схоже солнышко, велико благословеньице:
*Твое-то благословеньице (будетъ) на вошь прави-
телемъ,*

А на сырой земль-матушкѣ сохранителемъ.

Дай и ты мнѣ матушка таковое же благословеньице!
Буда меня одѣли, да хорошо снарядили?

Это свѣтло платице мнѣ раньше не приставало:

Въ ширину было широкое, въ долину было долгое.
Не бывала я столько хорошо снаряжена ни о Хри-
стовѣ-днѣ, ни о праздничкѣ...

Не вставайте мои братьицы со брусовой лавицы,
Не молитесь вы, не кланяйтесь Свѣту Господу Богу,
Не благословляйтесь мои братьицы

У чужаго роду племени, у чужихъ честныхъ роди-
телей,

Не вознимайте меня, братьицы, да подь могучія плечи.
У меня у братьицовъ-родимыхъ шелковыя рученьки,
На шелковыхъ-то рученькахъ бумажныя перчаточки.
У чужа сына отца желѣзныя рученьки, да булат-
ныя перстици,

Поднесъ во бѣлыхъ рукахъ столовую братенечку,
Во братенечкѣ подносить хмѣльно, пьяно пиво.
Стой ты, схоже солнышко, на вѣтяномъ повѣточкѣ,
Придержи ты ручки бѣлыя да ко столовой братенечкѣ
Присмотри ты очи ясны на сердечнаго дитятка,
Каково чадо милое было ростомъ и дородствомъ,
Каково да чадо милое бѣлинствомъ и румянствомъ?
Ростомъ вѣточка луговая, лицемъ наливная ягода.
Схоже мое солнышко—суларь, солнышко баюшка!

Я съ тоски затосковалась, съ горя загоревалась:

Мнѣ-ка жаль стало тошнешенько дѣвья житья кра-
соваця,

У васъ часы часуются, да времена временуются.
Какъ за грѣхъ, да не въ часъ приду въ чужу даль-
ную сторону,

Надо мною станеть крятаться, да собою возвышаться.
Какъ *уйдетъ да сынъ отецкій* по царевымъ кабакамъ,
Долгимъ вечеренечкамъ, да по душамъ краснымъ дѣ-
вицамъ,

Мнѣ посидѣться будетъ бѣдной по позднему вечеру,
Мнѣ пождаться бѣдной будетъ вѣчнаго мужа.
Изъ кабака идетъ шатается, да надо мною разъѣзжается,
Стромко и грозно идетъ, стромко отворяеть ворота
Да полотняныя двери, да по терему срядны золоты
столы,

Бѣдна я тутъ испужалася, бѣдна я вся перепалася,
Не могу стать-поднявшись на рѣзвыя ноженьки,
Не несутъ да рѣзвы ноженьки по высокому терему.
Я сегодня у Господа безъ числа согрѣшила,
Я сегодня у чужихъ людей безъ вины виновата,
Я въ ступени пристуцилася, въ словѣ проговорилася.
Такъ спасибо схоже солнышко въ очи и за очи,
Ты выбралъ мнѣ не по уму да не поразуму...
Такъ спасибо, схоже солнышко, на столовой братенечѣ,
На хмѣльномъ пьяномъ пивѣ»...

Пропѣвши отцу невѣсты эту пѣсню, дѣвицы начинаютъ
пѣть ся матери, если она есть, тоже стоящей передъ
дочерью съ братьней пива.

«Не въ колоколь ударили, да не въ звоны прозвонили,
Со мною матушка родимая рѣчи заговорила.
Ты корминица моя, родимая матушка,
Посмотри, моя корминица, по скамьямъ да по лавицамъ:
Веселы, да радостны сидятъ мои любыя подруженьки,
Свѣтла у нихъ на головахъ дорога дѣвья красота,
Одна сидитъ не весела, одна душа красна дѣвица
На брусовой лавочкѣ, да подь кручиннымъ окошечкомъ,
На ней платицо печально, да слезенно покрывальцо.
Ты не сына женишь матушка, да не невѣстку берешь,
Свою дочь, да любиму со двора провожаешь,
Хоть вы меня избудете, да небогатѣе будите;
Вамъ не два свѣту освѣтить, да не два солнышка
проглянеть,

Корминица моя, моя родимая матушка!
Только вы меня избудете, въ терему да не увидите,
Сорокъ недѣль матушка во утробѣ меня послала,
Тридцать недѣль матушка въ пелены пеленала,
Полтора года корминица къ сердцу прижимала,
Полтретья года матушка въ зыбочкѣ качала,
До пяти годовъ корминица со бѣлыхъ рукъ не спус-
кала.

До десятка годочковъ изъ усть не опускала,
До 15-ти годочковъ слугой не называла,
16-ти годочковъ стала слугой называть,
17-ти годочковъ стала замужъ выдавать,
Молодымъ я молодехонька, да зеленымъ зеленехонька,
Да не въ годы привязалось мнѣ великое горюшко,
Не на недѣлечки приходили зло горячія слезы.
Страшна мнѣ кажется чужая дальняя сторона,
Мнѣ страшнѣе того кажется чужой сынъ отечкой;
Учить онъ будетъ переучивать, да торить, переторивать,

Не учена, не торена душа красная дѣвица.
У чужа сына отечкаго гроза молодецка,
Поступочка бурлацка, да честь хвала молодецка,
Придутъ вѣсточки не радостны на родимую сторону,
Сегодня чадо милое бранено и бито,
Сегодня чадо милое не пило, да не вло.

Ты кого моя матушка побудишь рано по ранному
утрицу?

Кого же нарядишь на охло, на работу?
Спасибо тебѣ матушка въ очи и за очи.
Ты побей челомъ, покланяйся на правую руку,
Ты сади, моя кормилица, за срядны золоты столы,
Пой ты чествуй любимыхъ моихъ подруженекъ».

Послѣ двухъ этихъ пѣсенъ невѣста и дѣвица сходятся ужинать. Поужинавши послѣднія поютъ нижеслѣдующую пѣсню, а пропѣвши, уходятъ по своимъ домамъ, впрочемъ, многія остаются у невѣсты по той причинѣ, что бывають довольно выпивши *).

Пѣсня послѣ ужина.

«Мнѣ на всю свѣтлу недѣлечку не пилоь, да не
ѣлось,

Мнѣ сегодня у родителей попилоь, да поѣлось;
Я сидѣла у схожа солнышка да въ большемъ углу
на лавицѣ,

Голь поны да сидятъ діаконы, голь судьи, да начальники.

Я не ѣденаго наѣлась, не питаго напилась.
Вамъ спасибо золоты столы, что на ногахъ постояли,
Вамъ спасибо бранны скатерти, что на столахъ по-
лежали,

Вамъ спасибо хлѣбы ситные, что во уста покатались,
Спасибо пиво пьяное, что до пьяна напиво...
По конецъ стола мнѣ насидѣтся на чужой сторонѣ,
Мнѣ натого напится до того поѣтися»...

Послѣ этой пѣсни совершенно оканчивается дѣвичникъ. На слѣдующій день ни-свѣтъ, ни-заря, какъ говорится, дѣвицы-подруги невѣсты, если расходились по своимъ

домамъ, приходять къ ней, а если тутъ же спали, то встають и, не успѣвши, можно сказать, умыться и перекреститься, поютъ отъ лица невѣсты, которая не умылась еще и не одѣлась въ свадебный костюмъ:

«Я спала, спала у батюшки въ новой рубленой горенкѣ,

На тесовой кроваточкѣ, да на пуховой периночкѣ,
Дожидалась я отъ матушки ранняго пробужденьица,
Отъ батюшки родимаго—частаго покликаньица,
Отъ батюшки духовнаго свѣтлы рани заутрени,
Отъ дьякона пресвѣщеннаго—пресвѣщенны обѣдни,
Отъ пономаря церковнаго звону-благовѣсту.

Не могла я отъ духовнаго батюшки дожждаться свѣтлы
рани заутрени,

Отъ родимаго отъ батюшки частаго покликаньица.

Сидѣніе жениха и его свиты за столомъ продолжается небольше полоторыхъ часовъ. Къ концу сидѣнья кто либо изъ родственниковъ невѣсты беретъ ее за полотенце длиною въ 3¹/₂ арш., привязанное къ правой рукѣ, приводитъ къ жениху, сидѣвшему за столомъ и поднимаетъ какъ можно выше. Женихъ долженъ взяться за полотенце нѣсколько повыше руки того, кто привелъ къ нему невѣсту; этимъ обыкновеніемъ означается у простаго люда то, что женихъ, какъ будущій супругъ приведенной невѣсты, будетъ во всѣхъ случаяхъ жизни выше своей жены, будетъ, какъ выражаются, командовать ею. Женихъ, поймавши поднятое полотенце повыше руки приведшаго, ведетъ свою будущую жену за столъ, обводитъ трижды кругомъ себя и толкаетъ ее, чтобы она не съѣла и упала на лавку; когда такъ сдѣлано будетъ, тогда поѣзжане жениха кричатъ какъ могутъ: «ура, ура, ура!.. Побѣдилъ.... Сватовець табагу! Женихъ княжьяго пива и вина» дѣвицы, подруги невѣсты поютъ:

«Не ступай комнѣ на рѣзвыя ноженки,
Не толкай подъ могучія плеча,
Не давай грозы великой въ дому у солнышка батюшка.»
«Мнѣ-ка хаять чужа сторона—не расхаята будетъ,
Мнѣ-ка тужить чужа сына, да не утужить будетъ.»
И такъ называемый дружка **) вынимаетъ изъ запазухи двѣ восковыя свѣчи, соединяетъ ихъ винтообразно **) зажигаетъ и ставитъ къ той иконѣ, которою благословлена невѣста и которая повезется въ церковь, потомъ беретъ въ руки хлѣбъ, изображаетъ на себѣ крестное знаменіе и рушаетъ его и наконецъ угощаетъ поѣзжанъ пивомъ, а прочихъ гостей, такъ называемыми социями, которые не попадаютъ имъ, а бросаются во всю четыре стороны.

*) Знахарь, хранитель брачующихся.

**) Винтообразное соединеніе свѣчъ означаетъ, чтобы молодые хорошо любили другъ друга.

* Дѣвицы въ нашей мѣстности почти всѣ съ 7-ми лѣтъ пьютъ довольно хорошо водку.

Женихъ исполняетъ требованіе своихъ *поѣзжанъ*, представляетъ имъ *бочку пива и ведра-два вина*; все это поѣзжанами и близкими знакомыми жениха и невѣсты въ продолженіе часа рѣшается до капли, почему означенныя лица почти всегда привозжаютъ въ церковь *совершенно пьяными*.

По совершеніи таинства брака новобрачные изъ церкви отправляются въ домъ родителей, куда приглашаютъ и священника съ причтомъ. Здѣсь особеннаго ничего не дѣлается и не бываетъ *кромя* того, какъ вскрываютъ молодую и какъ *дарятъ священника*, отца, мать, братьевъ и сестеръ молодого. *Скрываніе молодой* дѣлается такъ: когда придутъ изъ церкви молодые супруги и пройдутъ за столъ, за которымъ не сидятъ, а стоятъ, *тогда мать молодого* супруга снимаетъ шаль съ головы молодой и сильно кланяется сватовцу, говоря: «спасибо тебѣ, сватовецъ, ты *ѣздилъ не гористо, вывезъ добристо!*...»

Дарятъ прежде всего *священника*, если онъ есть, и дарятъ такъ: *наливаютъ стаканъ пива*, въ который полагаютъ какой-либо *платокъ* и *подносятъ все это священнику* и просятъ принять. Священникъ, принявъ дары и выпивши стаканъ пива, долженъ *отдарить молодую* (потому что подносить она) положить въ стаканъ какую либо монету. Также подносятъ подарки отцу, матери, братьямъ и сестрамъ молодого. Отдаривши всѣхъ, молодые садятся и кушаютъ, а покушавши, уходятъ на отдыхъ до слѣдующаго дня. — Въ слѣдующій день рано утромъ молодой съ родителями и родственниками начинаютъ собираться къ тещѣ на *блины*, или по ихнему — *хлѣбны*.

На хлѣбныхъ, или *красномъ столѣ*, особенно достойно замѣчанія слѣдующее обыкновеніе: теща, подавши на столъ послѣ нѣсколькихъ переѣнъ блиновъ и масла, проситъ зятя кушать ихъ. Когда же онъ возьметъ блинъ и начнетъ окунать его въ масло, тогда кто либо изъ гостей, сидящихъ за столомъ, старается подмѣнить этотъ моментъ для того, чтобы вмѣстѣ съ блиномъ окунуть въ масло у молодого и руку. Впрочемъ не всегда удается желающему сдѣлать это, по той причинѣ, что молодой такъ какъ видалъ и знаетъ это обыкновеніе, ловитъ ту минуту, въ которую всѣ ротозѣйничаютъ и окунаетъ въ масло блинъ въ одно мгновеніе. За такое проворство и ловкость называютъ молодого острымъ *человѣкомъ*: — вострый, говорятъ, онъ *человѣкъ*.

Этими хлѣбными у Тулгаскихъ крестьянъ совершенно оканчиваются свадебные обряды.

Но когда женихъ съ поѣзжанами придетъ за невѣстой въ *рѣзальный* день, первоначально они не выпускаются въ домъ невѣсты. Друзья или сторожъ свадьбы, пришедши къ закрытымъ воротамъ дома невѣсты, говорятъ:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій помилуй намъ. Аминь. Если у васъ супротиво нашего молодого князя молитву сотворить, или *Аминь* отдать».

Отвѣчаютъ родные невѣсты: «Аминь вашей молитвѣ», и говорятъ: «что вы за люди, зачѣмъ *приѣхали?*» Приѣхавшіе въ лицѣ дружки отвѣчаютъ: «мы люди Божіи да государевы: *два посла посланика, два дружки перепѣжѣ*. Посланы мы отъ князя первобрачнаго; мы *приѣхали къ вашему дому нешално, не нахально, по первому зву, по сеатовству, по второму— зву данью рукоданью, по третьему зву— рукобитью, ѣхали мы не путемъ не дорожно, а зелеными лугами*, чистыми полями, поволочными мѣстами, дремучими лѣсами, зыбучими болотами, чрезъ грязи топучія, чрезъ тихія озера глубокія, чрезъ быстрия рѣки широкія, черезъ ручьи ребеновы, чрезъ мосты калиновы, черезъ узки переулки. *Искали мы куньи лицицы* и ничего не нашли, только одинъ *куній слѣдъ*. Тѣмъ кунимъ слѣдомъ мы *ѣхали*, палили, лошадей своихъ притомили; *ѣхали-палили изъ Москвы до Сибиривъ красныхъ саняхъ подъ синими полстями*. Доѣхали мы до бѣлаго шатра, до вашего дому; есть-ли въ вашемъ домѣ *господинъ хозяинъ, куній слѣдъ, отводи куню ушелъ, или красную дѣвицу выводи*; наши кони *прибились*, молодцы *притомились*, давайте нашимъ конямъ сѣна *зеленаго, овса ядреннаго*, чтобы сѣна до колѣна овса до глазъ.»

«Есть нашимъ конямъ солома ржаная, да и тая гнилая, а овса своего зачѣмъ ни привезли?»

«Господинъ хозяинъ! мы *приѣхали къ тебѣ не по рожу и пшеницу, а по красную дѣвицу.*»

«Какія на вашей дѣвицѣ примѣты?» — «На нашей красной дѣвицѣ примѣты: бѣлобисерной *пчелокъ*, стоитъ въ кругу народа, въ высокомъ терему, въ бѣломъ шатрѣ, въ бабьей бесѣдѣ, въ дѣвьемъ порядкѣ, на брусовой лавкѣ, головой покачиваетъ, руками подъ черной фатой *помахиваетъ*, подъ бѣлымъ платкомъ умильно причитываетъ своимъ родителямъ *приѣзжаетъ*, насъ *молодцовъ* дожидаетъ... Еще, г. хозяинъ, есть-ли у васъ *уворотъ приворотники, у дверей придверники, у стола пристольники, у пива наливники, у печи стряпки?*»

«Стряпка отъ печи *бросилась*, на курьемъ полѣ *раскатилась*, за полъ *зубами* ухватилась.» — «Есть-ли нашимъ конямъ *караульные* люди, чтобы тѣ *караульные* ворота *отпирали*, высокія *подворотницы* *вынимали*, дабы наши кони *ногъ* не переломали и *копытъ* не заломали?» — «Своихъ *приставьте*.» — «Отпирай и *отворяй* ворота, г. хозяинъ?»

Хозяинъ открываетъ ворота и выпускаетъ *приѣзжихъ* гостей, которые *входя въ* ворота, говорятъ: «г. хозяинъ, въ этотъ день ты не хотѣлъ *воротъ* запереть и *дверей* затворять; почему же ты *ворота* заперъ и *двери* затворилъ! Кто тебѣ *приказалъ?*»

«Я потому ворота запералъ, что весь вашъ княжескій поѣздъ въ одно время ждалъ.» — «Это все ваши не отговорки, нашъ княжескій поѣздъ не въ рассоркѣ» (заходить въ избѣ).

Вошедши въ избѣ и помолвившись иконамъ, говорятъ: «здравствуйте, молодая молодица, красныя дѣвицы! Подберите рѣзвыя свои ноженьки, дайте свѣту изъ окошечка подойти къ сударынь и подать ей гостинчики.... Ты, сударыня, прими мои гостинчики, на бѣлыя бѣлила, на красный румянчикъ за то, что *тонко пряла, ситко ткала*. Ты бѣло бѣлила, на камешкѣ колотила, намъ, молодцамъ норовила. И ты, сударыня, не плачь, не вопи, ни о чемъ не тужи, — у нашего батюшки горы низеньки, ушатики маленьки, коромысла тоненьки; ты, сударыня, не будь горда и спѣсива, а будь всегда говорлива, гордость и спѣсь спрячь, дѣнь потяготу кинь въ подполье; ты не ломайся, сама разувайся, у насъ побудешь и насъ разуешь. ежели ты будешь горда и спѣсива, то тебѣ будетъ плеть уchliva». Послѣ этого дружки обращаются къ хозяйну дома и говорятъ: «здравствуй, господинъ хозяйнъ!... Нашъ князь первоначальный сего числа сто ловавъ, пировалъ, не поломалъ ли какой посуды каменной, оловянной, щепеной, деревянной? Если что поломалъ, то завтрашняго числа расплатится златомъ и серебромъ, нескатнымъ жемчугомъ, а теперь у насъ денегъ нѣтъ, просимъ не осудить.»

Хозяинъ, выслушавши послѣднія рѣчи, сажаетъ всѣхъ прѣхавшихъ за столъ, набранный разными яствами и питіями *).

*) Поясненіе словъ, преимущественно употребляемыхъ крестьянами и встрѣчающихся въ настоящемъ описаніи свадебныхъ обрядовъ:

- Клѣть — кладовая
- Крашанинникъ — сарафанъ, сшитый изъ окрашеннаго черной краской холста.
- Ситникъ — сарафанъ, сшитый изъ ситцевой матеріи.
- Припалакваніе — пѣть заунывно, пѣть пѣсни грустнаго содержания.
- Сватовець — этимъ именемъ называютъ того, кто высваталъ невѣсту.
- Немилующіе гости — весьма неприящіеся гости.
- Не столокотъ (портна) или очень много достоинствъ за трудъ сватовцу.
- Одна мѣрка искосянки — весьма мало и то отрѣзанное наискось.
- Дѣвичникъ — дѣвичій вечеръ, на которомъ мушнѣ почти не бываетъ.
- Праворучица — крестовая сестра по крестному.
- Лѣворучица — крестовая сестра по крестной.
- Иде — идетъ, всѣ глаголы въ нашей мѣстности употребляются подобнымъ образомъ, а иногда съ прибавленіемъ шю напр иде-шо, ѣде-шо, дѣлае-шо.
- Квашеночки — шаечки, употребляемыя въ бакѣ для мытья.
- Кибала — видъ кокошникъ, женскій головной уборъ.
- Домовище — гробъ.
- Завинула — сдѣлалась хуже.

Въ описаніи народнаго быта въ селеніи Зимней Золотицѣ, что на зимнемъ берегу Архангельскаго уѣзда, составленномъ священникомъ Влад. Розоновымъ, находимъ слѣдующія данныя о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ въ этой мѣстности:

«Женихъ подговариваетъ невѣсту на вечеринкѣ; если она даетъ ему честное слово, сначала уговорятся между собою и, чтобы не обмануть другъ друга, — *подарятся*. Потомъ, когда настанетъ время жениться, женихъ, падая отцу и матери въ ноги, говоритъ: *благословите меня, батюшко и матушка жениться*, — при этомъ женихъ поминуетъ имя *избранной*. Отецъ и мать, если избранная невѣста любя имъ, говорятъ: *Богъ благословитъ, дитяшко*. Получивши дозволеніе родителей и *священника*, женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты свата. *Сватъ* бываетъ большею частію изъ *близкихъ родныхъ*, рѣдко изъ дальнихъ или вовсе чужихъ. Сватъ приходитъ въ домъ невѣсты утромъ, а болѣе вечеромъ. Вошедши въ избѣ, сватъ становится вдоль полу, шапку и рукавицы держитъ въ рукахъ, потомъ вызвавъ отца невѣсты на сѣни, тихонько переговаривается о дѣлѣ, за которымъ пришелъ. Невѣста, почувявши себѣ невзгуду, забирается на печь и тамъ плачетъ. А если женихъ не по уму, тотчасъ же по уходѣ свата *падаетъ* въ ноги *отцу, а особенно матери, чтобы не отдивали за нелюбаго*. — *Отецъ мать иногда и слушаютъ* невѣсту. Если же захочетъ отецъ отдать дочь, то назначаетъ свату еще *срока два, или три*, въ которые онъ долженъ придти затѣмъ же къ отцу невѣсты. *И здѣсь уже назначаютъ время рукобитья и смотрѣнья; на рукобитьи пьютъ женихово вино родные невѣсты. Въ смотрѣнье выводятъ невѣсту на показъ жениху* и при этомъ спрашиваютъ: *Люба-ли, любя ваша, нелюба наша?* Родные жениха и женихъ отвѣчаютъ: *очень хороша*. На смотрѣнье впереди ходитъ *сватъ* и всегда съ фонаремъ — *поискать челоуька*. На смотрѣньи *будущіе сватовья бьютъ* по рукамъ. *Отецъ жениха беретъ* за руку по выше локтя отца невѣсты, при чемъ оба прихватываютъ собственные рукава рубашекъ и казачинъ, — *неголой рукой*. Когда станеть бить по рукамъ *мать невѣсты* съ будущимъ сватомъ и сватьею, прихвативши тоже рукава своей рубашки, *уцѣпнетъ* *каждаго* изъ нихъ и очень больно. А для чего? По своему разумѣнію, чѣмъ сильнѣе она уцѣпнетъ свата и сватью, тѣмъ сильнѣе свекоръ, а особенно свекровь будутъ *любить ея дочь*. Во время вѣнца новобрачные *не стеновятся* *всею ногою на подножкія*, а только касаются его пальцами. Кто стоитъ на подножкіи, у того

Густая каша — кипяченая вода, смѣшанная густо съ ячменной мукой

Скрюнка — полштофъ.

Ситный хлѣбъ — хлѣбъ изъ муки просвянной чрезъ-сито. Пойте-чествуйте — какъ можно лучше угощайте.

заболать зубы; во время вѣнца женихъ *держитъ свою руку всегда выше руки невесты*, чтобы быть *большимъ*, а невеста жметя ближе къ жениху, чтобы жить согласнѣе. Провожаютъ къ вѣнцу и встрѣчаютъ отъ вѣнца повобрачныхъ выстрѣлами; за каждый выстрѣлъ женихъ и невеста благодарятъ поклономъ. Послѣ вѣнца по приходѣ домой, покрывало съ молодой всегда снимаетъ отецъ или крестный, при чемъ осыпаетъ головы молодыхъ житомъ. — Послѣ свадьбы бываетъ на другой или третій день почесье. На почесьѣ пируютъ уже родные невесты въ домъ жениха. Подъ конецъ стола молодая ходитъ съ чаркою, въ которую кладутъ деньги. Послѣдній пиръ — распивка банника. На этотъ пиръ приглашаютъ только самыхъ близкихъ родственниковъ жениха отецъ и мать его; послѣ пира каждому бывшему на немъ молодая даритъ по ложкѣ».

Столь же краткія свѣдѣнія о свадьбахъ, находятся въ описаніи Курейско-Сергіевскаго прихода Холмогорскаго уѣзда:

«Всякая свадьба начинается обыкновеннымъ сватовствомъ, для чего почти въ каждой деревнѣ суть особыя лица совершенно чужія жениху: свать и сватья. По просьбѣ жениха свать идетъ въ указанный домъ и проситъ у хозяина его согласія и благословенія на выдачу дочери въ замужество за такого-то молодца. По обычаю угощенія свата, родители невесты просятъ его *дать времени подумать*, а сами въ это время у каждого встрѣчнаго и поперечнаго производятъ *обыскъ о женихѣ*. По собраніи нужныхъ свѣдѣній прибывшему въ назначенный день свату родители невесты объявляютъ, что нужно посмотрѣть бытъя-житья жениха (пожалуй хотя бы то былъ и сосѣдъ). — Въ назначенный день (по вечеру) ѣдутъ родные и любезные сосѣди невесты (особенно любящіе выпить) къ жениху. По встрѣчѣ честныхъ гостей, женихъ показываетъ имъ все свои *пожитки* въ чуланахъ и анбарахъ, въ сундукахъ и кошелькахъ, на дворѣ и на повѣти *). По осмотрѣ богатства, родители невесты изъявляютъ свое согласіе, или несогласіе на выдачу дочери. При несогласіи ѣдутъ домой, а при согласіи угощаются отъ жениха чаемъ, кофе, сластями, виномъ и пивомъ, и условливаются о днѣ свадьбы, приданомъ и *приносахъ* (подаркахъ родителямъ). На пиру семь вина бываетъ много, и пьютъ его сколько хотятъ и сколько могутъ; гостыба сія называется *пропиваніемъ невесты*. Затѣмъ идутъ обыкновенныя приготовления къ свадьбѣ.

Канунъ брачнаго дня *бываетъ смотренье*; въ этотъ день дворъ, сѣни и повѣти дома невесты бываютъ бит-

*) Бѣдные женихи нередко наносятъ въ свой домъ кучу чужихъ пожитковъ, которые послѣ свадьбы уносятся, и бѣдняки не прежнему остаются голыми.

комъ набиты народомъ, который рано собираетъ трѣть жениха, а болѣе поплясать и пѣсенокъ и Около 9-ти часовъ (по вечеру) ѣдетъ на богато парѣ коней съ колоколцами и колокольчиками ж гостями; ворота дома невесты нарочито запираютъ колотить до трехъ разъ и просить принять го голосъ пляшущаго народа: «жинихи приѣхали», невесты отворяютъ ворота, встрѣчаютъ гостей ваютъ за столъ, который бываетъ убранъ я питіями. По занятіи мѣстъ гостями, выводятъ гаго покоя (дѣвичника) родители заплаканную одѣтую всегда въ русскомъ нарядѣ (штофной полушубкой и повязкѣ), что называется *на с* спрашиваютъ жениха и его родителей: *любали?* переглянувшись съ своими родителями, отвѣчаетъ очень любя, — выходитъ изъ за стола, и стано домъ съ невестой. Родители невесты благос ихъ иконой и хлѣбомъ съ солью; затѣмъ неві носить гостямъ по рюмкѣ водки и уходитъ чникъ. Вскорѣ послѣ ухода невесты, женихъ ками (шаферами) идетъ въ дѣвичникъ и несетъ дарки (на бѣлила). По приходѣ жениха и неві чинается ужинъ, который продолжается иногда до утра. По отъѣздѣ жениха съ гостями, неві щаетъ (ужиномъ) своихъ подружекъ-дѣвушекъ.

По утру невеста принимаетъ *приносы* отъ родныхъ и *свадебниковъ* и каждому изъ нихъ платитъ знакъ благодарности за любовь и подарки.

Около полудня съ тысяцкимъ и друзьями пр женихъ, и даритъ свою невесту кольцомъ и пр а невеста отдариваетъ ему платокъ (стрѣтный) къ вѣнцу. Впереди ѣдутъ дружки съ банник *когою* **), за ними женихъ съ тысяцкимъ, не сватьей, *проводники* (гости) и наконецъ свать *стельная* съ постелью и коробьями.

Бракъ совершается обыкновеннымъ порядкомъ вершеніи брака тутъ-же въ церкви совершаете *крученія невесты*. Уводятъ невесту въ уголь, на скамью и закрываютъ платкомъ. Кручельщиц назначенныя женихомъ для сего дѣла женщины таютъ дѣвью косу, расчесываютъ длинные волосы бираютъ ихъ въ двѣ косы, одѣваютъ повойк косынку. Невѣста плачетъ; по окончаніи сего молодые прикладываются къ иконамъ и ѣдутъ жениха.

*) При отпавкѣ невесты къ вѣнцу, родители з въ скатерть хлѣбъ, соль, рыбу, пироги и пр. для залодымъ на другой день брака послѣ бани.

**) Въ киѣ хранятся калачи, пряники и др. слаасвадебное дружки бросаютъ народу во время проѣзда въ церковь и отъ церкви.

По приѣздѣ изъ церкви родители благословляютъ первобрачныхъ иконою, хлѣбомъ, сыплютъ на нихъ зерновой хлѣбъ (жито, къ богатому житью) и сажаютъ за столъ. За столомъ до обѣда первобрачная даритъ своихъ новыхъ родителей условными приносами, и всѣ провожаютъ молодыхъ отдыхать (на подклатъ), хотя бы то было часу въ 3-мъ дня, а гости обѣдаютъ. Подъ конецъ обѣда молодые приходятъ и подносятъ гостямъ вино.

На завтра поутру молодые идутъ въ баню, истопленную дружкой, и ожидаютъ сватью съ блинами.

Днемъ бываетъ обѣдъ (будильный). Съ гостями обѣдаютъ и молодые; предъ сладкимъ пирогомъ молодые подносятъ гостямъ по рюмкѣ водки и общимъ хоромъ поютъ тропарь: Спаси Господи люди твоя... весь до конца три раза, пьютъ рюмки и цѣлуется мужъ съ женою, и это вторится для каждой пары, такъ что приходится иногда просидѣть за однимъ пирогомъ болѣе часа и прослушать поющійся тропарь до ста разъ.

Отъ описаній сельскихъ свадебъ Архангельской губернии обращаемся къ описанію свадебъ городскихъ. Переходомъ отъ сельскихъ къ городскимъ обрядамъ послужитъ намъ свадьба посадская, въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда. Здѣсь сватовство идетъ такимъ порядкомъ.

Парень, задумавшій жениться, подговариваетъ себѣ невесту на вечеринкѣ. Если она дастъ ему честное слово, что идетъ за него, или согласіе свое подкрѣпитъ залогомъ. *) то онъ посылаетъ къ роднымъ ея свата.

Если свать высватаетъ, т. е. если не получитъ отъ родителей невесты отказа, то извѣщаетъ объ ономъ жениха и въ тотъ-же день идетъ съ нимъ и съ его родителями и ближними родственниками къ невестѣ на рукобитье. —

Тутъ женихъ даритъ невесту кольцомъ, а та отдариваетъ его платомъ; иногда невеста при рукоданнѣ даетъ подарки и родственникамъ жениха.

Послѣ рукоданья невеста сзываетъ къ себѣ подружку и дѣлаетъ вечеринки, на которыя собираются холостые играть съ дѣвцами шестеркой и утушкой **) и приходитъ женихъ въ сопровожденіи дружки съ родственниками, которые подаетъ невестѣ. Вечеринки продолжаются два и три дня.

Наканунѣ вѣнчальнаго дня у невесты бываетъ рукобитье ***) на которомъ женихъ даритъ невесту и ея родственниковъ, а та отдариваетъ какъ жениха, такъ

и всѣхъ его родственниковъ, это бываетъ во время стола. Когда столъ кончится, женихъ уходитъ изъ дома невесты, а та начинаетъ «вопѣть.» Кромѣ того еще прежде, нежели начнется рукобитье, утромъ того же дня невеста идетъ на *могилица* и тамъ вопитъ на могилахъ своихъ родственниковъ и поклоняется мощамъ Св. Елисея, причемъ бываютъ и подружки.

Того же утра она тоже въ сопровожденіи подружекъ ходитъ также вопѣть въ дома къ своимъ родственникамъ, а нѣкоторыя изъ невестъ вопятъ даже *у воротъ родственныя* домовъ.

Въ вѣнчальный день женихъ посылаетъ дружку звать къ себѣ въ домъ дѣвицъ въ *чесны*.

Чесныя въ сопровожденіи дружки изъ дома жениха идутъ въ домъ невесты, которая дѣлаетъ *имъ столъ*.

Послѣ стола пѣвицы играютъ шестеркой и утушкой. — Въ тоже время какъ женихъ сзываетъ чесныхъ, невесты посылаетъ посла къ своимъ родственникамъ и близкимъ знакомымъ и приглашаетъ ихъ женскаго пола въ *проставицы*.

Проставицы приходятъ къ невестѣ съ *хлѣбомъ* и *солью* и разными подарками, а та имъ вопитъ *) *каждой особо*.

Потомъ приходитъ женихъ съ поѣзжанами и садится за столъ вмѣстѣ съ поѣзжанами и родственниками невесты; за столъ подаютъ *рыбки* и булки съ водкой и ромомъ.

Во время нахождения жениха за столомъ приводятъ изъ другой комнаты невесту, которая и садится по лѣвую руку жениха **); по окончаніи закуски невесту закутываютъ въ шаль и ведутъ, или везутъ вмѣстѣ съ женихомъ къ вѣнцу.

При выходѣ изъ избы, въ сѣняхъ, жениха и невесту родители послѣдней *благословляютъ иконою*, которую и *несутъ* въ церковь впереди жениха и невесты. Во время вѣнчанія ***) дѣвицы, бывшія на свадьбѣ по приглашенію, ѣдутъ на лошади въ домъ жениха съ постелью, при чемъ поютъ пѣсни.

Послѣ небольшого угощенія со стороны жениха, дѣвицы гуляютъ на лошадяхъ кругомъ посада, а послѣ этого возвращаются въ домъ къ невестѣ, откуда расходятся по домамъ, — иныя на другой день, а иныя спустя 3—4 дня. Находясь въ домѣ молодой, дѣвицы не играютъ уже утушкой и шестеркой, а только спятъ по вечерамъ «вечны», которыя ничѣмъ не отличаются отъ каждодневныхъ вечеринокъ.

*) Залогъ заключается въ нѣсколькихъ платьяхъ, въ жемчугъ и т. п. —

**) При игрѣ шестеркой нерѣдко мужики пляшутъ подъ рускую скрипку.

***) Послѣ рукобитья въ тотъ же день иногда бываетъ столъ у жениха, на который приглашаются всѣ родственники невесты мужскаго пола. —

*) Каждая приставица приходитъ сама по себѣ, а не вмѣстѣ съ другими.

**) Иногда женихъ не приходитъ получать невесту въ ея домъ, а прямо идетъ въ церковь, куда приходитъ и невеста.

***) Обрученіе совершается въ церкви за нѣсколько минутъ до вѣнчанія.

Изъ церкви молодые сопровождаются священникомъ, дьякономъ и дьячкомъ до дома съ церковными пѣснопѣвцами.

Во всѣхъ домахъ, мимо которыхъ проходятъ молодые, владѣльцы ставятъ въ окна свѣчки, чтобы оказать молодымъ почетъ.

По приходѣ изъ церкви молодыхъ, *оружка* зовется какъ родственниковъ молодого, такъ и родственниковъ молодой, на *приводный* столъ.

Но случается и такъ, что приводный столъ бываетъ не въ вѣнчальный день, а спустя 2—3 дня.—

Изъ городскихъ свадебъ въ матеріалахъ, доставленныхъ въ этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія находятся описанными: Онежскій и Мезенскій.

Свадебные обряды мѣщанъ города Онеги.

(Записаны были со словъ одной мѣщанки въ Онежской тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фризе и изложены въ такомъ порядкѣ:)

1. *Сватовство*.—Женихи парни и невѣсты дѣвушки слюбиваются между собою больше на вечеринкахъ и хороводахъ, описаніе которыхъ будетъ помѣщено въ слѣдующей книгѣ, чтобы можно было видѣть, насколько вообще молодежь близка другъ къ другу при встрѣчахъ, и насколько тверда нравственная сторона горожанъ Онеги. Чтобы случился *грѣхъ*, или вообще тайное любовное сожителство между молодыхъ парнемъ и дѣвушкой—невѣстой, намѣревающимися хотя мысленно вступить другъ съ другомъ въ законный бракъ, до сватовства,—этого почти вовсе не случается; но что по сторонамъ, т. е. не съ тѣми парнями, на которыхъ имѣется расчетъ, какъ на жениховъ, или же даже съ женами кутилками,—у дѣвушекъ невѣсты сношенія бывають очень у многихъ, за малыми развѣ исключеніями; парня же, въ послѣднее время, чтобы онъ былъ цѣломудренъ до женитьбы—изъ тысячи одного невозможно найти. На это впрочемъ и смотрѣть стоить съвязь пальцы; честность и допорядочность считается за такой невѣстой—дѣвушкой, которая, слюбившись, умѣетъ хорошо скрываться и не рождаетъ ребятъ.

И такъ, когда молодежь, какъ парни, такъ и дѣвушки, придуть въ возрастъ, считающійся достаточнымъ для женитьбы, они стараются заранѣе выбрать другъ друга по сердцу. Въ тоже время родители, найдя уже возможнымъ собирать свадебку, начинаютъ раздумывать о томъ. Начинается дѣло тѣмъ, что отецъ и мать парня—жениха, разсудивъ промезь собою, что пора Петрушу поженить, и придя къ положительному заключенію, объявляютъ о томъ самому Петрушѣ; его

обязанность въ этомъ случаѣ—желаетъ-ли, или нѣтъ онъ душевно разстаться съ холостой жизнью,—состоитъ въ томъ, чтобы пѣкоторое время отпѣкнуться и за тѣмъ уже, исполнивъ церемонію отпѣкнванія, упасть въ ноги батюшкѣ и матушкѣ съ изъявленіемъ своей покорности. Тогда собираются на совѣщаніе имѣющіеся родные и родственники и изъ нихъ избираютъ болѣе расторопнаго человѣка, все равно будетъ-ли это мужикъ или женка, въ *большіе сваты* и чаще всего—божитку (крестная мать) или сестру; изъ мужчинъ-же крестнаго отца или брата-жениха. Когда разсудятъ желанія жениха о томъ, въ какой домъ идти свататься и къ какой дѣвушкѣ, зажигаютъ свѣчи или лампаду передъ образомъ въ переднемъ углу, молятся всѣ вмѣстѣ за начатіе дѣла и, въ видѣ послѣдняго и главнаго начала дѣла, свать бьетъ съ женихомъ по рукамъ, безъ чего сватовство не начинается. Въ то время какъ большой свать (положимъ на этотъ разъ будетъ божитка), отправляется за своимъ дѣломъ, оставшееся дома собраніе родныхъ занимается своего рода волхвованіемъ: копаютъ *занитой* (лучиной) уголья въ *жаратку* (углубленіе на шесткѣ печи, съ лѣвой руки, куда загребаются угли, для очистки печи для печенія хлѣбовъ и проч.) и волочатъ по избѣ столъ,—все это дѣлается для того, чтобы получить со стороны сватовей невѣсты и ея родныхъ согласіе. Съ этою же цѣлью бойкіе, т. е. знающіе свое дѣло, большіе сваты, походя (отправившись) съ сватовствомъ, берутъ въ карманъ пѣтушину голову; это впрочемъ явленіе изъ рѣдкихъ.—

Большой свать, зная всю точность, необходимую при подобномъ дѣлѣ, выбираетъ, во-первыхъ, время для своего перваго визита,—вечеръ или сумерки—и во-вторыхъ—случай, чтобы встрѣтить гдѣ нибудь по дорогѣ отца или мать дѣвушки, за которую намѣревается свататься, если же подобнаго случая не выдается, то не входя въ избу, а только постучавшись, вызываетъ къ себѣ того, или другаго сосѣда—и все это въ виду того, чтобы скрыть по возможности сватовство въ началѣ не только что отъ сосѣдей, или постороннихъ людей, но и отъ прочихъ домашнихъ—родныхъ невѣсты. Иногда же прискиваетъ большой свать какой либо хитрый предлогъ, входитъ какъ будто за постороннимъ дѣломъ въ самую избу; исправивъ это постороннее дѣло, приступитъ въ разговоръ о новостяхъ дня, и уже во время своего ухода, когда хозяинъ или хозяйка провожаютъ его въ до выходныхъ дверей, въ это только время, наединѣ съ нимъ передаетъ главное, почему приходилъ. На этотъ вопросъ отвѣтъ всегда и во всѣхъ случаяхъ бываетъ одинъ и тотъ-же: «понавѣдайся-ка утромъ.» Причинъ тому заключается въ желаніи передать роднымъ, близкимъ и семьѣ не вскорѣ предложеніе свата, перетолку

вать и поразсудить промежь себя, какъ вообще о сватовствѣ, такъ и о женихѣ въ частности,—что и исполняется обыкновенно въ промежутокъ времени до того часу, когда нужно ждать втораго посѣщенія свата. Отецъ или мать невѣсты ходитъ въ это время по домамъ родныхъ, т. е. къ замужнимъ дочерямъ, женатымъ сыновьямъ, братьямъ, сестрамъ, дядьямъ, теткамъ и проч., спрашивая совѣта по поводу явившагося сватовства: отправлять ли за этого жениха, или нѣтъ. Даже въ случаѣ если бы женихъ сразу, по одному имени, не подходилъ къ невѣстѣ и самъ отецъ и мать это знали-бы изъ первыхъ словъ свата, отвѣтъ на первый визитъ остается непремѣннымъ т. е. все таки просить понавѣдаться на другой день.

Въ назначенное время, на другой день, большой свать является снова въ домъ невѣсты. Возьмемъ первый случай.—если нужно дать отказъ, въ избѣ остается по уговору между собою, для приѣма свата, одинъ изъ хозяевъ, отецъ или мать. Ставится самоваръ и прибывшій свать приглашается садиться, начинается чаепитіе, за нимъ разговоры, сначала о томъ да о другомъ, а потомъ, когда свать напоминаетъ, что онъ *опять* за *старымъ оловомъ пришелъ*,—высказывается отказъ и, преимущественно въ извѣстныхъ уже формахъ, чтобы не охулить тѣмъ жениха; говорятъ что или невѣста молода еще слишкомъ, или въ настоящее время не могутъ собраться устроить необходимое ей приданое, или что жаль еще ее, по молодости, отдавать въ большую трудную работу и проч. т. под. Между тѣмъ чаепитіе кончилось, большой свать начинаетъ откланиваться, *прося прощенья за напрасное утружденіе ихъ своимъ приходомъ*, на что обыкновенно въ отвѣтъ получается политическій комплиментъ въ такомъ родѣ, что женихъ своимъ предложеніемъ сдѣлалъ ихъ дому много чести, что проситъ благодарить его и проч. Въ отмщеніе за свое неудачное сватовство, большой свать обыкновенно выдѣлываетъ слѣдующую штуку съ домою гордой невѣсты: выходя съ сѣней, онъ идетъ задомъ, спиной напередъ; перешагиваетъ такимъ образомъ порогъ сѣней, и если случится, спускается по всѣмъ ступенькамъ лѣстницы тѣмъ-же способомъ, но принимаетъ мѣры, чтобы это дѣйствіе не было замѣчено хозяевами. Штука эта дѣлается съ той цѣлью, чтобы въ тотъ домъ не ходили болѣе сваты отъ другихъ жениховъ, — есть повѣрье, что это сбывается.

Теперь второй случай, когда предложеніе принимается. Въ противность предыдущему случаю, всѣ домашніе встрѣчаютъ большого свата, когда онъ явится на другой день утромъ, весело, радостно: усаживаютъ его, начинаютъ пить чаемъ, а во многихъ случаяхъ кофеемъ. Идутъ разговоры, въ которыхъ даютъ свату положительный отвѣтъ, т. е. что женихъ любъ и роди-

тели согласны отдать за него свою дочь. Затѣмъ иногда является и полштофикъ, за которымъ—развязные языки—родители и большой свать заводятъ рѣчь о дарахъ со стороны невѣсты, т. е. о подаркахъ свадебныхъ отцу, матери, теткѣ, сестрѣ и проч. имѣющимся близкимъ родственникамъ. При этомъ интересно замѣтить, что между здѣшними мѣщанами, хотя приданое и дается за всякой невѣстой, смотря по состоянію, но о немъ заранѣе ни условій, ни распросовъ со стороны жениха не бываетъ: что придетъ съ невѣстой, то и ладно.—Дары бываютъ такого рода:

а) Отцу женихову (свекру) ситцевая рубаха, портки полотняныя съ гашникомъ изъ тесьмы, платокъ на шею бумажный (у богатыхъ шелковый).

б) Матери (свекрови) сорока (головной уборъ замужнихъ женщинъ и старухъ, нынѣ выходящій изъ употребленія) изъ широкаго позумента (плетня золотого) и золотной парчи, рубаху всю коленкоровую, сарафанъ ситцевый.

в) Брату (деверю) рубаха ситцевая, портки, какъ свекру, платокъ такой-же (изъ трехъ вещей смотря по состоянію, даютъ двѣ только).

г) Сестрѣ (золовкѣ) рубаху съ полотнянымъ низомъ (станомъ) и съ коленкоровымъ верхомъ и рукавами, платокъ гарусный.

д) Женѣ женихова брата (снохѣ) тоже что и золовкѣ.

Другимъ же, не такъ близкимъ родственникамъ, отъ невѣсты даровъ не идетъ, но послѣ свадьбы они одариваются молодикомъ по приѣздѣ отъ вѣнца уже заранѣе заготовленными родителями жениха подарками.

Разсужденіе о дарахъ между большимъ сватомъ и родителями невѣсты во время сватовства имѣютъ большое значеніе: такъ что бываютъ случаи, что свадьба или сватовство изъ за большаго или меньшаго количества даровъ окончательно расходуется. Когда родители выскажутъ, какіе дары они въ состояніи будутъ сами справить, и когда большой свать выскажетъ требованіе съ жениховой стороны, то обыкновенно сторона невѣсты спрашиваетъ:

— А сколько будетъ *поданаго* отъ васъ?

Поданое—это значить денежная помощь, подмога, для покупки даровъ. Большой свать возражаетъ на то: сколько желаете получить?

Количество денегъ въ видѣ подмоги обыкновенно назначается по возможности больше, опять же смотря по богатству обѣихъ сторонъ: рублей 15, 10 и даже 7. Свать обыкновенно не даетъ и начинается торгъ. Когда уже ниже извѣстной цифры родители невѣсты не спускаютъ, свать самъ не оканчиваетъ дѣло, а рѣшается объяснить о томъ лицамъ, пославшимъ его. Когда же однако дѣло обошлось съ обѣихъ сторонъ согласно, то

при отходѣ свата домой—межъ имъ и родителями невѣсты бываетъ такъ называемое *маленькое рукобитье* т. е. засвѣчаютъ передъ образомъ лампаду или свѣчу, берутся за руки, молятся и затѣмъ условливаются, когда должно быть рукобитье. Стараются однако время рукобитья назначить передъ рынкомъ, т. е. вторникомъ, съ тѣмъ, чтобы быть увѣреннымъ, что уже свадьба не растроится и что закупаемая на свадьбу провизія на рынкѣ не пропала даромъ.

2) *Рукобитье*. Если однако большой сватъ при переговорахъ о дарахъ и подмогѣ не рѣшится окончательно согласиться на какое либо условіе, то, не окончивъ еще уговора, возвращается домой къ жениху, гдѣ и передаетъ, какіе дары хотятъ дѣлать и сколько просятъ подмоги. Въ такихъ случаяхъ, если невѣста, особенно нравится жениху и самое сватовство начинается по его желанію, большой сватъ,—передавая родителямъ жениха, сколько просятъ подмоги—говоритъ не всю сумму, чтобы только скорѣе получить согласіе; а что не достаесть по желанію невѣстныхъ родителей, онъ беретъ то у жениха. На пр. положимъ просятъ подмоги 15 р. большой сватъ говоритъ старикамъ, что подмоги нужно 10 руб., а остальные 5 р., не говоря о нихъ родителямъ, беретъ у жениха изъ его скопленныхъ денегъ.

На рукобитье отправляются всѣ имѣющіеся родственники жениха, кромѣ его самого. Крестный отецъ, или,—если есть расторопный братъ жениха, несутъ съ собою обыкновенно четверть вина (бываетъ у богатыхъ и больше, но меньше не несутъ), которая берется за деньги жениховой стороны, т. е. родителей. Въ невѣстиномъ домѣ прибывшихъ на рукобитье встрѣчаютъ всѣ родные невѣсты, ея же самой не бываетъ; она обыкновенно прячется гдѣ нибудь въ задней комнатѣ, или же у сосѣдей и по обязанности *ревизитъ* (плачетъ) благимъ матомъ.

Между тѣмъ въ избѣ столъ уже покрытъ скатертью и на немъ лежатъ *мякушка* (коровая) ржаного хлѣба, съ солонкой наверху и по обѣимъ сторонамъ коровая по рыбьей кудебѣ, около каждого рыбника по вилягъ: все это заранѣе приготовлено для закуски послѣ выпивки вина, которое обязаны принести родители жениха. Гости разсаживаются съ помощью приглашеній большого свата; четверть, завернутая въ платокъ, становится на столъ и большой сватъ проситъ тотчасъ у хозяйки подносъ и пару стакановъ. Большой сватъ держитъ за тѣмъ подносъ со стаканами, а братъ, или крестный отецъ жениха наливаютъ изъ четверти стаканы: оба они стоятъ за столомъ. Начинается угощенье съ невѣстиной родни; приглашаются во-первыхъ батка и матка (отецъ и мать), они берутъ по стакану,

отецъ пьетъ прямо, приговаривая только: «благослови, Господи, начать и окончить дѣло въ благополучіи.»

Матка же отпиваетъ сначала немного, съ тѣмъ же приговоромъ и собирается недопитый стаканъ поставить на подносъ, въ виду приличій, если-бы даже она невѣстна была за хорошую пьянчугу; но угощающіе и прочіе жениховы родные не позволяютъ ей этого, безсчетное число разъ кланяются и просятъ:

— По пальчиковъ-то, по пальчиковъ-то откушайте, просимъ покорно, насъ-то полюбите по первости, наше-го-то жениха полюбите и т. д. Матка, послѣ многихъ отпѣиваній, допиваетъ вино.—

Угощеніе продолжается затѣмъ по порядку старшинства: крестнаго отца, божитку, тетку, дядю, брата, сестру, двоюродныхъ и остальныхъ всѣхъ. Затѣмъ идетъ «по другому стакану», начиная тостъ съ главныхъ лицъ невѣстиной стороны и кончая прочими присутствующими на рукобитьи. Если кто вина принесъ много, то достаесть по третьему стакану. Каждый выпившій, послѣ каждого стакана обращается къ одной изъ кудебѣ, закусывая съ вилки.

По окончаніи угощенія батка невѣсты засвѣчаетъ передъ образомъ лампаду или свѣчу: всѣ начинаютъ молиться за благополучіе начатаго дѣла. Потомъ уже совершается самый обрядъ рукобитья: большой сватъ со стороны жениха, и батка со стороны невѣсты, каждый захватываетъ правой рукой двумя пальцами рукавъ рубахи, или кафтана, въ чемъ одѣтъ, и протягивая другъ къ другу руки, тремя свободными пальцами каждый беретъ за верхнюю часть выше локтя руки противустоящаго; при этомъ каждый говоритъ:

— «Теперь будемъ другъ на друга надѣяться, чтобы наше—вѣрно.» Тотъ же обрядъ повторяется и прочими родственниками попарно съ каждой стороны по представителю.

Большую частію тутъ же и расходятся по домамъ; и тогда остаются только женки и займутся ипѣсень, общихъ или хороводныхъ.

Утромъ слѣдующаго дня большой сватъ получаетъ отъ родителей жениха, а иногда и отъ самого его выдѣльникъ, условленную сумму на подмогу заготовки даровъ невѣстиной сторонѣ и несетъ деньги въ домъ невѣсты. Тутъ онъ узнаесть отъ родителей невѣсты, когда они намѣрены отправиться къ торговцамъ за покупкою даровъ и проч. Ему говорятъ что, сего-дня же. Онъ, возвративъ домой, говоритъ о томъ родителямъ жениха, которые въ большей части случаевъ идутъ для своихъ закупокъ, тоже даровъ или подарковъ, о которыхъ узнаемъ впоследствии, въ тоже время, когда намѣреваются идти невѣстины родители, чтобы закупать вмѣстѣ, такъ какъ обыкновенно при большомъ заборѣ можно купить дешевле, что нибудь выторговать. Въ это

же время родители обѣихъ сторонъ уговариваются межъ собою, чтобы *вечеру* (т. е. вечеромъ того же дня) и женихъ съ кольцомъ шель.

3) *Женихъ съ кольцомъ*. Собираясь идти вечеромъ къ невѣстѣ, женихъ заготовляетъ въ тотъ же день шелковую розовую косынку, которая назначается для повязки головы молодой; такъ же вѣнчальное кольцо (серебряное или золотое) и разнаго рода сластей (здѣсь говорить — десерту): обыкновенно орѣхи, конфеты леденцы и сортовы двухъ *закуски* (пряники). Кольцо и косынку онъ оставляетъ при себѣ, а сласти отдаетъ божиткѣ, которая считается въ то же время *свахой женою*.

На этотъ разъ идутъ съ жениховой стороны немногие: онъ самъ, большой свать, божитка, крестный, братъ, сестра, человекъ 5—7 не больше. Батка и матка не ходятъ. Впрочемъ въ нынѣшнее время стараются играть свадьбу возможно скорѣе, — большею частью *рукобитие и женихъ съ кольцомъ* бывають одно вслѣдъ за другимъ, въ одинъ вечеръ, и тогда отецъ и мать жениха, бывшіе на рукобитной, присутствуютъ и на этотъ разъ.

Войдя къ невѣстѣ со всей своей свитой, женихъ, по обыкновенію молится образамъ, раскланивается на всѣ стороны присутствующимъ и, когда по просьбѣ свата ему вручается тарелка, онъ кладетъ на нее косынку, а сверху кольцо и кланаясь передаетъ невѣстѣ, которая стоитъ уже посреди избы въ ожиданіи даровъ. Невѣста, принимая съ тарелки вещи, кланяется: кольцо надѣваетъ на средній палецъ правой руки, а косынку передаетъ кому-нибудь изъ близъ стоящихъ родныхъ. Тарелку изъ жениховыхъ рукъ въ то же время беретъ его божитка и передаетъ ее невѣстѣ божиткѣ. Та въ свою очередь кладетъ на тарелку шелковый шейный платокъ мужской съ разводами и даетъ невѣстѣ, которая съ поклономъ передаетъ его жениху. Женихъ кланяется, благодаритъ, беретъ платокъ съ тарелки, отираетъ имъ два раза губы и кладетъ въ карманъ. — Затѣмъ послѣ напоминаній родныхъ — онъ цѣлуются и невѣста беретъ за руку жениха и ведетъ его за столъ. Столъ стоитъ посреди избы подъ печнымъ воронцомъ; въ большемъ же углу помѣщаются дѣвушки подружки невѣсты. Когда пара зайдетъ за столъ, то цѣлуются три раза крестъ-на-крестъ, дѣвушки же затягивають первую пѣсню жениху съ невѣстой. Тутъ же невѣсты родные приносятъ и ставятъ на столъ двѣ тарелки съ ягодами — морошкой и брусникой, которыя посыпаны сверху сахаромъ и кладутъ у каждой тарелки по деревянной ложкѣ. Между тѣмъ божитка жениха проситъ подносъ, накладываетъ на него въ отдѣльныхъ кучкахъ жениховы сласти.

Дѣвушки поють:

1.

Полькомъ, полечкомъ
Уторена дорожка конечкомъ *),
Уѣзжена широка саночками,
Кто эту дорожку уторилъ,
Кто эту широку уѣздилъ?
Уторилъ эту дорожку Григорій господинъ,
Уѣздилъ широкую — Ивановичъ;
Все хожучи къ Марьѣ своей
Все пошучи гостинцы:
Первый гостинецъ изюмецъ,
Другой гостинецъ пряничекъ,
Третій гостинецъ — бѣль сахаръ,
Четвертый гостинецъ
Не тесанъ теремъ, не скобленъ,
Только хорошо разкрашенъ,
Всякими, разными красками наведенъ;
Неученъ Григорій, не школенъ,
Неученъ, Ивановичъ, не школенъ,
Только хорошо снаряженъ
Во всякое платье цвѣтное;
Не шелкова ленточка къ стѣнкѣ льнетъ, —
Григорій передъ батюшкой челою бьетъ;
Благослови сударь батюшка жениться
На душѣ, на красной дѣвицѣ,
На молодой, на Марьѣ Ивановнѣ!
Ой сборы, сборы Марьюшкины!
Ой сборы, сборы Ивановны!
Сбирала Марья всѣхъ подругъ,
Сбирала Ивановна всѣхъ сестрицъ,
Садил подружекъ за свой столъ,
Сама садилася выше всѣхъ,
Клонила буйную головушку ниже всѣхъ,
Думала крѣпкую думушку крѣпче всѣхъ,
Сестрицы мои, да подруженьки
Придумайте вы мнѣ, да пригадайте,
Какъ будетъ назвать люта свекра,
Какъ будетъ назвать свекровушку,
Какъ будетъ назвать деверьщевъ,
Какъ будетъ назвать золовущекъ?
Мнѣ свекромъ назвать да безчестно,
Батюшкомъ назвать не хочется!
Убавлю я спѣси гордости,
Прибавлю смиренности, кротости,
Назову я люта свекра батюшкой,
Назову свекровушку — матушкой
Назову деверьщевъ — братьянами
Назову золовущекъ — сестрицами,

*) Каждый стихъ поется дважды.

Назову я Григорья да ягодою,
Назову Ивановича душечкою.

2.

Въ Сентябрь, во первомъ мѣсяцѣ
При дѣвничьемъ было вечерѣ,
На горѣ, на великія,
На красы на великія,
Въ полатѣ бѣлокаменной,
Чтой на стулѣ, на бархатѣ,
На коврѣ, на красномъ золотѣ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Противъ чистаго заморскаго,
Андріанъ чесалъ кудри,
Свѣтъ Семеновичъ расчесывалъ,
Къ кудрямъ приговаривалъ:
«Катерина, завей кудри,
Васильевна, завей русы
По едину русу волосу.»
Не твоя я теперь служанка,
Не тебя я хочу слушаться,
Я послушаю батюшки
Я сударыню матушку.—
Въ Сентябрь, въ первомъ мѣсяцѣ
При дѣвничьемъ было вечерѣ,
и проч. и проч. до:
По едину русу волосу,
Что по маленькой по маковцы,
По золоченой по жемчужинѣ.»
Я твоя теперь служенька
Я тебя хочу слушати:
Серебромъ кудри перевью
Жемчугомъ русы высажу.

3.

Во соборѣ Михайла—Архангела,
Виноградіе краснозеленое.
Что у ранней воскресной заутрени
Виноградіе, краснозеленое.
Не женатый молодецъ Богу молится
Виноградіе, краснозеленое.
Богу молится низко кланяется,
Виноградіе и проч.
Ужъ онъ крестъ-отъ кладеть по писанному,
Виногр. и проч.
Онъ поклонъ-то кладеть по ученому.
Виноградіе . . . . .
Впереди его стоятъ пощы—діаконы,
Виноградіе . . . . .
По праву руку стоятъ князья, бояре,
Виноградіе . . . . .
По лѣву руку стоятъ друзья—братія,
Виноградіе. . . . .

Позади его стоитъ православный людъ.
Виноградіе . . . . .
Еще князья—бояре дивовались молодцу,
Виноградіе . . . . .
Еще гости—торговцы нарадовались,
Виноградіе . . . . .
Не заря-ли тебя, молодецъ, породила на свѣтъ?
Виноградіе . . . . .
Что не часты мелки звѣзды воспеленовали?
Виноградіе . . . . .
Не свѣтель-ли тебя мѣсяцъ воспоилъ, воскормилъ?
Виноградіе . . . . .
Ужъ вы, глупые князья—да бояре,
Виноградіе . . . . .
Неразумные гости—торговые,
Виноградіе . . . . .
Что на свѣтъ-то породила родна-матушка,
Виноградіе . . . . .
Воспеленовали няньки—мамушки,
Виноградіе . . . . .
Воспоилъ-воскормилъ сударь батюшка,
Виноградіе . . . . .
Что чесала буйну голову родна сестра,
Виноградіе . . . . .
Завивала русы кудри богосуженая,
Виноградіе . . . . .
Богосуженая Анна Ефимовна
Виноградіе . . . . .

Въ то время, когда дѣвушки поютъ жениху пѣсни, межъ прочими происходитъ слѣдующее: женихъ, принявши отъ своей божитки поднось съ десертомъ, подчуетъ имъ невѣсту, передаетъ весь поднось ей въ руки и шепотомъ говоритъ, чтобы она подчивала гостей. Невѣста встаетъ, подноситъ гостямъ, сидящимъ по близости вкругъ стола, десертъ, угощаетъ ихъ, проситъ, кланяется, не выходя изъ застола. Когда отпочиваетъ десертномъ, такимъ же способомъ онъ беретъ обѣ тарелки ягоды и угощаетъ ими, начиная съ жениха. Подчиванье повторяется нѣсколько разъ съ небольшимъ промежуткомъ. Въ то же время, въ сосѣдней комнатѣ разливается чай и затѣмъ разносится чашками гостямъ, кромѣ дѣвушекъ, которыя права на чай лишены, равно какъ и вообще на особенное вниманіе невѣсты: на пр. десертъ и ягоды имъ передаются уже въ концѣ, послѣ того какъ нѣсколько разъ обнесутъ главныхъ гостей, когда остается немного. Занятіе же почетныхъ гостей, пока дѣвушки надрываются пѣснями, заключаются главнымъ образомъ въ прихлебательствѣ чая и пересудахъ, разумеется шепотомъ, такъ что, или нетакъ сдѣлано, или чего мало изъ угошеній и проч., безъ чего не обходитъ

ся ни одна свадьба; вообще подобное встрѣчается межъ женскимъ поломъ, уже въ замужествѣ состоящимъ.

Дѣвушки, пропѣвъ подрядъ всѣ три пѣсни жениху, не вставая съ своихъ мѣстъ, кричатъ молодымъ:

«Поздравляемъ васъ, Андрианъ Семенычъ (имя жениха), съ Катериной Васильевной и васъ Катерина Васильевна съ Андрианомъ Семеновичемъ». Молодые вставъ, кланяются дѣвушкамъ и благодарятъ. Вслѣдъ за тѣмъ дѣвушки поютъ пѣсню невѣстному батькѣ, пѣсню жениху и маткѣ, какъ называются подобныя пѣсни въ отличіе отъ *золотыкъ*, какія поютъ жениху:

4.

Дымно—дымно въ полѣ,
Чадно—чадно въ чистомъ!

У Лаврентьева двора

Были трои ворота,

У Матвѣевича трои широкихъ

Дымно и проч.

Какъ въ первый ворота

Соколы пролетали.

Дымно и проч.

Какъ въ другія ворота

Скорый конь прогналъ,

Дымно и проч.

Какъ во третьи ворота

Да Лаврентій проѣзжалъ,

Дымно и проч.

Свѣтъ Матвѣевичъ

Въ трои широкия.

Дымно и проч.

Катерина-то его

Выходила на крыльцо,

Дымно и проч.

Свѣтъ—Никитишна

На прекрасномъ стояла,

Дымно и проч.

На прекрасномъ стояла,

Правой ножкой топнула,

Дымно и проч.

Правой ножкой топнула,

Лѣвой ручкой махнула:

Дымно и проч. . .

«Воротить, воротись,

«Моя надежда—господинъ!

Дымно и проч. . . .

«Воротись, воротись,

«Я тѣ радость скажу,

Дымно и проч.

«Я тѣ радость скажу,

«Тебѣ сына рожу,

Дымно и проч. . .

«Я другую скажу,
«Тебѣ дочь я рожу.»

Дымно и проч.

Ужъ я для ради сына

Не ворочусь назадъ,

Дымно и проч. . . .

Ужъ я ради дочери

Ворочусь назадъ;

Дымно и проч. . . . .

Ужъ какъ сынокъ у меня

Всегда домашній гость,

Дымно и проч. . . . .

Ужъ какъ дочь у меня

Всегда гостыюшка;

Дымно и проч. . . . .

Воспою ей, воскормлю

Ей и замужъ отдаю!

Дымно и проч. . . . .

За пѣсней идетъ поздравленіе въ той же формѣ, какъ жениху съ невѣстою, невѣстивымъ батькѣ и маткѣ.

5). Пѣсня свекру и свекрови.

(жениховымъ родителямъ)

Во горнищѣ, во новой

Во новой;

Во свѣтлицѣ паровой,

Паровой;

Стоять столы дубовы,

Дубовы;

На столахъ ковры шелковы,

Шелковы;

На коврахъ чара золота,

Золота;

Полная меду-то налита,

Налита.

А кто чару наливалъ,

Наливалъ;

Кто золотую дополнялъ,

Дополнялъ?

Наливалъ чару Алексѣй—господинъ

Алексѣй—господинъ!

Дополнялъ чару Филатьевичъ

Филатьевичъ.

Онъ до милой доходилъ,

Доходилъ;

Онъ раздумы говорилъ,

Говорилъ:

—Катерина, другъ моя,

Другъ моя;

Ужъ ты Павловна, сердце мое,

Сердце мое;

Ты любишь-ли другъ меня,
 Другъ меня?
 Прими чару ты отъ меня,
 Отъ меня;
 Выпей ты чару-то всю до дна,
 Всю до дна,
 Спороди сына ясна сокола,
 Ясна сокола,
 Возрасти-то во меня,
 Во меня
 Бѣлымъ лицомъ во себя,
 Во себя!
 Спороди дочь—бѣлую лебедь
 Бѣлую лебедь,
 Возрастишь-то во себя,
 Во себя!
 Бѣлымъ лицомъ во меня
 Во меня!
 Женимъ сына у попа,
 У попа,
 Отдамъ дочь за дьячка,
 За дьячка—
 Пусть причетнички всѣ родня
 Всѣ родня!

Поздравляютъ свекра съ свекровью и начинаютъ пѣть
 тысячкому (обыкновенно крестный отецъ жениха).

6.

По сѣнечкамъ, сѣнечкамъ
 По частымъ переходочкамъ,
 Туда ходила—гуляла
 Молодая боярыня,
 Молодаго боярина,
 Да Никиты Ивановича,
 Молодая боярыня
 Татьяна Ивановна.
 Во рукахъ она посила
 И два яфонта всяческиные,
 Двѣ алмазныя запоны.
 Чтой сама она говорила:
 «Ужъ вы, яфонты, яфонты,
 «Двѣ алмазныя запоны!
 «Полежите вы малешенько,
 «Докуль я молодешенька
 «Схожу во свѣтлую свѣтлицу,
 «Во столову нову горницу,
 «До споряду дубова стола,
 «Гдѣ сидитъ мой любезный мужъ
 «Со друзьями, со товарищами,
 «Сидитъ пьеть проклажается,
 «Онъ музыкой забавляется
 «Онъ женою похваляется:

«У меня жена умная,
 «У меня душа разумная,
 «У ей походка павлиная,
 «Тиха рѣчь лебединая!
 «Она ходитъ тихошенько
 «Говоритъ по малешеньку,
 «Очи яснаго сокола,
 «Брови чернаго соболя,
 «И чернаго Сибирскаго,
 «У Сибирскаго, заморскаго,
 «У яснаго, перелетнаго,
 «У дародѣя, добра молодца
 «У Никиты Ивановича,
 «Молодой боярыни
 «Татьяны Ивановны». *)

Поздравляютъ тысячкаго съ его женою. Затѣмъ, если
 у жениха есть женатый братъ, поютъ ему женатую
 пѣсню:

7.

Не бушуй, не бушуй холодень сѣверь!
 Не раскачай, не раскачай звонки колоколы!
 Не разбуди, не разбуди у Андрея жены:
 Вечоръ Палагея, вечоръ Палагея со пиру пришла
 Семеновна, Семеновна со пиру пришла;
 По утру рано, по утру рано сына спородила
 Башка, баушка была съ Трубецкаго двора,
 Кумъ-отъ былъ, кумъ-отъ былъ да свѣтлѣйшій князь,
 Кума то была, кума-то была государыня сама**).

Продолженіе этой пѣсни составляетъ повтореніе ея-же
 сначала до конца и съ тою только разницею, что во
 второй разъ вмѣсто словъ: «сына спородила, поется—
 дочь спородила». По окончаніи пѣсни такое же поз-
 равленіе, какъ и въ предыдущихъ пѣсняхъ. Замѣтить
 слѣдуетъ, что невѣстнымъ роднымъ, какъ вообще хо-
 зяевамъ, не поется пѣсень, кромѣ только отца и мате-
 ри невѣсты, какъ выше приведено. Какъ примѣръ хо-
 лостой пѣсни возьмемъ пѣсню неженатому брату жени-
 ха, въ случаѣ если таковой имѣется:

8.

Какъ ходилъ, гулялъ по улицѣ,
 Удалой да добрый молодець,
 Алексѣй да Александровичъ.
 Загулялъ онъ въ свѣтлу—свѣтлицу
 Во столову, нову горницу
 И за липову за грядочку,
 За берчатную за занавѣсъ—
 Ко душѣ, ко красной дѣвицѣ
 Свѣтъ Авдотѣ Матвѣевнѣ.

*) Строка повторяется дважды.

**) Строка повторяется дважды.

Ужь онъ бралъ да руку правую
 Во свою руку, во лѣвую,
 Прижималъ руку объ руку,
 Изломилъ злаченый перстень
 Съ тремя вставками алмазными,
 Съ четвертымъ драгимъ камушкокъ.
 Тутъ Авдотья расплакалася
 Свѣтъ Матвѣевна растужилася:
 «Ужь я какъ скажу да батюшкѣ,
 Я сударынѣ матушкѣ?»
 Алексѣй то хитерь, — да мудерь
 Александровичъ догадливъ былъ:
 — Ты скажи, скажи Авдотьюшка,
 Ты скажи, скажи Матвѣевна,
 Я ходилъ во зеленый садъ гуляти,
 Я упалъ о сыру мать, о землю,
 Изломилъ злаченый перстень
 Съ тремя вставками алмазными
 Съ четвертымъ драгимъ камешкомъ. —
 «Ужь вы нянюшки, мамушки мои
 Вы хороши верховски дѣвушки!
 Вы берите золоты мои ключи,
 Отмыкайте кованы сундуки,
 Вынимайте одицовое сукно,
 Отдавайте швецамъ—мастерамъ,
 Государевымъ закройщикамъ,
 Ужь вы кройте Алексѣю кафтанъ,
 Ужь вы шейте Александровичу,
 Ай чтобы ему не дологъ былъ,
 Ай чтобы ему не коротокъ былъ,
 По подолу былъ раструбленный,
 Противъ сердца перестинистый,
 Чтобы легче на добра коня скакать,
 Поскорѣ со коня сходить,
 Передъ короля ставиться
 Передъ короля Турскаго (?),
 Передъ князя—друга царскаго,
 Покрасивѣй у вѣнца постоять.

Въ этой пѣснѣ строки повторяются дважды; слово-же «верховски дѣвушки», встрѣчающееся при этомъ, есть названіе мѣстное, зависящее отъ той части города, гдѣ живетъ невѣста и гдѣ слѣдовательно играется свадьба, — по этому смотря по частямъ города, поютъ также: «низовскія дѣвушки», «починенскія дѣвушки» и проч.

Когда всѣмъ болѣе важнымъ лицамъ пѣсни спѣли, одна изъ дѣвушекъ идетъ съ тарелкой собирать за пѣсни начинать съ домохозяйина, отца невѣсты, затѣмъ къ жениху съ невѣстой и кончая младшими лицами. Во всякому она подходит со словами: «пожалуйте за пѣсню», и каждый по желанію и состоянію глядя, бросаетъ отъ себя мѣдную монету въ 3, 5 коп. и рѣдкіе болѣе, только женихъ даетъ коп. 15—20.

Затѣмъ старики и женатые большею частію расходятся по домамъ и остаются только женихъ съ холостой молодежью и дѣвушками, которыя тутъ-же сочиняютъ вечеринку, въ продолженіе которой уточна, игры и танцы подъ пѣсни смѣняютъ другъ друга, забавляя молодыхъ. Только особенное уваженіе оказывается жениху съ невѣстой: когда затѣвается игра; какой—нибудь изъ молодежи начавшій игру парень беретъ себѣ пожеланію одну изъ дѣвушекъ, а та другою рукой непременно беретъ жениха, а женихъ невѣсту и т. далѣе. Вечеринка идетъ часу до втораго, потому что это послѣдній вечеръ женихова посѣщенія, и онъ больше не долженъ ходить до самаго *смотренья*; да и для невѣсты это собственно послѣдняя дѣвическая вечеринка.

Передъ уходомъ дѣвушекъ по домамъ, невѣста проситъ когонибудь изъ родителей поставить самоваръ для жениха, а иногда у богатыхъ для него же готовится и ужинъ. За чаемъ, или за ужиномъ находятся только невѣста, женихъ и одна—двѣ дѣвушки, самыя близкія невѣстинны подруги, прочіе же гости и дѣвушки всѣ уже разошлись, а всѣ домашніе невѣстины родные уже спать. За чаемъ идетъ самая непринужденная беседа, любезности между молодой парочкой, смѣхъ и шутки общія; нерѣдко раздаются поцѣлуи между женихомъ и невѣстою; женихъ же непременно имѣетъ для этого случая сласти въ карманѣ и подуетъ теперь ими невѣсту. Провожаетъ жениха невѣста въ самыя сѣни, со свѣчей и на прощаньи цѣлуются.

4. *Заплатка*. На другой день, съ утра собираются къ невѣстѣ дѣвушки подружки и одна изъ нихъ, часа за два до полдня, принимается чесать ей голову; эта дѣвушка должна быть невѣстѣ ближе другихъ, другомъ невѣсты. Разчесавъ волосы, она начинаетъ ихъ на этотъ разъ заплетать *особеннымъ образомъ въ косу*, именно заплетаетъ косу какъ можно туже, навязываетъ до семи, восьми узловъ, патыкаетъ въ нее нѣсколько булавокъ и въ заключеніе привяжетъ къ концу, по здѣшней мѣщанской модѣ, широкую ленту; дѣлается это, какъ поздиѣ будетъ видно, съ тѣмъ, чтобы долѣе нельзя было расплетать, да и вообще, чтобы тѣмъ, кто будетъ расплетать досталось, на долю какъ можно больше узловъ и труда, затѣмъ дѣвушки ожидаютъ *стиховодницу*, за которой уже съ утра было отправлено.

Стиховодницей бываетъ обыкновенная женка (замужняя женщина) расторопная и опытная, бывшая на своемъ вѣку на множествѣ свадебъ и слѣдовательно узнавшая до тонкости всѣ обряды заплачекъ и стиховъ, т. е. какимъ образомъ невѣста должна оплакивать, покидая дѣвичество, свое вольное житье, и какія должна произ-

носить при этомъ тирады. *На всю Опыю стиховодницу не больше 3—4-хъ.*

Часу въ первомъ является наконецъ стиховодница, которая и садится гдѣ нибудь на лавкѣ. Въ то же время невѣста изъ сосѣдней комнаты, или изъ за завѣсы входитъ въ избу уже въ повязкѣ и одѣтою, хотя не особенно парадно, въ ситцевомъ или гарусномъ сарафанѣ, даже безъ фартука, поклонится на всѣ четыре стороны, а потомъ молится въ передній уголъ и садится, окруженная всѣми дѣвушками, исключая заплетавшей ей косу, — на лавку межъ двухъ оконъ, обращенныхъ на улицу. Когда всѣ усядутся по сторонамъ невѣсты, она обращается къ дѣвушкѣ, сидящей по правую руку, склоняется головой къ ней на колѣна, захватываетъ и заматываетъ на свою руку косу, насколько можетъ крѣпко, не давая ее расплестать дѣвушкамъ; дѣвушки же, окруживъ ее, стараются сначала отнять ея руку, для чего бьютъ по рукѣ, а потомъ, забравъ поскорѣе косу, отвязываютъ ленту и расплетаютъ косу на перекладинѣ, по повѣрью, *что если которая раньше расплететъ, та раньше и замужъ выдетъ*; невѣста же съ той минуты, какъ садится на лавку начинаетъ истинно-ли, притворно-ли плакать, — *ревѣть* по здѣшнему выраженію и причитать нижеслѣдующій стихъ, еще пока безъ помощи стиховодницы и самымъ растяжистымъ образомъ: этотъ стихъ она должна знать сама, иначе подвергается насмѣшкамъ и пересудамъ присутствовавшихъ. Присутствующихъ же постороннихъ любопытныхъ, сосѣднихъ женокъ, дѣвокъ и ребятъ набирается довольно много. — И такъ невѣста начинаетъ причитать:

а) Что за чудо это, что за диво великое
По сегодняшнему-то
Что за сборъ-то родни, природы сердечной,
Моимъ милымъ подружкамъ — сердечнымъ,
Моимъ ближнимъ-то сусѣдкамъ поряднымъ?
Хоша собираются родня природы сердечной,
Прежде этой поры, прежде времени,
О честныхъ, о господнихъ, о праздникахъ;
Хоша собираются мои милыя подруженьки любовны,
Мои ближнія-то сосѣдки рядовыя, —
Ужъ вы не троньте, мои милыя подружки любовныя,
Моей миленькой, часто плетеной косы русой.

(Дальше идетъ различіе, какъ поетъ богатая невѣста и какъ бѣдная; возьмемъ стихъ бѣдной невѣсты, *нужнаго житья*.)

б) Моя маленька частоплетъ коса русая,
Не успѣла я, глупа сиза-голубушка,
Приотраститъ своихъ вольныхъ, сердечныхъ волосовъ,
Ходила-ко по робамъ, казачихамъ *нихльбницамъ* *),

*) Т. е. жила въ работникахъ.

По пыльнымъ-то заводамъ, мусорнымъ *),
Наживала мою несчетну золоту казну,
Заводила себѣ *покруту* **) покрасу великую,
Я и *хорошимъ-то жемчугомъ перевязану*.
Какъ чесала-то мою да буйну голову
Изъ подругъ-то моихъ подружка любовная,
Изъ сестрицъ-то моихъ сестрица родимая,
Голубушка Катерина да Семеновна;
Заплетала-то она частоплетъ косу туго,
Посерединѣ-то моей косы русыя
Вонъ тридевять булавокъ буланатыхъ,
Подъ конецъ-то моей частоплетъ косы русыя
Вилетали семи шелковый гайтанъ (снурокъ),
Вилетали тридевять узловъ шелковыхъ,
Подъ конецъ моей частоплетъ косы русыя
Ввязати семи-шелковая ленточка.
У васъ ручки бѣлыя, у васъ ручки бѣлыя;
Ужъ вы не *трудницы* будете, не работницы
Своимъ да сердечнымъ родителямъ,
Ужъ вы не держите надѣи-то ***) крѣпкія,
На своихъ-то сердечныхъ родителей;
Ужъ какъ взыщутся лихіе люди, ненавистные,
На вину-то на печальную млада буйну голову,
Отдають насъ-же глупыхъ, сизыхъ голубушекъ
За эту-же *злую неволю великую*.

в) стихъ невѣсты богатой.

Моя маленька частоплетъ коса руса,
Не успѣла я глупа, сиза-голубушка
Приотраститъ своихъ вольныхъ, сердечныхъ волосовъ,
Ужъ я спала млада сиза-голубушка
До обѣда, до поздняго, полуденнаго,
Не знала я, млада сиза-голубушка
Въ коей сторонѣ выкатается доброхотъ солнце красное.

(Далѣе также какъ и предыдущей со словъ: «*Какъ* чесала-то мою буйну голову» и проч. до конца).

Къ концу этого стиха противъ невѣсты становится скамья, на которой и помѣщается стиховодница. Кончивъ стихъ, невѣста приподнимается съ расплетеной уже ко- сою съ колѣнъ своей подруги, а стиховодница затаги- ваетъ слѣдующій стихъ, невѣста съ дѣвушками по- тягиваютъ.

г) Благослови-тко доброхотъ солнце красное,
Мой батюшко, Петръ Васильевичъ,
Благослови моя матушка, Агафья Кондратьевна,
По сегодняшнему, по долгому, по денечку,

*) Т. е. была въ работѣ на какомъ-либо дѣсоциальномъ за- водѣ.

**) Покрута, одежда вообще.

***) Надежда.

Что по тихому, по позднему, по вечеру
 Попустить мнѣ шибкозычные голоса
 По родительскому дому, тепловатому по гнѣздышкѣ,
 Сослужитка нонѣ мнѣ ручка правая,
 Положить мнѣ какъ чуденъ крѣсть:
 Сперва-на-первы, глупа сиза-голубушка,
 На печальную мою младу буйну голову,
 Съ печальной-то младой буйной головы
 Противъ зяблага сердца ретиваго,
 Что отъ зяблага-то сердца
 На плечико-то на правое, † творить три раза
 На второе-то на лѣвое, † кресты.

Ты послушай моя слезинка доброхотная,
 Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
 Что я стану говорить, разговаривать
 Своимъ глупымъ дѣвчынѣмъ умомъ, своимъ разумомъ.
 Ты сходитко, моя желанная доброхотница
 Во свою да въ ново-рубленую клѣточку,
 Готовы-ли-тка золотые ключи ланцы *),
 Отмыкай-ка мои кованные сундуки,
 Тамъ не садь стоять съ виноградомъ,
 Тамъ стоитъ моя жемчужная перевязочка,
 Принеси ты-ко, моя желанная доброхотница,
 Во дѣвью тихую бесѣду смиренную.
 Во вторыхъ-то, принеси-тко рыбной гребень дорогихъ
 гостей,

Разчеси мою младу, буйную голову,
 Положи-ко мнѣ жемчужную перевязочку.

Въ это время мать приносить изъ клетки, изъ дочер-
 наго сундука, ей лучшую перевязку, большую частію
 украшенную дутымъ жемчугомъ и рѣдко настоящимъ, и
 гребень: садится къ дочери, которая прося ея разчесать
 себѣ волосы, съ плачемъ и причитаньемъ кланяется ма-
 тери въ ноги; затѣмъ мать чешетъ ей голову и онѣ
 причитають уже вмѣстѣ:

д) Сама-то мнѣ говори, да разговаривай.
 Ты держись крѣпче, жемчужна перевязочка,
 За мою, за печальную, за молодую, буйну голову.
 Тебѣ спасибо, моя желанная доброхотница,
 Принесла мнѣ жемчужну перевязочку
 Во дѣвью тихую бесѣду смиренную:
 Зачесала мнѣ младу, буйну голову,
 Пробрала каждый волосъ къ единому волосу,
 Положила мнѣ жемчужную перевязочку.

(Въ это время постороннія присутствующія женщины
 уговаривають мать уйдти отъ невѣсты, чтобъ не раз-
 дражать ее лишними слезами, говоря: «ну! иди, иди,
 мамка, будетъ ревѣть-то, примучишь дѣвку и проч.).

Сослужитко мнѣ, моя ручка правая,
 Положить мнѣ какъ чуденъ крѣсть:

*) Крѣсть, ланецъ—однозначашія слова

(и проч., какъ въ предыдущемъ случаѣ, при чемъ
 невѣста три раза крестится).

е) Помолилась я, печальна сиза-голубушкѣ
 Во родительскомъ тепломъ во гнѣздушкѣ,
 На стѣны, да на ограды бѣлокаменные:
 Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ, —
 Нонѣ помилуй меня, Божья мать Богородица,
 Нонѣ меня-то печальну, сизу-голубушку.
 Я еще-то помолюсь, глупа сиза-голубушка,
 Въ родительскихъ новыхъ сѣняхъ,
 Помолюсь я Николѣ многомилостивому, —
 Нонѣ помилуй меня, Божья Мать Богородица,
 Слугой служить мнѣ глупой сизой-голубушкѣ
 Отъ своихъ свѣтовъ, сердечныхъ родителей.
 Есть на славномъ-то спиемъ соленомъ морѣ,
 По край славной Дунай рѣчки быстрыя
 Есть отстойчиво, чистомелкое знаменье,
 Тамъ стоять-то Божія церкви пресвященныя,
 Воздвиженіе Креста Животворящаго,
 Помилуй меня нонѣ, Божья Матерь Богородица,
 Воздвиженье Крестъ Животворящей *).

ж) Случилось мнѣ слышати, глупой сизой голубушкѣ,
 Отъ своихъ свѣтовъ, еердечныхъ родителей,
 Есть за три губы синя, солена моря,
 Есть чистое мелкое отстойчиво знаменье **),
 Стоять Божія церкви пресвященныя,
 На церквахъ-то главы золочены, —
 На главахъ-то крѣсты чудѣны,
 Помолилась я, глупа сиза-голубушка,
 Соловецкимъ чудотворцамъ, Зосимѣ и Савватию,
 Нонѣ помилуй мя, святые угодники Зосимъ и Савватій,
 Нонѣ помилуй мя, Божья Матерь Богородица;
 Теперь дай-ка мнѣ, Божія Мать Богородица,
 Много участи, закону великаго
 За этой же злой неволей великой ***).

з) Нонѣ послушай-ко доброхотъ солнце красное,
 Мой батюшко, Петръ Васильевичъ,
 Что ласкательница моя и доброхотница
 Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
 Что-то я стану говорить, разговаривати
 Своимъ глупымъ, дѣвчынѣмъ умомъ, своимъ разумомъ:
 Выбирайте вы мнѣ, сердечные родители,
 Вы сторожей, вы сбережателей,

*) Тутъ невѣста обращается къ монастырю, во имя Воздви-
 женія Животворящаго Креста, который находится на Кій-островѣ.

**) Островъ.

***) Впродолженіе всего этого стиха невѣста, не вставая съ
 лавки, постоянно крестится.

По сегодняшнему, по долгому денечку,
По глухому, позднему вечеру,
Не по зрячему выбирайте, не по багачеству;
Выбирайте вы по роднѣ своей сердечной!

(Этимъ стихомъ она проситъ дать ей, въ видѣ подружки, или помощи *дѣвушекъ сподручныхъ* для того, чтобы онѣ ее унимали отъ слезъ и кручины; взяли подѣ руки и *повели къ образамъ*, — что далѣе, по мѣрѣ ея стиховодства и приводится въ исполненіе):

и) Подѣ правую руку меня дитя милое
По крещенью-то мною *крестно дитяшко*,
Я и *кресенку* свою, Анну Ивановну *)
Подѣ лѣвую-то руку меня дитя милое,
Поласкатница-ли ея добротницѣ, Агафѣ Конд-
ратьевнѣ,

Шлемяненка Катерина Андреевна.

Сама-то я про то знаю, да вѣдаю:

Ноньче маленькой вотъ умѣ, въ буйной въ головѣ,
Ноньче маленьки вышли годы робячьи,
Ужъ подѣ праву-то руку меня дитя милаго,
Свою милую сестрицу, родимую, Пелагею Федоровну,
Подѣ лѣву-то руку меня—дитя милое,
Двоюродну милу сестрицу, родимую, Катерину Федо-
ровну.

Ужъ стою вытевши, мои милыя сестрицы, родимыя,
Не неситесь-ка многимъ богатствомъ, богатымъ,
Хорошими, жемчужными перевязочками.

(Дѣвушки при этомъ сильно плачутъ, и затѣмъ берутъ ее подѣ руку и становятся посреди избы, обращаясь къ образамъ въ передній уголъ).

і) Утулись-ка тоска, кручина великая,
Уймется вы, слезы горькія, горячія,
Дайте мнѣ волю глупой сизой-голубушкѣ,
Усмотрѣть глупой сизой-голубушкѣ,
За толпой-ли свѣчь воску яраго, передъ Матерью
Божіей.

Ты послушай, мой доброхотъ, солнице красное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ,
Пожалѣлъ ты много несчетной золотой казны,
Меня поить, кормить, заводить мнѣ *покруту*, *по-*
крову великую.

Тебѣ спасибо, доброхотъ, солнице красное,
Что затеплялъ-ли свѣчу воску яраго, передъ Матерью
Божіей.

Помолилась я глупа, сиза-голубушка,
Я и за бѣлаго-то на земли, я и за царя-батюшку,
Я и за матушку-царицу,
Имъ дай Божья Матерь Богородица,
Имъ царствовать на царствѣ,
Имъ добра много, здоровья великаго (земной поклонъ).

*) Сестра и вмѣстѣ крестница

Я еще да помолилась за полки за солдатъ,
Имъ дай Божья Матерь Богородица,
Служить имъ вѣрою, да правдою (земной поклонъ).
Я еще помолилась за доброхота, красно-солнышко,
Я за батюшку, Петра Васильевича, —
Ему дай, Божья Матерь Богородица,
Что и добро много, здоровья; много участи, да талана;
Я и помолилась печальна сиза-голубушка,
Я за матушку, Агафью Кондратьевну,
Ей дай Божья Матерь Богородица
Ей добра много, здоровья, много участи, да талана,
Я еще да помолилась глупа сиза-голубушка,
Я и за братца, Петра Андреевича,
Ему дай да Божья Матерь Богородица...

(И т. д. въ тѣхъ же словахъ о всѣхъ имѣющихся только въ наличности живыхъ родныхъ, если есть умершіе, любимшіе родители: отецъ, мать, или божитка—молится и о нихъ).

Я и помолилась печальна сиза-голубушка,
Я и за вторую крестную божитку, —
Ей дай, да Божья Матерь Богородица,
Ей въ будущемъ вѣкѣ, ей Царство Небесное.

(Объ умершихъ, прожившихъ долго, оставившихъ въ народѣ по себѣ память, невѣста молится такимъ же образомъ):

Помолилась я глупа сиза-голубушка
За васъ, милыя подружки любовныя,
Я и за всѣхъ вмѣстѣ—за одно за единое.
(Остальное какъ у другихъ).
Вы послушай-те, мои милыя подруженьки, любовныя,
Нонѣ, что-то я у васъ спрошу:
Чего-ко мнѣ спросить себѣ у Господа Бога,
Добраго-ли мнѣ здоровья, или много участи, талана
великаго?

Али скорыя мнѣ-ка смерти скоропостижны?
Ужъ сама-то я про то знаю, про то вѣдаю,
Что придетъ мнѣ-ко скорая смерть скоропостижная,
На тапшкоть-то почасочку.
Ужъ помолюсь я развѣ глупа сиза-голубушка:
Дай мнѣ-ко Божья Матерь Богородица,
Мнѣ добра много, здоровья великаго;
Мнѣ за *этой жить злой неволей великія!*

(Тутъ невѣста, окончивъ всѣ нужныя въ этомъ случаѣ молитвы, поворачивается лицомъ къ печи, около которой стоять ея отецъ, мать, родные и сосѣди).

Отворочусь я, глупа сиза-голубушка,
Лицомъ къ красному-то солнцу угрѣвному,
Ко батюшкѣ, ко Петру Васильевичу.

(Кланяется ему въ ноги и ведетъ стихъ одна, безъ помощи стиховодницы).

Ты послушай-ко доброхотъ, солнце красное,
Что-то я стану говорить, разговаривать,
Своимъ глупымъ дѣвкамъ умою, я разумомъ:
Ты на что нынче солнце красное приобидѣлся,
Сталь меня давать, да прочь отсѣвать,
Ужь я не трудница развѣ тебѣ была, не работница,
Ужь не ловка я была свѣжей рыбкой животрепещущей *)
Я была виноградомъ хорошимъ людямъ.

Целуетъ много разъ отца, обнимаетъ его, падаетъ къ нему въ ноги и едва въ силахъ оторваться отъ избытка своихъ дочернихъ чувствъ. *Если же отца нѣтъ дома*, что случается въ здѣшней мѣстности почти постоянно, если онъ гдѣ нибудь въ далекой работѣ, въ Петербургѣ, или въ сосѣднихъ губерніяхъ, и свадьба играется безъ него, то невѣста послѣ первыхъ трехъ строкъ своего обращенія къ отцу, причитаетъ слѣдующее:

Ужь ишь-то ходитъ мое солнце угрѣвное,
Ужь что за чудо, за диво великое,
Не могу призвать, глупа сиза-голубица,
Моего батюшку, Петра Васильевича?
Видно нѣтъ въ своемъ дому тепловатомъ, во гнѣздышкѣ,

На трудахъ онъ, на работкахъ тяжелыхъ,
Наживаетъ онъ многу, несчетну золоту казну!
(Обращается къ матери:)

Гдѣ-то ходитъ моя желанная доброхотница,
Моя матушка, Анисья Кондратьевна?

(Далѣе говорить совершенно то же самое, тѣ же слова, что и отцу).

Невѣста обращается тогда къ самой близкой ей, по думѣ, личности, именно къ крестной матери (говорить также *крестовая мать*, а чаще *божитка*).

к) Я прикличу, призову свою *крестную*,
Втора-божитку, Александру Ивановну,
Въ дѣвью тихую бесѣду смиренную.

(Кланяется ей въ ноги; божитка поднимаетъ ее, беретъ въ объятія и сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою на лавку).

Ужь ты послушай-ко воспріемна втора-божитка,
Ужь мы сидемъ на одну, на брусовую лавочку,
Промежъ два свѣта окошечковъ косячатыхъ,
Приходить мое солнце красное, угрѣвное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ:
Спросился-ли у тебя, моя втора крестна-божитка,
Какъ *задумалъ* меня давать за эту злу неволю великую,

Ужь притокнула-ли **) ты меня *давати*, божитка?

*) Этого стихъ вѣрно указываетъ обязанности въ семьѣ мѣшанской дочери.

***) Притокнуть—согласиться, сказать. такъ.

Ужь приходитъ твое солнце красное, угрѣвное,
Да ужь притокнула я, глупа сиза-голубушка,
Отдавали тебя за эту злу неволю великую.

(если жевихъ бѣденъ)

Вы на что же нынѣ приоблазились,
Вы на зрячество-ли, въ недородство?
Али на покруту-то, на покрасу великую,
Али на домъ, на тепловатое на гнѣздышко,
Али на хорошіе, роскошчтые помийки,
Али на чистыя, широкія поля?

(Если же женихъ пьющій):

Вы на что же нынѣ приовзорились?
Охота же этой злой неволѣ великой,
Ходить по кружкамъ, по деревнямъ, по кабакамъ,
Испить много хлѣбнаго зелена вина.
Да ужь какъ мнѣ-ка надо обживатися,
Надо держати мнѣ рѣзвыя ножки на дорожкѣ,
Бѣлыя-то ручки на золожкѣ.
Ужь вошкитна-же *) эта зла неволя великая,
Столбовой мнѣ-ка надо умъ и буйную голову,
Ужь теперъ маленьки мои годы, ребячьи,
Не учена моя млада, буйна голова,
Не торено мое ябло, ретьво сердце.
Вотъ жила я, глупа сиза-голубушка
У препростыхъ, у своихъ сердечныхъ родителей.
Ужь приходилъ твое красно солнце, угрѣвно!
Да ужь не присовѣтовала я, глупа сиза-голубушка,
Прочь давать, да прочь отъ себя откидывати,

Божитка отвѣчаетъ:

Ужь теперъ-то тебѣ мое крестное дитятко,
Столбовой тебѣ умъ въ голову въ буйную,
Ужь какъ придетъ-то это зла неволя великая,
Со кружковъ, со царевыхъ, со кабаковъ,
Да ужь прирасходится надъ тобою мое дитятко!

(Дальнѣйшія слова тирады божитки суть тѣже, какія идутъ отъ нея же въ отвѣтъ на предыдущіе упреки невѣсты).

Такъ ужь ты не сказывай про свою про обиду великую,
Не держи сто подругъ *возлестивныхъ,
А держи одну лишь подруженьку, пуховую подушку.

(Божитка, поклонившись и попрятавшись вмѣстѣ съ невѣстой, которая нѣсколько разъ падаетъ ей въ ноги, или сама наконецъ отходить, или ее отрываютъ).

Затѣмъ невѣста встаетъ съ лавки и начинаетъ призывать далѣе:

л) Я прикличу, призову въ дѣвью, тихую бесѣду смиренную.

Свою милую сестрицу, Елену Петровну.

* Т. е. женихъ любитъ уходить изъ дома на работу въ Петербургъ и др. мѣста.

Сестра подходит; невеста падаетъ ей въ ноги, та поднимаетъ ее и сама кланяется, какъ невестѣ, такъ и причитавшимъ дѣвушкамъ, благодарящимъ за причитанье.

Тоже самое происходитъ и со всѣми прочими имѣющимися на лицо родными и родственниками, равно какъ и ближайшими сосѣдами, которымъ подобное вниманіе очень нравится и которые въ противномъ случаѣ сердятся на семейство невесты.

Въ заключеніе заплачки, ближніе къ невестѣ закрываютъ ей голову небольшимъ платкомъ и стараются унять ея страшно разстроенные нервы отъ рыданій, причитаній, слезъ,—такъ какъ все это продолжается непрерывно часа 4—5.

Затѣмъ лишній народъ и любопытные всѣ расходятся, и невеста съ стиховодницей и дѣвушками садится пить чай; стиховодницу угощаютъ особенно: ей ставятъ водки, а потомъ спустя немного кормятъ ужиномъ. Вообще здѣсь будетъ къ мѣсту сказать, что *стиховодница въ это время большой почетъ, безъ нея нельзя и свадьбы играть, до самой свадьбы она присутствуетъ почти все время при невестѣ и ея кормятъ и угощаютъ тутъ на столько, что, какъ выражаются, пивъ—не хочу.*

Сверхъ угощеній, *платой* стиховодницѣ обыкновенно бываетъ *головной платокъ*, или *ситецъ на рукава* (здѣшнія мѣшанки осенью и вообще въ холодное время, когда однако надѣваютъ шубы, носятъ *ватные рукава*, поверхъ рукава рубашки, чтобы защитить часть руки отъ холода).

5. *Вечеринка съ женитьбою барина и боемъ быка:* Вечеромъ того же дня, когда производилась заплачка, дѣвушки составляютъ въ домѣ невесты вечеринку, на которой однако сама невеста или вовсе не бываетъ, или если бываетъ, то покрывшись большимъ платкомъ, хоронится отъ гостей и не принимаетъ никакого участія въ удовольствіяхъ и играхъ молодежи. *Женка тоже не бываетъ.*

Когда, какъ и на обыкновенныхъ вечеринкахъ, собирается нѣсколько дѣвушекъ и парней, молодежь ходитъ «уточкой», составляютъ кадрили подъ пѣсни: «Эхъ, Карлуша не робѣй» и друг., играютъ «въ царева сына», въ «столбичекъ» и другія игры, поютъ пѣсни и танцуютъ. Особенности же этой вечеринки встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ деревенскихъ свадьбахъ и стоящая изъ нихъ того, чтобы быть упомянутой, состоитъ въ двухъ свадебныхъ шуточныхъ играхъ, именно:

а) *Женитьба барина.* Парни, желая повеселиться, просятъ у хозяина, или хозяйки позволенія *барина женить*, и если они дадутъ обѣщаніе хозяину, что особенныхъ неприличій и безобразій при этомъ у нихъ не будетъ (если хозяинъ не отличается особенною пуритан-

скою строгостью нравовъ, то обыкновенно дается имъ на то разрѣшеніе), тогда они уходятъ на сарай, гдѣ и выбираютъ въ роль барина самыхъ отчаянныхъ, такъ сказать—отпѣтыхъ шалуновъ парней, и барина ради смѣха одѣваютъ самыя ненужныя морхны, т. е. *трипые*: достаютъ заброшенный совершенно *розовый* (изорванный) кафтанчикъ, такого же роду шапку и покрываютъ съ головы *грязной подстилкой*, т. е. холстомъ грубымъ, который обыкновенно владется у дверей въ избѣ, чтобы вытирать ноги. Онъ нахлобучивается на лобъ, спину и укрываетъ такъ, что оставляетъ одинъ только глазъ незакрытымъ, чтобы его не могли узнать; затѣмъ сажаютъ барина на чупки, т. е. маленькія санки и берутъ въ избу, гдѣ собрались дѣвушки, при общихъ крикахъ: «барина везутъ, барина везутъ»...

При въѣздѣ въ избу чупки съ баринкомъ, останавливаются передъ близъ сидящей дѣвушкой и одинъ изъ находящихся при баринѣ парней провозглашаетъ имя дѣвушки, наприм. Алѣна Климовна.

Тутъ шутовской баринъ начинаетъ измѣненнымъ, пискливымъ голоскомъ, выкрикивать всеуслышанье то, что онъ знаетъ, наслышанъ самаго скандальнаго и непозволительнаго объ этой дѣвушкѣ, а чаще и самъ прикладываетъ ради общаго смѣха и удовольствія разныя *небылицы* на ея счетъ, при этомъ ни дѣвушки, ни близкія лица не могутъ вступиться за ея честь, или обижаться, потому что такъ заведено съ искони въѣка. Это обличеніе всегда бываетъ такъ грязно, сквернословно, что невозможно привести его цѣликомъ; но вотъ небольшія выдержки изъ него и его сущность:

«А, Алѣна Климовна! пищитъ баринъ: о, о, о! она съ *Кутыринкой* (мелкимъ чиновникомъ) Иваномъ Дурмановымъ давнымъ давно водится, все съ себя на него издержала и кольцо послѣднее въ ходъ пошло».

Или: «А, Матрена Иванова! о, о, о! и съ Мишурой Гавриловымъ подъ возомъ застали, всего-то, его, мялягу она»...

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ, снисходя только въ выраженіяхъ, въ отношеніи къ богатымъ и уважаемымъ невестамъ.

То что баринъ говоритъ, остальная молодежь выкрикиваетъ во все горло, чтобы всѣ слышали. Постепенно чупки съ баринкомъ подѣзжаютъ и останавливаются предъ каждой дѣвушкой по порядку сидѣнья съ *провозглашеніями ея тайныхъ, явныхъ и воображаемыхъ пороковъ*. И ни одна дѣвушка не можетъ избѣгнуть такого сраму; если убѣжить, то должна знать, что за глаза про нея наговорится въ десятеро болѣе.

Обѣхавъ всѣхъ дѣвушекъ, подъ предлогомъ, что баринъ *выбираетъ себѣ невесту и не находитъ себѣ по вкусу*, останавливается предъ послѣдней, обыкновенно еще дѣвочкой-подросткомъ, о которой нечего сказать и

спрашивают барина: *люба-ли эта?* Отвѣчает баринъ наконецъ: «люба». Затѣмъ барина сводятъ съ чунокъ и ведутъ за столъ, гдѣ онъ садится на мѣстѣ жениха, и гдѣ съ нимъ вмѣстѣ сейчасъ же насаживаются сами собой избранные поѣзжане: большой свать, тысячкой, дружки и проч. Въ тоже время выбранная имъ дѣвушка въ невѣсты, оставшись въ своемъ обыкновенномъ нарядѣ, надѣваетъ только на голову какую нибудь старенькую заброшенную повязку и закрываетъ голову платкомъ. Сваты ведутъ тогда ее къ столу, гдѣ дается ей въ руки какое нибудь деревянное или оловянное блюдо со стаканомъ, который наполняется водой; она съ поклономъ подноситъ сначала барину-жениху, тотъ осушаетъ его до дна. Затѣмъ пьетъ сама и подноситъ всѣмъ поѣзжанамъ поочередно.

Въ это время между тѣмъ дружка жениха достаетъ какой нибудь обрубокъ доски и раскладываетъ на ней, принимая ее за поднось, жениховы дары, какъ это позднѣе увидимъ, бываетъ на смотрѣньи: опорки старыхъ сапоговъ (башмаки невѣстѣ), кусокъ битого стекла (зеркало), разное тряпье (изображаетъ чулки и проч. дары). Тогда женихъ подаетъ невѣстѣ дары, а дружка перечисляетъ ихъ такимъ же образомъ, какъ это будетъ видно далѣе на смотрѣньи. Невѣста принимаетъ дары, кланяется, и швыряетъ ихъ куда нибудь въ уголь, или къ двери. Невѣстина же сватьа приготовила между тѣмъ невѣстины дары, т. е. набрала тоже разнаго тряпья, начинаетъ дарить съ жениха, и именно слѣдующимъ способомъ: кладетъ назначенное ему тряпье на лопату, употребляемую обыкновенно при печеніи хлѣбовъ, и съ поклономъ подноситъ ихъ; женихъ беретъ, а сватьа тутъ же хлопаетъ ему по головѣ опростанной лопатой. Такимъ-то образомъ она даритъ и всѣхъ жениховыхъ поѣзжанъ, т. е. мужчинъ, которые какое бы слово и даръ ни получили, не претендуютъ на то, потому что это считается оплатой за недавній позоръ присутствующихъ дѣвушекъ. Одаривъ поѣзжанъ, сватьа бьетъ тогда лопатой во всѣ стороны, по всѣмъ присутствующимъ и тѣмъ заканчивается женидба барина.

б) *Битие быка.* Когда всѣ обряды бариновой женидбы кончаются, дѣвушки начинаютъ снова пѣть свои пѣсни, заводятъ ходить уткой, молодежь же, парни съ баринкомъ идутъ обратно въ сарай, чтобъ снарядить быка на бой. Обряжаютъ быка очень просто: выворачиваютъ мѣхомъ вверхъ полушубокъ, надѣваютъ на кого нибудь, подобнаго же подростка—парня, какой былъ и въ роли барина, подпояснуть кушакомъ, а голову и лице стараются замаскировать какой нибудь мохнатой шапкой и обвязжутъ также подстилавой. Играющій роль быка идетъ тогда въ избу на четверенькахъ, а одинъ изъ провожающихъ его парней, хозяинъ быка, взявши за

кушакъ, ведетъ его при общихъ крикахъ: «быка ведутъ, быка ведутъ»!

Быкъ останавливается среди избы, хозяинъ предлагаетъ присутствующимъ купить быка и запрашиваетъ большую цѣну, рублей напр. 20, начинаютъ торговаться съ нимъ при общихъ шуткахъ: одинъ даетъ 10, другой 7, третій 5 руб., и т. д.; хозяинъ не уступаетъ. Тогда онъ вынимаетъ приготовленный имъ заранѣе безмѣнъ, т. е. кушакъ, свернутый въ видѣ жгута и предлагаетъ зрителямъ мяса въ розницу: для этого требуется сперва убить быка. Достаютъ глиняный горшокъ, надѣваютъ на палку, которая помѣщается около головы быка, затѣмъ бьютъ по горшку обухомъ топора, представляя, что бьютъ быка въ голову, горшокъ разлетается въ мелкіе куски, а воображаемый быкъ падаетъ на полъ, изображая предсмертныя агоніи убитаго. Хозяинъ и торговецъ обращается снова къ публикѣ и проситъ купить говядину, расхваливая и выставя на видъ всѣ достоинства быка и его мяса. Находятся покупатели, но напередъ просятъ купца дать имъ для провѣрки его безмѣнъ; онъ вручаетъ имъ скрученный кушакъ, а они пробуютъ безмѣнъ на его спинѣ, не щадя ни спины, ни безмѣна.

Оставшись довольными вѣрностію безмѣна, покупатели передаютъ его обратно купцу, сами же по одиночкѣ подходятъ выбирать себѣ нужныя мѣста изъ туши быка. — «Взять мнѣ-ка гузенную кишку на большую струну! говоритъ одинъ. — А мнѣ рогъ подъ табакъ! кричитъ другой. — Я никакъ ноги на студень возьму, говоритъ третій». Купецъ же, между тѣмъ, каждому покупщику тѣмъ же безмѣномъ отвѣшиваетъ по спинѣ достаточное число фунтовъ покупки. Когда всѣ парни, волею или неволею купятъ говядины по нѣсколько фунтовъ, тогда стовариваются нѣкоторые изъ нихъ, которые посмѣлѣе, увести быка: они хватаютъ быка за поясъ и тащутъ его вонъ; купецъ за концы пояса его удерживаетъ и бьетъ парней безмѣномъ безъ милости, пока быкъ не будетъ выпровоженъ.

По окончаніи этихъ двухъ игръ (которыя, мимоходомъ сказать, исполняются нынѣ весьма рѣдко, — все рѣже и рѣже), вечеринка идетъ своимъ чередомъ и совершенно ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной вечеринки.

Послѣ вечеринки нѣкоторыя близкія къ невѣстѣ подруги дѣвушки ночуютъ у нея.

б) *Невѣста по гостямъ идетъ.* На слѣдующій день въ домъ невѣсты съ утра поднимается стражня и другія приготовления къ вечеру, когда должно быть *смотрѣнье*. Невѣста же просыпается и сидитъ, еще не одѣваясь, съ подружками на постели и ждетъ посѣщенія божитки. Божитка же между тѣмъ, *обрядившись* съ утра, съ при-

готовленными угощениями невѣстѣ съ подружками, приходить къ невѣстѣ и зоветъ ее къ себѣ.

«Пожалуй-ка, милое мое крестовое дитятко, со всѣми любящими подружками своими ко мнѣ въ гости» — и затѣмъ слѣдуетъ поясной поклонъ. Невѣста на то отвѣчаетъ:

Тебѣ спасибо, моя вторая крестная божитка,
Что ты позвала меня глупу, сизу-голубушку,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
Со всѣми моими милыми подружками, любезными.

Божитка уходитъ домой, а невѣста съ дѣвушками начинаетъ одѣваться. Шубейка невѣстой надѣвается самая лучшая и перевязка тоже, именно та самая, въ которую обрядила ее мать на заплачкѣ, и которую она носить постоянно вплоть до свадьбы; сарафанъ же въ этомъ случаѣ берется простенькой, гарусный. Одѣвшись, невѣста съ дѣвушками идетъ въ большую избу (т. е. переднюю комнату), гдѣ и садится на томъ же мѣстѣ, на которомъ сидѣла во время вчерашней заплачки. Стиховодница находится также здѣсь и онѣ завоюютъ снова стихи:

Ты, послушай, мой доброхоть, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ да Васильевичъ,
Моя ласкашница, моя доброхотница,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Отпусти-же-на меня глупу, сизу-голубушку,
Меня въ гости, да на гостѣбище любовное,
Меня ко вторымъ крестнымъ божитущкѣ,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
Со всѣми милыми подружками, любовными.
Затѣмъ поднимаются на ноги вмѣстѣ съ невѣстою,
дѣвушки подходятъ къ образамъ и молятся.

Выходя на улицу, невѣста-дочь обращается къ родителямъ съ слѣдующими стихами:

Ты, послушай-ка, мой доброхоть, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ,
Моя ласкашница, моя доброхотница,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Ужь не буду я, подлая, въ домъ, тепловато во
гнѣздышко,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
По тихому, по позднему, по вечеру,
Приведу я васъ во стыдъ, во срамоту великую,
Продавшись глупа, сиза-голубушка
Ко вторымъ крестовымъ божитущкамъ,
Во рабы, казачихи, во похлѣбницы.
До поста я, до говѣнья великаго,
Повзбуду я тогда глупа сиза-голубушка
Той неволи великія.

Зимой, когда можно легко достать лошадей, невѣста съ стиховодницей и съ дѣвушками садятся въ сани и въ этихъ случаяхъ рѣшительно не стѣсняются величиной

и вмѣстительностію саней: на двухмѣстныхъ сани, гдѣ обыкновенно съ трудомъ помѣщается ямщикъ и два сѣлока, садятся иногда до 15 дѣвушекъ. Лѣтомъ же невѣста отправляется по образу пѣшаго хожденія.

Свадьба же мѣщанъ города Мезени описана бывшимъ студентомъ Никольскимъ. Описаніе это даетъ слѣдующіе матеріалы:

Прежде чѣмъ паренъ началъ свататься на той дѣвущкѣ, которая ему приглянулась, — онъ идетъ къ своему отцу и матери, падаетъ имъ въ ноги, объявляетъ о своемъ желаніи и проситъ ихъ благословенія навѣки нерушимаго. Получивши его, они съ общаго согласія выбираютъ свата, котораго и посылаютъ къ роднымъ невѣсты. Сватъ въ праздничной одеждѣ является въ домъ невѣсты, становится подъ матицу и говоритъ: я пришелъ за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ на вашей дочери за такого то. Не давая свату никакого положительнаго отвѣта о своемъ согласіи, говорятъ ему, что онъ можетъ получить отвѣтъ только тогда, какъ объ этомъ посоветуются родные невѣсты, и просятъ его придти за отвѣтомъ, или вечеромъ того же дня, или на другой день, а иной разъ и черезъ нѣсколько недѣль. Между тѣмъ свата, пришедшаго съ предложеніемъ, ующаютъ какъ только могутъ.

По истеченіи назначеннаго срока, сватъ снова является къ родителямъ невѣсты и, если они согласны отдать свою дочь за того жениха, отъ котораго онъ ходитъ, то «кладутся со сватомъ на слово» и приглашаютъ чрезъ него жениха съ ближайшими родственниками; по приходѣ этихъ гостей «бьютъ порукамъ» т. е. окончательно условливаются обо всемъ, что относится къ предстоящей свадьбѣ. Во все время этого посѣщенія женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой и они обмѣниваются между собою подарками: женихъ обыкновенно даритъ ей ситцу на сарафанъ, а невѣста ему платокъ. За тѣмъ до самой свадьбы бываютъ «вечера» въ домѣ невѣсты, — и тѣмъ чаще, чѣмъ богаче ея родные. На всѣхъ вечеринкахъ бываютъ женихъ съ братомъ, или кѣмъ либо изъ близкихъ родственниковъ (который все таки въ этомъ случаѣ называется братомъ) и каждый разъ приноситъ невѣстѣ подарки, которая въ свою очередь отдариваетъ его чѣмъ либо.

Какъ только дѣвушка объявлена просватанной, на всѣхъ вечеринкахъ и др. собраніяхъ, гдѣ приходится быть въ виду постороннихъ, — она считаетъ долгомъ плакать. Этотъ плачъ продолжается до самой свадьбы; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ она закрываетъ лице платкомъ и, качаясь изъ стороны въ сторону, начинаетъ ревѣть, насколько хватаетъ силъ; уже черезъ нѣсколько минутъ отъ этого крика лице наливается кровью, а такъ какъ иной разъ приходится ей проплакать часовъ 6—7, то подъ конецъ вечера она не можетъ говорить, до того

осипнеть ея голосъ. Рѣвъ невѣсты усиливается тогда, какъ дѣвушки, находящіяся на вечеринкѣ, запоютъ какуюнибудь свадебную пѣсню; если бы невѣста рѣшилась не плакать, то это было бы поставлено ей въ величайшую вину, и даже женихъ считалъ бы себя почему то обиженнымъ.

Вскорѣ послѣ битья по рукамъ бываетъ посѣдка, во время которой съ невѣсты снимаютъ повязку, особый головной уборъ, надѣваемый на дѣвушку на вечеринкахъ и т. п., какъ только она просватана. Снявши повязку, расплетаютъ у ней косу. При всей этой церемоніи невѣста плачетъ навзрыдь, а дѣвушки, нанятые ея родными, поютъ отъ ея лица, обращаясь къ матери. «Подойди моя денна печальница, ночная богомольница, родная моя матушка, подыми свои руки бѣлыя на мою на буйну голову, на дорогу да на дѣвью красоту, на повязку красна золота съ присадкой скатна жемчуга». Когда повязка снята — «ужь и какъ подвинулись твои руки бѣлыя на мою буйну голову, на дорогу дѣвью красоту, на повязку красна золота съ присадкой скатна жемчуга?» Обращаясь къ сестрѣ, или замѣняющей ее ближайшей родственницѣ: «Подойди комнѣ, сестрица ты родная, ужь ты выплети изъ трубчатой косы да ленту алую, расплети трубчату косу, какъ моя трубчатая коса всему городу краса». Къ ней же «придетъ весна красна, разольются рѣки быстрыя, ужь какъ выростетъ шелкова трава, разцвѣтутъ цвѣты алые, пойдешь моя милая, пойдешь по наливны сладки ягодки, вспомяни меня младшеньку;» если же невѣста сирота, то: «злосчастную, или горюху горегорюкую, или кукушу безпомощную, разпрегорюку птицу птишину, а охоча была ходить, ѣздить по наливны сладки ягодки со подружками со любезными, со дѣвницами со красными, со сосѣдками порядовными, а охоча была шутить ирать». Если же невѣста имѣла до свадьбы ребенка, то прибавляется: «пристыдила я, прибезчестила всѣхъ своихъ родителей». Когда коса расплетена, то на распущенные волосы снова надѣвается повязка, при чемъ поется: «подойди подружка, полюбовная, сосѣдка порядовная (такая то), наложи на мою да буйну голову дорогу дѣвью красоту, хоть повязку красна золота, со присадкой скатна жемчуга, наложи ея плотнешенько, привяжи ея ладнешенько, чтобы вѣкъ она не свалилась». Передъ всѣмъ этимъ плаканьемъ мать благословляетъ невѣсту на плачь: «Благослови моя мати родимая, благослови мнѣ оказать голосъ трубчатый, причеть лебединый».

Передъ самой свадьбой у невѣсты бываетъ *рукобитье*; оно бываетъ обыкновенно вечеромъ, и на него приглашаются всѣ родные невѣсты. Женихъ приходитъ со своими родными, садится рядомъ съ невѣстой, родня же размѣщается у стола, за которымъ сидятъ женихъ и невѣста, по старшинству. На столѣ разставлены различныя сладости, орѣхи, пряники и т. п.; во весь вечеръ продол-

жается угощенье и родные невѣсты стараются шегольнуть этимъ угощеніемъ такъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Невѣсту выводятъ сватья и отецъ; она кланяется сначала жениху, потомъ на всѣ четыре стороны; женихъ, а за нимъ всѣ, находящіеся за столомъ, встаютъ, — первый кланяется невѣстѣ и всѣмъ роднымъ. За тѣмъ невѣста подноситъ жениху рюмку вина, тотъ принимаетъ ее, кланяется на всѣ стороны и выпиваетъ. Возвращая рюмку невѣстѣ, онъ даетъ ей какой либо *подарокъ*, напр. ситцу на сарафанъ или же деньги. Невѣста отдариваетъ его (обыкновенно платкомъ), за этотъ подарокъ женихъ долженъ снова положить что либо на поднось, за тѣмъ невѣста подноситъ вино сначала родственникамъ жениха, а потомъ и своимъ. Обошедши всѣхъ родственниковъ, невѣста становится посреди комнаты, женихъ же выходитъ изъ за стола, подходитъ къ ней, кланяется на всѣ стороны и цѣлуетъ ее три раза; потомъ беретъ за руку, ведетъ за столъ и сажаетъ рядомъ съ собою. Тогда начинаютъ подавать всѣмъ сидящимъ за столомъ чай; прежде всѣхъ подносятъ жениху; онъ беретъ одну чашку, — ставитъ невѣстѣ, (а иной разъ даже нальетъ ей на блюдо), — потомъ беретъ себѣ. Послѣ чаю подають водку.

Во все время пока родственники жениха и невѣсты сидятъ за столомъ, — въ другой комнатѣ бываетъ вечеринка. Вблизи же стола сидятъ нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ, которыя поютъ различныя свадебныя пѣсни.

Подъ конецъ вечера невѣста выходитъ изъ за стола, становится на средину комнаты и плачетъ. Отъ ея лица поется: «поворочусь я млада отъ столовъ дубовыхъ, отъ скатертей перчатныхъ, отъ кушаній сахарныхъ, отъ питей разналивчатыхъ». Женихъ тоже выходитъ изъ за стола, подходитъ къ невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ее поцѣловать. Но обыкновенно невѣста упирается и тогда онъ беретъ ее одной рукою за косу, другой поднимаетъ платокъ, которымъ закрыта, и цѣлуетъ, — потомъ отступаетъ шага на три назадъ, снова подступаетъ и цѣлуетъ, — это повторяется три раза. Понятно, что иной разъ, когда невѣста сильно сопротивляется, — женихъ сильно надеется ей волосы. Во время цѣлованья поется: «пристыдилъ, да прибезчестилъ чужой *сынъ отеческій* дѣвицу красную при компаньи, при собраньи людей добрыхъ.» Послѣ жениха съ невѣстой цѣлуются всѣ женщины, находящіяся въ комнатѣ, и при этомъ даютъ невѣстѣ, кто сколько можетъ (среднимъ числомъ 5 — 10 коп. сер. каждая). Простившись съ невѣстой, женихъ уходитъ съ родственниками, родственницы же остаются на ужинѣ. Во все время ужина невѣста ничего не ѣстъ, сидитъ, закрывшись платкомъ. При началѣ ужина, когда уже поставлено на столъ первое кушанье, выходитъ на средину одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты, кланяется невѣстѣ и говоритъ: «дѣвица душа красна, кня-

гиня первобрачна, невѣста заручена (такая-то), просимъ покорно у нашей невѣсты хлѣба соли покушать, дѣвицы красны, молодцы удалы, сосѣди порядовны.» Всѣхъ присутствующихъ онъ перечисляетъ поимянно, потомъ обращается ко всѣмъ вообще съ тѣмъ же приглашеніемъ. Когда онъ окончить свою рѣчь, встаетъ невѣста, кланяется въ ту сторону, гдѣ сидятъ гости со стороны жениха, потомъ своимъ гостямъ, но все это дѣлаютъ молча; при подаваньи каждого новаго кушанья повторяется таже исторія. Такъ какъ иной разъ бываетъ подано до 20 блюдъ, то ужинъ продолжается до самаго утра.

Прежде былъ обычай, что когда подавали на столъ «шти», то прежде чѣмъ приступать къ ихъ ѣдѣ, миску, въ которой онѣ налиты, закрывали тарелкой, затѣмъ объявляли, кто варилъ ихъ (эта женщина называется *штиница*), и варившая ихъ должна была *поцѣловать* со *всеми, сидящими за столомъ*, и уже только тогда начинали ѣсть. Когда подавали кашу, то тоже *кашница* должна была со *всеми поцѣловать*. При подаваньи дичины кухарка *отдѣляла у гуся заднюю часть* (при хвостовыхъ позвонкахъ) и передавала ее одному изъ гостей; тотъ отправлялся къ какой либо дѣвушкѣ, — родственницѣ жениха и передавалъ ей. При этомъ необходимо было поцѣловаться, иначе заставляли съѣсть данный кусокъ, что считалось крайне неприличнымъ дѣломъ. Дѣвушка должна была передать мужчинѣ и т. д., такъ что кусокъ обходилъ всѣхъ обѣдающихъ.

Обычай этотъ остался и до сихъ поръ, но уже примѣняется не на *рукобитъ*, а на *почестномъ*.

При концѣ ужина невѣста встаетъ и начинаетъ снова плакать. *Плакальщицы* отъ ея лица поютъ новый плачь, въ которомъ благодарятъ гостей за приходъ, просятъ не осуждать за то, что это послѣдній дѣвій вечеръ и ужинъ; вспоминаютъ всю молодость невѣсты, какъ ей весело было жить на волѣ у отца-матери; затѣмъ, обращаясь къ родителямъ, благодарятъ, что вспоили, вскормили, одѣли въ цвѣтное платье и т. под.; благодарятъ родственниковъ и подружекъ. Этотъ плачь продолжается до конца ужина, послѣ котораго всѣ гости, поцѣловавшись съ невѣстой, расходятся по домамъ; съ невѣстой же остаются ближнія ея подруги на всю ночь. По уходѣ гостей невѣста снова плачетъ, а отъ ея лица поется ея отцу и матери плачь, въ которомъ упрекаются они за то, что выдаютъ ее такъ рано замужъ, не дали ей натѣшиться привольной дѣвичью жизнію и т. п.; наплакавшись вдоволь, невѣста ложится спать.

По утру мать невѣсты приходитъ будить ее и сама плачетъ, говоря: «вставай мое дитятко милое съ своей со постели со пуховыя, сряжайся подъ вѣнцы золоченые, убирайся во цвѣтное платье, готовься ко чужому, незнакому добру молодцу.» Невѣста, проснувшись, на-

чинаетъ плакать, а за ней и оставшіяся на ночь подружки.

Во все время *сватовства* при женихѣ находятся двое молодыхъ дружекъ. Въ самый день сватъбы *женихъ* угощаетъ ихъ чаемъ, кофе и водкой, послѣ чего *посылаетъ въ оомъ невѣсты* поблагодарить за угощенье, бывшее наканунѣ и спросить невѣсту про здоровье и готова-ли она подѣ вънецъ. Дружки отправляются туда въ лучшемъ своемъ платьѣ и непременно на лошади. Ихъ встречаютъ родственники невѣсты, проводятъ въ горницу, гдѣ плачетъ невѣста. Они обращаются ко всѣмъ присутствующимъ и говорятъ: здравствуйте, молодцы удалы и дѣвицы красны. Есть ли у вашей невѣсты батюшка и матушка? Имъ отвѣчаютъ: — есть. — Цельзя ли ихъ позвать среди свѣтлой свѣтлицы? — Отецъ и мать являются на сцену, — дружки имъ кланяются, называютъ по имени и отчеству и говорятъ: «извольте насъ прислушивать, мы будемъ вамъ сказывать. Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ князя первобрачнаго (отъ такого-то). Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ: честь воздать и поклонъ отдать и приказалъ поблагодарить за вчерашнюю веселую бесѣду, за винныя чарки, за пивныя стаканы, за чайныя чаши, за кушанье сахарное, за напитки разналивчатые, за хорошее принятіе, за ласковыя рѣчи, за учтивую поговорку, за низкіе поклоны, за дорогіе подарки, за веселыя пѣсни, за всю вашу веселую бесѣду и за весь вашъ пріятный разговоръ. Нашъ князь первобрачный (имя) приказалъ намъ доходить до дѣвицы души красной, до княгини первобрачной, до невѣсты зарученной и приказалъ про свое здоровье объяснить, а про ея спросить. Сами ли у ней спросите, или намъ прикажете?» Отецъ и мать отвѣчаютъ: «сами спросите, только теперъ не время.» Дружки отправляются домой, и черезъ нѣсколько времени возвращаются за тѣмъ-же; родственники невѣсты, какъ только завидятъ ихъ издали, запираютъ ворота. Дружки, подѣхавши, *колотятся у воротъ*. Ихъ спрашиваютъ со двора: *кто тамъ?* — *Люди.* — *Чьи люди?* — *Люди Романовы, Государя Романова.* — *Зачѣмъ стучитесь?* — *Идемъ отъ князя новобрачнаго до княгини первобрачной, проса здоровье спросить.* — *Унасъ нѣтъ невѣсты, обернулась лисицей, убѣжала въ чистое поле, — не знаемъ гдѣ взять.* Дружки уѣзжаютъ обратно, проѣзжаютъ раза 2 или 3 по городу, — показывая видъ, будто ѣздили къ жениху и затѣмъ снова подѣзжаютъ къ воротамъ и стучатся въ нихъ говоря: «ѣздили, гуляли ко князю первобрачному; есть у нашего князя первобрачнаго исы кормленые, бѣгали, рыскали по чистому полю, увидѣли въ полѣ лисій слѣдъ, увидѣли и лисицу, — забѣжала къ вамъ въ теремъ, надо быть у васъ въ терему. Извольтежь доложить и допустить до дѣвицы души красной, до княгини перво-

брачной и дозвольте намъ про свое здоровье объяснить, а про ея спросить». Имъ отвѣчаютъ: «унасъ послѣ этого обернулась невѣста бѣлой лебедью и улетѣла; не знаемъ, гдѣ взять.» Снова уѣзжаютъ дружки не надолго, снова ворочаются домой къ невѣстѣ и колотятся у воротъ говоря: «мы ѣздили, гуляли ко князю первобрачному; есть у князя ясные соколы, летали они по синимъ морямъ прекраснымъ, по вешнимъ заводьямъ и налетали на лебедушку въ чистомъ полѣ и догоняли до высоко терема. Извольте допустить до княгини первобрачной, про ея здоровье спросить». — Тогда дружекъ ведутъ къ невѣстѣ, которая сидитъ и плачетъ въ лучшей комнатѣ, сюда же набирается обыкновенно множество постороннихъ. Подойдя къ невѣстѣ, дружки говорятъ: «здравствуй, дѣвица душа красна, княгиня первобрачна, невѣста зарученна.» Невѣста встаетъ и кланяется имъ низко. Дружки продолжаютъ: «Извольте отъ насъ прислушивать, мы будемъ вамъ сказывать. Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки отъ матушки, отъ свата, отъ тысяцкаго, отъ князя первобрачнаго (отъ такого-то); нашъ князь первобрачный приказалъ намъ, дружкамъ, подходить къ вамъ близко, кланяться вѣжливо и низко, приказалъ стоять прямо, говорить браво. — Нашъ князь первобрачный приказалъ поблагодарить за вчерашнюю веселую бесѣду, за винныя чары, за пивныя стаканы, за чайныя чаши, за кушанья сахарныя, за напитки разноливатые, и за низкіе поклоны, за дорогие подарки, за ласковыя рѣчи, за пріятную встрѣчу, за весь вашъ пріятный вечеръ и за все ваше пріятство. Нашъ князь первобрачный Божіею милостіею, царскою свѣтлостію, батюшковымъ и матушкинымъ благословеніемъ, при семь часу времени оставался отъ насъ живъ и здоровъ, и благополученъ. Нашъ князь первобрачный приказалъ про свое здоровье объяснить, а про ваше спросить; вы же, дѣвица душа красна, княгиня, первобрачна, не извольте сами себя трудить, а насъ дружекъ поминать, просимъ покорно о своемъ здоровьи объяснить, мы же будемъ князю первобрачному про ваше здоровье доносить и низко кланяться.» Невѣста все время плачетъ и чрезъ довольно большой промежутокъ времени плакальщицы отвѣчаютъ за нее: «здорова млада, да не весела.» Дружки, получивъ такой отвѣтъ, обращаются къ отцу и матери невѣсты. «Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ князя, отъ первобрачнаго. Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ, къ пріѣзду его князя первобрачнаго къ вашему высокому терему за невѣстою, чтобы были у васъ отперты ворота и приворотни, чтобы были налажены конямъ стойла, хомутамъ кѣтки, ременкамъ *) спички, чтобы

*) Ременка—хвуть

намъ дружкамъ съ козель не сходить и воротъ вашихъ не отворять; чтобы были у воротъ приворотники, у дверей придверники, среди двора со свѣтомъ дворники. Когда нашъ князь первобрачный придетъ къ вамъ на высокоій теремъ и пройдетъ по бѣлымъ сѣнямъ и проступитъ въ свѣтлую свѣтлицу и станетъ за столы за дубовые, не вѣкъ вѣковать, не годъ годовать, одинъ часъ часовать; и въ кою пору, въ кое время дѣвица душа, красна княгиня первобрачна ключевой водой умывается, во цвѣтное платье снаряжается и въ божью церковь сподобляется, немного времени минуется, дайте честь и мѣсто свату и тысяцкому и князю первобрачному со всеѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами *нижайшими дружками*».

Имъ говорятъ: «Просимъ покорно.» Далѣе дружки обращаются къ присутствующей при этомъ молодежи: «здравствуйте, удалые молодцы, женатые и холостые, и красныя дѣвицы. Посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ свата, отъ тысяцкаго, отъ князя первобрачнаго. Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ; когда нашъ князь первобрачный пріѣдетъ къ вамъ на широкой теремъ и вступитъ въ свѣтлую свѣтлицу и станетъ за столы дубовые, дайте честь и мѣсто, — передній уголъ свату и тысяцкому и князю первобрачному со всеѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами дружками. А вы, красныя дѣвицы, подайтесь въ куть половицы, за печатныя новыя завѣсы, сами себя потыните, другъ друга не вердите, на столахъ напитокъ не расплечите, столовъ не пошатните, брюхатыхъ жонокъ не раздавите и дайте честь и мѣсто свату и тысяцкому и князю первобрачному со всеѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами дружками.» Обращаются къ невѣстѣ: «дѣвица душа красна, княгиня первобрачна невѣста, зарученный нашъ князь первобрачный приказалъ тебѣ мыться бѣлешенько, ходить хорошенько, *гордость и спесь подалше спрячь, двѣи поступки дома оставляй, низко поклоны съ собой запасай.* У нашего князя первобрачнаго горница нова, въ горницѣ новой есть кровать тесова, на кровати тесовой есть перина пухова, надъ периной пуховой есть спичка дубова; *на спичкѣ дубовой есть плетка шелкова о трехъ долгахъ концахъ. Первый конецъ дологъ, второй *дологъ, третій до вашего брата очень локоть.* — *идь хвостетъ, тутъ и кровь брызнетъ.* У нашего князя первобрачнаго есть горы круты, коромысла толсты, ушаты большы: носи воду не лѣнись, *насъ молодцей не безчести.*» Затѣмъ обращаются къ старухамъ: «Вы что, старыя старухи, зачѣмъ здѣсь? Вы-бы сидѣли дома на печи, грызли калены кирпичи, пили-бы кислый квасъ, а здѣсь мѣсто не про васъ, — тѣсно и безъ васъ.» Если есть кухарки, то къ нимъ: «Вы что, молодыя молодницы? Мы видимъ надъ вами большую не-

исправность: у васъ блины съ заплатками и пироги съ заплатками, хлѣбы перепечены, рыбники вовсе недопечены».

Пока невѣста одѣвается, *дружки приносятъ ей подвѣчные башмаки и чулки, а также зеркало*. Потомъ *пряникъ и разныя сласти*, которыя невѣста беретъ съ собою въ новую свою семью. *Это называется передать*. Передать дается и всѣмъ родственникамъ невѣсты.

Какъ скоро невѣста одѣлась, она подходитъ къ столу. Является женихъ, беретъ за руку и заводитъ за столъ. Отецъ *передаетъ ее жениху и говоритъ: «пой корми, одъвай, обувай, добру научай, а ты, дочи, слушай.»*

За тѣмъ отецъ и мать благословляютъ невѣсту и женихъ *уводитъ ее*. Отправляясь въ церковь, женихъ съ братомъ садится на отдѣльныя сани или роспуски, — и ѣдетъ впереди, а уже за нимъ *невѣста съ тысяцкимъ*.

По окончаніи обряда вѣнчанія новобрачная выходитъ въ трапезу и здѣсь волосы ея, оставшіеся во все время *вѣнчанья распущенными*, заплетаются уже *въ двѣ косы*, а на голову надѣвается *повойникъ*.

По приѣздѣ изъ церкви молодые получаютъ *благословеніе отъ родителей* новобрачнаго и при этомъ молодой дѣлается ими какой либо *подарокъ*. — Затѣмъ начинается угощеніе, послѣ котораго молодыхъ уводятъ въ особую комнату. Черезъ нѣсколько времени туда являются отецъ и мать мужа и они *обязаны выпить четыре рюмки водки* отъ двухъ новобрачныхъ, отъ тысяцкаго и сватья, и послѣ *этого поятъ виномъ* всѣхъ родныхъ, какъ мужа, такъ и жены.

За этимъ угощеніемъ бываетъ ужинъ, на которомъ бываютъ самые близкіе родственники и проводники.

Утромъ на другой день бываетъ завтракъ для *ближайшей родни*, послѣ котораго всѣ гости (обыкновенно сильно подкутившіе) катаются по городу съ пѣснями на тройкахъ. Какъ при этомъ, такъ и при всѣхъ поѣздкахъ дружекъ съ начала сватовства къ дугамъ лошадей привязываются колокольчики.

Послѣ катанья *почетный* столъ, на которомъ родъ *невѣсты садится уже выше рода жениха*. Во время этого обѣда спиваютъ всѣхъ гостей, такъ что къ концу его уже нельзя найти ни одного трезваго.

На третій день молодая ходитъ по всѣмъ родственникамъ мужа и зоветъ ихъ въ *баню*. Собираются обыкновенно только ближайшіе родственники и моются въ банѣ послѣ выхода оттуда молодыхъ.

Тысяцкимъ выбирается обыкновенно крестный отецъ жениха, или вообще кто-либо изъ ближайшихъ его родственниковъ. *Сватья* — ближайшая родственница невѣсты.

Родственники жениха *дарятъ невѣсту*, а ея родственники *дарятъ жениха*. *Подарки* передаютъ обыкновенно *въ день рукобитья* и состоятъ по большей части изъ *състныхъ припасовъ*.

Молодая даритъ въ тотъ день, какъ идти въ баню: мужу портки и рубаху, тоже самое и свекру; свекрови рубаху и повойникъ; этотъ послѣдній наворачивается на ручьку вѣника, которымъ будетъ париться свекровь; — сестрамъ незамужнимъ на рукава, замужнимъ повойники; деверю платокъ.